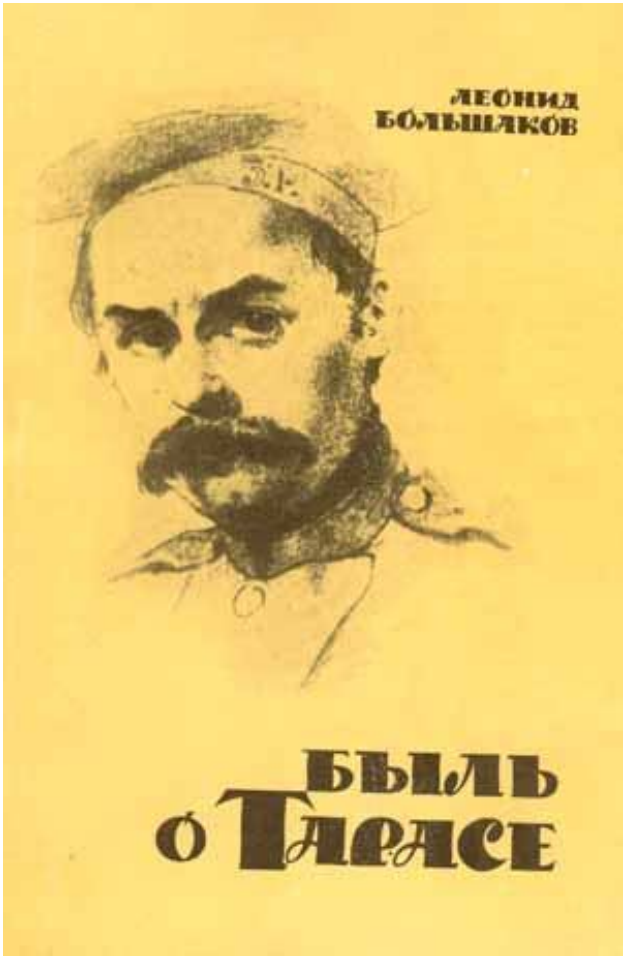

Леонид Большаков

Быль о Тарасе

КНИГА ПЕРВАЯ

ЯМАН-КАЛА

Москва
Оренбург
«КОРА»
1993

Е 62 (03)

оформление
художника Ф.М.АБЛЕНИНА

На фронтисписах - автопортреты Т.Г.Шевченко 1847-1849 гг.
На четвертых страницах обложек - фотографии автора и фоторепродукция портрета работы С.Н.Александрова (3-й том).

Аннотация
Новая книга автора многих произведений о Тарасе Шевченко писателя и ученого Л.Н.Большакова - по жанру своему документальный роман-хроника, роман-поиск - представляет собою первый опыт создания столь масштабной и во всем подлинной картины солдатской неволи великого сына Украины. Основывающаяся преимущественно на новом архивном материале, на источниках неизвестных и малоизвестных, дополненных личными впечатлениями исследователя, около полувека живущего в крае былой солдатчины народного гения и народного гуроя, книга активно утверждает истинную, не прекращенную, правду о Шевченко, воюет против всех и всяких искажений действительных обстоятельств его биографии. В книге нет художествен-ногог вымысла, но, как убедится читатель, правда увлекает и впечатляет много больше всевозможных литературных хитросплетений. "Быль о Тарасе" рассчитана на всех, кому дорог Т.Г.Шевченко.

Большаков Л.Н., 1993
Оформление, тираж - "Кора", 1993
Оригинал-макет - "Оренбургская губерния", 1993

Отпечатано МП Информполиграф
111123, Москва, ул. Плеханова, 3а

От тобі и билиця
……
Нелюдська билиця
Т.Шевчеико. "Москалева криниця" (1857).

И великий человек - всего лишь человек.
И.-В Гете

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Короткое и простое слово в названии - БЫЛЬ - для меня не просто слово, но и цель, суть, программа, жанр книги, которая перед вами.

Давно назрела необходимость всем миром ополчиться против заматерелойы ли, правдоподобных легенд, укоренившихся стереотипов-стандартов, нивелирующих и в конце концов искажающих образ Тараса Шевченко.

Во имя чего ополчиться? Во имя полной правды, во всяком случае - действенного сремления и реального приближения к ней. Ради разрушения сусальной иконы, в которую силятся превратить нужного нам всем, бессмертного не только в веках, но и в каждом нашем дне народного гения и народного героя.

Юбилеи, вселюдно празднуемые, нелишни. Юбилейные славословия, помпезные жизнеописания - вредны. Хочется ощутить, узнать, понять Тараса живого, а не сочиненного (пусть даже любовью и почтением 'сочиненного), человека без громких, ставших расхожими, титулов, заслонивших собою главное в нем, отдаливших его от нас на расстояния непреодолимые. Не "ярлыки" нужны, но истина.

Истина же - в были, в подлинности фактов, в воста-новлении и утверждении действительных обстоятельств жизни, в вытравлении ошибок, накапливавшихся десятилетие за десятилетием, а тем паче сладкой лжи как в малом, так и в большом, как в деталях, так и в выводах.

Достичь этой цели можно - подчеркну - только всем миром. Но "мир" отнюдь не отвлеченное, не абстрактное, "мир" - каждый из нас. И нет для меня, сейчас ничего важнее, чем воскресить правду тяжелейших его лет-испытаний. Правду, одну лишь правду...

Двадцать пять лет назад на Урале увидела свет моя книга о Шевченко - "По следам оренбургской зимы" (1968). Потом ушли к читателю "Лта невольничГ (1971), "Ixae поет[*] is заслан-ня" (1977), "Добро найкращее на ceimf (1981). В разные годы и в разных издательствах вышли написанная в соавторсве "Путь "Кобзаря" (1978), поэтический и краеведческий томик "В степи бескрайней за Уралом" (1980), наш общий и мой личный "Шевченшський словник" (1976-1977), обращенные к юным "1ду до джерела" (1979) и "Шляхами велико1 долГ (1984). Издал "Пошук заповтного" (1985). Написал комментарий к шевченковскому Дневнику - во многом на новых материалах... Стыдиться написанного ранее оснований у меня нет. Но то был период первичного накопления материала, определения своего ракурса, выработки собственного взгляда - всего, без чего нынешняя задача оказалась бы неосуществимой. Задача эта - дать по возможности полную картину невольничьих его лет, ничто не опуская и ничто не придумывая.

И у правды, и у лжи одинаково большие резервы. Жизнь народного героя, народного гения в приукрашении не нуждается. Но одного лишь осознания этого для достижения цели недостаточно - неправде и полуправде надо противопоставить гораздо большую сумму знаний о днях и делах его, чем те, которые накоплены и эксплуатируются доныне.

Накатанной дороге я предпочитаю крутой поворот. "Осторожно на поворотахГ - призыв в данном случае неуместный. Осторожность в чести всегда и во всем, но боязнь крутизны - штука вредная.

Для успешного поворота, говорят, нужна дистанция, нужны обзор и глазомер. Но разве тут дистанция недостаточная? Высота наших дней не лучшая позиция для обзора человеческой жизни и в целом, и в деталях? для определения точного угла зрения на все и вся в ней?

Жизнь убеждает: незачем бояться покушения на "священные устои", рьяно защищаемые поборниками незыблемости укоренившихся установок, раз и навсегда

---

[*] *Исключительно по техническим причинам мы вынуждены во всех случаях две буквыукаинского алфавита –і с двумя точками и мягкое е заменять соответственно буквами і и е.*

придуманных постулатов.

Жизнь требует отказа от лежащих на поверхности банальностей, от ханжества во всех его проявлениях, от анализа с высоты птичьего полета, а не изнутри времени.

Жизнь предупреждает против всяческих попыток заслониться, укрыться от прибывающих знаний, от накапливаемого опыта, от истинной правды, добывать которую можно лишь одним путем - работой, поиском.

Шевченко в биографиях, в трудах о его жизненном пути не живет, а существует. Меж тем в том же 1847-м, с которого начинается новый мой цикл, было ему всего-навсего тридцать три, а это возраст, когда в человеке бушуют жизненные соки, когда играет кровь. Тем более велика трагедия одиночества, тем большим должен быть искус исследовать эту трагедию во всех ее светотенях. Исследовать всеми доступными способами, подтвердить документально-обоснованно, а если что и додумать, дофантазировать, то на основе материалов достоверных, предположений реальных, гипотез на фундаменте фактов.

Приступая к книге, снова и снова думаю об источниках. Конечно, и сегодня докопались мы не до всего. Поиск продолжается, конца ему нет, возможности беспредельны. Нового, свежего и объективного, прочтения требуют документы выявленные (и опубликованные, увы, частично - по странному для науки принципу "выгодно-невыгодно", а следовательно сугубо субъективно). Перечитать надо ВСЕ воспоминания, заново прочесть ВСЕ исследования. Принято считать, что "все о Шевченко" знают лишь немногие современные академические индивиды, ряды которых в последнее время сильно поредели. Но негоже, не к лицу нам забывать тех, кто блистательно начинал наше шевченковедение в двадцатые, кто энергичнейше двигал его дальше в первые тридцатые. Под всякими предлогами заткнули рты шевченковедам-искате-лям, уничтожили или отлучили тех, кто за недолгие годы смог сделать удивительно много. Нужны ли какие-то особенные доводы, чтобы вернуть к жизни то доброе, что эти люди сделали?

Особенного рвения требует работа в архивах. Доколе терпим будет "потолочный" метод создания иных биографических трудов, когда авторы их и не пытаются искать новые материалы, а год за годом эксплуатируют то, что извлечено на поверхность до них и за них? Архивные пласты остаются не потревоженными, богатства хранилищ - не востребованными, и не казнят себя кичащиеся научной добропорядочностью за пренебрежение национальным богатством, за то, что лежит оно мертвым грузом...

...Да, знаю я далеко не все. Но уже накопленное, узнанное не дает покоя. Оно проворачивается внутри меня, оно живет во мне - не перегорело бы на этих непостижимых, поистине адовых дорогах приближения.

Может перегореть. И когда ВСЕ соберу (можно ли собрать все?), вдруг окажется: поздно. Не потому поздно, что опередил тебя другой и написал, напечатал раньше - нет-нет, это бывает так редко, пожалуй и не бывает вовсе.' твое сказать тебе одному, или не сказать уже никому. Поздно оттого, что от долгого держания материала в себе вдруг покажется: было, давно было, и повторяться незачем. А было-то в тебе самом, только в тебе... Не надо бояться незавершенности, не нужно копить невысказанности. Пусть ляжет на бумагу все - знание твое и ощущение, мудрость и слабость. Одному не должно быть места - неправде, выдумке, лжи.

У каждого из пушущих есть своя, личная книга, свой, личный замысел.

Прославленный академик Глушков Виктор Михайлович мечтал написать о Шевченко "особую работу", в которой для разгадки этого феномена смог бы применить "и кибернетику, и все свои знания поэзии". Спасибо Юрию Мушкетику: услышал, запомнил, до всех нас донес неожиданный замысел ученого.

Замысел остался неосуществленным. И не свершить его уже никому другому. Много новых книг о Шевченко мы прочтем, будут среди них и книги-открытия. Но то, о

чем мечтал Глушков, мог сделать только он, и никто иной.

Так будем же дерзкими в замыслах и, по возможности, не медлительными в их осуществлении. Поселилась в тебе идея -думай и додумывай, материализуй узнанное в страницах, ищи и пиши, пусть даже узнал ПОКА не все.

Феномен исчерпать невозможно. Другое дело - приблизиться к его пониманию. Сколько СВОЕГО мог сказать Виктор Михайлович... Не сказал - и это так обидно!

Итак, моя цель: воскресить с наиболь шей полнотой солдатские, невольничьи Шевченко, от начала их идо конца - все десять, а с учетом долгого, не по его воле, возвращения, когда изо всех сил продолжали держать на привязи, дальше Нижнего не пуская, то и почти одиннадцать. Скольких книг это потребует, еще не представляю, знаю одно: рассказать должен возможно полнее.

Первая книга - первый год его неволи.

Только теперь понимаю: не был и нет в жизни Шевченко года, над которым я раздумывал бы дольше и больше, а написал меньше, чем о сорок седьмом - сорок восьмом.

И это при всем при том, что не сыскать в шевченковской биографии года более трагического - когда были одним махом сметены все прежние надежды и платы, когда враз оказалось содеянным все, чтобы сломить его дух, уничтожить многоликий талант, загубить саму жизнь, он же, вопреки всему, не сдался, выстоял, царю и людям сказал жив, борется, и бороться не перестанет.

Такой это год - начинавшийся в момент его отправки из Петербурга и заканчивавшийся приходом в составе степного транспорта на Арал, но в главном "Орский", потому что свел с Орской крепостью, печально памятной до конца дней.

Можно сказать, что к ЭТОЙ книге шел я почти полвека, она для меня глубоко личная (впрочем, меньше всего собираюсь повествовать в ней о себе). Двадцать два года прожито мною в Орске, еще больше лет связан с ним родством тесным, близким. И до сих пор звучит во мне из далекого сорок первого мой собственный недоуменный вопрос: "А крепость... где?"

Помню себя, долговязого, тощего, в легком, ни от чего не защищающем, пальтишке, среди угрюмости того холодного ноябрьского дня, когда впервые появился в новом для себя месте и растерянно оглядывался: "Так это тот самый Орск и есть? А где был плац? Где стояли казармы? Где проходил ров?" Раньше, чем город увидеть, "слышал" о нем от... Шевченко. Но Шевченко рядом не было, и ответить на мои "где?" толком не мог никто.

... - В этой тюрьме он сидел. Только полторы стены и осталось...

Горазд придумывать: литейка тут чадила, перенесли ее в соцгород, а стены разобрать не успели. Гм, тюрьма!..

Растерянность юнца вызвана была, понятно, не только безуспешностью его (то-бишь моих) распросов, но и много более на тот момент существенным: "Куда податься?"

Буквами со щита звал на работу мясокомбинат. Доныне помню: особенно привлекла строка - "бойцы". Может оттого привлекла, что кто-то за спиною проговорил: "Небось в обед и котлетами кормят..." Завистливая реплика прозвучала прорвавшейся мечтою - не только неизвестного,стоящего за спиной, а и моею. Пойду, верно, в бойцы... Но о котлетах забылось, едва поднялся по скрипучей лестнице редакции. Сходу согласился на все условия. Чуть не с детства газета была моим светом в оконце, моим призваньем и предназначением, а за год до того, еще десятиклассником-вечерником, я уже стал "штатным" в областной черниговской - пусть нелитературным, скорее техническим, работником, но в газете, манившей всецело... В тот же день и отправился - куда там, побежал! - за первым своим орским материалом. А уже в следующем вспомнил о Шевченко. К слову пришлось - не обошел...

С первого Орского часа глазам моим на старогородских, в прошлом крепостных, улочках непременно виделся он, вечный здешний житель, самый знаменитый среди всех,

кого город этот видел.

Тогда, в Отечественную, Орск стал одним из арсеналов промышленности, работавшей на фронт, добрым прибежищем, родным домом для опаленных войной киевлян, черниговцев, днепропетровцев. Пусть тесным, нередко холодным, далеко не хлебным, народным, и таким запомнился он множеству людей, которых свела тут общая беда. Урок стойкости давал нам героический фронт. Своего учителя в школе мужества видели мы и в непокорном Тарасе - земляке по Украине, земляке по Орску. По улочкам Орской крепости он ходил солдатом, "нижним чином". Оставался же самим собою - поэтом, художником. Оставался сам и учил тому же нас. Учил поэзией и примером.

Эта книга начиналась для меня в лихолетье войны. Первые строки печатались в газетах - тыловых и военных, звучали в передачах уральского радио, на скромнейших шевченковских утренниках. И только сейчас, десятилетия спустя, понял: время приспело - пора писать не этюды, но картину. Целостную, всеохватную, честную...

... В далеком Кабуле осени 1987 года меня спросили:

- Шевченко в ваших книгах такой, каким вы хотели бы его себе представить, или... настоящий... как в жизни?..

Спрашивал начинающий афганский поэт в армейской форме.

Вопрос заставил задуматься.

"Быль о Тарасе" ответ и ему.

БЫЛЬ - дорогое мне слово.

Часть первая

ДОРОГА ВЕЛА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ПРИГОВОР НАДЕЖД НЕ ОСТАВЛЯЛ

1.

Шевченковедение - наука не военная, далека она от тайн государственных, но и тут, оказывается, есть документы, помеченные (уже в наше время...) грифом "строго секретно".

Грифом невидимым, однакоощутимым.

Среди тех, которых почему-то опасаются, пребывает и дтот. Десятилетия назад его не боялись (академик Сергей Ефремов дословно воспроизвел в своих комментариях к Дневнику), а вот ныне - боже упаси: еще, мол, найдутся такие, которые примут все за чистую монету.

Ну что за постыдное неуважение к уму людскому, к нам с вами, сегодняшним!...

Итак, прочтем: "Бывший художник Шевченко, при объявлении ему высочайшего решения об определении его рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, принял это объявление с величайшей покорностью, выражал глубочайшую благодарность государю императору за дарование ему права выслуги и с искренним раскаянием, сквозь слезы, говорил, что онсам чувствует, сколь низки и преступны были его занятия. - По его словам, он не получил никакого воспитания и образования до самого того времени, когда был освобожден от крепостного состояния, а потом вдруг попал в круг студентов и других молодых людей, которые совратили его с прямой дороги. Он обещается употребить все старания вполне исправиться и заслужить оказанное ему снисхождение..."

Так написано: и покорился, и благодарил. Да, на бумаге значится: в слезах

раскаивался и полнейшее обещал исправление.

Его подписи под этим листом нет. Давали подписать или не давали - не так уж важно. А если бы и подписал? ВЫНУЖДЕН был подписать? СКОМПРОМЕТИРОВАЛ себя? Чушь!

Но и чушь, если она зафиксирована официально, остается документом. В данном случае, небезынтересным и безусловно важным потому, что сполна выдает желания следователей III отделения, раскрывает сокровенные цели этого пресловуто-мрачного ведомства и ... его августейшего покровителя.

Раскайся, восплачь, пади ниц, мужичий сын!...

А он не внял и не пал. Ни "величайшей покорности", ни "глубочайшей благодарности" от него не дождались.

... На опальном листе - отблеск трагедии.

2.

Приговор надежд не оставлял.

"Художника ШЕВЧЕНКО за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский Отдельный корпус, с правом выслуги, поручив иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений..."

Могла ли быть для него кара суровее? Но и она показалась Николаю I недостаточной. Царскою рукою на докладе генерал-адъютантдтрафа Орлова было начертано: "под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать".

Результаты следствия докладывались монарху 28 мая. День или два спустя приговор был объявлен заключенным по делу Кирилло-Мефо-диевского товарищества. Шевченко его организатором и руководителем не являлся, но никто не понес наказания строже, чем он. "Стихи его вдвойне вредны и опасны..." Их признали опаснее самых крамольных разговоров на встречах в узком кругу, самых злонамеренных документов разоблаченного сообщества.

"Он обещается употребить все старания вполне исправиться и заслужить оказанное ему снисхождение..."

Так и лезут в голову нелепые, лживые слова из того документа.

Не раскаялся и слез не лил. Творил и в каземате. Продолжал творить - вопреки всему.

Его арестовали 5 апреля - у Днепра, на пороге Киева, куда так стремился.

Того же месяца, 17-го, квартальному надзирателю киевской полиции Гришкову была выдана официальная расписка: "доставленный им в сопровождении одного жандарма из Киева художник Шевченко с его бумагами и вещами принят в исправности в III-м отделении е.и.в. канцелярии".

Принят в Санкт-Петербурге, а точнее - водворен в камеру одного из тамошних казематов.

Он, каземат отделения, был сродни Петропавловской крепости. Так и отозвался о нем в письме с Мангышлака к другу, Кухаренко: "... Засадили мене в Петропавловску хурдигу та и двер! замкнули, я все думав, що и ключ! в Неву закинули. Аж Ні. Через швроку вивели мене на свгг божий..."

Пробыл Шевченко взаперти полтора месяца. Но показались ему эти 44 дня настолько долгими, бесконечно долгими, что вспоминал их семь лет спустя как тяжкие ПОЛГОДА. В заточении мера времени иная, нежели на свободе.

Была бы неволя еще-жестче и томительнее, уйди, откажись от него муза. Но и в каменном мешке тюрьмы, наедине с собой, перед допросами и после допросов, в полном неведении относительно будущего, мозг и сердце арестанта говорили стихами.

О, он, конечно, понимал, в чем его "преступление" перед властью. В поэзии -

искренней, честной, открытой, на родном своем языке. Ему не простят именно стихов - недаром же на каждом допросе возвращаются к ним всенепременнейше.

Убеждать, что это было в прошлом, что от поэзии своей отрекается? Предательством СВЯТОГО добывать снисхождение? Нет и нет - ни за что!

"... сам чувствует, сколь низки и преступны были его занятия..."

А чувствовал он совсем иное, прямо противоположное: поэтическое вдохновение.

3.

На тонкой почтовой бумаге, сложенной в несколько раз, записал узник строгого каземата тринадцать своих стихотворений: "Ой одна я, одна", "За байраком байрак",

"Мен! однаково", "Не кидай матер!, - казали", "Чого ти ходиш на могилу?", "Ой три шляхи широки", "Весенне сонечко ховалось", "Садок вишневий коло хати" и другие - целый цикл.

Переписать не трудно. Но ведь прежде чем записать - каждое выносил, выстрадал, прошептал себе слово за словом. Каждое стихотворение - свое, особое, заставляющее забыть, где он находится, что его ждет. Будущего не представлял, однако сегодня с ним была его поэзия, и само это несло облегчение.

Иные стихи были задуманы раньше, на свободе.

Садок вишневий коло хати,
Хрущ! над вишнями гудуть.
Плугатар! з плугами йдуть,
Ствають !дучи д!вчата,
А матер! вечерять ждуть...

Но это он услышал в себе лишь после того, как увидел через решетки камеры мать Костомарова, пришедшую на свиданиетеыну.

... І я згадав свое село.
Кого я там коли покинув?
І батько и мати в домовин!...
І жалем серце запеклось,
Що н!кому мене згадати!
Дивлюсь: твоя, м!й брате, мати
Чорн!ше чорно! земл!
1де, з хреста неначе знята...

Поэт задумывался над своей судьбой:

В невол! тяжко, хоча и вол!,
Сказать по правд!, не було.
Та все-таки якось жилось,
Хоть на чужому, та на пол!...

Судьба, по всему было видно, ничего хорошего ему не сулила:

Холоне серце, як згадаю,
Що не в Украйн! поховають,
Що не в Украйн! буду жить,
Людей і господа любить.

В общем тринадцать. Они опубликованы и всем доступны. Кроме названных - "Не спалося, - а н!ч, як море", "Рано - вранц! новобранц!", "В невол! тяжко", "Чи ви ще з!йдетеся знову", "Косарь" ("Понад полем іде")

Он написал (или записал) в камере, в тюремные сорок четыре дня, и тем не менее полтора месяца показались ему если не вечностью, то долгим полугодием

4.

"Через швроку вивели мене на світ божий та знову посадили мене на чортопхайку, тшьки вже не з жандаром, а з фельдъегерем..."

Вывели после приговора - сурового, беспощадного и ни в чем не обнадеживавшего.

Сомнительное "право выслуги" оставалось единственным правом, которого его не лишили. Но за "дарование" этого мифического права благодарить не хотелось. Будто сердце подсказывало: не воспользоваться ему "царской милостью" никогда.

В ушах звучало: "с запрещением писать и рисовать".

Писать... Рисовать... Да ведь это для него равно запрету ЖИТЬ!

... В невол! вир!с меж чужими,
І, неоплаканий сво!ми,
В невол!, плачучи, умру,
І все з собою заберу,
Малого слщу не покину
На нашш славши У краж!,
На нашш - не свош земл!..

"Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора", - напишет он в "Дневнике" десять лет спустя, когда уже была близка свобода.

А тогда? В день и час объявления участи?

Тридцатое мая...

Вспоминал Н.И.Костомаров, один из кирилло-мефодиевцев: "...Взглянувши в окно моего номера, я увидел, как вывели Шевченко и посадили в экипаж: его отправляли для передачи в военное ведомство. Увидя меня, он улыбнулся, снял картуз и приветливо кланялся..."

И дальше: "Я заплакал, глядя на него, а он не переставал улыбаться, снял шляпу, садясь в телегу, а лицо было такое же спокойное, твердое".

Уезжал в печали, но - С УЛЫБКОЙ!

5.

Управляющий военным министерством писал начальнику III отделения Орлову:

"Милостивый государь граф Алексей Федорович!

Сделав распоряжение к от правлению с фельдъегерем присланного при отношении вашего сиятельства N 876 бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств Шевченко к командиру Отдельного Оренбургского корпуса, для зачисления рядовым в один из оренбургских линейных батальонов, я имею честь уведомить о сем ваше сиятельство.

Покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и педанности.

В. Адлерберг."

Из того дня, 30 мая, дошло до нас с полдюжины - даже больше - бумаг касательно Шевченко. Мы знаем, о чем распорядился дежурный генерал Игнатьев, куда поместили "секретного арестанта" в ожидании отправки и как устроили его охрану, кто и что принял от III отделения: арестанта и вещи - поручик Гусев, деньги - помощник казначея Романенко, "конверт N 876" - старший адъютант Попович.

Медлить тут не собирались. И не медлили.

Но отправили не ТРИДЦАТОГО, как твердят в летописях жизни и творчества Т.Г.Шевченко.

Эту дату первым взял под сомнение и убедительно оспорил историк Николай Иванович Моренец. Он назвал другую - 31 мая. А в доказательство сослался на официальную переписку - о ней сказано раньше.

Для вывода о ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМ основание есть.

30 мая генерал-адъютант Игнатьев, уведомляя о полной готовности к отправке Шевченко, писал:"... чтобы избегнуть посылки нарочного фельдъегеря собственно для доставления этого арестанта, я отнесся к директру канцелярии военного министерства и

управляющему департаментом военных поселений о сообщении сведений: не предстоит ли теперь или в скором времени надобности в отправлении каких-либо экстренных бумаг в Оренбург". Другим письмом того дня генерал просил "наряжать с сего числа, в инспекторский департамент военного министерства, одного часового из ближайшей к департаменту гауптвахты", оговаривая, что отмена поста "последует в самом непродолжительном времени".

На первом письме Игнатьева имеется резолюция: "Ежели нету гг. Анненкова и Притвица экстренных бумаг, то надобно направить Шевченко одного, незачем держать его под арестом, он уже довольно долго сидит".

Часового назначили оперативно. Что же касается ответа на вопрос относительно "экстренных бумаг", то с ним получилась накладка. Барону К.П.Притвицу как раз требовалось отправить Оренбургскому губернатору 6680 рублей серебром, но он с уведомлением об этом промешкал и... остался при собственном интересе. 1 июняИгнатьев ему ответил: "Имею честь уведомить, что назначенный в Оренбург фельдъегерь отправлен туда еще вчера вполдень".

"В часовом, наряженном вчера в инспекторский департамент военного министерства сегодня надобность миновалась..." - уведомлял тот же Игнатьев барона В.И.Зальца 31 мая.

Почему "миновалась"? "Поскольку арестанта отправили..." - сделал вывод Н.И.Моронец. Можно, однако, предположить и другое: "... или передали под непосредственное наблюдение фельдъегеря". В таком случае они могли отправиться в путь и поутру 1-го июня. В летописях, в биографиях это стоит оговаривать.

Так или иначе, о 30-м, как дне выезда, речи быть не может.

А вот за первое июня ратует многое.

В Оренбурге привелось мне отыскать любопытную подшивку старых бумаг. На обложке ее значится: "Дело об экстра-почте из Москвы в Оренбург и обратно". Со всей канцелярской тщательностью подобрана тут переписка почтового департмента с оренбургскими военнымивластям

"Для доставления Оренбургу сношения скорого и безостановочного с обеими столицами, в 1833 году учрежден ход экстра-почты между Москвою и Оренбургом., по одному разу в неделю.

Сия экстра-почта отходит из Москвы по пятницам, приходит в Оренбург по четвергам, на шестые сутки...

На сию экстра-почту бумаги казенные и письма посылаются из Санкт-Петербурга до Москвы по вторникам..."

Дни недели меня в данном случае не интересуют. Дело об экстрапочте позволяет представить, какое время отводилось на дорогу из Петербурга в Москву и от Москвы до Оренбурга. Да, почти девять суток. Шевченко же находился в пути на добрые сутки меньше.

(Возможно, что в Москву фельдъегерь примчал к вечеру третьего июня и в "белокаменной" дал себе и Шевченко ночную передышку. Но это, согласитесь, не меняет ничего).

"Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность..." - иронизировал изгнанник спустя годы, и добавлял: "Он меня из Питера на осьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь на всем пространстве".

(На ОСЬМЫЕ... В чем-чем, а в этом Шевченко ошибиться не мог. Первые сутки пути заканчивались 2-го, восьмые - шли 9-го... В новейшей же академической биографии его не приминули поправить: дорога была преодолена "за восемь с половиной суток")

6.

"Он" - это фельдъегерь Виддер. "Фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза" -

сказано о нем в Дневнике. И ни одного слова в дополнение к этому, в развитие скупейшей, почти безмолвной, его харак теристи-ки...

Восемь суток вместе... Как им, Виддером, не заинтересоваться? Как не захотеть узнать о человеке побольше?

Знаю не много. Но одну историю расскажу. Мне ее поведало дело инспекторского департамента военного министерства "По рапорту командира фельдъегерского корпуса о фельдъегере Виддере, истратившим казенных денег 515 рублей серебром". Дело уже шестидесятых годов, однако представляющее интерес и для нас.

Судите сами.

"РАПОРТ. Вверенного мне корпуса подпоручик Виддер донес, что он заметил брата своего фельдъегеря Виддера в каком-то расстроенном состоянии и что по спросу его о причине он ему сознался, что, бывши дежурным в инспекторском департаменте... получил из казначейства оного два пакета для доставления на почту, но... в почтамт не сдал, в рассыльной же книге сделал расписку чиновника почтамта, а деньги издержал, уверяя - по крайности..."

Подпоручик, понимая, чем все это грозит, присвоенные братом деньги вернул, о поступке же его донес по инстанции - донес немедленно, как и предписывали известные на-зубок инструкции. Виновного арестовали, взяли на гауптвахту и подвергли следствию.

Злоумышленник показал, что "имея надобность построить себе новую одежду, он по этому случаю задолжал некотрым частным лицам и как не мог уплатить им долгов к назначенному времени, то они грозили принести на него жалобу его начальству. Пользуясь постоянно вниманием начальства, он не хотел допустить подобной жалобы и потому решился расплатиться с его арендаторами из полученных им казенных денег..." Незаконно взятую сумму молодой фельдъегерь намеревался восполнить путем займа нужных денег, но сделать это сразу не смог. "Со дня такого поступка он мучился совестью и страхом о наказании, совершенно растерялся и впал в уныние. Такое состояние его вскоре заметили братья его, которым он тотчас сознался в своем поступке и, отдавая им оставшиеся 265 рублей и документы, просил довести о случившемся до сведения начальства, что ими было и исполнено.."

Признанного виновным в тяжком преступлении, Николая Виддера, исповедания лютеранского, от роду имевшего двадцать семь лет, из австрийских подданных, принявших на верность России присягу, поначалу приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь, но в конце концов просто лишили фельдъегерского звания, медали в память войны 1853-1856 годов и исключили из списков военного ведомства. "Быть по сему" - написал царь на листе приговора, объявленного Виддеру-младшему 2 марта 1863 года под собственноручную его роспись.

Брат старший, Виддер Карл Густавович, снискавший на фельдъегерской службе чин подпоручика, продолжал исполнение своих обязанностей.

С самого начала сороковых годов слыл он в корпусе одним из надежнейших, во всем безупречных исполнителей любых поручений. Пунктуальнейшее соблюдение инструкций, отсутствие каких бы то ни было эмоций, в том числе - и прежде всего - сочувствия к "подопечным", неизменное службистское рвение выдвинули его в первый ряд среди самых вышколенных фельдъегерей ведомтсва...

И ТАМ СТЕПИ, И ТУТ СТЕПИ

1.

Теперь Карл Виддер препровождал в Оренбург, к командиру Отдельного Оренбургского корпуса, еще не экипированного солдата Шевченко.

Задание было из особо ответственных, Виддер проникся сознанием этого сразу, и прямо в Питере, едва выехав, взял темп весьма скорый.

Никаких задержек-промедлений.

Дальше... дальше...

В повести "Близнецы" Шевченко "провезет" потом этим же маршрутом своего героя лекаря Сокиру. Лекарь захочет рассказать о виденном своим близким. Но не очень-то это ему удастся.

"... Сегодня совершенно свободный день, и чтоб не потратить его всуе, я взялся за перо и думал описать вам мимолетное мое путешествие, но как подумал хорошенько, то оказалось, что и писать нечего, что все пространство, промелькнувшее перед моими глазами, теперь так же само и в памяти моей мелькает, ни одной черты не могу схватить хорошенько..."

... А маршрут был более чем разнообразным.

698 верст "столичного" тракта - из Петербурга в Москву - это и Ижоры, и Чудово, и Новгород, и Вышний Волочек, и Торжок, множество городов, сел, деревень. На карте того времени их за сто тридцать. Одних лишь почтовых станций под тридцать, да реки с переправами - Волхов, Мета, да ответвления от тракта - дороги проселочные, "уездные"...

Сколько почтовых станций, столько и остановок. Смена лошадей, отметка подорожных - потери времени Виддер сводил к минимуму. Фельдъегерям предпочитали не перечить - станционные смотрители, люди бывалые, знали с кем и как обходиться, чтобы не обрушились на них гнев, а то и беда.

Ночевки сокращались максимально. "Дорожный ночлега с собою не носит..." Скамья на почтовой станции, еда, приготовленная наскоро и по скудным кормовым, - вот и все удовольствия после сотен верст тряского пути. Две с половиной - три сотни верст в сутки - тут не до отдыха, не до прохлаждений. ... Торжок воспел Пушкин: "На досуге отобедай у Пожарского в Торжке, жареных котлет отведай и отправься налегке".

Но "пожарские котлеты" готовились не для казенных людей, тем паче так спешащих. Ни Шевченко, ни Виддеру было не до удовольствий.

- Ни одной черты не могу схватить хорошенько, - сокрушался Сокира.

Так же промелькнул и стольный град Москва. Ночевали там или не ночевали - кто про то знает. Задержались тут не более чем на другой какой почтовой станции - и дальше, на Нижний Новгород: через Бого-родск, Покров, Владимир, Муром, по карте - 441 верста.

... Владимирский тракт - слезами политая "Владимирка" - сколько горя тут прошло, сколько судеб в грязь втоптано.

Понад полем 1де,
Не покоси кладе,
Не покоси кладе - гори.
Стогне земля, стогне море.
Стогне та гуде!
……..
Мужика, и шинкая, и сироту-кобзаря,
Приспивуе старий, косить,
Кладе горами покоси,
Не ммина и царя.
І мене не мине,
На чужиш зотне,
За решеткою задавить,
Хреста н!хто не поставить.
І не пом"яне.

Может и не эти стихи - о косаре-смерти - вспоминались ему в пути. Может, и не в каземате написанное, а то, что в "Кобзарь" вошло, или потом, до ареста, сочинено было. Ясно мне одно: оставаясь наедине с собою (фельдъегерь не в счет!), не мог он отрешиться от того, что его суть, его кровь и дыхание составляло, - от Поэзии. Поэт всегда поэт -там

более в горе-злосчастье. И, думается, уже на первой тысяче верст много он прочел себе из написанного раньше - им и не им написанного, много строк сложил новых (и отложил в своей памяти - авось сгодятся).

Но к этой мысли я еще вернусь - дорога длинная...

2.

Многого не дано нам знать. Многое мы вынуждены домышлять. Но домысел не должен превращаться в вымысел-Перед мысленным взглядом картина современного художника: Шевченко везут в Оренбург.

Сидит он в телеге чуть ли не со связанными руками (во всяком случае, руками, заведенными за спину), а позади жандармы - не спускают с него глаз.

Полноте, жандармов не было. И рук за спиною тоже. Был только Виддер: человек военный, в деле фельдъегерском искушенный, действующий строго по предписанию - "инструкция в мундире". За доставку отвечал он один.

В пути разговаривали? О чем-то да и говорили. Виддер на этом маршруте был не впервые, информация о пути следования, о приближающихся городах, о знаменитых достопримечательностях наверняка исходила от него.

Менялись ямщики, или возницы, кучера, возчики (называли где как). Были это сплошь крестьяне: кто вел гоньбу на своих лошадях, за что освобождался от подушного, кто занимался почтовым и прочим извозом по подряду, кто был почтарем "вольным". Старые и помоложе, хмурые и веселые, молчаливые и певучие - на козлах жили они своей, отъединенной жизнью. Смотри в спину и представляй их себе как заблагорассудится.

Точно так же и со станционными смотрителями. Сколько почтовых станций, столько и смотрителей - чиновников мелких, пуганых, лебезящих перед сильными, грубых к тем, кто не из "благородных". Шевченко смотрел на них сквозь призму пушкинской повести и видел разноликих, но в главном одинаковых Выриных.

Калейдоскоп людей, нравов, речи - все вперемешку и в таком темпе, что невозможно, кажется, ни выделить что-то, ни запомнить. Иной раз вглядывался в мужское ли, женское лицо - для художника они, для портрета, думалось. Вдруг ладная, статная фигурка заставляла сильнее биться сердце, предаваясь сладким видениям, напоминавшим о непрожитой молодости. Но видения исчезали, как и фигуры, лица - растворялись в дали размотанных верст. Что мы о пути том знаем ДОСТОВЕРНО? Ни - че - го.

В воспоминания современников версты эти бесконечные не вошли ни одной строкой. О провозе Шевченко заранее не ведал никто -никакая депеша не могла бы обогнать ретивого Виддера. Нежелательные встречи в дороге - при таком темпе - были маловероятны, а если бы и произошли, фельдъегерь знал, как их пресечь. Порученный его попечению без "попечения" не оставался ни на минуту. Виддер мемуаров не писал - его призвание было иное. Сам Шевченко?

"... все пространство, промелькнувшее перед моими глазами, теперь так же само и в памяти моей мелькает..."

Десять лет спустя он остановится - на пути в Москву - во Владимире и даже не вспомнит, что однажды на этой почтовой станции уже был. Да что там Владимире, если за полгода жизни в Нижнем Новгороде (сентябрь 1857 - март 1858) Шевченко ни разу не оговорится: а здесь я бывал и при других обстоятельствах. Мелькнуло и - промелькнуло... А все-таки что-то да вспоминал. Дневник, 13 сентября 1857-го. "Казань городок - Москвы уголок.

Эту поговорку слышал я в первый раз в 1847 году на почтовой станции в Симбирской губернии, когда препровождался я на фельдъегере в Оренбург. Какой-то упитанный симбирский степняк, описывая моему препроводителю великолепие орода Казани, замкнул свое описание этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидел я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась..."

Тогда он Казани не видел.

Как не видел и Симбирска.

Дневник, 9 сентября того же года:

"Другой раз я проезжаю мимо Симбирска, и другой раз не удается видеть мне монумент придворного историографа. Первый раз в 1847 меня провез фельдъегерь мимо Симбирска. Тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успел пообедать в какой-то харчевне, или, вернее сказать, в кабаке. Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность в Оренбурге, и потому-то фельдъегерь неудобозабываемо-го Тормоза не дремал..."

Не дремал, это точно.

Доискиваться не стану - где, когда, на каком перегоне Виддер загнал (у Шевченко - "убил") почтовую лошадь.

Он удивлялся: "только одну".

Удив лялся потому, что мчался сверх всяких сил и возможностей - человеческих и... лошадиных.

Из Нижнего Новгорода в Казань вел так называемый Большой Московский тракт. Через Васильсурск, Чебоксары, Свияжск. По земле, населенной русскими, чувашами, татарами. С Волгой и ее притоками... Еще 380 верст на восток, навстречу солдатчине.

(Подчеркну: СОЛДАТЧИНЕ, СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЕ. Себя самого и других, моих коллег, предупрежу от бездумного жонглирования словами, которые синонимами не являются. Часто читаем: ссыльный поэт. Ссылать - по Далю - значило: "отправлять, отсылать куда на жительство, на пребывание, удалять куда против воли". Преступников, говорится в том же толковом словаре, ссылали "на каторгу, в крепостные работы, на поселение в Сибирь и на жительство, срочное или вечное, в дальние губернии, также в монастыри". Его тоже "удаляли против воли" и в губернию "дальнюю". Но не только жить там, а и тянуть тяжелую, бесконечную солдатскую лямку, когда прикажут - быть в боях и походах, придется - сложить голову "за царя и отечество". Солдатчина была много труднее просто ссылки. Так не позволим же впредь подобной путаницы понятий...)

Заманчиво рассказать, да поподробнее, о Москве, Нижнем, Казани, а потом и Симбирске, а далее и Самаре того времени, когда Шевченко следовал в Оренбург.

Но он-то этих городов в те дни по сути не видел, встреч с ними у него не произошло. Так какие основания выделять их в длинной цепи Других?

Оснований нет, и выделять не стану.

В Симбирск из Казани ехали путем кратчайшим: через Сеитово, Буинск, Шумовку, 204 версты... Лаишевский тракт котировался повыше, но удлинял путь на 35 верст, почти два перегона, и фельдъегеря это не устраивало.

Виддер и торопился, и торопил.

3.

Но мы все-таки задержимся в Симбирске.

Почему, однако, здесь?

Абзац (отдельный) из академической биографии 1984 года: "Не доезжая 30 км. до Симбирска, в с. Тагай Шевченко провел ночь с 6 по 7 июня в пересыльной тюрьме среди арестантов".

Единственный факт с указанием места и времени события на всю "дорожную" часть этой, по счету восьмой, главы обширной, и безусловно нужной, книги.

Все, вроде, точнее точного - хоть в летопись переноси.

Но откуда это извлечено? Из какого документального источника? Может обнаружена выписка из подорожной... воспоминание давнего очевидца?

Ссылки в книге нет. Другие факты ссылками подкрепляются, этот же сообщается как такой, который в подтверждении не нуждается.

Так уж и не нуждается?

Мне памятна (памятна и дорога) 26-я научная Шевченковская конференция, проходившая в марте 1983 года. Местом ее проведения был Ульяновск.

Одним из докладчиков на первом же пленарном заседании выступал доцент Ульяновского педагогического института Н.Кузминский. "Симбирск и симбирцы в жизни Шевченко" - такой была его тема.

Тут и возникла Тагайская пересыльная тюрьма.

Докладчик говорил вполне уверенно.

- Как известно, везли поэта в ссылку главным образом почтовым и этапным трактом, который соединял Петербург с Оренбургом, со скоростью до 300 километров в сутки, НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ НА ОТДЫХ, ЕЛЕ УСПЕВАЯ МЕНЯТЬ ЛОШАДЕЙ НА ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЯХ...

Оставляя на совести увлекшегося оратора его высказывания насчет безостановочной гоньбы на всем многодневном тяжелом маршруте, мы слушали дальше:

- Лишь одну ночь (с 6 на 7 июня 1847 г.) удалось провести ему не в телеге, а на нарах в этапной тюрьме. Это было в с.Тагай, расположенном в 50 километрах от Симбирска по Московскому тракту...

Дальше речь шла о том, что из себя тюрьма представляла. Факт остановки и пребывания здесь докладчик счел убедительным, а коль так дал волю фантазии:

- Ночь, проведенная в Тагайской этапной тюрьме, вероятно, произвела на Шевченко тяжелое впечатление, а общение - пусть временное - с ее обитателями не могло не разбередить душу поэта. Оно пополнило его знания о положении народа новыми подробностями. Смрад, бесчисленное множество насекомых-паразитов, вместо отдыха - крик, ругань, драки, дикие развлечения и картежные баталии пьяных уголовников, водку для которых приносили за мзду сами же конвойные, - такую картину пришлось наблюдать и Тарасу Григорьевичу..

Но хватит. Сведения о тюрьме, конечно , интересны, вот только к Шевченко никакого отношения они не имеют. Какой тюрьма была и как сохранившиеся помещения используются ныне - за этим стоят и архивный поиск, и личные впечатления. А что под главным фактом? Тем, ради которого все остальное?

"Документ, который свидетельствует об этом (т.е. о ночи в Тагайской тюрьме - Л.Б.), был в личном архиве казахского исследователя Т.Бейсова (1911-1955) и после его смерти потерян", - значится в подстрочном примечании на странице, где начинается публикация доклада Н.Кузминского. ("Зб1рник праць двадцать mocroi науково! Шевчешйвсько! конференцп", К., 1985).

Ох и ох! Причем тут Темир Беисович Беисов, никогда не занимавшийся жизнью Шевченко вне пределов Казахстана? Докладчик, к примечанию явно не причастный, имел в виду своего коллегу ПЕТРА СЕРГЕЕВИЧА БЕЙСОВА - к тому времени покойного доцента Ульяновского пединститута, большого знатока всего, что связано с Симбирском-Ульяновском. Но, готов поклясться чем угодно и где угодно, не было у него (и при жизни не было) "документа, который свидетельствует". Утверждаю это, хорошо помня нашу встречу и наш разговор с Петром Сергеевичем незадолго до его смерти. Истый краевед, он сокрушался по поводу того, что о проездах Шевченко через Симбирск известно не более написанного им самим в Дневнике. Ни о каком документальном свидетельстве речи не шло...

Да и вообще, причем тут тюрьма? Фельдъегерю военного ведомства пользоваться "услугами" учреждения министерства внутренних дел не пристало. Ни он, ни кто другой в тюрьме, не имел никаких прав засадить Шевченко в камеру: тот не был официально ни арестантом, ни ссыльным - солдатом. (На одном из петербургских документов от 30 мая есть даже резолюция:"... незачем держать его под арестом, он уже довольно долго сидит".) В Петербурге Шевченко содержали от-

дельно, как "секретногоарестанта", тут же вдруг для ночлега избирается...

густонаселенная камера (и довод какой: "ведь по дороге в Сибирь политические ссыльные содержались вместе с уголовниками"!) Все придумано, все безосновательно, ан нет - попадает "факт" даже в АКАДЕМИЧЕСКУЮ биографию. (Хорошо, что поправили свой же сборник, где дата "ночевки в тюрьме" обозначена вовсе оригинально: "з 6 на 7 ЛИПНЯ". Впрочем, сборник увидел свет на год позже биографии). Ни докладчик в Ульяновске, ни биограф в КиевЪ даже не сверились: а на самой ли дороге стояла тюрьма? Сверившись, они бы убедились, что попасть в село Тагай можно было, лишь сделав изрядный крюк. Так для чего избирал фельдъегерь пути кратчайшие, сокращал расстояния?

Всюду на почтовых станциях Виддер предъявлял фельдъегерскую подорожную. Предъявил он ее и на Симбирской. Остановка была не продолжительной - "едва успел пообедать в какой-то харчевне, или, вернее сказать, кабаке".

Тут у Н.Кузминского суждение, не лишенное оснований: "Вероятно, ульяновским краеведам 20-х годов были известны остатки этой харчевни. Она стояла при въезде в Симбирск по Московскому тракту, неподалеку от моста через Свиягу. Не случайно улицу Большую Конную, которая прилегает к этому месту, переименовали в улицу Шевченко".

И снова дорога...

4.

Полторы тысячи верст для Шевченко "промелькнули". Но чем ближе становился край его неволи, тем пытливее, острее всматривался он во все, что можно было увидеть.

"...Смутно только припоминаю то неприятное впечатление, которое произвели на меня заволжские степи.

Переправясь через Волгу, я в Самаре только пообедал и сейчас же выехал. И после волжских прекрасных берегов передо мною раскры-лася степь, настоящая калмыцкая степь. Первая станция от Самары была для меня тяжела, вторая легче, и глаза мои начали освоиваться с бесконечными равнинами".

С Волгой он в пути своем встречался не раз. И хоть не было для него ближе, дороже, роднее Днепра, не мог не восхищаться Шевченко красотою великой реки России и ее берегов.

"После волжских ПРЕКРАСНЫХ берегов..."

Это как итог впечатлений. Из всего, что промелькнуло, запомнилась она, Волга-матушка. И не только в Самаре - всюду, где с ней соприкасался.

Тем разительнее оказался контраст: "прекрасные берега" и - "настоящая калмыцкая степь". Почему "калмыцкая"?

0 заволжской степи он знал по рассказам и по литературе. А в устных рассказах и печатных книгах сложились уже определенные представления: если степь за Волгою, значит непременно калмыцкая. Вот и у Пушкина: "друг степей калмык".

Ну, а если объективно? Тогда, в сороковые годы прошлого века, калмыки действительно представляли собою одну из многочисленных народностей, населявших эти места и весь край. Большой знаток его И.Ф.Бларамберг в своих воспоминаниях писал: "Калмыки, живущие в губернии, причисляются к оренбургским и уральским казакам. Мало кто из них ведет оседлую жизнь, большинство еще кочует с 15 мая по 15 сентября вблизи деревень и станиц. Кроме службы они занимаются земледелием и скотоводством, предпочитая последнее..."

Эту степь, те самые места ее живописал американец Юджин Скуй-лер, проезжавший тут годы спустя и примерно в такое же время.

"Нет ничего красивее степи в это время года",- передавал он свои впечатления и увлеченно рассказывал о покрывавшей равнину траве яркоизумрудного оттенка, разноцветье темнопурпурных анемонов, светлорозовой валерьяны, удивительных тюльпанов. "Ощущение бодрости, которую вызывала во мне степь, не притуплялось, а скорее усиливалось по мере нашего продвижения..."

Любовался Шевченко. А любуясь, вспоминал:

1 там степи, і тут степи, Та тут не таки...

Впечатления личные складывались по крупицам. Он смотрел и сравнивал. Сравнивал - и вглядывался еще внимательнее. Стихи Шевченко додумает, запишет уже на месте.

"НА ОСЬМЫЕ СУТКИ"

1.

"Первая станция от Самары - Алексеевск.

До Алексеевска ему было "тяжело": степь и степь.

Ко второй - Бобровке - стало "легче".

С каждоапоследующей (Малышевка... Богот-Умет...Заплавная...) глаза все более "освоивались" с "бесконечными равнинами".

Дорога безлюдной не была.

Снова Юджин Скуйлер:

"Поскольку мы ехали по главному пути в Среднюю Азию, то на дороге мы редко бывали одиноки. И получаса не проходило, как нам навстречу попадался кто-нибудь: то один-два крестьянина, то почтовые из Оренбурга, военный курьер или группа солдат, сопровождавших какой-нибудь поезд; иногда длинные обозы товаров из Самары, а иногда тюки хлопка, доставляемые на верблюдах из Бухары или Хивы. Однажды нагнали поезд из трех колясок, сопровождаемых верховыми. Они ехали очень медленно, поднимая клубы пыли, и все же наш возница держался за ними, не предпринимая попытки обогнать. Я прикрикнул, чтобы он поторапливался, но он... сказал, что это какой-то генерал и что его убьют, если он его обгонит. Я попытался доказать ему нелепость подобной ситуации, но он был непоколебим..."

Виддер в таких случаях действовал круто, и ни один ямщик ослушаться не смел. Фельдъегерь из Петербурга чувствовал себя совершенно независимым.

Читаю шевченковское описание в повести, а сам рассматриваю старые карты, которые хранит картографическая коллекция Государственного архива Оренбургской области. Они-то и позволяют с наибольшей достоверностью представить путь, проделаный Тарасом Шевченко в июне сорок седьмого.

Путь горьких раздумий о будущем.

Дорога.- мастерская.

2.

Мастерская?

Определение, неожиданное не только для вас. Для меня тоже. А, собственно, почему? Никого не удивляет, когда читаем или говорим: творческая мастерская писателя... творческая лаборатория поэта... Никто, надеюсь, не представляет себе при этом помещение со станками и тисками, колбами и ретортами. К чему они тут? Стихи - это сердце, которое страдает и радуется. Стихи - это мысль, не дающая покоя мозгу. Это образ, складывающийся не сразу, не "сходу" и долго о себе напоминающий: подумай еще, тут бы по-другому, не так. Но как?

Мастерская поэта - она и в дороге, когда не только дремлется, а и ДУМАЕТСЯ.

"...Не зробив я, і не думав я, отамане, батьку мш, крму-небудъ лихого, а терплю горе і бог знае за що. Така мабуть уже уам кобзарям погана доля..."

Пушкин. Рылеев. Лермонтов. Полежаев. Одоевский. Славные Кобзари России и мира, сколько и как вы страдали, какие муки приняли! А стихи ваши живут, стихи - вечны.

"...уам кобзарям погана доля, як і мен! недотепному випала".

Будто не строки в письме к Кухаренко читаю, а мысли, сокровенные мысли поэта подслушиваю.

Мастерская это не только полет вдохновения, но и мучительные -мучительно-сладостные! - доделки-переделки, бесконечные поиски самых точных слов, образов.

Написанное в каземате III отделения он везет с собою. Сложенные в тоненькую книжечку листочки почтовой бумаги - трудно ли их припрятать? Ну, а если бы не записал, так-таки забыл? Нет, конечно. Весь цикл он посвятил своим товарищам, своим соузникам.

Згадайте, брат!я моя...

Бодай те лихо не верталось:

Як ви гарнесенько і я

1з-за решотки визирали...

Посвящение нужно - само напрашивается. Дадут ли ему взять карандаш? Как руки отрубили: "С запрещением писать и рисовать". Поэту - и не сочинять?! Художнику и не рисовать?!

"Весенне сонечко ховалось" посвятит Николаю Ивановичу Костомарову и его матери, Татьяне Петровне. Как она убивалась тогда, сердечная! Вот уж поистине: "чоршше чорно! землГ.

Дивлюсь - НЕВОЛЬНИКОВА мати...

Не так, пожалуй, надо. Ну, а если:

Дивлюсь - ТОВАРИЩЕВА мати...

Или:

Дивлюсь: ТВОЯ, М1Й БРАТЕ, МАТИ...

Так точнее. О, поэзия, могу ли жить без тебя? И нужно ли тогда жить?

3.

Первые три переезда показывались еще кое-где вдали неправильными рядами темные кустарники в степи, по берегам речки Сакмары. Наконец, и те исчезли. Пусто, хоть шаром покати. Только - и то местах в трех - я видел: над большой дорогой строятся новые переселенцы..."

От Симбирска до Оренбурга - верст шестьсот. Две трети этого расстояния позади. Оренбург все ближе, хоть ехать еще и ехать - дня два наверняка.

- Кутлубанка... - Елшанская... Здесь увидел он переселенцев.

Земли вокруг было много, и земли хорошей. Потому-то издавно Бузулукский уезд и привлекал к себе крестьян из Курской, Рязанской, Воронежской и других губерний. В поисках лучшей доли совершали они тысячеверстные переезды, в пути очень часто лишаясь последнего.

Увидел и коренных жителей этих мест. Бросались в глаза "калмычки с грудными детьми на плечах", даже головные уборы их заметил: "четырехугольные красные шапочки, наподобие кучерских". "Совершенно цыганки, только что не ворожат..." Они ТЯНУЛИСЬ к русским мужикам и бабам, из далей дальних приехавшим в раздольные их места, и это тоже ему запомнилось, в голове его отложилось.

"Большая дорога" - или, как на картах, "большая линейная", "большая почтовая" - на значительном протяжении шла вдоль реки Самары, левого притока Волги, берущего начало с Общего Сырта. Шевченко в "Близнецах" окрестил ее САКМАРОЙ. Но это совсем другая река, с ней автор повести встретится уже близ Оренбурга, где и впадает она в Урал. Ошибка, или описка, налицо; к сожалению, ни в одном издании ее не исправляют и даже не оговаривают.

- Бузулук...

За десять лет до того, как проезжал Шевченко, увидела свет книга тайного советника Иосифа Дебу "Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии". Десятилетие - срок небольшой и, полагаю, не будет ошибкой, если сошлюсь на этот ученый труд, как на свидетельство СОВРЕМЕННИКА.

Что писал Дебу о Бузулуке?

Сообщая, что город сей отстоит от Петербурга на 2041 версту (такой путь к тому

времени оставался уже и за спиною Шевченко), что основан он в 1736 году и "построен на левой стороне реки Бузулук, впадающей в Самару в трех верстах от города, и правом берегу реки Домашки", автор описания характеризовал бывшую крепость так: "Строение в городе почти все деревянное, кроме острога и присутственных мест, кои каменные; церковь одна, деревянная, и до 400 обыкновенных домов. Число жителей простирается до 1000 душ мужеского пола".

Герб города - опять же по Дебу - представлял собою "щит, разделенный на две половины: в верхней изображен губернский герб, а в нижней в зеленом поле серебряный олень, в знак изобилия сих зверей в уезде".

... Бузулукский бор знаменит на весь мир. На восьмидесяти тысячах гектаров - настоящее чудо природы, собравшей здесь несметные лесные богатства, тем более замечательные оттого, что со всех сторон окружены степями.

Шевченко о боре не пишет, хотя в ряде мест на пути к Бузулуку тракт подходит к лесу довольно близко. Чем это объяснить? Тем, наверное, что у бора путники оказались уже вечером и прозжали тут в сумраке опускавшейся на землю ночи.

Но коль так, то именно в Бузулуке - последнем городе перед Оренбургом - препроводитель и препровождаемый остановились на короткий ночной привал, чтобы с рассветом свой путь продолжить. Подневольное путешествие шло к концу.

Мемориальная доска в современном Бузулуке напоминает: в июне 1847-го через город проследовал великий сын и поэт Украины.

"Проехавши город Бузулук" (так в повести), Шевченко заинтересовался "плоскими возвышенностями Общего Сырта".

Сырт - по-казахски - "высокое место". Общий Сырт тянется посредине южного Приуралья цепью увалов с поверхностью то волнистой, то равнинной, со склонами то плавными, то крутыми, с оврагами и шиханами, с ложбинами и шишками - непривычный глазу человека не здешнего, необычный, и необычно-прекрасный, во всем. Привыкший к природе иной, впитавший в себя красоту земли украинской, Шевченко как-то сразу увлекся величаво-суровым ландшафтом орен-бургского Сырта. Увлекся настолько, что "любуясь этим величественным горизонтом,... незаметно въехал в Татищеву крепость". А до Татищевой, если считать от Бузулука, было не много и не мало- 186 верст!

Вот она, сила настоящей красоты, заставляющей забывать и про беды свои, и про усталость...

Встречи с Татищевой Шевченко ждал.

4.

Опять из "Близнецов"

"... Я (напомню, что рассказ идет от имени лекаря Сокиры -Л.Б.) отдал подорожную смотрителю, а сам остался на улице, и, пока переменяли лошадей, я припоминал "Капитанскую дочку", и мне как живой представился грозный Пугач в черной бараньей шапке и в красной епанче, на белом коне..."

Мысли о Пугачеве будоражили Шевченко в течение всего его переезда по дорогам края.

В разгар Крестьянской войны в руках повстанцев оказались все крепости по Самаре, через которые он проехал: и Тоцкая, и Сорочин-ская, и Новосергиевская, и Переволоцкая. (Тогда же к восставшим присоединились крепостные в районе Бузулука, позднее пугачевцы держали в своих руках и эту крепость).

Как ни высока была скорость поездки, как ни мало времени отводилось на отдых (Виддер поблажек не давал), увидеть и узнать он мог многое. Тем более, что о "пугачевском прошлом" мест своей неволи знал давно. Вот и тут, в Татищевой, вспоминал поэт не что-нибудь иное, а пушкинскую повесть и в воображении возникал Пугачев - "грозный Пугач". Не закованный в кандалы и не в клетке, каким рисовал его за три года до того, иллюстрируя книгу Н.Полевого'"Ис-тория князя Италийского, графа Суворова-

Рымникского, генералиссимуса российских войск". Нет, величественный и сильный - победитель "на белом коне". Тут он представился "как живой" и виделся во многих татищевских бородачах, которые ему встречались.

Что значит " припоминать" прочитанное, если находишься там, где происходили описанные в произведении события?

Искать прошлое в современном. Пытаться разглядеть то, вычитанное, в облике подлинного места действя. "Примерять" к событиям себя сомого. А если короче - увидеть, понять, прочувствовать, додумать.

Стремился к этому и Шевченко, не по своей воле попавший в одну из первых русских крепостей на Урале. Крепость, которой так лихо овладел Пугачев в сентябре 1773-го: весь крепостной гарнизон перешел тогда на сторону крестьянской армии.

Крепость, из которой пугачевцы были выбиты в конце марта следующего, 1774-го, что означало крупное их поражение.

"Крепость сия разорена и сожжена была бунтовщиком Пугачевым и с того времени укрепления не имеет..." Это вновь тайный советник Дебу. В его же, Шевченко, глазах Татищева оставалась пугачевской. И не случайно выделил он давнюю крепость, теперь уже разрушенную, в своей повести. Знал о ней раньше, из книг. Теперь увидел воочию.

Не рождались ли тогда на крутом берегу-мысу, некогда созданном встречей Урала и Камыш-Самары, в селении, начало которому положили его земляки-украинцы, незаписанные строки поэта?

Татищева на поэзию вдохновляла.

5.

Сделаю вставку почти личного характера.

В тот день - а случилось это лет двадцать пять назад - я чуть не опоздал на защиту собственной диссертации. Если бы не позвали, опоздал, хотя и находился на этом же этаже, в полусотне шагов от актового зала.

С самого утра засел за выписанные накануне дела в отделе рукописей - бумаги из фнда Осипа Бодянского. Раньше всего углубился в "Сборник украинского народного творчества и стихотворений разных авторов 40-х - 50-х гг. XIX вка".Прочел (а где-то пробежал) одно, другое, третье. Одолел поэму "О смерти Ивана Коновченка или о походе казаков против татар". И вдруг - "Сказка про Пугачева и про вдову Харлову"!

Ночь осенняя, ночь ужасная
Уж покрыла свод черной тучею,
Ветры буйные разгулялися,
С лесом черным разыгралися -
Шутки шутят богатырския:
Зелены ломают сосенки,
Дубы с корнем вон вырываючи.
Ох вы, ветры, ветры буйные,
Дай-ка, ветры, к вам прислушаюсь -
Чу, несетесь вы степью гладкою;
А люба вам Русь привольная?..

Поэтическое повествование начинается и развертывается в манере былинного эпоса. Так же неспешно входят в него Пугачев и пугачевцы, которых безымянный автор сравнивает с могучей стихией, коей все нипочем.

...Разгулялся Емельян Пугач,
Заходили очи бойкия, затряслись плеча могучия;
Стал одной рукой сабельку похватывать,
А другою бороду поглаживать

И товарищей похваливать,
И перед ними начал речь держать:
"Что же, любо пировати
С православным вам царем?
Дай Московию нам взяти
Уж тогда не так попьем.
Я вас выведу всех в паны,
Янеральством награжу,
Всех бояр отдам в крестьяны,
И уроком обложу...

Шестнадцать страниц тетрадного формата заняла в сборнике романтическая эта поэма о событиях осени 1773 года. Историческим ее источником стал подлинный эпизод тех дней начального этапа восстания, когда Пугачев чувствовал себя (и был) в полной силе. Елизавету Харлову - дочь коменданта Татищевой крепости полковника Елагина - незадолго перед тем выдали замуж за коменданта Нижнеозерной (Столбовой) крепости майора Захара Харлова. В преддверии штурма майор отослал юную свою жену к отцу с матерью, а сам вступил в бой и потом погиб: захваченного пугачевцами, его подвергли казни. Но недолго довелось жить в отчем доме молодой вдове. На следующий день повстанцы захватили и Татищеву. Елагин с женою были убиты. Красавица-вдова приглянулась Пугачеву и тотчас оказалась в его руках. Прикипел к ней Емельян Иванович сердцем, полюбил горячо и страстно.

...Для нее Пугач жизнь щадил в боях,
Умерял свое молодечество
И осаживал перелетного скакуна-коня сердитого..

Только оказалась эта любовь поперек горла недругам Пугачева среди старшин войска. Потребовали они смерти Лизы и ее маленького брата. Изо всех сил сопротивлялся тот расставанию с возлюбленной наложницей, но в конце концов отступил, сдался.

...И повесил Пугач буйну голову.
И пошел домой поруганный.
Не на радость он распотешился;
Веселяся пировати зачали,
Зато плохо пир покончили.

"Конец первой части"... Есть ли вторая? Искал ее в Киеве, в Петербурге, в Москве - не нашел. Существует ли она? Но уже на этих, прочитанных, страницах встретился не с "кровавым убийцей", каким представляла Пугачева верноподданническая литература и наука, а с народным богатырем, человеком недюжинного ума и нежной души.

..."Сказка про Пугачева и про вдову Харлову" соседствует в рукописном фонде Института литературы им. Т.Г.Шевченко с бесценным творческим наследием гения украинской литературы, в том числе рукописью "Близнецов" с теплыми строками о Пугачеве и Татищевой.

Не премину сказать, что мой товарищ в разведке истории и судьбы "Сказки..." уфимец Виктор Сидоров установил: записана она на бумаге, изготовленной в 1847-м.

Том же сорок седьмом, когда Шевченко следовал через именитую крепость - героиню и "Капитанской дочки", и оригинального произведения неизвестного поэта...

О ней, этой крепости, кто только не вспоминал. И по тому, КАК вспоминал, судить о писавшем можно без опасения ошибиться. Сошлюсь на Павла Небольсина - его "Рассказы проезжего о странствиях по Заволжью, Уралу и по Волге" ("Отечественные записки", 1853, июнь).

Татищева у него такая:

"Утренний чай мы пили в Татищевой - все это места, хорошо знакомые по пушкинской истории Пугачева. Об этой несчастной эпохе нет даже и помину; теперь край

уж не та дикая пустыня, какою он был 80 лет назад.

Казачки здешние ходят в сарафанах, которые стягиваются не на талье, а на половине груди; поясов не бывает. У девиц волосы заплетаются в одну косу; женщины же голову завязывают платком и, закрепив сзади узел, оба конца распукают по сторонам. На ногах белые чулки и коты; рубаха белая с длинными рукавами..."

На бывшую крепость, а тогда уже казачью станицу, Небольсин смотрел из "окна, уставленного цветочными горшками". Увидел он не многое. Во всяком случае, не то, что Шевченко. И, конечно, не живого Пугачева на белом коне.

...Что не дано, то не дано...

6.

С Татищевой он свиделся и простился в день, который в летописях шевченковской жизни обозначен как дата доставки его в Оренбург.

В этот же день была на пути еще одна крепость - Чернореченская, было - между ними - село Рычковка. Как только достигла их весть о взятии Татищевой, стар и мал вышли навстречу повстанцам.

Гарнизон и жители Чернореченской встретили "крестьянского царя" хлебом-солью и тотчас приняли присягу ему на верность.

Везли Шевченко в Оренбург дорогою памятной, исторической.

Как тут не упомянуть, что те же тысячи верст, и почти по тому же маршруту, проехал четырнадцатью годами раньше Пушкин. Целью задуманной (и осуществленной) им поездки был Оренбургский край, а в нем - сбор материалов о Пугачеве и его сподвижниках, о Крестьянской войне, которая на этих просторах бушевала.

Материалов отнюдь не из официальных источников. С ними он достаточно полно ознакомился в столице..

Не на этой ли дороге истоки одной из линий неосуществленного Шевченко замысла "четырехтомного нраво- описательно- исторического романа", в котором собирался раскрыть "нравы, обычаи и историю" уральского казачества? (О своем замысле он сообщил на первой же странице повести "Варнак", написанной в Новопетровском укреплении).

Создать задуманную эпопею ему не удалось. Отголоски тех бурных событий - в строке из поэмы "Москалева криниця": "пугав Пугач над Уралом", ну и, конечно, в словах "Близнецов" о впечатлениях от Татищевой...

Путь А.С.Пушкина занял месяц: отправившись в дальнюю дорогу 17 августа 1833 года, он въехал в Оренбург 18 сентября.

Шевченко был на месте уже "на осьмые сутки".

"Рекорд", конечно, принадлежал не ему - служаке Виддеру.

ДНИ ОРЕНБУРГСКИЕ

1.

Начну с документов, прямо связанных с доставкой Шевченко в Оренбург.ЗО мая 1847 года СЕКРЕТНО N 303 Господину командиру ОтдельногоОренбургского корпуса

Государь император высочайше повелеть соизволил бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств Тараса ШЕВЧЕНКА, за сочинение возмутительных стихов, определить в Отдельный Оренбургский корпус рядовым, с правом выслуги, под строжайший надзор, С ЗАПРЕЩЕНИЕМ ПИСАТЬ И РИСОВАТЬ, и чтобы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

О такой монаршей воле сообщая вашему высокопревосходительству для надлежащего исполнения и препровождая при сем рядового Шевченка, под присмотром фельдъегеря Виддера, имею честь покорнейше просить почтить уведомлением: в

который из оренбургских линейных батальонов он будет зачислен.

Управляющий военным министерством

генерал-адъютант Адлерберг
Дежурный генерал Игнатьев

СЕКРЕТНО

Господину управляющему военным министерством
командира Отдельного Оренбургского корпуса

Рапорт

Вашему превосходительству имею честь донести, что отправленный при отношении вашем к г-ну корпусному командиру от 30-го мая за N 303-м, под присмотром фельдъегеря Виддера, рядовой Тарас ШЕВЧЕНКО, отданный в военную службу из художников С.-Петербургской Академии художеств за сочинение возмутительных стихов, прибыл в Оренбург 9-го июня, в Л-ть часов пополудни, и зачислен в оренбургский линейный N 5-го батальон, с учреждением за ним строжайшего надзора.

Генерал-лейтенант
Толмачев

N 26,
11 июня 1847 года.г.
Оренбург.

Два документа.

Первый из них Виддер вручил кому следует сразу по прибытии в Оренбург.

Второй - увез с собою в подтверждение выполнения задания и... принятия от него пассажира, ставшего отныне нижним чином.

В Петербурге рапорт оброс всякими пометами.

"Краткий доклад" - это резолюция о том, в какой форме сообщение генерала Толмачева надлежало доложить царю.

"N 278 секретно" - такой номер поступившему документу присвоили в переписке военного министерства

"N 328 в инспекторский департамент" - содержание его следовало сообщить и в другие заинтересованные ведомства.

"Секретный журнал, N 397" - попала бумага и в эту, особо важную книгу.

Наконец, "20 июня 1847". В этот день, по всему судя, докладывал Виддер непосредственно своему начальству в Петербурге о передаче Шевченко оренбургским военным властям и своем возвращении - для выполнения дальнейших поручений.

Шевченко 20 июня был на пути в Орскую.

Но возвратимся в ДЕВЯТОЕ.

... Число это вдруг взяли под сомнение.

2.

Выразился я осторожно, а у академических биографов и сомнений-то нет: не девятого вовсе - восьмого.

Только что, на странице 200-й, мы прочли: путь из Петербурга в Оренбург был преодолен "за восемь с половиной суток". Страница 202-я и - утверждение другое: "На самом деле", как, оказывается, свидетельствовал сам поэт, его доставили в Оренбург на "осьмые сутки" - 8 июня.

Но, позвольте, нигде и никогда Шевченко конкретный день не называл. Ссылаться на то, что "прибыл поздно, и ночью, конечно, никто не мог заниматься оформлением документов", значит не представлять себе существовавшей тогда процедуры и брать под сомнение деятельность круглосуточно несшего службу комендантского управления, или ордонансгауза. Отлучался (а хотя бы и шел спать) плац-майор - оставался плац-адъютант;

кроме них был в ночное время дежурный штаб-офицер. Принять фельдъегеря из столицы, решить формальности насчет препровожденного им на службу в корпус было делом простым и привычным, не требовавшим какого-либо распоряжения высшего начальства, а значит и откладывания его "до завтра". Система существовала четкая, отработанная, соблюдалась с максимальным усердием, а потому и странно читать в монографии итогового характера обвинение такого рода: "Поскольку рапорт А.Толмачева основывался на личном деле, заведенном 9 июня, то в нем и допущена неточность".

Нет, неточность не в рапорте... Биографы отдали предпочтение воспоминаниям Федора Лазаревского, написавшего, что 9-го, в два часа дня, к нему, чиновнику Пограничной комиссии, подбежал запыхавшийся писарь Галявинский и сообщил: ночью привезли Шевченко и теперь он в пересыльной казарме. Ночью, сосчитали авторы биографического труда, это 8-го (а восьмое поближе к "осьмым суткам" в их подсчете), и совершенно официальный документ отодвинули как "не соответствующий", безоговорочно приняв дату из воспоминаний, написанных... почти СОРОК лет спустя.

Позиция, что и говорить, необъяснимая, от объективности далекая. Но как бы не пошла ошибка бродить по изданиям будущим!..

3.

"...Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдали, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом. Это здание называется караван-сарай, недавно воздвигнутое по рисунку А.Брюллова. Проехавши караван-сарай, мне открылся город, то есть земляной высокий вал, одетый красноватым камнем, и неуклюжие Сакмарские ворота, в которые я и въехал в Оренбург..."

Таким было первое впечатление о городе не только лекаря Сокиры, но и самого Шевченко.

Документ уточняет час приезда: "в 11 -ть часов пополудни". Строки из "Близнецов" совпадают даже в этом. 9 июня старого календаря -21-е нового. Заход солнца, как сообщается на календарном листе одного из самых долгих дней в году, - в 22.20. Примерно *в* это время переправлялся фельдъегерь с осужденным через реку, чтобы, покрыв в течение следующих часа-полутора последние версты пути, сдать Шевченко "по принадлежности".

С Александром Брюлловым он встречался в мастерской великого Карла, брата-погодка. Его строения тешили взгляд на Дворцовой площади и в Пулкове, а талантливые рисунки - в сборнике "Сто русских литераторов", который иллюстрировал и Шевченко. Тут же искусство Александра Павловича предстало перед ним в новом свете. Караван-сарай был виден отовсюду и с любого места удивлял своей гармонией. Изумительное постижение особенностей востока, прямо-таки невероятное чувство места и времени, красота и целесообразность во всем... О строительстве караван-сарая он слышал давно. Не ждал и не гадал, что увидит все это сам. Ансамбль блистал новизной: только год назад состоялось его торжественное открытие.

Мимо проехали, не останавливаясь. Да что там проехали? - промчали! Виддер спуску не давал...

"...На мой взгляд, в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное, но наружность иногда обманчива бывает. И я лучше сделаю, если не буду вам писать о нем, пока к нему не присмотрюся..."

Опять Сокира. И опять Шевченко. "Что-то антипатичное..." А все-таки надежда: авось и тут все окажется иначе, чем представлялось с первого взгляда. "... Обманчива бывает"... Дай, Бог!

Оренбургу в это время было немногим более ста лет. Заложенный в 1735-м на месте нынешнего Орска, он пять лёт спустя, в 1740-м, получил новые координаты

(переселился туда, где сейчас село Крас-ногор) и только в 1743 году упрочился на высоком берегу Урала, где прежде стояла Бердская крепость; здесь город и стал развиваться.

Даже проехав караван-сарай, Шевченко не мог считать себя в Оренбурге, а лишь увидел его на более близком расстоянии.

Представлял тогдашний Оренбург многоугольник, окруженный валом и рвом. Высота вала равнялась 12 футам, такой же была глубина рва; что касается его ширины, то она составляла 35 футов. Протяженность вала и рва превышала пять верст. 11 полигонов, 10 бастионов, 2 полубастиона - вот что определяло главную силу укреплений города-крепости.

Для въезда и выезда в Оренбурге были ворота: Водяные, Черноре-ченские, Орские, Сакмарские.

Через Сакмарские он и въезжал.

Миновав мост, переброшенный через сухой ров, лошади остановились перед воротами - каменными, сводчатами и, как всегда с вечера, запертыми. В темное время суток из города обычно не выпускали, и у приезжих проверяли документы.

Проверка бумаг петербургского фельдъегеря заняла не много времени.

Шлагбаум поднялся, ворота распахнулись.

4.

Каждый смотрит на мир своими глазами, воспринимает все и чувствует по-своему, в зависимости от многого и, конечно, от настроения, владеющего им в это время.

Ехал в Оренбург и Н.П.Беклемишев - молодой полковник, назначенный командовать здесь башкиро-мещерякским войском. Впечатления свои он передал в письме к Ф.П.Опочинину, которое я прочел и списал в фонде 199 Отдела письменных источников Государственного* Исторического Музея.

"... Я подъезжал к Оренбургу вечером. Необъятная для глаза степь загорелась лучами заходящего солнца и на огненном небосклоне рисовалось огромное здание в мавританском вкусе с великолепным минаретом. "Что это?" - я спросил у ямщика. "Управление башкирского атамана и их караван-сарай". Можете себе вообразить, как это польстило моему самолюбию. Строение это, стоящее за городом, есть творение незабвенного Перовского. План составлял Брюллов. Мечеть с ее минаретом есть великолепное изящное здание, в нее стекаются с восторгом тысячи мусульман. Вряд ли есть в России мечеть великолепнее этой. Она делает всегда большое впечатление на проходящие караваны из внутренней Азии ...

Въезжаю в город. Длинная широкая улица. Везде каменные дома, на площади великолепное здание. Оно было выстроено Перовским для корпусного штаба. Теперь в нем помещается Неплюевское училище. Далее, большой дом в италианском вкусе. Опять Перовский! - Это выстроенное им дворянское собрание. В конце улицы на горе над рекою Уралом дворец. Опять Перовский! - Это губернаторский дом, который Василий Алексеевич успел окончить и обмеблировать роскошно на восточной оконечности империи..."

Выписки обрываю - достаточно и того, что привел. Не премину сказать, что в цокольном этаже "великолепного здания", на главной гауптвахте, Шевченко провел две недели под арестом весною 1850-го, "дом в италианском вкусе" автор книги связывает с рождением его известного стихотворения "Огш горять, музика грае...", а в "дворце" он писал портрет губернаторши Обручевой, которую тот же Беклемешев назвал в письме "одним из лучших украшений Оренбурга". ("К уму и ловкости она соединяет красоту и необыкновенную стройность и приятность в обращении...").

Все эти дома мог видеть в свой первый проезд по главной улице и Шевченко. Но радостного возбуждения Беклемишева в нем не было. Чему мог он радоваться, следуя в неволю?!

Главная называлась Губернской - узнал об этом, конечно, позже. Была она по-питерски прямой и достаточно широкой. Тем более широкой, что с обеих сторон стояли преимущественно дома одноэтажные. Но были и постройки выделявшиеся. Петропавловская церковь... Гостиный двор - пусть в один этаж, но приметный во всех отношениях (полторы сотни лавок!)... Церковь Вознесения... Большой, нарядный дом с мезонином - еще XVIII века... Обширная площадь - парадная... А уж дальше и здание, которое расхваливал Беклемишев, и другие, в письме расписанные, и... еще некоторые, в его описание не попавшие...

В их числе - ордонансгауз. Тоже в один этаж, но высокий и поместительный. Он был напротив и чуть ниже губернаторского дворца. Прямо против него возвышалась лютеранская кирха да стояла единственная на весь город аптека (дом, который занимала, привычно называли "рычковским" - принадлежал он в прошлом П.И.Рычкову, первому члену-корреспонденту Петербургской Академии наук).

...Ордонансгауз - напомню - это комендантское управление.

Лошади остановились здесь.

"Жандарм привез его... прямо в ордонансгауз, где Шевченко в передней проспал ночь на голом полу..." - свидетельствовал М.МЛа-заревский, друг поэта.

За двадцать лет до Шевченко тут содержались под строгой охраной "оренбургские декабристы" - Колесников, Дружинин, Таптиков, Старков и другие. Десятилетия спустя - уже после Шевченко - побывал в этих стенах Чернышевский. Да и многие другие невольные жители города их не миновали.

Здание с тех пор много раз достраивалось и перестраивалось. Сначала оно стало длиннее, потом из одноэтажного превратилось в двухэтажное, от прежнего осталось мало, но если зайти с переулка или со двора, то можно увидеть стены и окна былого комендантского управления. Сюда-то доставил Виддер своего подопечного - "бывшего художника".

Плац-майор и плац-адъютант здесь и жили.

Откуда это известно? Из архивного дела начала пятидесятых годов. (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 13195). Дает оно представление и о состоянии дома в целом.

"Здания ордонансгауза пришли в такую ветхость, что совершенно невозможно плац-майору и плац-адъютанту занимать зимой им назначенные квартиры..."

(Сейчас, однако, до зимы было далеко - разгоралось жаркое в этих местах лето).

"В караульной комнате при арестантской печь до того растрескалась и разошлась, что топить ее нельзя дальше без явной опасности..."

(В июне о трещинах в печи думает разве что самый рачительный хозяин).

На ремонт требовалось 2287 рублей 411/4 копеек серебром. Это в 1853-м. Не намного меньше того следовало затратить шестью годами раньше, в сорок седьмом. Каменные помещения, которые военное ведомство арендовало у гражданского, не в лучшем виде находились уже тогда.

Но это, как говорится, деталь обстановки. Пришлось к слову и упомянул... Шевченко было не до того, каков ордонансгауз в Оренбур-' ге. И вообще, пожалуй, ни до чего. Жизнью его распоряжалась судьба. Судьба в лице всеведущего Виддера.

Канителиться не пришлось: дело было привычным. И для фельдъегеря, и для чинов комендатуры. Доставленного из Петербурга опасного стихотворца на службу определять

не им. Наступит утро - будут и распоряжения. Повод не такой уж серьезный, чтобы тревожить сон его превосходительства господина военного коменданта. Завтра... все завтра-Где и как спал Шевченко в ордонансгаузе мы не знаем. Приведенная раньше строка из воспоминаний Михаила Лазаревского - о ночевке на голом полу - силы ДОКУМЕНТА не имеет. В самом Оренбурге мемуарист тогда не жил, информацию о тех днях получал в разное время и из разных источников, писал же годы и годы спустя, когда поэта в живых уже не было и о нем стали складываться легенды. Мог спать не в передней (где ей, кстати, в учреждении такого рода быть?), не на голом полу - на скамье или койке (не арестант и еще даже не рядовой, а только "препровожденный"...), но в его, Шевченко, положении не меняло это (и не значило) ровным счетом ничего.

Первая ночь в Оренбурге.

После долгой тряской дороги сна звать не пришлось.

5.

Военный комендант Лифлянд Михаил Кристианович был старым, испытанным служакой. В Оренбурге его знал всякий. Знал и остерегался. Начальствуя над гарнизоном, он никому не давал поблажек, всюду наводил страх.

Совсем в те годы молодой офицер Н.Г.Залесов (быть с годами и ему генералом) не преминул в своих записках вспомнить: "Особенно нам был тяжел комендант, генерал Лифлянд, имевший тройку рысаков. Поднесется, бывало, *к* караулу из-за угла во всю прыть, проделать церемонию не успеешь, ну и под арест".

Двухэтажный комендантский дом находился рядом с ордонансгау-зом и, собственно, составлял с ним единое целое. (Он и сейчас на своем месте, внешне мало в чем изменившийся). Поутру, как обычно, плац-майор отправился к Лифлянду с докладом обо всем, что произошло с вечера в гарнизоне. Доложил и о доставке Шевченко. А вскоре пред генеральские очи предстал тот самолично.

"Утром его принял комендант Лифлянд..." (произошло это, скорее всего, не в комендатуре, а в ЛИЧНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ генерала) и "... отправил в казармы 3-го Оренбургского линейного батальона". Знаем об этом тоже от М.Лазаревского; никаких других сведений на сей счет нет. А что, собственно, знать хотелось? Как "прием" проходил? О чем говорили? Да вряд ли и говорили. Вопрос - ответ... По обычной официальной процедуре. Без отклонений, скажем, в сторону поэзии. Поэзия коменданта не интересовала, хотя приводилось ему - конечно, "по долгу службы" - иметь дело и с поэтами: в Оренбург отправляли ВСЯКИХ.

Но отчего попал Шевченко в казарму именно этого, третьего, батальона?

".. .имею честь покорнейше просить почтить уведомлением: в который из оренбургских батальонов он будет зачислен... Адлерберг..." Решение вопроса лежало на обязанности командира корпуса. Окончательное распоряжение мог дать только он (а в отсутствие его - лишь официально замещающее лицо).

Лифлянд таким лицом не являлся. Не батальон, а КАЗАРМУ определял комендант утром 10-го. В той, которую назвал, размещались и нижние чины третьего, и те, чье окончательное назначение еще не состоялось, все, кому следовало ждать отправки. Выполняла она функцию "пересылочной" - вот и весь сказ, весь ответ на вопрос о комендантском приказе.

Казарма, куда его отправили, находилась недалеко от ордонансгауза (свои обязанности в отношении Шевченко исполнившего). И вообще в Оренбурге все оказалось рядом. Штаб корпуса... дивизии... бригады... Где ему служить - решалось здесь.

Так где же ему все-таки быть?

6.

Отдельный Оренбургский корпус в его глазах был Оренбургом. Далеким-далеким, чужим-чужим, но городом все же цивилизованным.

И только тут, на месте, Шевченко уяснил: корпус это сотни и даже тысячи верст вокруг, это города и крепости, укрепления в степях, в пустынях, форты на Арале и Каспии.

Вполне возможно, что до службы еще ехать и ехать, идти и идти...

Каждый год в типографии штаба печатали "Расписание Отдельного Оренбургского корпуса" - секретное по грифу своему, но, в общем, особых секретоа не таившее.

Из расписаний можно было узнать о том, что собою представляла, например, 23-я пехотная дивизия со штабом в

Оренбурге, из каких бригад и батальонов она состояла, где и что дислоцировалось, кто и чем командовал.

Знать это нелишне и нам, а потому делаю выписки.

Итак, 1-я бригада - штаб там же, в военном центре губернии.

Батальон N 1:" 1 -я и 2-я роты с батальонным штабом в г. Уральске, а 3-я и 4-я роты на восточном берегу Каспийского моря, в Новопетровском укреплении".

Батальон N 2 и батальон N 3: постоянное местонахождение - Оренбург.

Батальон N 4: 1-я и 2-я роты с батальонным штабом в Раимском укреплении на реке Сыр-Дарье, 4-я - в Оренбургском и 3-я - в Уральском укреплении.

Батальон N 5: "NN 1,3 и 4-я роты с батальонным штабом в крепости Орской и N 2 рота в крепости Илецкой Защите".

2-я бригада имела своей "столицей" Екатеринбург.

Батальон N 6: дислоцировался в Троицке.

Батальон N 7: на Миасском, Златоустовском и Боткинском заводах.

Батальон N 8: Екатеринбург.

Батальон N 9: Богословский и Гороблагодатский заводы.

Батальон N 10: Уфа. (Этому батальону, как явствовало из документа, было подведомственно еще и девять инвалидных команд, расположенных по всему краю).

Входили в корпус, или взаимодействовали с ним, Оренбургский округ артиллерийских гарнизонов, Оренбургское и Уральское казачьи войска, башкиро-мещерякское войско, инженерный округ со многими командами, военнорабочими и арестантскими ротами... И так далее -"расписание" состояло из десятков страниц, на каждой значились свои названия, свои рода войск, крепости, укрепления, редуты, в общем все, что полагалось иметь ОТДЕЛЬНОМУ корпусу, командир коего в табели о рангах приравнивался к главнокомандующему действующей армией.

Он и был ДЕЙСТВУЮЩИМ, этот корпус.

Самых ОПАСНЫХ, наиболее ПРОШТРАФИВШИХСЯ отсылали либо под пули горцев на Кавказ, либо сюда, в Отдельный Оренбургский.

7.

Командир корпуса (он же военный губернатор) Обручев в Оренбурге отсутствовал: отправился, как все говорили, В СТЕПЬ, За Обручева оставался генерал-лейтенант Толмачев - командир 23-й пехотной дивизии.

"... После часового ожидания в приемной к нам быстро вышел видный, с ястребимым носом, генерал в сюртуке нараспашку и, не кланяясь, начал спрашивать по очереди наши фамилии... Обойдя всех, он бойким голосом и весьма отрывисто сказал нам:

- Смотрите, служить хорошо!.. Тут пьяниц много, не балуйтесь, в карауле не спать..."

Нет-нет, к Шевченко эта выписка отношения не имеет: так описывал первое впечатление от Толмачева уже упомянутый раньше Залесов. Но приведена она тут потому, что и к судьбе отправленного в дали поэта представительный генерал с носом хищника руку приложил всенепременнейше. Приложил первым. На предписание из

военного министерства он отозвался отношением к замещавшему его в дивизии генерал-майору Федяеву: "покорнейше прошу зачислить его в оренбургский линейный N 5-го батальон, учредив за ним...", далее, как полагалось, шла, буква в букву, формулировка документа петербургского.

Что из того, что Логвин Иванович в отличие от Афанасия Емелья-новича был толстяком и, по слухам, добряком? Требовалось от него не многое - спустить приказ ниже, довести до исполняющего должность командира первой бригады, соблюсти с неукоснительной точностью. Он это сделал: Шевченко препроводили к подполковнику Чигирю.

Тот же Залесов: "Независимо битья нижних чинов, подполковник Чигирь нисколько не стеснялся и с офицерами..." При всем том, по утверждению мемуариста, сей "дантист" был "любимцем дивизионного" и начальства вообще.

Зачисление в пятый произошло *с* быстротою неимоверной. Приказ по бригаде - само собою. Но в Оренбурге на тот час оказался командир 5-го линейного батальона капитан Мешков, Новоявленный рядовой был ему представлен тут же, батальонный пожелал ПОСКОРЕЕ видеть его на месте службы,и последовало распоряжение: в Орскую крепость - без промедления!

Как воспринял это Шевченко, можно только догадываться. С Оренбургом его не связывало ничто. Никого тут не знал, ни на чью помощь не мог рассчитывать. Но здесь находился центр губернии, а, значит, просвещенных людей наверняка было больше, чем в неведомой крепости еще дальше на восток. Солдат, как слышал, отправляют строем. Сколько туда идти? Опять дорога... Доколе ей тянуться? По штабному лабиринту Шевченко препровождал поручик Дударь, старший адъютант командира дивизии. Никаких эмоций адъютантское лицо не выражало, распрашивать - даже о службе - он не решился.

Все это было десятого июня.

Тогда же - десятого - ну, может, одиннадцатого, но не позднее (приказ об отправке в Орскую мог последовать в

любую минуту, ведь сказано: "без промедления") - облачали его в солдатскую форму.

"... Когда он примерял брюки", мундир и шинель, тогда ему представилось все его будущее, и у него хотела выкатиться слеза; но он сумел удержать свои чувства в казарме.

Он до того не был знаком с жизнью, и особенно с жизнью солдата, что, не подозревая, что ему прийесли платье, сшитое на счет казны, спросил унтер-офицера, что стоит платье; тот без запинки ответил: сорок рублей (тогда счет в Оренбурге был на ассигнации), и Шевченко сейчас же заплатил деньги. Но какой-то офицер, узнавши об этом, отнял у унтер-офицера деньги и возвратил Шевченко".

Эпизод - из воспоминаний Михаила Лазаревского. Одно из немногих свидетельств тех печальных для поэта дней... Что и говорить -эпизод КОЛОРИТНЫЙ!

11-м июня 1847 года датирован рапорт генерал-лейтенанта Толмачева военному министру. Суть его была такой: доставлен... зачислен... учрежден... Иными словами: Шевченко уже солдат.

8.

В небольшом городе, каким был Оренбург, новости и слухи распространялись мгновенно. Ордонансгауз находился неподалеку от Пограничной комиссии, офицеры общались с чиновниками, некоторые поддерживали между собою дружбу. По дружбе и узнал письмоводитель Галявинский о том, что ночью привезли Шевченко, а теперь он находится в "пересылочной казарме". По дружбе молодой писец бросился к чиновнику Федору Лазаревскому. Его эта новость прямо-таки ошеломила. Оставив все дела, он побежал в казарму и, приложив старания, отыскал своего кумира, которого никогда

прежде не видел, но знал и по "Кобзарю", и по "Гайдамакам". Тот лежал на нарах, читал Библию.

(Было это, полагаю, уже после штабных его хождений, измотавших до предела и никаких сил для восторгов не оставивших...)

"... Неохотно поднявшись с нар, Тарас Григорьевич заговорил со мною недоверчиво, отвечал отрывисто на мои вопросы. (Возбужденный Лазаревский не замечал свидетелей встречи. Шевченко же был осторожен - последние месяцы преподали ему основательный урок. -Л.Б.). Понятно, мог ли он сразу довериться человеку, явившемуся к нему ни с того, ни с сего, в первые часы его прибытия на место ссылки? Между прочим, я спросил его, не могу ли я быть чем-нибудь ему полезен. Он сдержанно ответил: "Я не нуждаюсь в чужой помощи; сам себе буду помогать, Я получил уже приглашение от заведующего пересылочной тюрьмой учить его детей".

(Он еще не осознал, что с отсылкой егр в Орскую прахом идет и это приглашение: стать домашним учителем рисования. Да, Шевченко все-таки надеялся, что Оренбург суть последний пункт маршрута и солдатская его служба будет протекать здесь).

Разговор не склеился, но полчаса они пробыли вместе, и эти минуты зарядили молодого чиновника ЭНЕРГИЕЙ ПОМОЩИ поэту-земляку. С тем и отправился к Ладыженскому, председателю Пограничной комиссии:

- Шевченко привезли! Нельзя ли помочь ему?

"Очевидно, он понял порыв молодого увлечения и деликатно-снисходительно охладил меня, заметив официальным тоном, что Шевченко, вероятно, заслужил свою участь, что в таком деле следует быть осторожным и сочувствие свое прятать..."

В общем, хоть и слыл "начальником гуманным", генерал Лазаревского отчитал.

Что же предпринять? Вместе с товарищем по службе (а раньше и по гимназии) Сергеем Левицким надумал он обратиться к одному из близких помощников военного губернатора Матвееву. Знали: тот всегда готов помочь ближнему. И, действительно, в выборе не ошиблись. "Выслушав нас внимательно, Матвеев... ничего не обещал, но мы вышли от него с облегченным сердцем..."

... Десятого было и это.

Обе "машины" - официальная и неофициальная - пришли в движение одновременно.

Машина службы и машина дружбы.

9.

Хронику, пожалуй, надо прервать - не обойтись без комментария. Кто есть кто? Имею в виду тех, которые выказали ему свои добрые чувства в многотрудные первые сутки на земле оренбургской...

ГАЛЯВИНСКИЙ Василий Андреевич - коллежский регистратор, письмоводитель при "киргизском дистаночном начальнике". Коренной оренбуржец, он в 1846 году, сразу по окончании гимназии, был зачислен на службу в Пограничную комиссию. То, что он первым принес сюда весть о доставке Шевченко, - примечательный факт, свидетельствующий и о широте известности поэта в местах отдаленных.

ЛАЗАРЕВСКИЙ Федор Матвеевич - чиновник Пограничной комиссии, губернский секретарь. Родился в 1820 году, в мелкопоместной дворянской семье Конотопского уезда Черниговской губернии. По окончании гимназии в Чернигове и университетского курса в Харькове, по собственному желанию, карьеры ради, был вызван на службу в названную комиссию (сентябрь 1845 г.). Три месяца спустя, в январе 1846 г., его допустили к исполнению должности столоначальника, а в мае того же года в этой должности утвердили. "Способнейший и усерднейший из столоначальников, таких чиновников желательно бы побольше привлечь в комиссию", - сказано в его характеристике. Через год он получит чин коллежского секретаря, станет чиновником особых поручений при председателе Пограничной комиссии и одним из руководителей отдела по управлению

внутренней ордой.

ЛЕВИЦКИЙ Сергей Петрович - чиновник той же комиссии, коллежский секретарь. Родился в 1822 году, в семье директора Черниговской гимназии. Учился в Киевском университете. На службе в Оренбурге - с 1845 года. В это время исполнял обязанности помощника столоначальника во временном столе по управлению внутренней киргизской ордой. За усердие по службе получал отличия. Полтора года спустя станет столоначальником.

МАТВЕЕВ Ефим Матвеевич - подполковник Уральского казачьего войска, офицер по особым поручениям при военном губернаторе -командире Отдельного Оренбургского корпуса. "Сын простого уральского казака, из писарей, достигший довольно высокого положения в крае, но оставшийся таким же простым, сердечным казаком, чуждый важности и напускного величия",- лучше этой характеристики, данной Ф.Лазаревским, быть не могло. В дальнейшем будет и полковником, и влиятельным членом общего присутствия департамента военных поселений по делам Оренбургского и Уральского казачьих войск...

Знакомство, возникшее в эти дни, очень скоро перерастет в дружбу. Дружить им долгие годы.

А о Ладыженском забудем? За то, что говорил с Лазаревским "официальным тоном" и предложил "сочувствие свое припрятать"? Но достаточный ли это повод для отчисления из доброжелателей тех дней? О, нет!

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Михаил Васильевич - председатель Пограничной комиссии, генерал-майор. Офицерское звание получил в 1820 году, генеральское - в 1844-м. До назначения в Оренбург (1845 г.) служил Тобольским гражданским губернатором. Поддерживал там тесные связи с декабристом В.И.Штейнгейлем, что вызвало доносы из губернии и тревогу в высших сферах ("государственный преступник... допускается тайным образом к составлению служебных бумаг, отчего не чужд и влияния на дела управления"). На новом месте службы Ладыженский собрал под своим крылом многих достойных представителей молодой интеллигенции, в том числе прибывших с ним из Тобольска Михаила Лазаревского, Аркадия Венгржиновского и других, ставших со временем приятелями Шевченко. Сочувствие к нему Ладыженского проявлялось на протяжении всех лет солдатчины поэта.

Доброе отношение к Шевченко выказали в тот день, 10 июня, многие.

..."Офицер, которому его сдали" сообщил Галявинскому о доставке необычного нижнего чина.

..."Заведующий пересылочной тюрьмой" утешил "бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств" тем, что он сможет учить своему искусству детей.

... "Соглядатаи" в казарме не помешали Лазаревскому в его порыве (а стоявшие у входа пропустили чиновника сюда).

Всех, разумеется, не счесть.

Без них этот день был бы тягостным и горьким беспросветно.

ЗАГАДКА ОДНОЙ РЕЗОЛЮЦИИ

1.

Уверенность в том, что Матвеев "будет работать в пользу обездоленного Кобзаря" (слова из воспоминаний), Федора Лазаревского и Сергея Левицкого не обманула. "Через два дня" Шевченко сообщил своим землякам, что "был у Матвеева, по его приглашению, и что он очень расположил его к себе".

Когда была та встреча? Думаю об одиннадцатом июня (потом скажу почему). Что она значила (кроме обретения влиятельного доброжелателя)? Тут, полагаю, самое время задуматься над одной - неисполненной - резолюцией, поставив ее в прямую связь и с этой встречей.

Документ, открывающий главу предыдущую, в архивном деле 201 первого фонда Отдела рукописей Института литературы им. Т.Г. Шевченко Академии наук Украины представлен и оригиналом и копией. На копии можно прочесть резолюцию: "Назначить во 2-й батальон под самый строгий надзор". И дата: "24 июня".

Кем именно резолюция начертана, публикаторам документов установить не удалось. Сошлись на выводе компромиссном и -безоговорочном: наложена она тем, кто на резолюции право имел.

Второй батальон дислоцировался в самом Оренбурге, а значит Шевченко мог оставаться - для несения службы - именно здесь, в центре губернии.

Возникшие знакомства привлекательность такого варианта усиливали.

Однако теперь, когда Толмачев в Оренбурге подписал, а фельдъегерь Виддер в Петербург увез рапорт о зачислении новоявленного рядового в линейный N 5, изменить что-либо на месте возможности уже не было. Это сегодня просто: "обогнать" обыкновенную почту авиационной или, того надежнее, воспользоваться телефоном, телеграфом. Авиации, как и телефона, тогда еще не существовало, а телеграфная линия до Оренбурга дотянулась только пятнадцать лет спустя, в 1862 году.

Но с чем - и зачем - обгонять? Определение батальона было предоставлено начальству местному, и оно свой выбор сделало. Просить о перерешении такого ЧАСТНОГО вопроса в Петербурге значило уронить себя в глазах столичных высокопревосходительств.

Обратиться ПРИВАТНО - воздействуйте, мол, и посодействуйте? Такое письмо, допустим, могло исходить от Матвеева. Но кому? В верха он вхож быть не мог. Да и вообще, как бы все это выглядело: жалобой? доносом? И все же резолюция на копии рапорта о прибытии и зачислении Шевченко не случайна... Так кем она наложена? Чьей рукой начертана?

Пока - во что бы то ни стало - Шевченко следовало ЗАДЕРЖАТЬ.

"...Земляки советовали ему, как больному, отправиться в лазарет недели на две и в это время надеялись выхлопотать, чтобы его оставили в оренбургском батальоне, где жизнь для Шевченко была бы сколько-нибудь сноснее..."

Так свидетельствовал Михаил Лазаревский, информированный об этом братом. В воспоминаниях своих он подчеркнул: Тарасу Григорьевичу и впрямь нездоровилось, многотрудная дорога и резкая перемена климата вызвали "слабые признаки лихорадки".

"... Но, читаем дальше, - он отказался от этого - как из отвращения к лазаретам, так и потому, как он говорил, что никогда еще никого не обманывал; а поступление в лазарет он считал обманом начальства, так как мог обойтись без помощи доктора. Просить же за себя он не позволил, не желая при таких обстоятельствах унизить себя просьбою..."

ПЕРЕРЕШИТЬ вопрос мог генерал от. инфантерии ОБРУЧЕВ - главноначальствующий в крае.. Доброжелатели - среди них Матвеев -уповали НА ЭТО. "При Обручеве он был великая сила", - писал о Матвееве Ф. Лазаревский. Но командир корпуса находился от Оренбурга далеко, скорого возвращения не предвиделось.

Оставалось одно: поелику возможно оттянуть отправку Шевченко в Орскую. Поелику возможно, но... соблюдая осторожность.

Оттянуть - для чего? Что такая оттяжка могла дать?

2.

С разгадкой томить не стану.

Резолюцию на копии рапорта Толмачева в Петербург наложил не кто другой как ... Обручев.

Почерк его, за множество лет работы над документами того времени, был мне

знаком во всех деталях. Стоило раскрыть дело N 201 и дойти до этого листа, как загадка авторства карандашных строк на полях существовать для меня перестала.

Сомнения долой - написал ОН. Но когда, где?

Дата проставлена той же рукою: 24 ИЮНЯ. В ней ни малейших сомнений - начертано четко, читается только так.

В Оренбурге генерала не было. Да, Обручев совершал тогда продолжительную по времени тысячеверстную поездку по краю. В указанный день, как можно судить по документальным материалам, находился он, скорее всего, в Раиме. Так каким же образом?..

Вопрос напрашивался сам собою. Но и ответ тоже.

Начальник края, командир корпуса не могбыть оторван от того, что происходило на вверенной ему территории, и вслед за ним, зная расписание его передвижений, регулярно отправлялись наиболее ценные бумаги, требовавшие внимания к себе самого Обручева. Отправлялись для решения или согласования, для сведения, наконец, и мчались гонцы в места далекие, находя высокого адресата всюду, где бы он ни оказался. А потом, таким же образом, бумаги возвращались в Оренбург, с соответствующими резолюциями "самого". И, конечно, с другими предписаниями, родившимися в голове ХОЗЯИНА ГУБЕРНИИ во время его переездов.

Этот документ к числу особо важных по тем меркам не относился. Но тут-то и сказалась заботливость Матвеева. Как адъютант корпусного командира, он не был в стороне от формирования почтовых отправлений Обручеву; вложил в пакет и касающееся Шевченко.

Никак иначе резолюция о причислении ко 2-му батальону появиться не могла.

Но... уловка с НЕДЕЛЯМИ В ЛАЗАРЕТЕ Шевченко пришлась не по душе; уговорам на этот счет он не внял, ни на какие послабления не рассчитывал.

В Орскую так в Орскую. Что будет, то будет.

Сожалел ли об этом со временем?

Сожалел.

О резолюции он узнал много позже и не мог не испытать огорчения: Орская к тому времени опротивела, осточертела, в Оренбурге чувствовал бы себя лучше.

Вчитаемся в письмо Лазаревскому, датированное 20-м декабря 1847 года и помеченное "КО" (крепость Орская), а особенно в такие его строки:"... сперва я смело посмотрел беде в глаза. И думал, что это была сила воли ("сила вода над собою"), ан нет, то была гордость слепая. Я не разглядел дна бездны ("тн бездни"), в которую упал. А теперь, как разглядел, то душа моя бедная рассыпалась, как прах перед лицом ветра ("мов пилина перед лицем вггра"). Не по-христиански, брате мой, а что ж поделаешь?.."

Вот, полагаю, и раскаяние в опрометчивости оренбургского отказа лечь в лазарет, под любым предлогом, но постараться задержаться в Оренбурге, чтобы, возможно, тут и остаться.

Считал, что худшего, чем есть, ждать уже не приходится и проявил СИЛУ ВОЛИ не искать путей окольных, не унижать себя увертками. Теперь убедился: гордость была слепой, к доброжелателям следовало прислушаться, заранее подумав о том, что ждет его в никчемной этой крепости. Не захотел компромисса с совестью перед лицом мучителей бессовестных - теперь за то себя ругает:

-"... нема з ким шире слово промовити..."

-"... нудьга, що в сердце впилася мов люта гадина..."

- "...тяжкий недуг..."

Нет ДРУЗЕЙ - гложет ТОСКА - болезнь требует квалифицированного ЛЕЧЕНИЯ... Все больше думалось об Оренбурге, все чаще корил себя за гордыню, взыгравшую в нем не ко времени.

3.

"Через два дня Шевченко пришел к нам на квартиру..." (Ф.Лазаревский) . "Земляки его тотчас отправились в казармы и выпросили его к себе на квартиру..." (МЛазаревский).

Тогда-то (12-го? 13-го?) и вошел он впервые в дом Михаила Ивановича и Александры Петровны Кутиных, чиновника пограничной таможни и его жены. Дом этот - на углу Преображенской улицы и Канонирского переулка (ныне угол улицы 8-го Марта и пер. Шевченковского) - хорошо известен и горожанам, и гостям Оренбурга. Его выделяет самая первая на весь край мемориальная доска в память великого поэта, тех дней и лет его оренбургской жизни.

От покойного ныне Архипа Кузьмича Бочагова - историка, краеведа, организатора куьтуры - среди некоторых других материалов достался мне и листок, озаглавленный: "Стенограмма сообщения Натальи Илларионовны Кутиной, 15 января 1939 г."

Что же стенограмма зафиксировала?

"Лет двадцать тому назад мой муж - доктор Кутин рассказывал мне, что на квартире у его деда жил Т.Г.Шевченко, который был выслан в Оренбург, о чем имелась запись в семейной тетрадке-хронике. В этой тетради запись велась с 1822 по 1865 годы, и была запись о том, что Шевченко жил у них на квартире в той части дома, которая выходила на Канонирский переулок. Эти записи брали у нас различные лица, фамилии которых не помню, а помню только одного, последнего -Иванова. Когда я получила эту тетрадь, то оказалось, что очень много текстов было вырезано и как раз за те годы, где была запись о Т.Г.Шевченко. Кто вырезал эти листки, я не знаю.

Мне передавал муж, который слышал от отца, что Шевченко часто сидел на крылечке в солдатской шинели. Иногда переходил на красную сторону улицы к дому Каменевых и там сидел на крылечке.

Напротив дома Кутиных был польский костел. Шевченко, как украинец, страшно любил природу, а там был чудесный тенистый сад, и он в этом саду часто сидел в тени.

Из дома Кутиных он был отправлен в Орск".

Сохранилась и другая такая "стенограмма сообщения" - на этот раз Софьи Аполлоновны Рыковой-Кутиной. Она мало в чем отличается от уже воспроизведенной - разве что незначительными деталями. Да еще концовкой: "Я не помню, когда приезжал представитель городской управы и хотел повесить доску с надписью о том, что в этом доме жил Шевченко; знаю, что мне тогда было примерно лет 16-18. Сейчас мне 51 год. (Рассказывала в 1939-м. - Л.Б.) Значит это было 30 с лишним лет тому назад, примерно в 1905-1906 годах".

Нынешняя мемориальная доска - не изначальная. Так бывает, и ничего предосудительного в этом факте нет. Сохранялась бы память...

А вот внешний облик дома утрачен невозвратно. Что всего обиднее - утрачен в наше просвещенное время. Да, за полтора, если не два, века жизни "деревянный ветеран" обветшал, покосился. Как показывать его дорогим гостям - участникам Декады литературы и искусства Украины? И из побуждений предобрых вдруг надумали городские власти весь фасад обновить. Спешно! За ночь! К приезду!... Обновили и впрямь сверхсрочно. Но как!? Обшили новыми досками. Как Бог на душу положил, так и обшили. Был накануне облик исторический - стал нарочито-парадный... А ведь история нарочитости не приемлет!

Федор Лазаревский:

"... Я встретил его, как брата, как самого близкого человека. Со мной жил тогда Левицкий, и Тарас Григорьевич с обоими нами был сердечно прост, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно..."

Михаил, брат Федора:

"...Встреча с Шевченко была замечательная: и он, и окружавшие его плакали, не

знаю - от горя или от радости, что увидели своего родного поэта..."

Федор: "...Гость остался у нас ночевать..."

Михаил: "Целый день он провел в кругу земляков..."

Свидетельства братьев не разноречивы - одно другое дополняет.

Шевченко, как представляется мне, впервые пришел в этот дом двенадцатого'или тринадцатого ("через два дня"). Но явился сюда и в день воскресный, пятнадцатого июня, - чтобы вместе провести недельный праздник, даже остался тут до утра. Конечно, с дозволения казарменного начальства; впрочем, получение его лежало всецело на хозяевах.

Приходил и на следующей неделе.

"Из дома Кутиных он был отправлен в Орск", - сообщала семейное предание Н.И.Кутина.

Тремя годами позже, в мае пятидесятого, путь в Орскую крепость начинался для него от главной гауптвахты и везли его туда как арестанта.

Других отъездов из Оренбурга в направлении Орской, кроме как в 1847-м и в 1850-м, у Шевченко не случалось.

В пользу достоверности этого предания говорят и записи в сохранившемся "Альбоме Лазаревских". Но... забегать вперед незачем -всему свое время.

Вернемся к свидетельству братьев.

Михаил:"... пел народные песни, читал кое-что из своих стихотворений, был, по-видимому, не особенно грустен; но заметно было, что он многое скрывал в душе и хотел, назло судьбе, быть выше ее".

Федор: "... Сняв с кроватей тюфяки, мы разложили их на полу, и все втроем улеглись на полу вповалку. Шевченко прочел нам наизусть свою поэму "Кавказ", "Сон" и др., пропел несколько любимых своих песен: неизменную "Зіроньку", "Тяжко, важно в світі жити"; но с особенным чувством была исполнена им песня:

Забіліли сніги,
Заболіло тіло
Ще й голівонька,
Ніхто не заплаче
По білому тілу,
По бурлацькому...
и пр.

Мы все пели. Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством. Были минуты, когда слезы сами собой катились из глаз, а гость наш просто рыдал.

Летняя ночь таким образом пролетела незаметно. Мы не спали вовсе..."

Мимолетное "неизменная" перед "Зіронькою" - названием песни -это, думается, в пользу того, что до дружеского воскресения была у новых знакомых приятельская, товарищеская суббота, тоже душевная, тоже песенная.

И то, что ночью, не таясь, читал он вслух именно "Кавказ", именно "Сон" - произведения, за которые, собственно, и обрекли его на солдатчину, - говорит об утвердившемся в нем доверии к нежданно встреченным славным людям. Такое доверие - открытое, полное - не могло придти с ПЕРВОЙ встречей. Первая была раньше.

4.

Семейная тетрадь-хроника дома Кутиных существовала на самом деле. Долго в этом сомневался, но... держали ее в руках люди, не способные придумывать небылицы, - тот же Бочагов, к примеру. Последние мои сомнения рассеялись, когда в его архиве обнаружились два блеклых фотоснимка записей с именами Лазаревских и Усковых. По просьбе Архипа Кузмьича снимали уже после того, как из тетради кто-то вырезал "очень много листов". По утверждению Н.И.Кутиной, они содержали и запись о Шевченко.

Подтверждали это не только С.А.Рыкова-Кутина, но и ее сестры Александра и Вера Аполлоновны, сын их старшего *брата* Михаила

Последним - до обнаружения изъятых страниц - тетрадью пользовался некий Иванов. Софья Аполлоновна его помнила: невысокого роста, полный, юркий, с золотыми зубами. "Часто печатался в оренбургской газете, наверное там и работал..."

Избежать искушения было выше моих сил, и пустился я в поиски золотозубого журналиста Иванова из тридцатых годов нашего бурного столетия. Тогда еще здравствовали некоторые старые местные газетчики. Они-то и навели меня на след и даже обрадовали: Иванов - по всем приметам, МОЙ - жив и временами в редакцию захаживает, принося небольшие краеведческие заметки. Краеведческие? Наверняка тот самый - уж слишком велико совпадение. "Но после военной контузии он немного не того..." Предупреждение огорчило, однако желание познакомиться не остудило.

Не стану в деталях рассказывать, как, с помощью медиков из психдиспансера, отыскал адрес этого человека, как осторожно начинал разговор и "искусно" подводил его к нашим общим краеведческим интересам, как раскрылась передо мною заветная папка собеседника и я увидел в ней многочисленные вырезки из газет (в том числе мои собственные опусы о писателях и поэтах, связанных с краем, о Шевченко прежде всего). Перешел на темы шевченковские, а затем уже ввернул и о листках из тетради Кутиных. Хозяин дома слушал меня с интересом. Наконец, спросил его прямо: видел он эту тетрадь? Держал в руках? брал на время для выписок? Услышал решительное "нет" - не видел, не держал, не брал.

- А мне сказали - Иванов...

Задумался. Показалось даже, что совсем от меня отрешился. Нет, не отрешился: продолжал думать.

- Иванов, да не тот, - проговорил после долгого молчания.

И я узнал, что был в тридцатых годах еще один журналист Иванов, которого больше знали по псевдониму - В. Яицкий. Настоящий газетный ас, бог в делах репортерских, а уж в историческом прошлом этих мест - дока первейший, равных не сыскать. Соответствовал приметам и внешний облик.

- Золотозубый колобок... Гм, а я шел сюда с затаенной опаской.

- Жив он сейчас?

- Вряд ли. В молодости своей думским репортером был, когда еще,

выходит, работал!

- В какие годы последний раз видели?

- До войны... На том и распростились. В те же дни (происходило это в начале шестидесятых годов) кто-то - опять из ветеранов журналистики - высказал мысль: а не коснулись ли Иванова-Яицкого репрессии 1937-го или прочих горьких лет?

Проверил. Предположение, к сожалению, подтвердилось: "врагнарода". Вещественные "доказательства" в виде "разных бумаг" изъяли и уничтожили.

Так-то... Была запись, была семейная тетрадь-хроника - нет ни того, ни другого, исчезли невозвратно.

Многое исчезло. Очень многое.

А что, собственно, мог я в тетради этой найти?

Лишь одно: подтверждение (или отрицание) единственного факта - жил тут Шевченко хоть недолго, хоть самое короткое время или просто, по дружбе, захаживал сюда, оставаясь иногда и на ночь?

Конечно, квартировать здесь в течение нескольких дней, ну от силы двух-трех недель, он мог, когда вернулся в Оренбург по окончании Аральской экспедиции, то-есть после 31 октября 1849 года.

Но это уже за хронологическими рамками повествования, и вставной моей "новелле" конец.

5.

Отправлять Шевченко в Орскую крепость не спешили - сказывались старания Матвеева и других, поэту сочувствовавших

Жил он в пересыльной казарме, был обмундирован, зачислен на солдатское довольствие, но в списках "своего" батальона еще не значился, "попечению" взводного и ротного его пока не подчинили, ефрейтора или дядьку к нему не приставили.

Не было занятий на плацу и занятий словесностью. Однако казарма есть казарма. Свой у нее быт, свой ВОЗДУХ. Казарменные нравы тяготили, жизнь на виду, публичная в полном смысле, вызывала отвращение.

Особо его не стерегли - как, куда, далеко ли убежишь? Под ружьем не водили - не арестант. Гауптвахтой не грозили - еще и не солдат. Но все больше, горыие ощущал себя - уже в эти, оренбургские, дни ощущал - и нижним чином, и арестантом. Отдушины были: новые знакомые становились друзьями, встречи с ними облегчали душу. Но было томительно трудно из домашнего мира возвращаться на нары...

Не утихают меж биографами споры: сколько все-таки Шевченко пробыл в этот раз в Оренбурге? Прямых документов почти нет. Воспоминаний мало - только Лазаревских. Славных братьев можно и упрекнуть. Всю свою жизнь несли они Шевченко В СЕБЕ, нам же, нынешним, передали все-таки НЕМНОГОЕ. Но что дали, то дали -спасибо им и за Шевченко, и за донесенную о нем память. Будем читать то, что есть, а думать., думать все же шире...

В "Лггопису життя і творчосп Т.Г.Шевченка" 1976 года значится: в Орскую крепость его отправили 14 июня. Академическая биография 1984 года дату отправки не называет вовсе, хотя менее существенные указывает щедро. Обойти, конечно, проще.

Четырнадцатое, таким образом, остается в силе? Но известно, что 23 июня состоялось так сказать официальное внесение рядового Шевченко в ранжирный список пятого линейного батальона. Прибыли, наверное, накануне вечером. Выходит, добирались ДЕВЯТЬ СУТОК?! Из Петербурга в Оренбург приехали "на осьмые", а тут, при расстоянии вдесятеро меньшем, ПЛЕЛИСЬ на сутки больше. Как же надо было ехать? Ах, идти... Пешком? Еще одна попытка представить его арестантом, а препроводителя - конвоиром... Поручик тоже пешком? Или он - в повозке, на перекладных? Только ведь и тогда прогонные, кормовые, суточные выдавались не менее жестко, чем в наше время командировочные. А тут вдруг расщедрились... Совершенное непонимание условий места и времени, порядков, которые существовали!

Изучая опубликованные и неопубликованные материалы, обратил я внимание: рапорт с изложением претензии Шевченко по поводу того, что "по отбытии его из г. Киева остались там собственные его вещи у господина Киевского гражданского губернатора", и с передачей просьбы "рядового" о "высылке тех вещей" (прежде всего, рисовальных принадлежностей), датирован писавшим его поручиком Почешевым 20 ИЮНЯ 1847 года и помечен ОРЕНБУРГОМ.

Рапорт на имя командира 5-го батальона мог быть составлен либо в Оренбурге, либо в Орской крепости, но никак не в дороге: отправка его с маршрута не вызывалась никакой срочностью, да и осуществлена быть не могла.

Будь рапорт написан уже в крепости, под ним значилось бы другое географическое название, не говоря уже об иной, более поздней, дате.

Следовательно, остается Оренбург. Поручик, которому было приказано доставить Шевченко к месту службы, писал, скорее всего, перед выездом. И 20-е - это день отправки новоявленного рядового из Оренбурга, где он, стало быть, находился не четыре-пять дней, а ВСЕ ДЕСЯТЬ.

Выезд 20-го, и даже не утром, прибытие в Орскую 22-го к вечеру под сомнение не ставит. О том же, что прибытие состоялось в позднее время, говорит издание приказа по батальону - о зачислении нового солдата в третью роту - лишь на следующий день, 23-го.

Всю эту неделю Шевченко оставался в Оренбурге. И была она отнюдь не пустой.

Расширился круг общения.

От Лазаревских и Левицкого узнал о нем врач Пограничной комиссии Дмитрий Гене. Отец его некогда был председателем этой Комиссии; вообще же он служил в городе почти сорок лет. Тут раскрылся в Г.Ф.Генсе талант ученого-востоковеда, дар незаурядного организатора. Дмитрий закончил медицинский факультет Дерптского университета и тоже подавал большие надежды. К сожалению, через год, опять же в июне, но уже 1848-го, он, 29-летний, умер от холеры.

Семью генерала Генса'считал для себя родной Алексей Чернышев (Авдотья Матвеевна, "генеральша", доводилась ему крестной матерью, в этом доме он несколько лет воспитывался и потому чувствовал себя своим). Петербургский художник с академическим образованием, Чернышев, несмотря на молодые годы (шел ему всего-навсего двадцать третий), у же снискал себе определенную известность в реалистической жанровой живописи. Сейчас Алексей Филиппович приехал в родной город на этюды. Встретившись с Шевченко, он ввел его, как представляется, в дом своих родных, представил отцу, военному писарю, братьям - родному и двоюродному, сестре.

Знакомых становилось больше. "Кто есть кто?" - постижение этого было важно для будущего.

6.

Обещал я раньше рассказать об "Альбоме Лазаревских" - пришел теперь и его черед.

Хранится альбом в фонде N1 Отдела рукописей Института литературы АН Украины. Бесценном Шевченковском фонде - святыне народа. Вместе с автографами гения, прижизненными и посмертными списками его произведений, разнообразными материалами о жизни и творчестве - тысячами и тысячами листов вечного хранения.

Альбом видал виды, прошел через множество рук - и при владельцах прошел, и после того, как ушли они из жизни. Заполнялся он на протяжении сорока с лишнем лет - с 1844 по 1887 годы. Вели его хозяева без всякой системы - то усердно заполняя, то надолго забывая , открывая сшивку листов то в начале, то посредине или ближе к концу. После чистых страниц идут исписанные, за ними снова нетронутые и опять - заполненные. Иные годы не представлены никак - лежал, видно, сердечный, в каком-нибудь закутке, заброшенный и забытый. Но потом выныривал, вырывался на свет, раскрывал свои страницы для нового, и оно ложилось на бумагу, чтобы остаться тут навсегда. Пишу и думаю: от ПОСЛЕДНЕЙ записи - сто (!) лет. А альбом живет, "дышит", ВОЛНУЕТ...

...Открыл череду записей Кольцов: "Спаситель, спаситель, чиста моя вера..."

Пушкин. Тютчев. Жуковский. Струговпщков. Огарев. Снова Пушкин. Лермонтов. Гюго. Опять Лермонтов. И снова Пушкин: "На выздоровление Лукулла" ("Ты угасал, богач младой, ты слышал плач друзей печальных..."). Ниже примечание: где напечатано, какому реальному событию посвящалось, как было воспринято и чем обернулось для автора.

Без подписи - А.Полежаев: "В России чтут царя и кнут. В ней царь с кнутом, что поп с крестом..." Графиня Растопчина и княгиня Волконская. Ал. Григорьев. Беранже. Это уже на 97-й странице. И вдруг в конце ее, как бы на подверстку, ВПЕРВЫЕ УКРАИНСКОЕ:

Де ти, хмелю, зимовав,
Що и не розвивався?
Де ти, сину, ночовав,
Що и не роздягався?
В Катерини, ненько,
В Катерини, любко,
В Катерини - на перин!,
Сизая голубко...

Внизу дата: 1847, ИЮНЬ, 20. В приписке - место записи: ОРЕНБУРГ.

Двадцатое июня - день, которым обозначен рапорт поручика Поче-шева. Оренбург - тоже, как в рапорте. "Из дома Кутиных он был отправлен в Орск ..." Отправить могли из казармы, но последнее прости Оренбургу сорок седьмого он сказал на квартире Лазаревского, и произошло это в день выезда.

С того самого дня заговорила в альбоме Украина. Даты разные - и сорок седьмого, и сорок восьмого, и сорок девятого; еще более щедро представлены пятидесятые.

"Кармелюче, по свпу бродиш..."

"Ой зшди, з!йди ти, з1ронько да веч1рняя..."

"Тяжко-важко в свт жити..."

"Ой чумаче-чумаче..."

"Хлопче, молодче, який ти ледащо..."

Фамилия Шевченко не встречалась мне ни разу. Не нашел ее ни на одной странице. Даже шевченковское без подписи. Но то, что альбом ъ руках его был, подтверждается записями СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ.

Автограф, к примеру, на листе 225-м. Озорной, с перцем:

Таточко з мамкою
Скрипають лавкою,
Д1точки в зашчку:
Год! ж вам, таточку.

Альбом принадлежал мужчинам. Запись тоже мужская - грубоватая, ядреная.

Шевченко почему-то отказывают в праве на такие "вольности". Праве, которым, никого не спрашивая и ни перед кем не стесняясь, широко пользовался Пушкин. Сколько подобного, и куда похлеще, в полных изданиях его поэзии...

Они совсем молоды - Лазаревский, Левицкий, те, кто их окружает.

Они искренни, во многом наивны.

...Акростих, достойный альбома провинциальной барышни:

Так тебе сказать не ложно -
Если хочешь ты того:
Без любви жить невозможно,
Я люблю. Узнай - кого?

...Совершенно личное: "Когда с тобой расстался я - *я* не хочу таить, - что я тогда любил тебя..." Юношеское томление по той, которая осталась в его "прошлой жизни" и еще вспоминается - целомудренно, сладостно.

И тут же - ядовитые эпиграммы (к примеру, Пушкина - на Булга-рина; против Булгарина их целый град), изречения Мицкевича, толкования слов. Ответ турецкому султану от казаков запорожских, стихи русские, французские, украинские. Украинские все чаще. Как не думать о том, что это он, Шевченко, его невольный приезд в Оренбург разбудил в молодых земляках чувства национального достоинства, национальной гордости?..

К старому этому альбому возвращаться, чувствую, еще придется. Сейчас же, во многом благодаря ему, удалось мне ПОДСЛУШАТЬ живые голоса вокруг Шевченко - голоса из тех июньских дней, когда стоял он у порога судьбы своей на долгое солдатское десятилетие.

7.

Въехав в Оренбург через Сакмарские ворота, выезжал он через Орские.

Те были каменные, эти - деревянные. Те, кроме прямого назначения - запирать въезд в крепость, имели и парадное - встречать высокопоставленных, и вообще столичных, гостей; эти выполняли сугубо рабочее назначение - провожать на восток и встречать из степных далей, не выпуская тех, кого надлежало задерживать.

Еще в двадцатых годах нашего века стояло небольшое кирпичное здание бывшего

караульного дома - кордегардии. Теперь от строения того, как и от ворот, срытых еще в шестидесятые годы прошлого столетия, не осталось следа. Лишь по старым планам можем мы установить, что находились они где-то на стыке современных улиц Пушкинской и Студенческой.

Стояли ворота совсем близко от дома Кутиных.

Шевченко их запомнил. Вошли они в повесть "Близнецы".

"...На другой день поутру у Орских ворот ефрейтор скороговоркою спрашивал: "Позвольте узнать чин и фамилию, и куда изволите следовать". Из воротника шинели довольно грубые вылетели слова: "Лекарь Сокира. В Орскую крепость. Подвысь! Пошел!".

Разумеется, 20 июня, когда из Оренбурга выезжал не литературный герой Шевченко Савватий Сокира, а он сам, нижний чин в полном солдатском облачении, вопрос ефрейтора адресовался не ему, а офицеру.

Грубый окрик препроводителя в память врезался.

Вез его к месту службы поручик 5-го линейного батальона Герман Почешев.

Немногим старше Шевченко, 1810 года рождения, был он в этом крае своим, коренным жителем. И отец, и мать прожили здесь всю жизнь. Павел Федотович и Наталья Александровна родились в солдатских семьях. Службу отец начинал лет за двадцать до конца того века, рядовым Оренбургского гарнизонного полка, потом служил там и сержантом, и фельдфебелем, за отличия вышел в подпоручики, а затем в поручики. Отличался в степных походах. К примеру, в операции по освобождению каравана, шедшего из Бухары и захваченного в плен шайками злонамеренных разбойников. Походы сказались на здоровье. Лекарь дал заключение: "застарелая в ногах ломота" не позволяет далее продолжать службу "на полевом положении". Стал ходатайствовать о переводе - "за болезнью" - во второй линейный батальон, по своему характеру более ОСЕДЛЫЙ. Не сразу, но просьбу штабс-капитана уважили.

Герман Павлович рос в семье офицера-степняка и карьеру себе выбрал военную. Хотя карьеры-то он не сделал: совсем скоро под сорок, а он все еще в поручиках. Служит в заштатной крепости Илец-кая Защита, во второй роте 5-го линейного батальона. Через Оренбург сейчас пролегала его дорога в Орскую, где находился батальонный штаб. Ехал в думах невеселых. Беды будто преследовали: совсем недавно схоронил пятнадцатилетнюю дочь - умерла от чахотки.

Начальником этапной команды Почешева назвали биографы. Еще дореволюционные - с того и[1] пошло. Версия о пешем этапе нет-нет да и повторяется. Меж тем еще у Александра Конисского находим утверждение: был не переход, а переезд; он же высказал предположение, что лошадей наняли друзья.

Такого мнения придерживаюсь и я. Задерживать Шевченко в Оренбурге, откладывать с отправкой его по назначению более уже не приходилось. В Орскую тем временем собрался Почешев - были у него свои, служебные дела. С ним и договорились. Кто? Полагаю - Матвеев.

Документов на сей счет нет. Но есть логика, а она подсказывает: делалось так...

8.

Суть города-крепости понять, пусть даже в общих чертах, было не трудно и за эти июньские дни. "Эполеты да каски, каски да эполеты, козаки да солдаты, солдаты да козаки, даже бабы ходят по улице в солдатских шинелях..." Свидетельство его самого, пусть и в восприятии Сокиры, а если точнее, то его земляков, читавших "Оренбургскую муху" Савватия.

Город был военным. Но не в меньшей степени и торговым. Гостиный двор с великим множеством разнообразных лавок занимал целый квартал - чуть не весь центр. Главная же торговля была за Уралом. Представляли земляки Сокиры, "как он сидит на горе и смотрит на Урал, и на рощу за Уралом, и за рощей на меновой двор, а за двором

степь и степь, хоть и не смотри, далее ничего не увидишь..." Степными дорогами двигались иной раз караваны с товарами.

Военный, торговый, чиновничий город, давно переросший свое крепостное начало. В облике его предостаточно такого, что вызывает антипатию. Но и впрямь "наружность иногда обманчива бывает". Какие славные люди ему здесь встретились, с какой хорошей, щедрой душою... До чего обидно с ними расставаться!... Да только не ему выбирать себе место службы. Какой-то будет к нему захудалая, богом и людьми проклятая Орская?

- Подвысь! Пошел!

"И тройка понеслася через форштат, мимо той церкви и колокольни, на которую Пугачев встащил две пушки, осаждая Оренбург..."

Форштадт, через который пролегала Орская дорога, был одним из двух старейших предместий Оренбурга. Возник он вскоре после основания города - в 1745-м. А немногим более четверти века спустя, во время Пугачевского восстания, казачья слобода была сожжена по приказу оренбургского губернатора Рейнсдорпа. Это произошло 5 октября 1773 года, когда главные силы повстанческой армии вплотную подошли к городу и стали огибать его с северо-востока, выходя как раз к форштадту; удальцы-конники, лихо подскакав к валу, воткнули сюда кол с пркрепленным к нему призывом Емельяна Пугачева о переходе солдат на его сторону.

Он, форштадт, - разрушенный и сожженный, чтобы не мог в нем обосноваться Пугачев, - был не только свидетелем, но и участником штурма, а затем долгой - полугодичной - осады Оренбурга.

Церковь, о которой писал Шевченко, это Георгиевский войсковой собор в том жеформштадте. Лишь она, церковь на берегу Урала, построенная в 1756 году, уцелела во время пугачевского наступления. Повстанцы овладели ею и использовали в целях военных. На паперти и на колокольне были установлены пушки. С колокольни раздавались и выстрелы ружейные.

Пугачевскими местами ехал Шевченко к Оренбургу. О Пугачеве думалось и теперь, когда дорога вела его в Орскую крепость.

ЗЕМЛЯКИ ИЗ ОСТРОВНОЙ

1.

Иван Иванович Корин был человеком предприимчивом и до наживы охочим. Еще в сорок третьем принял он на себя содержание 43-х почтовых станций по Оренбургскому линейному тракту. Не принял, а прямо-таки вырвал - тут и брат помог, дежурный штаб-офицер корпуса. Выгоды понял сразу, они ему пришлись по душе, а вот дело... "Корин действительно, устранив себя от непосредственного содержания почтовых станций; передал их большею частию чинам войскового сословия, по письменным домашним договорам, со всею тою обязан-ностию и ответственностию, какую принял он на себя по контракту..." Именно к такому выводу пришел Ефим Матвеевич Матвеев, один из ближайших помошников командира корпуса, вникнув в дела по почтовому ведомству подполковника Оренбургского войска Корина. Выходило так, что те, кто впрямь станции на себе держал, получали самую малость - не больше, чем пожелал платить главный подрядчик, он же, не прилагая усилий, срывал немалый куш.

Контракт предписывал:

- на каждой станции должно быть четыре пары лошадей со всеми принадлежностями для почтовой гоньбы,

- лошадей надо ставить не старых, а здоровых, крепких, объезженных,

- там, где не окажется казенных станционных дворов; подрядчик обязан нанимать лучшие обывательские дома на свой счет...

Но куда там - у Ивана Ивановича правила были собственные. При содействии брата, Петра Ивановича, и доверенного своего есаула Ко-чурина, прижал он казаков так, что те и слова поперек сказать не могли. "Действия... были противозаконны и клонились к

устранению казаков от взятия станций, к оставлению их за собою в явный ущерб земства, в невыгоду казаков и к сокрытию от начальства настоящего положения дела..." Дознаться про все такое не помешало и то, что Корин, заблаговременно предупреждаемый о каждом затеянном следствии, немедленно снаряжал в путь-дорогу гонцов, чтобы те... Впрочем, в документах есть и об этом:"Перед выездом на линию следователей подполковником Кориным был отправлен вперед их урядник Федорчуков для предупреждения нанятых Кориным лиц, чтобы они в случае спросов их показали, что взялись отправлять почтовую гоньбу только с одними своими лошадьми и сбруею, а повозки, квартиры и все прочее имеют от Корина".

С такими результатами и закончилось первое трехлетие коринско-го подряда. Сколько нажил на кем - в бумагах не сказано, но чем-чем, а честностью ".попрекнуть" его не мог бы никто.

Очередные торги - на 1,847-1850 годы - проходили в конце сорок шестого. Предполагалось, что о них будут загодя знать во всех станицах, чтобы всяк желающий держать почтовую станцию во-время прикинул свои возможности, объявился где следует и мог в торге участвовать.

Во многих местах объявления не последовало. Но и там, где казаки знали...

В Нежинской и Каменноозерной жители при спросе их показали: да, о торгах им было известно. Больше того, Александр Богатырев и братья Обуховы подряд'принимали, цены называли, торговались. "Но почему не отдана им почтовая гоньба, а осталась за есаулом Кочури-ным, не знают..."

Матвеев в этот раз доказать свое не смог. Почтовая афера будет раскрыта позже, разбирательство грязного дела дойдет до высших инстанций, однако и тогда братьям удастся выйти из воды почти сухими.

...Шевченко следовал дорогой, некоторой властвовали Корины.

2.

Маршрут переезда - при исчислении от Оренбурга - был по верстовым столбам, таким:

Нежинский форпост - 17,
Каменноозерная - 14,
Островная -26,
Красногорская -17,
Гирьяльская - 22,
Верхнеозерная - 20,
Никольская - 27,
Ильинская -18,
Подгорный редут -19,
Губерлинская - 22,
Хабарный форпост - 28,
Крепость Орская -26.

Это по карте почтовых дорог того, примерно, времени.

В последующие годы появлялись уточнения. От Нежинской до Каменноозерной верст стали числить не 14, а 15, между Губерлинской и Хабарным - не 29, а 28; для более точного счета кое-где вписали половины и четверти. Общее расстояние не менялось, но начальство видело: картографы службу знают и несут ее исправно.

"От Оренбурга до Орска считают 265 верст", - констатировал в своих "Оренбургских письмах" М.Михайлов (книга его появилась в Петербурге в 1866-м). Тракт ему явно не понравился: "Глухо, пусто, дико и скучно кругом этого тракта".

Лестных слов о предстоявшей ему дороге Шевченко, пожалуй, и не слышал. Воспринимал ее как очередную и неизбежную неприятность - из тех, которыми июнь этот был (и будет) полон доотказа. О возможных ВПЕЧАТЛЕНИЯХ не думалось. Какие-такие

впечатления смогут быть на чужой и чуждой ему земле? у человека, загнанного сюда силой? Другое дело у Штернберга, товарища по Академии, ездившего сюда писать этюды и картины, у Чернышева - в этом краю выросшего. Но впечатления рождались чуть не с первых верст пути. От земли, селений.'людей. Главное - людей...

Многие писали об этой дороге и до него, и после. Только у Шевченко не версты да холмы, не всем доступное и всеми повторенное, а именно люди - живая ДУША тракта. Михайлов, которого я процитировал, ездил сюда, скорее всего, по своей воле; никто не возбранял ему заезжать-заходить куда вздумается; не ждала его впереди солдатчина. А исторгла в нем дорога лишь одно-единственное: "глухо, пусто, дико и скучно".

...Из Оренбурга выехал не покорившийся злой участи рядовой -нет, художник и поэт, которого занимало все. По-прежнему - все.

3.

Нежин - имя знакомое, больше того - родное. Нежинка... Нежинская... Нежинский форпост... Перекличка прямая!

Селение появилось почти одновременно с закладкой Оренбурга на нынешнем его месте. Начало форпосту, а теперь станице, положили земляки, в прошлом солдаты Нежинского полка. Они и название дали. Сами с годами ушли, а имя осталось. Не привлечь путника-украинца такое имя не могло.

"Поехал он в Неженку. Это будет по Орской дороге..."

В речи местных жителей и сегодня название звучит так, отстранен-но от своей первоосновы: Неженка.

И еще одно, попутно: Сокира в Неженке оказывается ДО ПОЕЗДКИ в Орскую крепость - выезжает сюда специально, вроде как на прогулку. В произведении художественном смещения во времени -прием допустимый.

"... Итамдома да ворота, только мечетей не видно. (Перед этим речь шла о Каргале - селе татарском...). Зато не видно и церкви... Постучал он в тесовые ворота, ему отворила их довольно недурная собою молодка, но удивительно заспанная и грязная..."

Но почему постучал не в какие другие ворота, а именно в "тесовые"? Как не вспомнить одно из условий контракта о почтовых станциях: "Там, где нет казенных станционных домов, там я, подрядчик, обязуюсь нанимать лучшие обывательские дома на свое счет". Оттого и не отказывает молодка в просьбе приютить, потому без робости ведет себя с нею проезжий (правда, лицо в офицерском звании). "Лучший обывательский дом", однако, восторга не вызывает. "...Он взошел на двор и хотел было в избу зайти, но на него из дверей пахнуло такой тухлятиной, что он только нос заткнул. На дворе расположиться совершенно было негде. Велел он своему вознице раскинуть кошомку под телегою на улице и прилег помечтать о блаженстве сельской жизни, пока лошади вздохнут..."

"...день был июльский, жаркий..."

Жара в конце июня - как и в июле, в августе - стоит в этих местах нестерпимая. Двадцатые числа июня - по новому начало июля - чуть ли не пик солнцепека.

...Ехали под палящими лучами раскаленного светила. "Плюнуть и возвратиться вспять", как это сделал в ТОТ свой выезд Сокира, Поче-шев с Шевченко НЕ МОГЛИ.

Сокира говорит голосом автора "Близнецов".

В уста лекаря вложены впечатления самого Шевченко.

Ему, Шевченко, запомнилась каждая деталь встречи и разговора с молодкой - от сути его до интонации.

"...- А как бы ты мне, моя красавица, состряпала чего-нибудь перекусить?

- Да рази я стряпка какая?

- Ну, хоть уху, например. Ведь у вас Урал под носом, чай рыбы пропасть?

- Нетути. Мы ефтим не занимаемся.

- Чем же вы занимаетеся?

- Бакци сеем!

- Ну, так сорви мне пару огурчиков.
- Нетути. Мы только арбузы сеем.
- Ну, а еще что сеете? Лук, например?
- Нетути. Мы лук из городу покупаем!
- Вот те на! - подумал он.
- Деревня из города зеленью довольствуется.
- Что же вы еще делаете?
- Калаци стряпаем и квас творим.
- А едите что?
- Калаци с квасом, покаместь бакца поспеет.
- А потом бакцу?
- Бакцу.
- Умеренны, нечего сказать..."

Диалог с полусонной молодкой вызвал в нем тягостные размышления о ленности этой, ко всему безразличной,'хозяйки и ей подобных обитателей селения.

"... А какая благодатная земля! Какие роскошные луга и затоны уральские! И что же? Поселяне из города лук получают..."

Своей тирады он не додумал. Но думать над тем, что увидел здесь, уже не перестанет, и подвигнет увиденное на замысел грандиозный, в изложении которого (начало повести "Варнак") повторятся и "кала-ци", и дыни с арбузами, и Урал-река, а потом во весь голос прозвучит:

"Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной, где человек борется с неблагодарною почвой и падает, наконец, изнеможенный под тяжестию труда и нищеты. Грустно! невыразимо грустно!

Каково же видеть ту же самую безобразную нищету в стране, текущей млеком и медом, как, например, в этой землице благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнее встретить между этой ленивой нищеты обилие и при обилии отвратительную грязь и невежество!.."

На долгие, мучительные раздумья об этом навела его поначалу остановка в Неженке - Нежинском форпосте по Орской дороге.

Увозил он с собою и интонацию молодки, своеобразную гармонию ее речи... Специфическая, во многом, фразеология воспринимается иными необъективными читателями как... пародирование русского языка. Молодка у автора "заспанная и грязная", слова и обороты "неграмотные" - чистое глумление!

Хозяйка дома, "довольна недурная собою", действительно заспалась - может жара сморила, может от природы ленива, всякое бывает. А вот насчет речи... Она ЕЕ, и ТОЛЬКО ЕЕ, она ЗДЕШНЯЯ; целый словарь выражений, услышать которые Шевченко мог лишь тут. Вслушиваешься в живой голос, воспроизведенный им в истинном звучании, и узнаешь даже, откуда, из каких мест явились сюда те, что сменили на семнадцатой версте от Оренбурга жителей первоначальных - его земляков и землячек. И ведь сходятся догадки с документами, сходятся!..

4.

"...Через минуту только пыль взвилася и, расстилаясь по улице, заслонила и ворота, и стоящую у ворот молодку.."

Окрестностями Урала Шевченко любовался и в пути к Каменноо-зерной, и далее, до и после Вязовского редута. Дорога была... Самое время предоставить слово некоему А.Грену, проехавшему тем же путем несколькими годами позднее. "От Оренбурга до крепости Орской (265 верст), - писал он, уже существует давно весьма хорошее почтовое сообщение... Почтовый тракт пролегает по правому берегу р. Урала, во многих местах весьма низменному и потому ежегодно заливаемому во время половодья. Местность большею частью ровная или слегка волнистая".

Контрасты края проявились уже на этих пятидесяти семи верстах пути до Островной, где, полагаю, поручик Почешев заранее наметил привал с ночевкой.

Но между Нежинкой и Островной еще были нечастые тут селения, было и суровое степное раздолье, и непохожий на Днепр, но по своему прекрасный Яик-Урал, и живописные его берега-окрестности. Не давала покоя все та же мысль: земля благодатная и - бедность...

"До станицы Островной он только любовался окрестностями Урала и заходил только в почтовые станции, и то, когда хотелось пить. Но, подъезжая к Островной, он вместо серой обнаженной станицы увидел село, покрытое зеленью, и машинально спросил ямщика: "Здесь тоже оренбургские козаки живут?"

- Тоже, ваше благородие, только что хохлы. Он легонько вздрогнул.

...Подъезжая ближе к селу, ему, действительно, представилась малороссийская слобода. Те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину.

У первой хаты он велел остановиться и спросил у сидящего на призбе усача, можно ли будет ему переночевать у них?

- Можна, чому не можна. Ми добрим людям рад!.

...Здесь он впервые в Оренбургском крае отвел свою душу родною беседою..."

Островная - вернее, Островное - относится к тем первым украинским поселениям, которые возникли в оренбургских степях еще в начале XIX века.

Зачинателями села стали потомки первых черкас (бывших украинских казаков) - те, что, основав Кинель-Черкасскую слободу, скоро обратились в канцелярию Оренбургского казачьего войска с просьбою о приеме их в казачье сословие. После принятия в казаки часть из них переселилась в урочище "Островные речки" на правобережье реки Урала. Случилось это в 1812 или 1813 годах. А уже пять лет спустя тут насчитывалось 513 жителей.

В селе бытует много рассказов о прошлом.

Прошлом села и о том, как был в нем Шевченко.

- Проходил тут Тарас Григорьевич, - услышал я лет двадцать назад от одного из старейших сельчан Петра Ивановича Литвинова. - Много через наше село арестантов проходило. И на моей памяти были. То в Орск их гнали, то из Орска в Оренбург. В Островной ночевку делали. И у моих стариков останавливались. Разбойного народа люди опасались, а политических пускали без всякого, хоть кое-кто и попугивал. Дед песни пел, что от тех бедолаг слышал. Песни - про волю. Батько мой, совсем парнишкой еще, затянул одну, так дед его за уши выдрал: "Да за такую и меня, и тебя на край света погонят!.." Еще от деда я слышал, будто больным был Шевченко, когда в Орскую его гнали. А только поговорил с народом - как из ключа напился. Надо мне, сказал, крепиться, чтоб дожить и на Украину милую возвернуться, за долю людскую бороться. Негоже, чтобы люди-вроде вас-от нужды с родной земли бежали!..

Нашлось о чем рассказать и восьмидесятилетнему Ивану Егоровичу Коханову.

- Отец сказывал, что у хозяев ли хаты, у других ли, пришедших к ним, приключилась на ту пору какая-то беда. Пожаловались они батьку Тарасу, попросили прошение написать. Ну, он не отказался. Написал. Да так, что проняло кого следует. Для народа что хочешь мог сделать!

(Любопытное совпадение воспоминаний. 80-летний В.И.Васильев в Орске со слов отца своего рассказывал: "Среди мещан Шевченко слыл очень добрым и больно грамотным человеком. Многие ходили е нему, чтобы написать тому жалобу, тому прошение. Шевченко писал прошения и моему отцу, и всем мещанам, кто только просил его об этом. Был обходительным с людьми")

- Земляками называл он островнянских своих знакомцев, - вспоминал давно слышанное Коханов. - Земляки мы с вами, говорил Шевченко, и доля у нас одна.

Не потребовалось большого времени, чтобы убедиться: жизнь в Островной от идиллии далека. Чем дольше оставался в хате, тем нагляднее бросалась ему в глаза бедность новых знакомых. Виделась она в изумлении маленького Ивася, получившего невиданный гостинец -кусочек сахара. И в стыдливом признании хозяйки, которая бежала к соседке одолжить десяток яиц:" а то в нас, признаться, есі вийшли". И в последних ее словах при расставании.

"На другой день поутру... догадливая хозяйка поднесла ему в склад-не на дорогу пару цыплят жареных, 10 яиц и столько же свежепросольных огурцов. Принимая все это, он спросил, что он им должен за все.

- Та, признаться, нам би шчого не треба. Та думка та, що треба б дитиш чобтси купить.

Он подал ей полтинник,

- Господь з вами, та иому и за гривенничек Вакула пошие.

- Ну, там соб! як знаеш, - сказал он и простился с своими гостеприимными земляками".

Шевченко отправился дальше. Но навсегда запомнились ему украинское село среди бескрайних оренбургских степей, долгий и сердечный разговор на родном языке, гордая нищета нежданно встреченных земляков.

"Земляк из Островной"... Так вот они откуда - те слова в поэтическом ряду, что прозвучат в его стихотворении, рожденном на Арале два с лишнем года спустя!

На шхуне "Константин" услышал Шевченко как-то ночью родную украинскую песню и взволновала она до глубины души.

Ну що б, здавалося, слова-Слова та голос - бшьш шчого.

А серце бьется - ожива,

Як іх почуе!.. Знать, од Бога

І голос той і т! слова

1дутьм1жлюди!..

Песню пел матрос. Он его знал - Иван Васильев, оренбургский родом. Но почему и откуда в устах матроса эта песня, будто прилетевшая сюда прямо с Украины? Все стало понятно, когда дознался, в каком селе Иван родился и рос.

...Матрос,

Таки земляк наш з Островжн, На вахт! стоя, Журився сам собі чогось, Та и засшвав...

"Земляк наш з Островно!..." Значило это для него многое. И ожили воспоминания о "малороссийской слободе" на Орском тракте, зазвучали голоса, которые слышал он тогда в хате на краю села.

Дорога была отнюдь не безмолвной. Говорила она звучно, многоязыко, в каждом селении по-своему.

ВПЕРЕДИ БЫЛА ОРСКАЯ

1.

Из Островной выехали утром. За день, к вечеру двадцать первого, предстояло добраться до Губерли. Переночевать там и...прямо в Орскую. Шевченко, конечно, встреча с крепостью никак не радовала, но избежать ее теперь не могло помешать и чудо.

А в это самое время в столице... Да, его имя появилось на полосе "Санктпетербургских ведомостей". Книготорговец Л исенков поместил тут объявление, коим оповестил возможных покупателей о продаже в своей лавке "Чигиринского Кобзаря и Гайдамаков". Против названия книги был обозначен автор: "сочинения Шевченки".

Объявление в 138-м номере респектабельной газеты вызвало переполох. Расследованием дела о "крамоле" занялось III отделение, объяснения затребовал сам граф Орлов. В спешном порядке провели тщательную проверку, после чего Орлову доложили: о запрещении издания всего шевченковского распоряжения были отданы еще 30 мая,

тогда же составили указание и об изъятии напечатанного прежде. Виноват министр народного просвещения граф Уваров: "не сделал дальнейших сношений об изъятии из продажи упомянутых книг, тогда как он должен был или отнестись об этом к кому следует, или в ответе своем прямо сказать, что это до него не касается, и тогда бы 3-е отделение отнеслось к министру внутренних дел". "Распорядиться" - наложил резолюцию шеф отделения и корпуса жандармов. В магазине Лисенкова Книги взяли под арест; с редактора и цензора, пропустивших объявление, СТРОГО СПРОСИЛИ; по державе пустили новые циркуляры с приказами категорическими, возражений не терпящими...

В тот же день, 21-го, "думал" о Шевченко и генерал-майор Шнель в Одессе. Начальник пятого округа корпуса жандармов предписывал полковнику Граве строжайше наблюдать, дабы не проявилось где "Ук-райно-славянское общество", а напечатанные крамольные сочинения Шевченко, Кулиша, Костомарова были из'яты из продажи и запрещены, чтобы повсюду зорко следили, "не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись "Закон божий" и другие возмутительные сочинения", и вообще решительно выкорчевывали всякое проявление свободомыслия. Но, предупреждал одесский генерал, делать это надлежало "самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований, и сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии".

И то, и другое, и многое подобное происходило двадцать первого -в день, когда поручик Почешев вез его в Орскую.

2.

"- А почтовая станция здесь?

- Дальше, в Озерной.

- Там тоже хохлы живут?

- Нет-с, наши русские..." Разговор этот с ямщиком у героя повести "Близнецы" состоялся еще перед Островной.

Но прежде чем Сокира (и Шевченко) добрался до названного в диалоге пункта, проехать пришлось еще целых пятьдесят девять верст и по пути остановиться в двух больших казачьих станицах.

Первой была Красногорская.

В истории станицы, раскинувшейся на высоком правом берегу Урала, самым примечательным было то, что она едва не стала (точнее стала, но на короткое время) Оренбургом.

Гирьяльский редут, или Гирьяльская, или Гирьял (последнее название закрепилось поныне) тоже стоял на самой реке. Но было в его окрестностях нечто свое, неповторимое: множество озер - больших и малых, одно на другое непохожих. Они тянулись до Верхнеозерной, как бы

исподволь подготавливая путника к пониманию и приятию закономерности самого названия пункта следующего.

Хотя и это, Гирьял, не заинтересовать не могло. Шевченко дано • занимала топонимика, тут же было над чем думать. Большой знаток края Сергей Александрович Попов рассказывал мне: "У села Гирьял возвышенности водораздела Урала-Сакмары близко подходят к Уралу. Волнистые вершины их издали напоминают гриву коня. Отсюда возникло их татарское и башкирское название Акгыръял, что означает буквально "грива жеребца". По имени гор и возникло название села -Гирьял".

О, народ - поэт величайший!..

Но вот и Верхнеозерная, или, как именовали ее чаще, Озерная.

"Озерная крепость... построена в 1736 году статским советником Кириловым и населена была несколькими охотниками из казаков. Она была укреплена рвом, валом и в некоторых местах полисадом, а гарнизон оной состоял из одной роты драгун, полуроты пехоты и 50 человек жалованных российских и татарских казаков. Грунт около сей крепости состоит из твердой серой земли, на которой производится хорошее

хлебопашество; сенокосов, строевого и дровяного леса также достаточно..." Некрасноречивый Иосиф Дебу охарактеризовал Озерную канцелярски сухо, но, согласимся, достаточно определенно.

Кирилов-то Кирилов, заслуги его огромны. Замечательным был он первопроходцем, "птенец гнезда Петрова" - начальник Оренбургской экспедиции. Да только фактическим основателем села стал Сакмарский казак Иван Маслов, первым объявивший просьбу "дозволить ему поселиться и жить в новом городке, который строиться будет по Оренбургской дороге - на Яике реке". Дозволение такое дали. А еще разрешили найти других охотников до поселения тут: из казаков, уфимских мещеряков, татар, чувашей, калмыков и иных "инородцев, не положенных в подушную подать". Поселенцам сулили разные блага, и не обманули: наделили землей, всякими угодьями, "рыбными и звериными ловлями", пособия и провиант выдали - живите честь по чести и службу исправно несите.

Жили и несли. Доныне сохранились на северной окраине села следы земляного вала - зримы остатки оборонительных сооружений былой крепости, уступавшей по своей оснащенности только Орской и Оренбургу. Как ни старались Пугачев с Хлопушей, но взять Верхнеозерную не смогли. До самого конца восстания оставалась крепость под контролем сил правительственных

- Там тоже хохлы живут?

- Нет-с, наши русские...

Уже на почтовой станции Шевченко мог убедиться: селение было преимущественно русским (хотя и оставались в нем семьи татарские, башкирские, мордовские). Здешние казаки жили получше других, и это привлекало сюда людей разного рода-племени.

В оренбургском архиве попалось мне на глаза дело одного из таких казаков "со стороны". То был Иван (Ян) Козловский, поляк. В тридцатые годы, за участие в национально-освободительном восстании, его отдали в солдаты. Служил он в первом линейном батальоне, на Мангышлаке. Несколько лет спустя, не выдержав солдатчины, Козловский подал рапорт о причислении его к казачьему войску. Теперь, отставным казаком, жил он в Верхнеозерной - без семьи и хозяйства, без права воротиться на родину. Только в шестидесятые годы разрешили ему выехать в отпуск. Уехал и - не вернулся. Розыск продолжался немало лет - дело от переписки распухло основательно.

"Озерная" в "Близнецах" упомянута мимолетно. Задерживаться Почешев не собирался. Обычная почтовая станция, рядовая остановка - в путь.

3.

А мы задержимся - не лишним будет рассказать об одной легенде, родившейся и долго бытовавшей в этой самой Верхнеозерной.

Отголоски легенды я "услышал" со страниц "Оренбургской коммуны" за 1935 год. ...Еще в 1902-1903 годах некто Аниховский, старожил края и его исследователь, человек разносторонне образованный, ко времени публикации заметки - директор Бугурусланского музея, увидел в доме озерненского казака "четыре акварели-картины небольшого размера, оправленные в простенькие черные рамки". Акварели были "тронуты временем - бумага пожелтела, краски сильно полиняли", но обратили его внимание "своим выдающимся мастерством".

Поинтересовался: откуда эти работы? кем рисованы? И услышал имя Тараса Шевченко, который "жил здесь в ссылке". Одна картина, самая крупная ("несколько меньше полулиста писчей бумаги"), запечатлела "дом, в котором она висела и в котором поэт жил". Остальные, поменьше, изображали внутренность "комнаты поэта" и "два вида на реку Урал", где "любил проводить свободное время".

Все эти картины, рисованные "очень дешевыми и плохими акварельными красками", без каких-либо подписей, были, .по свидетельству Аниховского, приобретены

Оренбургской архивной комиссией и "помещены в музей".

В 1907 году, вел он рассказ дальше, в Оренбург доставили "большого формата альбом с рисунками пером, карандашом и кистью". В альбоме были зарисовки "некоторых моментов походной жизни, видов берегов Аральского моря и реки Сырдарьи, различных типов местных жителей". Подписей не оказалось и здесь, но "по характеру их" определили: "принадлежат перу Шевченко".

Аниховский заполучил "несколько фоторепродукций с эскизов этого альбома", а теперь высказывал предположение, что весь альбом находится по-видимому в том же музее.

"Долг наших краеведов,- заканчивалась заметка,- разыскать все это художественное наследство великого поэта".

Такой и была публикация полувековой давности, помещенная под рубрикой "Из прошлого". Небезынтересная, сомнений нет. Но в какой степени достоверная?

Полнейшая выдумка - о Верхнеозерной, как месте его, Шевченко, жительства. Жить тут он не мог, а, следовательно, не могло быть в селении и дома, в котором, якобы, жил, и любимых мест близ него на Урале. ЧЕТЫРЕЖДЫ проезжал этой дорогой (кроме июня в 1847-м, также в октябре сорок девятого, весной и осенью пятидесятого), но были только остановки и - никаких дней, подходящих под категорию "жил"

Не мог Шевченко рисовать ЭТОТ дом, а равно "внутренность" СВОЕЙ комнаты в нем; виды Урала существовать вообще-то могли, но происхождения иного - скажем, ОРСКОГО. Аниховский видел акварели сам и, стало быть, они действительно были. Но авторство их... Версия из недоказуемых. Рисунки могли принадлежать другому художнику или поднаторевшему дилетанту-любителю; "выдающееся мастерство" - оценка в данном случае субъективная (да и состояние увиденного профессиональной объективности мешало явно). Но может прибегла к искусствоведческой экспертизе Архивная комиссия? устроили ее в музее? Увы, никаких следов приобретения "акварелей Шевченко" ни в документах комиссии, ни в музейных фондах НЕТ.

Альбом же - реальность. Свидетельствую это, как человек, державший в руках и рассматривавший те самые фоторепродукции, что и Аниховский, более того - стеклянные пластины-негативы, первоисточники снимков. Целый клад негативов (1147 пластин!) собрал в 20-е годы Александр Яковлевич Закурдаев. Оказались в ящиках на чердаке музея негативы и того, что видел в отпечатках Аниховский. Я тоже искал работы Шевченко и, как он, испытал волнение от предвкушения встречи с ним, поэтом и художником. Но, как и мой предшественник, обманулся. Автором рисунков оказались Бронислав Залеский, Алексей Чернышев и другие. Перу и кисти Шевченко они не принадлежали. (Обо всем этом, о перипетиях поиска рассказано мною годы назад в повести "Клад комиссара" - к ней и отсылаю).

Однако альбом в заметке - факт так сказать побочный, с Верхнеозерной не связанный. То же, что, якобы, связано (жил...рисовал...), оснований под собой не имеет, и рассуждения о "долге краеведов" в данном случае отнюдь не основательны.

А вот "прописка" здесь Шевченко народной молвою говорит о многом. Жив'в легенде - жив в людских душах...

4.

Поэтическое настроение - состояние интимное, потаенное.

Рефреном звучали в мозгу строки, пришедшие к нему еще на заволжских просторах:

І там степи, і тут степи,

Та тут не так!!...

Одно дело смотреть и видеть, много сложнее - выразить.

Руд}, руд!, аж червой!,

А там голуби...

Но почему "руд!, аж червон"?

Образное сравнение? Фантазия автора?

"А.О.Козачковському", куда эти строки войдут, - стихотворение знаменитое. Не обойденное ни одним изданием, изучаемое в школе -хрестоматийное... А при всем при том даже в самых обстоятельных комментариях (в том числе в книгах Ю.А.Ивакина) пояснений к строке не найти.

Руд!, руд!, аж червон!...

В переводе Леонида Вышеславского:

Рыжие, аж красные...

Откуда это взялось? Чем навеяно?

Продолжая рассматривать дорожные версты, получал Шевченко "уроки географии" - наглядные, а потому запоминающиеся.

Красноцветье всхолмленных предуральских равнин может быть впервые привлекло его внимание еще до Оренбурга: у Рычковки? у Чесноковки? И вот теперь багровые отсветы склонов и вершин увалов останавливали его взгляд все чаще. Вчера близ Красногорской и Гирь-яльской, сегодня на следующем участке тракта - верстах и верстах, приближающих Орскую крепость.

"Более 150 млн. лет назад образовались красноцветные толщи Общего Сырта и Предуралья, ныне размываемые современными реками,

- пишет современный географ. - И повсюду они напоминают о себе..." Тут же разгадка "чуда" природы: "Их (глин, алевралитов и песчаников

- Л.Б.) красный цвет обусловлен гидроокислами и окислами железа, которые тонкой пленкой облекают песчаные и глинистые частицы".

Но не хватит ли научных объяснений? Шевченко - художник и поэт

- их не знал. Географию учил не по учебникам, да и Виддер тогда, а Почешев сейчас вряд ли могли его пробелы в этой науке восполнить. Вокруг себя он смотрел не как естествоиспытатель, но видел порою и дальше, и глубже мужей ученых. Главное - видел необычную, глазам его не привычную красоту.

Красные, бурые, коричневые цвета... О, природа, всюду ты истинный живописец!..

5.

Посмотрим на современную карту. Село Никольское - тогда Никольская станица... Село Ильинка - некогда Ильинская крепость-Село Подгорное - Подгорный редут... Село Губерля - Губерлинская крепость...

Все это вехи большого тракта, который вел к Орской крепости и, далее, к Троицку.

"... Переночевал он еще в Губерле (предпоследняя станция перед Орской крепостью), собственно для того, чтобы полюбоваться на другой день Губерлинскими горами..."

Можно предположить, что тут, в Губерле, и закончился второй день переезда Шевченко к месту солдатской службы.

Он, этот день, - 21 июня, - весь, от раннего утра и до позднего вечера, был проведен в дороге. Назавтра, 22-го, предстояло путь закончить, дабы тотчас явиться пред очи начальства:

- Рядовой Шевченко прибыл...

А пока была еще одна крепость - попутная.

Снова свидетельствует И.Дебу:

"Губерлинская крепость отстоит от Орской в 45, а от Оренбурга в 206 верстах, между двух речек - Губерли и Чебаклы, которые, выходя из Уральских гор и соединяясь при самой крепости, впадают вместе неподалеку от оной в реку Урал..."

К тому времени, когда проезжал Шевченко, крепости как таковой уже не было. И хотя однажды автор "Близнецов" это слово - применительно к Губерле - называет, воспринимается оно как употребленное только контраста ради: пишет О ДРУГОМ.

"... До 12 часов (следующего после ночевки дня - Л.Б.) я гулял в губерлинской роще и любовался окружающими ее горами, чистой речечкой Губерлей, прорезывающей рощу и извивающейся около ко-зачьих хат..."

И эти "хаты", и окруженная горами роща, и "чистая речечка" не служат для Шевченко приметами былой военной крепости на пограничной линии. Он видит лишь новую, своеобразную красоту природы и, хоть далека она от родной украинской, несхожа с нею ни в чем решительно, - воспринимает с истинной нежностью.

Поклон Почешеву - дал Шевченко перед Орской отдышаться, понял, как для него важно насладиться всей этой, неожиданной для степного безбрежья, благодатью, ощутить, почувствовать может быть последний на воле день воскресный.

Да и так ему спасибо. На пути из Оренбурга поручик был, скорее, сотоварищем, чем, "препроводителем", и уже одно то, что нигде его не помянул, говорит само за себя.

Виддера не вспоминать он не мог: "фельдъегерь неудобозабываемо-го Тормоза" запомнился как олицетворение злой воли.

Почешев, хоть, вроде, нигде и ни в чем "казенных правил" не нарушил, представлялся ему человеком дружественным.

Может оттого на этих сотнях верст от Оренбурга и увиделось во много раз больше, чем на тысячах от Петербурга, и именно тут воспрял в нем, снова воспрял ХУДОЖНИК.

"...Пообедавши остатками подарка моей догадливой землячки, я оставил живописную Губерлю..."

По отношению к вольному Сокире землячка и впрямь была "догадливой". Ну а к нему, подневольному, сурово покаранному? Только и скажешь: СОЧУВСТВУЮЩЕЙ.

Сочувствовала ему, казалось, и вся эта дорога среди степей, а теперь и гор.

"...Несколько часов подымался я извилистою дорогою на Губерлинские горы. У памятника, поставленного в горах, на дороге, на память какого-то трагического происшествия, я напился прекраснейшей родниковой воды. Поднявшись на горы, открылась плоская однообразная пустыня. А среди пустыни торчит одинокая будочка и около нее высокий шест, обернутый соломою. Это казачий пикет. Проехавши пикет, я начал спускаться по плоской наклонности к станице Подгорной. Переменивши лошадей, я подымался часа два на плоскую возвышенность. С этой возвышенности открылась мне душу леденяшая пустыня..."

6.

Впечатления от дороги в Орскую крепость Шевченко восстанавливал по памяти. Этим объясняютя и неточности, допущенные им по ходу рассказа.

Подгорная не могла быть за Губерлинской крепостью - находилась она (как и ныне село Подгорное) в двадцати двух верстах ДО ГУБЕРЛИ. Автор, по всему судя, имел в виду Хабарный форпост (теперь село Хабарное), где, действительно, находилась почтовая станция и происходила смена лошадей.

В последний раз Шевченко совершил тот же путь в ОБРАТНОМ направлении, а "Близнецов" писал еще несколько лет спустя, далеко от этих мест. Отсюда смещение и "козачьего пикета", который находился, если следовать в Орскую крепость, не до Хабарного форпоста, а за ним. "Одинокая будочка и около нее высокий шест, обернутый соломою" именовались Разбойным редутом; находился он примерно там, где сейчас раскинулся промышленный Новотроицк с его известным на всю страну Орско-Халиловским металлургическим комбинатом.

Шевченко поразила красота Губерлинских гор. Действительно, они чудесны. Четыреста квадратных километров, занимаемых ими, -это удивительный оазис среди бесконечных степей.

Запомнилась роща - и поныне растут здесь дубы и вязы, липы и осокори, березы и калины; особенно хороши они в мае-июне...

Врезалась в память речка Губерля: течет она сначала по широкой, плоской

равнине, с севера на юг, а далее резко сворачивает на запад и уже бежит, стремительно и шумно, как горный поток.

Как тогда, извилисты и круты дороги: по склонам хребтов, через скалистые горы, сквозь узкие, глубокие ущелья.

И сегодня, не иссякая, бьют подземные ключи: один из них утолил его жажду в этот жаркий день.

"Памятник, поставленный в горах" неведом никому - разрушило время - разрушило время, и даже воспоминания о нем стерло. А родники по-прежнему дарят людям "прекраснейшую" воду...

7.

В этот день и, возможно, в этот час, несмотря на воскресенье, генерал-ад'ютант Игнатьев отослал через управляющего военным министерством Адлерберга доклад следующего содержания:

"Генерал-адъютант граф Орлов сообщил, 30 минувшего мая, высочайшее вашего императорского величества повеление, чтобы художник С.-Петербургской Академии художеств Тарас ШЕВЧЕНКО, за сочинение возмутительных стихов, был определен в Отдельный Оренбургский корпус рядовым, с правом выслуги, под строжайший надзор, С ЗАПРЕЩЕНИЕМ ПИСАТЬ И РИСОВАТЬ, и чтобы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

В исполнение сей монаршей воли, Шевченко был отправлен с фельдъегерем к командиру Оренбургского корпуса.

Начальник 23-й пехотной дивизии, за отсутствием генерала от инфантерии Обручева, доносит ныне, что Шевченко привезен в Оренбург 9-го июня и зачислен в Оренбургский линейный N 5 батальон, с учреждением строжайшего за ним надзора".

Итак сам военный министр (и сам государь император) отныне знали: высочайшая воля исполнена, Шевченко - солдат и уже в дальнем своем батальоне.

Выражаясь языком военных, он был пока "на ближних подступах". Как раз в тех местах, о которых упомянутый ранее автор своеобразного путеводителя 60-х годов М.Михайлов (полное название его сочинения: "Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до форта No 1") писал: "За Хабарною станицей (следующею за Губерлинскою и последнею к Орску) замечательно одно ущелье, на протяжении нескольких верст между двумя хребтами. Ущелье имеет прямое направление, но как-на дне его расположены, в недальних один от другого расстояниях, холмы, то дорога, идущая по этому дну, огибает холмы, чрез то ход экипажа беспрерывно выделывает зигзаги, в виде французской буквы S. Едут, разумеется, шагом, потому что кривизна дороги и множество голышей, валяющихся на дне ущелья, препятствуют скорой езде... Миновав ущелье, вы поднимаетесь в гору и почти всю дорогу до Орска едете по самым высоким хребтам..."

В Хабарной лошадей меняли в последней раз.

Предстоял еще один перегон - трудный, но... дорогу эту завершающий.

Чувства облегчения, однако, не было.

Ехал не домой.

"...Переменивши лошадей, я подымался часа два на плоскую возвышенность. С этой возвышенности открылась мне душу леденящая пустыня. Спустя минуту после тягостного впечатления, я стал всматриваться в грустную панораму и заметил посредине ее беленькое пятнышко, обведенное красно-бурою лентою.

- А вот и Орская белеет, - сказал ямщик, как бы про себя.

- Так вот она, знаменитая Орская крепость! - почти проговорил я, и мне сделалося грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастие ожидало в этой крепости. А страшная пустыня, ее окружающая, казалася мне разверстою могилой,

готовою похоронить меня заживо..."

Еще два-три часа назад, в Губерле, он был, по собственному его признанию, СОВЕРШЕННО СЧАСТЛИВ. И вдруг такая перемена...

Да уж, если видишь себя перед собственной могилой, нужно ли хоть что-то добавлять?

... Ничего светлого Орская ему не сулила.

Часть вторая

РЯДОВОЙ No 191

ПОЮТ ЛИ ЗДЕСЬ ПЕСНИ?

1.

Шевченковского лекаря Сокиру в оценке Орской крепости опередил один из персонажей романа Герцена "Кто виноват?", отдельным изданием вышедшего в начале того же, 1847-го.

Всяк читавший мог прочесть и это:"... Потом его перевели в гарнизон Орской крепости. Орская крепость вся стоит на яшме и на благородных горнокаменных породах, тем не менее там очень скучно".

Герой знаменитого романа к этому своему выводу пришел после того, как прожил-прослужил тут определенное, и немалое, время.

Герой "Близнецов", военный лекарь, столь же однозначный вывод сделал сходу, с первого взгляда на Орскую: "Подъезжая ближе к крепости, я думал (странная дума), поют ли песни в этой крепости. И готов был бог знает что прозакладывать, что не поют..."

Герцен знал об Орской крепости по рассказам - сам он в ней не бывал.

Шевченко пропустил ее СКУКУ через себя.

Скука, по Далю, современнику и Шевченко, и Герцена, это "тяго-ст,ное чувство, от косного, праздного, недеятельного состояния души; томленье бездействия". В тон и приводимые им поговорки: "Удавлюсь от скуки", "Со скуки пропадешь" и прочие подобные.

"...При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными песнями..."

Понимание этого пришло к Шевченко 22 июня, на исходе дня.

Еще из первых его впечатлений.

"БЛИЗНЕЦЫ": "Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленью подернутому лугу, я ясно уже мог различать крепость: белое пятнышко - это была небольшая каменная церковь на горе, а красно-бурая лента - это были крыши каменных зданий, как то: казарм, цейхгаузов и прочая. Переехавши по деревянному, на весьма жидких сваях, мостику, мы очутились в крепости. Это обширная площадь, окруженная с трех сторон каналфм аршина в три шириною да валом с соразмерною вышиною, а с четвертой стороны - Уралом. Вот вам и крепость. Недаром ее киргизы называют Яман-кала. (Плохой, дурной, злой город - Л.Б.). По-моему, это самое приличное ей название. И на месте этой Яман-калы предполагалося когда-то основать областной город! Хорош был бы город! Хотя, правду сказать, и Оренбург малым чем выигрывает в отношении

местности. Вот что оживляло первый план этой сонной картины: толпа клейменных колодников, исправлявших дорогу для приезда корпусного командира, а ближе к казармам на площади маршировали солдаты..."

"НЕСЧАСТНЫЙ": "...Крепость Орская как нельзя более в гармонии с окружающей ее местностию. То же однообразие и плоскость. Только и отделяется немного от общего колорита крепости - это небольшая каменная церковь на горе, заметьте, на яшмовой горе. Под горою с одной стороны лепятся грязные татарские домишки. А с другой стороны, кроме таких же грязных домиков, инженерный двор с казематами для каторжников. Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками; это баталионные казармы, примыкающие одним концом к деревянному сараю, называемому экзерцисгауз, а другим концом выходящие на четырехугольную площадь, украшенную новою каменною церковию и обнесенную деревянными домиками. "Где же самая-то крепость?- спросите вы. Я сам два дня делал такой же вопрос, пока на третий день, по указанию одного старожила, не вышел в поле, по направлению к меновому двору, и не увидел едва приподнятой насыпи и за ней канал. Канал и насыпь сравнительно не больше того рва, каким у нас добрый хозяин окапывает свое поле. Вот вам и второклассная крепость!"

Первые впечатления и - уже портрет. Ярче, законченнее его не нарисуешь...

Шевченко привезли сюда к вечеру 22 июня 1847 года. Выбыл отсюда 11 мая 1848-го, отправившись в составе транспорта к Аралу.

Это 325 дней.

День-два пробыл здесь, когда Аральская экспедиция закончилась, и он, вместе с Бутаковым, Поспеловым и другими, следовал через Орскую в Оренбург; то было в октябре 1849-го.

Еще три с лишним мясяца находился тут в 1850-м.

И вошла Орская крепость во все его биографии - от фундаментальных до популярнейших, от объемистых томов до статей в газетах.

"От печально известной крепости не осталось даже следа", - читаем в статьях о сегодняшнем Орске.

Да, не осталось, и это в общем-то прекрасно. Совсем новый город вырос - центр индустрии, центр культуры. На его знамени - трудовой орден.

Но мы НЕ МОЖЕМ НЕ ЗНАТЬ, где Шевченко жил, где

страдал и мечтал. Не жалея сил, отыскиваем ориентиры - топограт фические вехи и вешки орских его дней, начиная с первого.

С горы, которая разделяет Новотроицк и Орск, разглядел он только маленькое "пятнышко" крепости.

Еще полтора десятка верст по унылой, однообразной степи, и вот, наконец, - "мостик на жидких сваях". Урал тогда протекал по старому руслу, доныне приметному. Где-то здесь и увидел он впервые тех, с кем сводила его солдатчина.

"Ближе к казармам на площади маршировали солдаты..," Сравнительно недавно мне посчастливилось отыскать в архиве план центральной части Орской крепости. Только благодаря этому стало возможным определить, где стояли в то время казармы и находился плац, какие места занимали разные казенные здания.

Солдатский плац, в пыль которого втоптали столько человеческих судеб, обозначен сейчас мемориальной доской. Она установлена на здании музыкального училища, фасадом своим выходящим на площадь имени Богдана Хмельницкого. Тут плац и был.

А за ним сразу тянулись батальонные казармы, экзерцисгауз и другие крепостные постройки. Лет семьдесят тому назад еще прощупывались в земле их фундаменты. Теперь здесь сквер. Памятная доска (место казарм!) - за колоннами кинотеатра "Октябрь". Строили его всем миром.

Между казармами батальона и яшмовой горой, возвышавшейся над крепостью, а

теперь доминирующей над старой частью города, располагались и гауптвахта, и инженерный двор, и службы артиллерийского гарнизона...

Когда много лет спустя, уже возвращаясь из неволи, Шевченко увидел во сне Орскую крепость, а еще "корпусного ефрейтора" - генерала Обручева, то "от страха проснулся" и долго не мог придти в себя от этого "возмутительного сновидения".

2.

Копия приказа,отданного по линейному Оренбургскому батальону N5
в 23 день июня 1847 года за N 93-м

Государь император высочайше повелеть соизволил бывшего художника С.-Петербургской Академии Тараса Шевченко, за сочинение возмутительных стихов, определить на службу в Отдельный Оренбургский корпус рядовым, с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

Вследствие чего господин командующий корпусом в предписании "~ 10 июня за N 25-м, объявляя высочайшую волю, предписывает рядового Шевченко зачислить в командуемый мною батальон. О чем по батальону даю знать, предписываю роте N Это по прибытии зачислить его в списочное состояние, а командира оной г. капитана Глобу прошу иметь за поведением его строгий надзор. Подписал

командующий батальоном капитан МЕШКОВ

Приказ сомнений не вызывает - пусть и дошел он до нас в копии. Но тут же думаешь о документах, которые уже не прочесть - ни в оригинале, ни в писарских повторениях, ни даже в выписках. Думаешь с горечью, да только утраченного не восполнишь и не вернешь - ушло безвозвратно.

Сказать об этом надо сразу, здесь же, не боясь упреков, вроде таких: прервал, мол, автор связный рассказ, съехал с главного тракта на боковую тропку.

Боковую, да не случайную. Не откладывая "на потом", лучше сразу, уже при начале, поведать читателю, в чем они кроются - причины многочисленных недомолвок, недоразумений, "белых пятен" в биографии Тараса Шевченко периода Орской его солдатчины.

Сколько о ней, той поре, написано! А начнешь сводить все воедино, начнешь идти по следам недосказанного - и всякий раз сокрушаешься: "архив бы...архив..."

Это об архиве Орского коменданта. Его ныне не существует. А ведь был, и притом богатейший. Сколько почерпнули бы мы из него и о ссыльных поляках, и о петрашевцах, здесь томившихся, и, конечно, о нем, Шевченко... Где же он, архив тот?

Накануне первой мировой войны - в мае 1914 года - в Петербурге состоялся первый всероссийский съезд губернских ученых архивных комиссий. Участвовал в нем и представитель оренбургских энтузиастов сохранения, изучения старины А.В.Попов. Ему было о чем рассказать. Оренбургская архивная комиссия действовала с 1887 года и успела многое сделать: в известной мере упорядочить бумаги канцелярии генерал-губернатора, собрать ценные документы и экспонаты, выпустить более тридцати сборников или, как их именовали, - томов с протоколами заседаний, отчетами о деятельности комиссии, а главное - публикациями по истории, археологии и этнографии края.

Но была она, та комиссия, бедна как церковная мышь. Ни денежных ассигнований, ни штатных работников, ни помещений для хранения накопленного, ни сколько-нибудь узаконенных прав... И часто, очень часто "действительным членам" и "членам-соревнователям" не оставалось ничего иного, как разводить руками.

Горькие ноты звучали и в выступлении Попова на съезде в Петербурге.

- Особенно грустна, - рассказывал он, - была для нас гибель комендантского архива Орской крепости - более 200 пудов дел было продано на наших глазах, потому что не было никакого способа воздействовать на военное начальство,_Между тем в этом архиве заключались дела о военной экспедиции, о выступлении Аральской флотилии, которая

играла столь большую роль, помогая с воды, с Аральского моря, и с Амударьи и Сырдарьи, нашим войскам; здесь были дела сосланных разных национальностей, между прочим о французских пленниках, дела о поэте Шевченко и многие другие, - и все это погибло на наших глазах.

Двести пудов бесценных дел продаются как ненужный хлам... И это несмотря на то, что "непременным попечителем" архивной комиссии являлся губернатор, а "высочайшим покровителем" - представитель царской семьи!

Но, может, попечители и покровители не желали иной судьбы архиву, содержавшему такие документы? Не станем гадать - преступление свершилось. Дикую расправу над Орскими документами по другому не назовешь.

3.

Среди двухсот пудов дел погибло, однако, не все.

При загадочных обстоятельствах наиболее важные документы, касающиеся Тараса Шевченко, стали исчезать из Орского архива еще в восьмидесятых годах.

Литературовед Леонид Хинкулов в своей работе "Тарас Шевченко та його сучасники" (Киев, 1962) напомнил об одной из версий, согласно которой бумаги сгорели во время случайного пожара 1888 года. Но версия эта опровергается свидетельством жившего тогда в Орске ссыльного студента Григория Даценко. Как раз в то время (1886-1889) он служил в управлении Орского уездного воинского начальника. Оказавшись по воле судьбы там, где некогда томился гениальный земляк, Даценко проявил особый интерес к документам о пребывании его здесь. В своей статье "Несколько слов о Тарасе Шевченко" (вторая книга "Киевской старины" за 1893 год) ни о каком пожаре он речи не вел, зато с полной определенностью писал: "Все уже, что только было, вынуто из дел и отослано будто бы в Петербург". Впрочем, несколько дотоле неизвестных документов архива в статье перечислялось.

"Масса дел (о Шевченко - все) выкрадены", - подтверждал несколько лет спустя журналист Александр Матов. Живя в Орске, он по крупицам собирал воспоминания старожилов и, конечно, искал шевченковские документы. Искал, но не находил. В том числе и то, что видел Даценко. "Кто похитил эти драгоценные дела - один бог то ведает. Правда, носятся среди обывателей кое-какие слухи, но трудно придать им вероятие, так как похитителем называют одну интеллигентную личность..."

На кого он намекал? Хинкулов понял так, что на П.Л.Юдина. Обвинение основывалось на резкости полемики последнего с Матовым.

И в самом деле - Юдин, прочтя статью, печатавшуюся в январских номерах газеты "Камско-Волжский край", промолчать не пожелал. Его ответная, помещенная в третьей книге "Русского архива" за 1898 год, была полна раздражения и не лишена гневных слов. В отношении обвинений Матова в адрес безымянных виновников исчезновения документов он заявлял, что Матову нечего было искать, так как "все дела о Шевченко сосредоточивались в штабах 23-й пехотной дивизии и корпусном" (то-есть в Оренбурге - Л .Б.). Но этим его доводы не исчерпывались. Юдин напоминал, будто "дела о политических ссыльных в архивах военного ведомства сохраняются в течении 30 лет, а потом уничожаются". Он категорически утверждал, что, мол, "никому не представлялось никакой выгоды эксплуатировать дело о Шевченко именно Орского архива, когда гораздо интереснее дела о нем, хранившиеся в оренбургских корпусном и центральном архивах". В полемическом раже Юдин перечеркивал значение и немногих, добытых Матовым, документальных сведений, и тем более записанных им воспоминаний местных жителей. Свое мнение он превозносил как единственно верное...

Спор не привел ни к чему. Обстоятельства и виновников расхищения дорогих нам документов он не прояснил.

К этой истории я еще вернусь: Матов, Даценко, Юдин со страниц книги навсегда не уходят - им есть что нам поведать.

Но... утраченного не восполнит ничто.

"...Иметь за поведением его строгий надзор... Капитан Мешков".

Приказ N 93, о Шевченко в Орской - первый.

Как и надлежало, на него был составлен формулярный список. В батальонном ранжирном реестре новый служивый обрел свой номер -191-й.

Ну а после этого, два дня спустя, 25-го июня, настал черед и непосредственному начальству доложить:

"Имею честь донести его высокоблагородию господину командующему 1-ю бригадою и кавалеру, что рядовой Шевченко... в списочное состояние батальона зачислен, с определением в роты, здесь, в крепости, расположенные".

Докладывал тот же Мешков.

В этом месяце переписка о Шевченко была большей, чем когда бы то ни было в его жизни. Из того горького июня до нас дошли и письмо министра народного просвещения Уварова об исключении "учителя рисования Шевченко из списка чиновников Киевского учебного округа", и секретные предписания того же министра о запрещении новых изданий "Кобзаря", и циркуляры всевозможных ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВ И ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВ об изъятии "крамольной" книга из продажи, и еще, и еще.

Осуществлялись формальности?.

Приводился в исполнение приговор.

4.

Прелюбопытная книжка вышла в Красноярске. В ней - 69 писем декабристов: И.И.Пущина, А.И.Якубовича, А.З.Муравьева, Н.А.Бес-тужева, ВЛ.Давыдова и других. Все адресованы одному человеку -Я.Д.Казимирскому. Кому конкретнее? Жандармскому офицеру! В Сибирь его послали для строгого надзора над героями 1825 года, с неограниченным правом карать за любое ослушание; он же, образованный, культурный, с добрым сердцем, использовал свою власть ради того, чтобы людям, и без того тяжко наказанным, на каторге и в ссылке жилось получше. И вот томик писем, в каждом из которых тепло дружбы...

А теперь вопрос к себе: можно ли представить такие же письма к Д.В.Мешкову, командиру пятого линейного батальона в Орской крепости?

"Подопечных" из числа "политических" через батальон в его бытность прошло множество, но чтобы кто-то сказал о нем доброе слово -ну нет, этого не было.

Не трудно догадаться, какое письмо мог написать ему Александр Ханыков, один из видных петрашевцев, если он, утверждая, что батальонный командир "дурак, сошел с ума", аргументировал свой вывод примерами неотразимыми, заключавшимися в том, "что майор Мешков, ожидая когда-то приезда бригадного командира, оделся в парадную форму, надел на голову вместо каски женский чепчик и в таком виде маршировал по комнате почти целую ночь, а потом брал солдатское ружье, подходил с оным к зеркалу и являлся точно так, как следует являться к генералу на ординарцы; что однажды штаб-офицер сей, когда приезжал к нему с визитом штаб-лекарь Богославский, вместо принятия этого медика, показывал ему ружье; и что в одну ночь он, спавши на постели, толкнул жену ночью и говорил во сне, как бы на ученьи: "что ты, душка, не вытягиваешь носок?"

Вряд ли доставило бы Мешкову удовольствие письмо, будь оно написано рукой Хиполита Завадского, участника польских восстаний 40-х годов, прошедшего сквозь строй шпицрутенов и отданного в солдаты под строгий надзор, если тут, в Орской, по воле того же Мешкова, он подвергся новому следствию и вынужден был отправиться "в отдаленнейший батальон Восточной Сибири" с учреждением "наистрожайшего надзора". Удивление Ханыкова насчет того, "почему его (Мешкова) по сие время не освидетельствуют или почему не пришлют из Оренбурга медика для излечения его"" и Завадский, и его товарищи по несчастью, конечно, разделяли.

А уж Шевченко... Вспоминал М.Лазаревский: "Шевченко несколько раз сидел по

милости Мешкова на гауптвахте, и вот за что: один раз он просидел сутки за то, что надел белые замшевые перчатки на улице; а в другой раз за то, что при встрече на улице с Мешковым снял перед ним фуражку правою рукою".

...Ни добрых слов, ни высоких чувств батальонный не заслужил.

Показания на следствии, как равно свидетельства мемуарные, могут быть и сугубо субъективными. Удалось ли отыскать что-то еще? Не многое, но существенное, оказалось в одном из дел Центрального Государственного военно-исторического архива - ЦГИА (ф.395, оп.167, д.533). Родился в 1790-м; значит было тогда Мешкову уже пятьдесят семь. Служил он в офицерском звании с самого начала 20-х годов, все время в батальонах отдаленных. В чинах продвигался туго,наградами его обходили. В Оренбурге у него был свой дом, доставшийся по наследству от родителей жены, Анастасии Борисовны; в Орской же занимали они помещение военно-сиротского отделения. Жили втроем - он с женой и сын, тоже Дмитрий и тоже стремившийся в офицеры... Вот и все. А характеристики и впрямь в тех мемуарах да показаниях, которые приведены выше. Субъективные, но сомнений не вызывающие. Портрет СЛУЖАКИ - в них.

"Так как командующий^ батальоном- капитан Мешков находится ныне в городе Оренбурге, то по сему значущегося рядового Шевченко препроводить..."

Препроводить надлежало тотчас - таким было распоряжение временного бригадного командира подполковника Чигиря. Отложить представление вновь прибывшего рядового будущему его "отцу-командиру" не счел он допустимым.

Вряд ли это знакомство хоть чем-то Шевченко порадовало. Оснований для надежд оно, во всяком случае, не дало.

Мешков был "из солдат", прошел все ступени службы, не жалел себя, чтобы выслужиться, гордился достигнутым, действительно немалым, положением и строил планы продвижения в чинах. Всем видом своим капитан показывал, сколь многого можно достичь, если стараться, как он.

- С правом вслуги! - вот что выделил из предписания насчет неблагонамеренного сочинителя и художника, перед ним стоявшего.

Над словом этим - ВЫСЛУГА - Шевченко не задумывался. Хватало с него отдачи в солдаты, а еще более - "с запрещением писать и рисовать". Мешков же, насчет выслуги знавший все, смотрел на него как на неразумный, ни в чем не разбирающийся ОБЪЕКТ ВОСПИТАНИЯ, из которого ему лично государем доверялось ВЫБИТЬ все неугодное. Как делается это, Мешков, по собственному мнению, знал лучше многих других.

Их "знакомство" состоялось 10 июня. Но после того с капитаном ГОВОРИЛИ. Матвеев, например; Лазаревский убеждал, что Мешков ТЕПЕРЬ знает про него все и будет благожелательным.

Да много ли ему нужно? Чтобы не вырывали из рук карандаш и бумагу, не мешали брать кисть и краски. Где его альбомы? где кисти? Дадут ли ход рапорту Почешева или не захотят писать Фундуклею в Киев по такому "пустяку"? Для кого пустяк, а для него - главное в жизни... Просил об этом еще в Петербурге, напоминает снова.

Командующему линейным Оренбургским батальоном No 5 господину капитану Мешкову

Поручика Почешева

Рапорт

Определенный на службу в командуемый вашим благородием батальон по высочайшему повелению в рядовые Тарас Шевченко объявил мне претензию, что по отбытии его из г. Киева остались там собственные его вещи у господина киевского гражданского губернатора, а именно: портфель с бумагами и рисунками, чистый альбом, ящик с разными вещами, три пистолета, о чем имею честь довести до вашего благородия: Имею честь покорнейше просить снестись с кем следует о высылке тех вещей для удовлетворения претензии рядового Шевченка, если оная справедлива.

Поручик ПОЧЕШЕВ N 373, 20 июня 1847 года, г. Оренбург

Теперь от Мешкова зависело и это. Почешев свой рапорт вручил сразу по прибытии (на оригинале помета: "N 2010, получ. 23 июня").

... Двадцать третьего июня батальонный смотрел на доставленного в его владения рядового теми же глазами, что и десятого. Ни малейшего расположения не выказал.

Шевченко отныне был в полной власти этого хмурого, насупленного человека, глядевшего на него "как удав на кролика".

5.

Капитан Глоба чувствовал обиду. На должность командира батальона он, по собственному мнению, прав имел больше, чем тот, кого невесть отчего назначили. Уж хотя бы по тому, что был он из нижегородских дворян, что выучку получил в дворянском полку... Служил Александр Демьянович почти полтора десятка лет, притом без всяких взысканий (ЦГВИА,'ф.395, оп.170, д.544)... Сочли молодым? Но молодость - не старость, как у солдафона Мешкова. Теперь Глоба ждал одного - перевода в другое место и, как надеялся, с повышением.

Представление ротному лишних слов не потребовало и прошло быстро. Ни о стихах, ни о живописи тот не спрашивал - это его, как можно было понять сразу, нисколько не интересовало.

В хождениях по новому начальству да канцелярской канители и день прошел. Даже вчерашняя Губерля отодвинулась в ДАЛЕКОЕ прошлое.

Настоящим его стали эта безликая крепость, неулыбчивый, злой Мешков, вонючие, душные казармы. Все одно к одному, перемешанное и сплавленное в тяжелую глыбу, сдавившую его сердце.

"Понедельник - день тяжелый..."

Не менее тяжелыми обещали быть и все прочие дни в уже треклятой Орской...

Просьбы доброжелателей, "чтобы он обратил особое внимание на несчастного сосланного и помогал ему, в чем может", Мешков Дмитрий Васильевич, новый (с апреля-мая) командир батальона, жаждавший теперь одного - звания и отличий майора, понял по своему.

Нет, упаси Бог, просьбы влиятельных лиц капитан не игнорировал. Напротив, старался уважить и исполнить - было это выгодно для его карьеры. Помочь? Помощь он видел в одном: осуществлении Шевченко дарованного права ВЫСЛУГИ. И, по словам К.И.Герна (о нем еще будут поводы рассказывать), "принялся самолично по нескольку часов в день мучить бедного Тараса солдатскою выправкой, учебным шагом в три приема и другими тонкостями строевой науки, ВЫБИВАЯСЬ ИЗ СИЛ, ЧТОБЫ ОБРАЗОВАТЬ ИЗ НЕГО ХОРОШЕГО ФРОНТОВИКА".

Мешков из сил выбивался в рвении исполнить просьбы. А что говорить о Шевченко, падавшем от муштры капитанской ниц? Орлов с Дубельтом признали его "одаренным крепким телосложением". Не будь этого самого "телосложения", не поднялся бы после очередного урока, так и остался лежать на пыльном плацу.

Ханыков был прав, утверждая, что их батальонный "дурак" и "сошел с ума". Дурость его, сумасшествие его предопределялись одним -неистребимым и беспредельным службистским азартом. Если бы ему вдруг сказали, что не о том в отношении Шевченко просили, не к тому призывали, наверняка не поверил. Муштруя самолично, осуществлял он и строжайший надзор, и запрещение писать-рисовать, и это самое "право выслуги", которое, был уверен, не могло придти само по себе.

Выходит, Мешкова оправдываю? в глазах потомства обеляю? Нисколько не оправдываю - он мне противен. Но разобраться стараюсь и в нем. Шевченковскую Орскую без этого не понять.

Его числили за Мешковым, и никто ему не завидовал. Крутой нрав капитана знали все.

Но чем этот рядовой заслужил ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ? Кто он?

Невелика крепость а враз не узнаешь.

Офицеры прочли о нем в приказе за номером 93-м. Батальонные канцеляристы - еще тогда, когда приказ только готовился, некоторые - и того раньше, сразу по доставлении его в крепость. (На распоряжении генерал-лейтенанта Толмачева есть помета: "канцелярия 5-го батальона - 22 июня").

Каждый офицер (или почти каждый)* сообщил новость в своем кругу: военном, чиновничьем, ну и, конечно, в семье (у кого она была). Каждый писарь поделился со знакомыми (а у писарей их всегда хватает).

Не много дней потребовалось, чтобы загадка существовать перестала.

Узнали и в казарме.

"Я не описываю вам нечистоты и смрада, возмущавших душу и вечно сущих во всех казармах", - читаем в "Близнецах".

Описать не смог, хотя и не раз пытался - то в повестях, то в письмах.

Шевченко-литератору на выручку пришел Шевченко-художник: казарма во всей ее трагичности запечатлена в сепии. Она и документ, и образ.

6.

В казарме услышал он песню.

"Ой, Кармелюче, по свггу ходиш..." - совсем близко от него выводили негромкие голоса.

В октябре прошлого года песню пел в Каменец-Подольске Петр Чуйкевич. Шевченко ездил по делам Археографической комиссии, и сколько тогда увидел, услышал. "Кармелюка", вместе с другими песнями края, там же записал - для памяти. Но и без того, без записи легла она ему на душу - народом выстраданная, сердцами петая.

Оборвав песню, певцы вполголоса заговорили. Слов не слышал, а музыку речи почуял. Галичане... Братья... Близость земляков встре-пенула. И они тут? Какими судьбами? За что?

Так познакомился с этой четверкой - Дарчуком Иваном, Маслюком Петром, Михалько Яковом, Чемердой Михайлой. Попали они в Орскую еще год назад. "По высочайшему повелению за нахождение с давнего времени в бегах..." За побеги - со службы ли, от помещика -наказывают, это Шевченко знал. Но их не просто в солдаты сдали и далеко отправили, а и "под особый надзор". Нет, не договаривают они что-то, в себе держат - опасаются.

Договорили попозже. Выяснилось: участники прошлогоднего крестьянского восстания в Галиции. О нем он слышал. Краем уха - в Кирилло-Мефодиевском братстве и от знакомых поляков в Киеве. Побольше - когда представилась возможность побывать на землях, соседствующих с теми, которые восстание охватило. Но самих повстанцев встречать тогда не привелось.

И вот теперь они рядом - в одной с ним роте, в одной казарме. Галицийские крестьяне, борцы против панщины, мученики за народное дело.

"Ой, Кармелюче, по свггу ходиш..." Вместе с галичанами тихонько, про себя пел и он.

Впервые я назвал эти четыре фамилии еще в конце шестидесятых годов. Когда же появились они в моей книге "Лгга невольничГ (Киев, 1971), заинтересовался ими Ефрем Гасай - научный сотрудник Терно-польского краеведческого музея. Написал мне, завязалась переписка, углубился в архивы сам. В общем, пошел по следам Орских сотоварищей Шевченко. И кое-что прояснил. Во-первых, установил, что Дарчуки и сегодня одна из самых распространенных фамилий в деревне Горошевой Борщовского района. Изучая по документам историю Горошевой, краевед нашел убедительные материалы о том, как еще в двадцатые-тридцатые годы XIX века здешние крестьяне поднимали голос против издевательств над ними, отваживались на действенный протест, подвергались палочным наказаниям и бесконечным преследованиям, что в конце концов и

вынуждало целые семьи бросать места родные, искать спасения в краях чужедальних. В списках строптивых мой коллега отыскал и некоторых Дарчуков... Во-вторых, Гасай проследил, куда же эти семьи бежали. Как правило, за Збруч и Днепр - на Украину и в Бессарабию. Но связей с теми, кто остался, старались не порывать; все, что происходило в Галиции, было им близко, волновало их кровно. Этого в официальном Петербурге страшились. Царские власти стали беглецов-переселенцев преследовать. Тех, кто давно осел на новых землях, завел семьи и хозяйство, особенно не трогали, всех же остальных выселяли, отправляли в Сибирь, отдавали в рекруты. Восстание и вовсе руки жандармские развязало...

Годы спустя, раздумывая над истоками единственной басни Тараса Шевченко "На ниву в жито уночь.." ("СичО, связал я замысел ее и с этой встречей поэта в казарме Орской крепости. За спиною "пшсшького мужика" стояли Дарчук, Маслюк, Михалько, Чемерда. С ним, Чемердой, был он вместе и на Арале, когда басня додумывалась уже на бумаге. Усомнишься ли, ее читая, кому отдавал свои симпатии автор?

Из "Близнецов":"... На нарах в толстой грязной рубахе сидел Зося и, положа голову на колени, как титан Флаксмана, пел какую-то солдатскую нескромную песню..."

Каждый из них, обитателей казармы, нес в себе свое. Прошлое -свое, судьбу - свою, характер - свой. М.Лазаревский вспоминал: "Общество пьяных и развратных солдат, невыносимый воздух, грязь, постоянный крик - все это сильно возмущало Шевченко, но он не решался просить Мешкова об облегчении его участи".

Были и пьяные, и развратные. Вроде Зосима Сокиры из "Близнецов" или Хлюпина Ипполита из "Несчастного"... Только влекло не к ним, манили к себе люди иные.

7.

Из казармы родом стихи, которые воспроизвожу в подстрочном переводе, с польского. Ой, Бугаю, Бугаенко!

Зачем же ты забрался в эту пустыню i

Из своей прекрасной Украины? Пропадешь здесь, козаченько...

Ой, Бугаю, Бугаенко!

Козацкий дух нынче не приносит счастья.

Ты не умеешь прислуживаться

и льстить всякой падали,

Съедят тебя, козаченько!

В ярость приведут они козацкую кровь,

Нальются той кровью очи сечевика, И против подлости сама собой Выскочит сабля из ножен...

За гниль их магнатскую

Схватят тебя и посадят как убийцу;

Дух твой не вынесет.

Ты окончишь жизнь

Точным выстрелом в самого себя.

Автор стихотворения Бронислав-Антони Шварце в здешних местах оказался уже в семидесятые годы. Так почему обращение польского поэта в "Бугаю-Бугаенко", сыну Украины, пришло мне на ум именно сейчас? Интуитивно почувствовал созвучие: могли бы сказать такое и они, поляки в Орской казарме (верно и говорили со временем, обращаясь к Шевченко).

Раньше уже вспоминал Хиполита Завадского. Вместе с ним в Орскую привезли Станислава Круликевича. Произошло это минувшей зимою. В солдаты их отдали за одно и тоже: "намерение присоединиться к краковским мятежникам и склонить к тому же рекрут, находившихся в горных заводах Царства Польского". Для Шевченко это были едва ли не первые люди, вынесшие дикое истязание - тысячу ударов шпицрутенами.

Польский язык не был для него чужим, взаимное доверие пришло совсем скоро. Не

они ли стали впоследствии прототипами несчастного в его сепии "Наказание шпицрутенами"? И теми, к кому он вскоре обратится со словами проникновенно-страстными?

Ще як були ми козаками,
А уни не чуть було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольными ляхами...

Но замыслам еще нужно было вызреть. Сейчас же, в казарме, они - не без осторожности - делали начальные, первые шаги навстречу будущей дружбе.

Казарма это не только "нечистоты и смрад"...

8.

24 июня генерал-губернатор Бибиков отсылал в III отделение "принадлежащие Тарасу Шевченку рисунки и ящик". Еще 2 июня, когда Шевченко был на пути к Оренбургу, их затребовал от киевского гражданского губернатора Фундуклея сам граф Орлов. "Для возвращения по принадлежности..." Вещи оказались в канцелярии более высокой -бибиковской - и теперь следовали в Петербург оттуда. Двумя неделями позднее, когда они прибудут, Орлов на препроводительном листе наложит резолюцию брезгливую: "Оставить под сохранение при деле, такая дрянь, что нечего показывать". Там же оказалась и другая надпись - недоуменная, что ли: "Ящик с одними красками".

Для Орлова краски были "дрянью".

Для Шевченко в них заключалась ЖИЗНЬ.

Исполнительный Мешков рапорту поручика Почешева насчет претензии доставленного им рядового дать ход не торопился. Колебался? Вполне возможно. "С запрещением писать и рисовать..." Так зачем же рисунки, альбом, бумаги? И к чему эти три пистолета? Ждал указаний дополнительных, а пока не предпринимал ничего. Решится только к середине июля, да и вряд ли сам.

"Исполнительность" батальонного была сугубо избирательной. Вот насчет занятий на плацу (да и в экзерцисгаузе, где солдатам преподавали "словесность") напоминать не приходилось.

Высочайшее повеление выполнял неукоснительно...

Выполнял и начальник III отделения. Дня не проходило, чтобы о Шевченко не "вспоминал"! 27 июня, в пятницу на той же неделе, когда капитан Мешков объявил по батальону о зачислении нового рядового в третью роту, А.Ф.Орлов обращался к министру внутренних дел Л.А.Перовскому. Мол, граф Уваров насчет запрещения "Кобзаря", а также произведений Кулиша и Костомарова, сделал распоряжения "только по цензурному ведомству". Но это - писал - проблемы не исчерпывает и потому просил-спрашивал: "не изволите ли приказать сделать распоряжение о запрещении и изъятии из продажи вышепоименованных сочинений?" Одновременно шло еще одно письмо, С.С.Уварову, дабы тот подумал и решил: "не следует ли подтвердить по цензурному ведомству, дабы о книгах, по высочайшим повелениям воспрещаемых, не было помещаемо в газетах и журналах никаких объявлений".

Не из одних только книжных лавок, типографий, газет - ИЗ ЖИЗНИ САМОЙ выключали в эти дни Шевченко. Старались выключить...

ЯМАН-КАЛА И ГЕНЕРАЛ ИСАЕВ

1.

Никто не создал более достоверного, колоритного, психологически глубокого портрета Орской крепости, чем тот, который оставил нам Тарас Шевченко. И в русских своих повестях, где портрет этот нарисован, был он художником, был живописцем.

Убедительности ради прибегну к сопоставлению.

П.РЫЧКОВ: "... Она поныне из всех новопостроенных крепостей, выключая

нынешний Оренбург, лучше и регулярнее укреплена, и снабжена достаточною артиллериею... Церковь в ней каменная... со всех сторон далеко видна, и крепости немалое украшение причиняет. Жительства в ней внутри и вне крепости дворов до трехсот..."

П.ПАЛЛАС: "...Орская крепость находится в киргизской степи недалеко от Яика, около двух верст от устья Ори, но к сей речке гораздо ближе, нежели к оной, и построена на горе. На середине той горы изрядная каменная церковь, которую со всех сторон издалека видеть можно. Вокруг горы находятся жилые дома, из коих, кроме комендантского, нет ни одного хорошего строения. Крепость состоит из земляного, дерном выкладенного вала..."

И.ДЕБУ: "... Одна из лучших крепостей Оренбургской линии... Орская крепость составляет главный пункт прихода и отправления азиатских караванов... Местоположение сей крепости для жизни здоровое... Попечением бывшего Оренбургского военного губернатора графа Сухтелена Орская крепость весьма, противу прежнего, улучшена во всех отношениях..."

Ю.ЯСЕНЧИК: "...Под горой, где река Орь впадает в Урал, рассыпались деревянные домики, сооруженные по большей части татарским способом - окнами во двор, чтобы взгляд неверного гяура не достиг и не осквернил писаных красавиц Востока. Домики эти и создают Орсков поселение... Главная улица крепости по левой стороне застроена казармами пятого батальона, а по правой - тюрьма арестантской рабочей команды, казармы инженерных и артиллерийских частей".

Не выдерживает сопоставления даже единственная из известных сейчас собственно-художественных зарисовок Орска того времени. Очертания в целом схвачены вроде бы верно, а вот жизни, сути в них (и тем более за ними) не улавливаешь. Автор этой зарисовки, сделанной с натуры, - служивший тут в сороковые-пятидесятые годы офицер Р.Поль.

...Но даже самый гениальный портрет в красках не утоляет интерес к "модели", не угашает (напротив - разжигает) желание узнать о ней побольше. А уж в авторе... Тут и говорить не приходится: стремление такое в нем живет ИЗНАЧАЛЬНО...

2.

"...И на месте этой Яман-калы предполагалося когда-то основать областной город!.." - удивлялся устами Савватия Сокиры Шевченко. -Где же самая крепость? - задавал вопрос себе, а потом и другим, бродя, когда это было возможным, по "безотрадным окрестностям".

Узнал он, конечно, немало. Так имеем ли право сторониться этого мы, сегодня идущие по следам его жизни?

Да, закладывали "областной город" - столицу еще не обжитого края России, оплот укрепленных линий и центр торговли. Иван Кирилович Кирилов, обор-секретарь сената, осуществлял заветное желание Петра Великого: наладить всесторонние, устойчиво-прочные, развивающиеся связи с народами Востока. Связи политические, хозяйственные - всякие. И через много лет после смерти Петра двинулась в степь экспедиция.

К устью Ори двигались от Уфы. Семьсот верст преодолели почти за четыре месяца: задерживали и бездорожье, и болезни, и препоны, чинившиеся местными феодалами. 15 августа 1735 года была основана небольшая крепость "о четырех бастионах". Рапорт сообщал: "Августа 15-го Оренбургская первая крепость купно с цитаделью малою на горе Преображенской заложена и следует работа с поспешностию; в стенах казармы плетневые, кои обмазываются глиною с травою и выбелива-ютца, а с наружной стороны ров и вал присыпной к стене казармной". Спешили: времени до холодов оставалось мало, а чтобы зимовать, требовался мало-мальски приемлемый оплот.

Преображенской гору назвали по той причине, что к этому месту экспедиция пришла в праздник Преображения. Горою все по сути и ограничивалось. Тут предстояло, в случае надобности, оборону держать, тут же - и жить. Солдатскую команду в цитадель

ввели сразу.

Прошло еще две недели, и 31 августа "при реке Яике и устье Орском", как писал в "Истории Оренбургской" П.И.Рычков, "настоящий Оренбург... при выстреле трижды из тридцати одной пушки, камнем был заложен". Но строить в том году возможности уже не оказалось, еще через год этому помешали события в окрестных степях, весной тридцать седьмого умер Кирилов, и "областной город" решили перенести вниз по Яику-Уралу.

Та же крепость, которую заложили на горе, с 1739-го стала официально именоваться Орской. Три года спустя за ее переустройство решительно взялся новый начальник края Иван Иванович Неплюев. По его приказу был заложен Преображенский замок, оградой стал служить земляной вал высотою, вместе с бруствером, около трех метров, а шириною немногим меньше шести. Вал одели дерном и окружили рвом, в некоторых местах бока обложили камнем.

Проходили год за годом, десятилетия за десятилетием. Крепость свой вид меняла. Раздавалась по территории, застраивалась новыми казармами, цейхгаузами и всякими прочими казенными помещениями, офицерскими и чиновничьими домами, обрастала домишками всякого люда. Былое ее значение, как укрепленного пункта, отходило в прошлое, и о фортификациях переставали даже думать, не то, что заботиться. Теперь и вовсе - чувствовалось ощутимо - штатной крепости подходил конец.

... Наступил он. четырнадцать лет спустя: в июне 1861 года крепость упразднят окончательно и бесповоротно.

Ну а пока-Несколько строк из "Несчастного":

"Крепость Орскую местные киргизы называют Яман-кала. И это название чрезвычайно верно определяет физиономию местности и самой крепости. Редко можно встретить подобную бесхарактерную местность. Плоско и плоско. Для киргиза, конечно, это ничего не значит, - он сроднился с этим пейзажем. Но каково для человека, привыкшего в окружающей, его природе видеть красоту и грацию, и очутиться вдруг перед суровым однообразным горизонтом неисходи-мой, бесконечной степи? Удивительно, как неприятно такой пейзаж действует на одинокую душу новичка".

Яман-кала - напомню - это город со множеством самых нелестных эпитетов.

"Новичок"? Автор строк - Шевченко.

Сам себе новичком он не казался. Дни тянулись нескончаемо и представлялись неделями.

3.

Но самое время присмотреться не только к этой крепости, на месте которой должен был, по первоначальному замыслу, образоваться "областной город", а и ко всему краю, чьи просторы станут для Шевченко обиталищем на годы и годы.

И здесь, во избежание собственно авторского произвола, прибегну к характеристике, родившейся как раз в те недели, а если совсем точно, то 26 августа 1847 года, когда гражданский губернатор подписал "Записку о состоянии Оренбургской губернии вообще" (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12979/12).

Тут ей, думается, самое место, и.надеюсь, что за документ этот, довольно пространный, вы с меня не взыщете.

...Оренбургская губерния имеет до 4000 верст в окружности; отличительная черта этой обширной страны есть плодородие почвы в высшей степени и богатство всякого рода угодьями. Число жителей в губернии простирается до 1706837; по племенам они разделяются на русских, башкир, мещеряков, татар, тептярей, мордвов, чуваш, черемис, вотяков, по религии - на православных, грекороссийского исповедания, магометан и частью язычников, по образу жизни - на кочевых и оседлых. Все эти племена, находясь в общем составе народонаселения губернии, на долгое еще время будут разнствовать в обычаях, понятиях и верованиях.

Из здешних азиатцев башкиры долее других вели кочевую жизнь, сохраняя

наклонность к праздности и наездничеству; но и они, исключая ближайших к пограничной с киргизами линии кантонов, обратились к оседлости и заменили смелые набеги страстью вчинять неправильные тяжбы соседям, иногда захватывать давно проданные им земли и обременять начальство ябедами. Введение между башкирцами, вместо иррегулярной службы на линии, денежного сбора видимо сближает их с гражданственностью, они начинают привыкать к труду и полезной жизни поселянина, а время умягчит их характер и научит более ценить свою и уважать чужую собственность.

Русские, прежде и ныне перешедшие в губернию, отличаясь от азиатцев лучшим устройством домашнего быта, знанием вести хозяйство, заимствовали в некоторой степени дурные наклонности соседей; такое соединение чужих с собственными недостатками ставит их в нравственном отношении не многим выше азиатцев.

В низшем и среднем классах обывателей, особенно между азиатца-ми, грамотность довольно рбыкновенна, но между живущими здесь дворянами редко встречаются люди, нравственно и умственно образованные, впрочем число учащихся с каждым годом увеличивается и многие молодые люди ищут ныне образования в высших учебных заведениях.

По обширности и плодородию земель Оренбургская губерния как бы предназначена преимущественно быть земледельческой. Поселяне и даже городские обыватели производят значительные посевы, но, надеясь на плодородие почвы, не брезгуют удобрением полей и усовершенствованием орудий. Горнозаводские крестьяне исключительно занимаются добыванием металлов, но и они там уделяют время для земледелия, где почва и климат благоприятствуют, азиатцы вообще еще худые пахари, а прилинейные башкиры по привычками занятиям своим ближе к народу кочевому, чем оседлому. Точно в том же положении находится заводская и фабричная промышленность: здешние заводы, богатые землями, лесами и рудниками,, в устройстве и обработке металлов не равняются с пермскими. Фабричная промышленность ограничивается произведением в небольшом количестве солдатских сукон, кож, сала, а в северных уездах - поташа и шадрика. Ни один город не отличается замечательным произведением какого-либо ремесла, мастеровые приготовляют изделия единственно для удовлетворения нужд местных городских и сельских обывателей.

Торговля Оренбургской губернии мало замечательна: здесь нет ни больших оборотов, ни закупов, ни складов; купечество, не имея ни капиталов, ни предприимчивости, ограничивается перепродажей товаров, накупаемых на ярмарках. Из последних замечательны Бугульминская и Мензелинская; на Бугульминской здешнее купечество кредитуется колониальными и другими товарами, привозимыми с Нижегородской ярмарки, на Мензелинскую доставляется в значительном количестве кубовая краска, которую развозят потом в Сибирь и соседние губернии. Торговля с Хивой и Бухарией производится в городах Оренбурге и Троицке, многие, однако же, азиатские купцы предпочитают лично сбывать товары свои в Нижнем Новгороде, в те же города киргизы преимущественно пригоняют многочисленные табуны баранов; мена с ними и приготовление сала составляют один из значительнейших оборотов здешних капиталов.

Степенью развития промышленных и торговых сил обусловливается и степень благосостояния обывателей: они не испытывают бедности, не нуждаются в средствах для удовлетворения необходимым потребностям природы, но не пользуются всюду достатком и довольством, незнакомы с теми удобствами жизни, которые доступны для них по местным выгодам.

Природа щедро наделила Оренбургскую губернию естественными источниками богатства: обширные степи пригодны для земледелия, горы изобилуют водами, лесами и рудами, реки-удобны для сплава, наконец рынки Средней Азии ожидают изделий заводской и фабричной промышленности; но несмотря на все эти выгоды, на быстрые шаги в последние двадцать лет, сделанные краем к благоустройству, здесь многое и направлять и созидать остается. С небольшим за сорок лет главнейшее народонаселение

Оренбургского края составляли кочевые инородцы, иррегулярные войска и горнозаводские крестьяне Промышленность этих сословий состояла в скотоводстве, мене с киргизами, добывании металлов и минералов. Вновь открытые рудные сокровища, обширные незаселенные степи и многочисленные табуны прогоняемого киргизами скота для мены, остававшейся без соперничества в руках линейных жителей, доставляли неисчислимые средства к возвышению благосостояния упомянутых сословий и в то же время давали им возможность, не занимаясь хлебопашеством, приобретать хлеб и все произведения земли у немногих земледельцев, между ими поселившихся. Добываемые металлы, кожи, сало, азиатские товары, как предметы ценные, не затрудняли провозом; табуны рогатого скота, лошадей и баранов без труда прогонялись в соседствбнные губернии, всюду находили себе обильную пасьбу и покупателей; хлеб и овощи земледельцы выгодно продавали в казну для продовольствия иррегулярных войск, в крае расположенных, и сословиям, вовсе земледелием не занимавшимся.

В настоящее время .народонаселение удвоилось; степи, исчезая под пашнями и селениями, не представляют прежнего раздолья для пастбищ скота; мена с киргизами, раздробившись между увеличившимся числом прилинейных жителей, сделалась промыслом недостаточным, иррегулярные войска, Оренбургское и Уральское, не находя прежних выгод в мене и рыболовстве, обратились к земледелию и производят хлеба гораздо больше, чем нужно для собственного их потребления; регулярные войска, за исключением не многих батальонов, или обращены в казаки, или выведены из губернии; кочевые инородцы, распродавшие излишние земли и стесненные новыми поселенцами, должны были уменьшить скотоводство и огромным своим составом увеличили класс земледельцев. Таким образом, вместе с развитием земледелия в крае, число потребителей постепенно уменьшилось до того, что, несмотря на возвышения цен в соседственных губерниях и в столицах, хлеб в Оренбургской губернии продается на базарах от 7 до 15 копеек за пуд и даже по такой низкой цене не имеет покупателей на значительные партии.

Причины такого застоя хлебной торговли заключается в удалении края и в обширности его: обыкновенно здесь везут хлеб от 100 до 300 верст гужом и продают от 1 до 2 рублей серебром за четверть, выручая за провоз и отдавая хлеб почти даром. Сплав металлов, хлеба и изделей производится по рекам Уфе и Белой, но в малом виде, самые реки не поступили еще в систему судоходных, не имеют пристаней, бечевника и судоходной расправы, а русла их не очищены от подводных камней и корней. Реки Самара, Кинель, Большой Ик, пригодные для весенних сплавов, протекая земледельческими по превосходству уездами Бузулукским, Бугурусланским, Бугульминским, Белебеевским и Мензелинским, еще не обследованы и остаются недоступными судоходству.

Продолжающееся переселение из внутренних губерний поселян поводимому ручается за большее с каждым годом развитие земледелия, но и без того, для поддержания в настоящем его положении, сказывается необходимость в устройстве водяных путей сообщения, открытии пристаней и распоряжении о снабжении их строительными материалами для судов из лесных дач, в здешнем крае исключительно почти принадлежащих казне и башкирам. Полагать надобно, что открытие судоходства и пристаней в городах Уфе на реке Белой, в Бузулуке на реке Самаре и в Бугуруслане на реке Кинель будет иметь благодеятельное влияние на возвышение благосостояния, торговли и промышленности городов, пробудит энергию здешнего купечества и, обеспечив класс земледельцев открытием путей сбыта для них произведений, мало по малу разовьет образование, умягчит характер обывателей и таким образом послужит основанием к соединению разноплеменного народонаселения в одно целое.

Комментировать Записку не стану. Читающий внимательно противоречия ее не пропустил; каждому и то понятно, что во все времена губернаторы меньше всего склонны подчеркивать негативное... Примем документ как "информацию к размышлению" и... воротимся в обойденную им .Орскую крепость. Она не пахала и не сеяла, металлы не

добывала и ремеслами не занималась - относилась к ведомству военному и обязанности исполняла военные.

Хоть и третьего разряда, а крепость: пехоты - три роты, 657 человек, артиллерии 14 орудий, 81 душа в расчетах, комендант...

4.

Насчет него, коменданта, никаких разногласий у шевченковедов-биографов нет. Как написал в свое время М.М.Лазаревский, так и переходит из статьи в статью, из книги в книгу.

Цитирую уважаемого мемуариста в точности:

"Чрез неделю Шевченко назначили в линейный Оренбургский N 5 батальон и отправили в Орскую крепость, где комендантом был тогда генерал-майор Исаев, человек старый и довольно добрый. В Орской крепости Шевченко скоро познакомился с сосланными туда поляками, и один из них, Фишер, бывший учителем детей Исаева, сошелся ближе

других с Шевченко. Чрез него Шевченко был принят в доме Исаева и

получил позволение жить в наемной квартире..."

"...Жизнь его, при участии Исаева, была довольно сносная..." "...Но в 1847 году Исаев умер, и тогда-то наступило для Шевченко

тяжелое время..."

Итак: комендант крепости Орской - генерал-майор Исаев.

Тут, в Орской, Исаев жил всегда, а комендантом служил чуть не со времени основания крепости... Так, или примерно так, склонны были думать и утверждать даже старожилы, давно позабывшие предшественников его на комендантском посту.

Он и впрямь пребывал здесь со времен незапамятных, эта крепость стала для него главным в жизни.

С юных лет человек военный, свою карьеру начавший еще в том веке, Исаев никогда не шаркал по столичным паркетам, не искал службы почище да подоходнее - был там, куда посылали, и всюду долг свой исполнял по чести и совести. Едва ли не вся жизнь прошла в отдаленных местах государства, в степных укреплениях и непарадных, многотрудных походах.

"Муж мой генерал-майор Дмитрий Николаев сын Исаев 1-й, - читаем в прошении его вдовы, - поступил на службу из дворян Псковской губернии подпрапорщиком 12 марта 1792 года в лейб-гвардии гренадерский полк...

Впрочем, в том же деле ЦГВИА (ф.395, оп.156, д.356) есть формулярный список, а он, как источник биографических сведений, надежнее.

В Псковской губернии, Порховском ее уезде, отец будущего офицера владел крохотным имением с двадцатью девятью крестьянами. Приписанный к полку в малолетстве, служить Дмитрий начал с прапорщика. Служил исправно, продвигался *в* чинах. 1798: подпоручик; 1799: поручик; 1806: штабс-капитан; 1807: капитан. Вместе с капитанскими погонами получил назначение в Орскую и служил в здешнем батальоне, пока не назначили его комендантом крепости. Произошло это в 1821-м. "Слабым в отправлении обязанностей службы не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал", -так аттестовало его корпусное начальство. Не однажды получал Исаев благодарности, в том числе ВЫСОЧАЙШИЕ, за найденные в крепости при проверках "порядок, чистоту и опрятность". Заслужил два ордена, медали. Еще в 1840-м стал полковником.

И никто не мог его попрекнуть,, что достиг чего-то по протекции. Трудом своим заработал, горбом нажил. Не корысти ради старался -пользы для дела и отечества.

Читая в оренбургском архиве подшивки бумаг еще двадцатых-тридцатых годов, находил в них все новые подтверждения бескорыстной рачительности коменданта, который, понятное дело, не в силах был на свой кошт превратить крепость в "диво

фортификации" ("Несчастный"), но то, что мог, делал, и даже за собственный счет.

Примеры? Достаточно одного. Убедившись, что старый деревянный мост через Урал пришел "в крайнюю степень ветхости", Исаев, тогда еще майор, решил не ожидать ассигнований из корпусной казны и предпринял строительство нового моста "иасвоей собственности", то-' есть на средства личные. Мост был сооружен добротный. Что же касается возмещения затрат, то понадобилась трежлетняя переписка, прежде чем 1891 рубль ему вернули.

А сколько раз не возмещали, как часто обманывали, обводили вокруг пальца, пользуясь доверчивостью честного служаки, в финансовых делах неискушенного!

Особенно горьким был для него этот, 1847-й. 7 марта военный губернатор Обручев распорядился о "наложении запрещения" на собственный его дом - единственное богатство Исаева. "В обеспечение взыскания с него денег..." Долгов насчитали так много, чтр расплатиться по ним он не смог бы никогда. Ни этим домом, ни несколькими домами, будь они у него на самом деле. 1400 рублей требовалось отдать подполковнику Иванову, бывшему командиром линейного батальона N 4. Неоплаченным остался иск крестьянина Бандурина - 140 рублей 54 3/4 копейки (переделывал паром, а в Оренбурге расход не признали) ; незаконным сочли удержание с чиновника Биглова 53 рублей 46 копеек за "порционы"; признали нужным взыскать 2 рубля 85 копеек, пересланных (якобы неправильно) уряднику Пахомову в Оренбургское укрепление. И так далее, и тому подобное... Но главным было то, что у сына, чиновника Оренбургской провиантской комиссии, обнаружилась недостача в размере ошеломляющем: 18668 рублей! Заготовлял провиант - причинил казне убыток... Восемнадцать тысяч!

Что поделаешь - расплачивался. По меньшим суммам - сразу; они уже отпали. Иванов согласился на рассрочку, да и не вся сумма документами подтверждалась - запросил немало лишнего. Вот долг единственного сына, Николая... Он, разумеется, тревожил прежде всего. Как могла такая недостача образоваться? Привык Исаев начальству доверять, но в нечестность сына не верилось. Обвели его, обманули?.. Мысли, одна другой тревожнее, лишали покоя и сна. (Потом уже окажется, что не 18 с лишним тысяч казне возвращать, а... 283 рубля 84 копейки. Но "поправку" эту внесут гораздо позже, и узнать о ней Исаев не успеет).

...Жил Дмитрий Николаевич в своем каменном доме, да не хозяином - распоряжаться им права не имел.

А кого только этот дом не перевидал!

Люди незаурядные Исаева привлекали всегда! Не получив образования сам, образованных, талантливых уважал он с давних пор.

Так обрел в нем когда-то покровителя и друга Ян Виткевич, участник польского .патриотического движения, впоследствии известный русский путешественник и дипломат, талантливый и храбрый исследователь Востока.

Откроем "Воспоминания" Ивана Федоровича Бларамберга - видного военного специалиста в области топографии и инженерного дела, много лет прослужившего в Отдельном Оренбургском корпусе.

Есть тут и об Исаеве.

... Итак, Виткевича за его политическую деятельность отдали в солдаты и отправили на край света. "Здесь, на границе с Азией, -читаем в книге, - он прозябал бы, если бы не тогдашний комендант Орской крепости, превосходный человек, полковник Исаев (тогда, конечно, еще не полковник - Л.Б.) не позаботился о нем. Не имея возможности сразу освободить молодого человека от службы в действующей армии, он все же ввел его в свой дом. Из чувства благодарности Виткевич занимался с его детьми французским языком, географией и другими науками, так как в 20-е годы в этом отдаленном крае очень трудно было найти для детей учителя". В свободное время сам Ян изучал восточные языки, обычаи кочевавших в окрестностях Орска казахов и других народов. "Так проходили годы тяжелых испытаний... В 1830 году Александр Гумбольдт с

профессором Розе, совершая свое широко известное путешествие на Алтай, проезжали через Орск. Они остановились в доме коменданта Исаева. Здесь Гумбольдт с изумлением увидел свою книгу на столе..." Книга принадлежала Виткевичу, и читал ее он. С помощью коменданта состоялось знакомство знаменитого ученого и опального солдата. Для его судьбы значение оно имело огромное...

Много известных, и даже знаменитых, людей перебывало в доме Дмитрия Николаевича и Александры Афиногеновны Исаевых в Орской крепости.

"... ОТКУДА И БЫЛ УВОЛЕН В ОТСТАВКУ ПО ПРОШЕНИЮ ЗА БОЛЕЗНЬЮ 4 ФЕВРАЛЯ 1847 ГОДА С ЧИНОМ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА, МУНДИРОМ И ПОЛНЫМ ПЕНСИОНОМ..."

Это опять же из прошения вдовы относительно пенсии.

Уволен В ФЕВРАЛЕ сорок седьмого?!

"1849 года апреля 27 дня ПРОЖИВАЮЩИЙ В КРЕПОСТИ ОРСКОЙ УВОЛЕННЫЙ ОТ СЛУЖБЫ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСАЕВ СКОНЧАЛСЯ ОТ СТАРОСТИ, КОТОРЫЙ ТОГО ЖЕ ГОДА И МЕСЯЦА 29 ЧИСЛА СВЯЩЕННИКОМ ПЕТРОМ ТИМАШЕВЫМ БЫЛ ОТПЕТ И ПРЕДАН ЗЕМЛЕ НА ОТВЕДЕННОМ КЛАДБИЩЕ..."

В Орской жил, в Орской умер. Не в сорок седьмом, как у Лазаревского, а в сорок девятом. Не комендантом, но уволенным в отставку...

"...комендантом был тогда генерал-майор Исаев"

Был, да НЕ ТОГДА.

При Шевченко КОМЕНДАНТА Исаева в крепости НЕ БЫЛО.

!!! ИЛИ ОШИБКА ДЛИНОЮ В ВЕК

1.

Если не ошибаюсь, первым в биографию Шевченко Левитского ввел я.

Ввел его как некоего "промежуточного коменданта"; в моей хронологии он занял место между Исаевым 1847 и Недоброво 1850 годов. Составленный мною словарь окружения и связей поэта периода солдатчины сообщал, что именно Г.Г.Левитский временно сменил уволенного от службы Д.Н.Исаева, что комендантские обязанности исполнял он в течение нескольких месяцев, после чего их возложили на Е.В.Недоброво. Тут же следовало заключение: "Упоминаний о Ле-витском в шевченковской литературе нет, но из воспоминаний (в частности, М.М.Лазаревского) известно, что с уходом (обычно пишут - со смертью) Исаева "наступило для Шевченко тяжелое время". Вывод содержал и подозрение, и упрек: Исаев, дескать, был человеком хорошим, доброжелательным, Левитский же дурным, равнодушным, жестоким.

Ничего более сообщить тогда не мог. Только фамилию с именем-отчеством и должностью, как значились они в "Памятной книжке военного министерства на 1848 год", и только собственные свои предположения, вроде бы вполне оправданные.

Теперь мне за эти предположения совестно. Будто нарочно напраслину на человека возвел, тень подозрения бросил. Нехорошо, неблагородно...

Но, с другой стороны, если бы в свое время не выписал я из официальной печатной Памятной книжки фамилию исаевского преемника, тогда же не внес ее в свой словарь, не обнародовал для читателей и не запомнил сам, не смог бы сейчас исправить куда более крупную ошиб.-ку, кочующую из биографии в биографию чуть не целый век.

Просто-напросто прошел бы мимо этой фамилии в огромнейшей, необозримой картотеке формулярных списков ЦГВИА, не обратил на нее внимания, не взял на заметку, не выписал само дело.

Фонд 395, опись 154, единица хранения 421... Архивный адрес оказался на редкость счастливым.

2.

На себе самих ощущая несовершенства памяти, особенно на фамилии и даты, мы тем не менее легко принимаем на веру все имена и временные обозначения в мемуарных источниках о прошлом. Будто у ТЕХ мемуаристов память была безупречно феноменальной, не давала и не могла дать сбоев. Знаем - взялся человек за перо только через десятки лет после происшедших событий, но уверены: коль скоро он добросовестен, честен, то ошибок быть не может. А ведь не все предопределяется добросовестностью. Даты могут в памяти сместиться, имена трансформироваться, пойдет в таком виде в печать, будет подхвачено, станет переходить из книги в книгу, и уже мало вероятия обнаружить промах, избавиться от него, поправить как должно. Происходит это порою у самых НАДЕЖНЫХ авторов и там, где НИКАКОГО подвоха не ждешь.

Вынужден повториться.

Коменданта ИСАЕВА первым назвал Михаил Лазаревский.

На нескольких страницах его воспоминаний, написанных в шестидесятые годы, а опубликованных под конец девяностых, эта фамилия указывется шесть раз - чаще любой другой.

"...отправили в Орскую крепость, где комендантом был тогда генерал-майор ИСАЕВ, человек старый и довольно добрый..."

"...Фишер, бывший учителем детей ИСАЕВА..."

"...был принят в доме ИСАЕВА..."

"...Жизнь его, при участии ИСАЕВА, была довольно сносная..."

"...в 1847 году умер ИСАЕВ..."

"...Исаев (ОДНОФАМИЛЕЦ бывшего Орского коменданта..."

Как и у других биографов - моих предшественников,, фамилия коменданта сомнений у меня не вызывала. Архивные дела, к которым обратился, помогли установить не только имя и отчество этого человека, оказавшегося Дмитрием Николаевичем, но и получить другие полезные о нем сведения (сообщенные частично на страницах предыдущих). Смущало то, что умерший, по Лазаревскому, В СОРОК СЕДЬМОМ, он, по сведениям из архива, значился здравствовавшим и в сентябре сорок восьмого, когда Шевченко находился уже на Аральском море. Выходит, расуждал, речь шла не о ФИЗИЧЕСКОЙ смерти, а о СДАЧЕ КРЕПОСТИ другому коменданту? Документы подтверждали это, называя Исаева УВОЛЕННЫМ ОТ СЛУЖБЫ. Но когда увольнение состоялось? Ведь где-то тут и примерная дата ощутимой перемены в судьбе опального рядового: возвращения его в казарму, лишения любых послаблений...

Ответ на этот вопрос не отыскивался. Надеялся, что уточнение придет с формулярным списком Исаева в ЦГВИА, но получить его смог не сразу.

Раньше передо мной оказалось дело, на обложке которого значилось имя Левитского.

Лазаревский ошибся не в частностях, вроде времени смерти Исаева, - в самой фамилии тогдашнего Орского коменданта!

Запамятовал сам и ввел в заблуждение множество других, проверить не удосужившихся. Среди доверчивых я был не первым, но виню прежде всего себя.

3.

Комендантом Орской крепости Гаврила Гаврилович Левитский, по званию полковник, был назначен высочайшим приказом от 4 февраля 1847 года. К исполнению своей новой должности он прибыл в том же 1847-м, но в июне, если совсем точно- 12-го. (За десять дней до приезда сюда Шевченко!)

28 января 1848 года за отличие по службе Левитского произвели в генерал-майоры - "с оставлением в настоящей должности и по артиллерии".

Высочайшим же приказом от должности коменданта он был отчислен в 1848-м, 1 июня. (Через три, без малого, недели по отбытии Шевченко в поход к Аралу).

...Единственным комендантом Орской крепости на первом году солдатской службы

рядового Тараса Шевченко является не Исаев, а Левитский. Исаев Дмитрий Николаевич был его непосредственным предшественником, не больше.

Гаврила Гаврилович происходил из дворян Петербургской губернии, но ни там, ни где-либо еще имений и крепостных не имел. Не числились они за ним, не числились и за женой. Не было прежде, не нажили потом...

В Орскую Левитский прибыл, имея за плечами шестьдесят семь лет жизни.

Суровой жизни российского воина, испытанного в походах и боях...

Офицером он стал еще полвека назад, когда в 1798-м, по окончании второго кадетского корпуса, был произведен в подпоручики. Тогда ему только-только исполнилось восемнадцать.

А скоро наступило время испытаний. Весною следующего, 1799-го, юный артиллерист уже участвовал в сражениях против французских войск в австрийских пределах, дрался с ними на Рейне. Потом были бои в Пруссии и Молдавии, штурм Измаила и осада Силистры, наконец Отечественная война против Наполеона - от самого ее начала и до победного завершения, до Парижа и Шампании. Годы спустя - русско-турецкая война, когда войска России взяли в Закавказье Каре и Эрзерум, разгромили турок в Болгарии и приблизились к Константинополю.

"Был в походах и сражениях в 799, 806, 807, 812, 813, 814 и 815 годах против французов, в 808, 810, 828 и 829 годах против турок" -так, предельно лаконично, сказано в его формуляре "о службе и достоинстве".

Служил геройски, достоинства не ронял. В боях стал и полковником. За боевые дела получил ордена святого Георгия 4-го класса, святой Анны 2-й степени, святого Владимира 4-й степени с бантом, серебряных медалей в память 1812 года и за русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Потом к ним прибавились многократные "высочайшие благоволения" за службу в мирное время и, уже в начале сорок седьмого, - "знак отличия беспорочной службы за XXXXV лет".

Особой образованностью Левитский не блистал. "Русской грамоте читать и писать умеет и артиллерийскую науку знает..." Но этого, в сочетании с патриотизмом, храбростью и усердием, ему с лихвой хватало, чтобы почти полвека верой и правдой служить отечеству. С начала тридцатых годов - до назначения в Орскую - командовал он резервною бригадою 3-й артиллерийской дивизии. Пришел в бригаду совсем молодым, "новоиспеченным" штабс-капитаном, вместе прошли многими военными дорогами, а провожали его уже командиром бригады, с сожалением искренним.

Бригада находилась на Украине. Там, на Киевщине, бравый боевой офицер полонил сердце дочери богуславского судьи Соломонии Березовской, и отцу ее, Викентию, истому католику, не оставалось ничего иного, как благословить дочь на союз с православным Гаврилой Левит-ским. В местах надднепрянских родились их дочери - двадцатидвухлетняя (к приезду их в крепость) Екатерина и пятнадцатилетняя Дарья. Вместе жили, вместе приехали. Екатерина заневестилась, это не могло не тревожить.

"...веща аттестовался достойным..."

"...жалобам не подвергался..."

И это в формуляре - документе официальном.

Мнение высокого начальства о Левитском - полковнике, а затем генерале - изменилось в бытность его в Орской, уже в сорок восьмом. Изменилось неожиданно и круто, с последствиями роковыми.

Но об этом не здесь, не сейчас - всему свое время.

4.

По твердому моему убеждению, основанному на изучении не только формулярного списка, а и всего дела о Левитском (к нему еще будет повод вернуться), Михаил Лазаревский в своих воспоминаниях спутал только фамилии коменданта, но не погрешил против правды фактов. Это значит, что все, о чем он писал, относится не к Исаеву, а к

Левитскому.

Если характеристику ("старый и довольно добрый") можно приложить и к тому, и к другому, то одно лишь ТОГДА ("комендантом был тогда...") безоговорочно переносит ее на Левитского, коменданта действительного, а не отставного.

Фишер не мог быть учителем детей Исаева (совершенно взрослый и давно титулованный единственный его сын жил со своим семейством в Оренбурге), зато ВПОЛНЕ МОГ иметь своими ученицами дочерей Левитского.

Исаев, как человек без служебного положения, не располагал никакими возможностями дать Шевченко ПОЗВОЛЕНИЕ на жительство его В НАЕМНОЙ КВАРТИРЕ - на командира батальона мог повлиять только старший воинский начальник, а им являлся не кто другой как Левитский.

"Довольно сносной" жизнь Шевченко могла быть при сочувственном к нему отношении коменданта Левитского, а не Исаева, в крепости остававшегося, но уже не у дел.

И умер Исаев не в 1847-м, а в 1849-м, пережив Левитского почти на год, - тот скончался летом сорок восьмого.

...Комментарий к воспоминаниям М.М.Лазаревского требует, таким образом, поправок существенных.

5.

И по должности, и по званию комендант был в крепости лицом главным. Ни одно перемещение - что офицеров, что рядовых - мимо начальника гарнизона не проходило. Тотчас узнал и о доставке в свои владения нового нижнего чина - Шевченко.

Факт оказался примечательным еще и потому, что доставленный в Орскую рядовой был УКРАИНСКИМ поэтом, приговоренным к бессрочной солдатчине "за сочинение возмутительных стихов" на звучном языке народа, среди которого жил и служил многие годы. Русский по рождению, он чувствовал себя своим на земле Малороссии - тем брлее, что там родилась его семья, появились на свет его дочери, самые дорогие люди на целом свете.

(Шевченко, между прочим, бывал и в Богуславе. Ездил туда на базар - еще в детстве, когда батрачил на попа Кошица, заезжал и в 1845-м; потом упомянет он этот городок в "Прогулке с удовольствием и не без морали". Запомнился, выходит...)

Констатировав факт отправки поэта в Орскую крепость, Лазаревский "механику" знакомства коменданта и рядового описывал таким образом: "В Орской крепости Шевченко скоро познакомился с сосланными туда поляками, и один из них, Фишер, бывший учителем детей Исева (читай - Левитского), сошелся ближе других с Шевченко. Чрез него Шевченко был принят в доме Исаева (Левитского) и получил позволение жить в наемной квартире".

Схема знакомства представляется упрощенной. Михаил Матвеевич служил в это время в Троицке, а значит в сотнях верст от Орской, в сторону Сибири. Узнал обо всем уже позже, когда смог заехать сюда на несколько дней. (Сам пишет: "Чрез месяц после приезда Шевченко..." - выходит к концу июля).

"Скоро познакомился с... поляками..." Сомнений это не вызывает. О Хиполите Завадском и Станиславе Круликевиче я писал. Можно назвать не упоминаемого биографами Северина Буковского - участника восстания 1830-1831 годов. Не обойти и Оттона Фишера, фигурирующего в воспоминаниях о Шевченко.

Фишер был уроженцем Калиша (родился в 1818-м), служил писарем у мирового судьи родного городка. В 1846-м году его арестовали "за принятие к себе подозрительного человека, вспомоществование ему к побегу и прочие поступки, открытые следственной комиссиею, составленною над злоумышленниками по делу о политических преступлениях в Царстве Польском". Тогда же Оттон был определен на службу в Орскую крепость и оказался здесь.

Да, Фишер был католиком, как и Соломония Левитская-Березов-ская, жена коменданта.

Да, Екатерине и, особенно, Дарье учитель требовался - скажем французского, а, может, и в другом каком предмете.

Слово за вновь прибывшего замолвить Оттон мог - ввести в дом ("чрез него...был принят") НЕТ. "Снискивать" расположение, протекцию поэт-солдат не желал - иначе не отказался бы, скажем, от "перспективного" лазарета в Оренбурге.

Нет, считаю и утверждаю, - произошло все иначе. Внимфние к Шевченко Л свитскому внушила его добрая душа. А еще - человеческая доброжелательность. И чувство, землячества, что ли... И нечто большее - то, что прояснится со временем.

Не последнюю роль в достижении их взаимопонимания отвожу я оренбургским знакомым Шевченко.

"Над ним неусыпно бодрствовал добрый гений в лице Матвеева..." Это тоже из воспоминаний (Лазаревского Федора), и это достаточно важно.

6.

О дозволении батальонного перейти из казармы на квартиру его уведомил капитан Глоба, уже получивший приказ о своем переводе на службу в запасной батальон Кременчугского егерского полка.

Сообщая об этом, он не утерпел и ухмыльнулся - вспомнил, верно, каким было выражение лица выскочки Мешкова, когда тот объявлял "свой" приказ. Поделом ему - хоть такой щелчок, а все ж по носу. Грош цена командиру, ежели им помыкают.

Любому было понятно: указание исходило не от него - от коменданта. Благоволит старик политическим. То поляков приветит, то стихоплета какого. Ну, его это теперь мало касается: сдаст роту, уедет и уж с него никто за послабления не взыщет. Глаза бы на Орскую не гляд ели-Шевченко за дозволение поблагодарил - будто от него оно исходило, от Глобы. Ни о чем не спросил - откозырял, как положено, и пошагал себе дальше. Кое-каким приемам Мешков все-таки научил, подумалось капитану. Только и шагистике поэтовой конец подошел. Как его "наставник" жить без этого станет? Затоскует, сердечный - еще помрет от тоски... Поделом!

Орсков свое пристанище Шевченко вспоминал долго; и десять лет спустя оно ему снилось.

Из записи в "Дневнике", 19 июля 1857 года:

"...Я задремал и на крыльях волшебника Морфея перелетел в Орскую крепость, и в какой-то татарской лачуге нашел М.Лазаревского, Левицкого и еще каких-то земляков, играющих на скрипках и поющих малороссийские песни. Я присоединил свой тенорд капелии, и мы пели стройно и согласно:

У степу могила з в!тром говорила...

Не кончивши этой песни, мы начали другую, а именно "Петруся", и я так громко пропел стихи -

Люблю, мамо, Петруся,

Поговору боюся, - что капелия замолчала, а я на последней ноте проснулся..."

СЛАДКОЕ сновидение... МИЛОЕ сновидение... Слова эти - его слова - относятся и к песням, и к друзьям, и к... "татарской лачуге", в которую перебрался из казармы.

"Мне про Т.Г.Шевченко рассказывал мой дедушка Сергей Романе-[1] вич. Он умер 35 лет назад. Шевченко в Орске проживал в хибарке на улице, которая теперь называется его именем. Хибарку эту снесли еще перед войной. Нынче на этом месте выстроили больницу..."

Рассказ П.Ф.Жилина, тогда уже 56-летнего, записал в 1938-м украинский литератор и фольклорист Иван Иванович Волошин.

Комментируя запись, скажу, что упомянутая война это первая мировая, а больница - детская, на углу Пионерской и Шевченко.

...Лекарь Сокирас земляками делился: "...вонючая татарская лачуга, отведенная мне в виде квартиры..."

Шевченко никто квартиру не отводил - нанимал сам, на свои кровные, и был несказанно благодарен добросердечному Левитскому; тут он чувствовал себя относительно свободно. Казарма угнетала его в высшей степени.

Справедливости ради замечу: в разные годы "адреса" квартиры менялись. Называлась, к примеру, улица Пугачева. Но доказательства приводились совершенно неправдоподобные. Появилась было версия, будто Шевченко "на время болезни был переведен на частую квартиру к одному уральскому казаку" и дом того казака "находился на современной улице Парижских коммунаров". Подтверждений, однако, не оказалось ни малейших.

А в пользу ЭТОЙ "татарской лачуги" - кроме мимолетных упоминаний в дневнике и повести - они есть?

... Еще в пятидесятые годы довелось мне слышать расказ Абдуллы Мухамедзяновича Даутова, Орского уроженца и старожила, уважаемого в городе всеми. Жил Даутов в небольшом доме по улице Шевченко, II. Дом достался ему еще от отца. И на том же, примерно, месте стоял в свое время дом деда, уничтоженный впоследствии то ли пожаром, то ли наводнением. В нем, по семейному преданию, и квартировал поэт-солдат Тарас.

Конечно, предание не... листок прописки. Но в правдивости "дау-товской" версии убеждают еще два обстоятельства. Первое: сохранившийся в архиве список домовладельцев Орской крепости 1849 года -в нем, среди других, значится и Мухамет Даутов. А второе-Второе то, что в 1908 году именно эта улица стала носить имя Шевченко. Еще живы были люди, помнившие Орскую крепость и ее обитателей...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ

1.

"Чрез месяц после приезда Шевченко, - вспоминает М.М.Лазарев-ский, - был в Орской крепости и провел несколько дней с ним. Жизнь его, при участии Исаева, была довольно сносная; он большею частью время проводил или в чтении книг, или в разговорах с поляками".

Додумывать - а если точнее, то придумывать, - о чем говорили меж собою Тарас Шевченко и Михаил Лазаревский, какой, в подробностях, характер носило их общение и что оно для Шевченко значило, не стану: не моя это "стихия". Пишу лишь то, что знаю, в чем уверен твердо.

Впрочем, тут я и знаю, и уверен, что встречи были ничуть не менее душевными, чем те, в Оренбурге, когда познакомился с Федором Лазаревским и впервые узнал о братьях, о всей этой славной семье. А потом... Да ведь есть свидетельство самого Шевченко! Неизвестное? Ну почему же - известное... Запись сна, внесенная в Дневник! Сна, запомнившегося потому, что были в нем друзья и песни - задушевные украинские песни в "татарской лачуге" Орской крепости...

ЛАЗАРЕВСКИЙ Михаил Матвеевич - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь. Родился в 1818 году. (На два года старше Федора). По окончании курса наук в Нежинском лицее князя Безбородко, он в 1§38 году поступил на службу в Черниговскую гражданскую палату. Два года спустя назначили столоначальником и в том же, 1840 году, по его желанию, уволили в связи с переездом в Тобольскую губернию. В Тобольске М.Лазарев-ский служил в 1841-1845 гг. - сначала в канцелярии общего губернского управления, а затем смотрителем заведений экспедиции о ссыльных. За это время он получил два очередных чина. Со средины 1845 г. - в Оренбурге: столоначальником, попечителем прилинейных киргизов. По его совету сюда приехали братья Федор и Василий.

За скупой справкой - и близкая им обоим Черниговщина, и неведомая Шевченко

Сибирь, и встречи Михаила со многими известными людьми, туда отправленными, в том числе декабристами (например, хорошо знакомым Лазаревскому В.И.Штейнгейлем), и теперешняя служба, связанная с налаживанием мирных, дружелюбных отношений между "ордынцами" и прилинейными жителями.

Для разговора тем было предостаточно.

Мешкову на глаза попадаться старался как можно реже. Но как в такой тесноте разминешься? ...Батальонный глядел хмуро.

2.

Хотелось рисовать... Больше даже, чем читать, чем общаться. Где его альбомы, кисти, краски?

Улучив момент, когда Мешков был В ЛУЧШЕМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА, а главное - рядом находился Левитский, Шевченко ПОЧТИТЕЛЬНО попросил батальонного поторопить "кого следует" с высылкой его имущества. Комендант просьбу поддержал и... только тогда капитан извлек на свет божий рапорт поручика Почешева. Тот самый, спешно составленный еще в Оренбурге, врученный сразу по прибытии в Орскую - три с лишним недели назад.

Лишь 16 июля дал он рапорту ход. Точнее - распорядился переписать его для отсылки по назначению от своего собственного имени.

"Определенный по высочайшему повелению из художников С.-Петербургской академии рядовым в командуемый мною батальон Тарас Шевченко по прибытии предъявил претензию, что при отправлении его из г. Киева в С.-Петербург остались у вашего превосходительства собственные его вещи: портфель с бумагами и рисунками, альбом, ящик с разными вещами, ящик с бритвами и семь дюжин кистей..."

("Три пистолета" из рапорта Почешева Мешков вычеркнул решительно - заменил их бритвами и кистями. Сам, а скорее через кого-то, истребовал от Шевченко "дополнительные сведения").

"Донося об этом вашему превосходительству (обращался к И.И.Фундуклею - Л.Б.), я имею честь почтительнейше просить, если претензия рядового Шевченки справедлива, то не оставить выслать упомянутые вещи при предписании вашем, на удовлетворение претен-дателя".

(Вот так слово ввернули капитан с адъютантом батальона Растоп-чиным! "Претендатель..." Сам Даль такого не слыхивал!)

Левитский посоветовал Шевченко написать и от себя. Может, дойдет скорее? подействует лучше?

Написал, не откладывая. Фундуклея он знал как знатока и любителя истории, археологии, всяких искусств. Последний раз видел его 5 апреля, при аресте. Но одно дело - исполнение официальных обязанностей, а другое...

Писал и надеялся. Иначе не писал бы.

Ваше превосходительство.

Оставленные вами у себя мои вещи проу вас покорнейше велеть переслать мне, через почту, в Оренбургскую губернию, в крепость Орскую, на имя Тараса Григорьева Шевченка или передайте моему приятелю сотруднику Археологической комиссии Алексею Сенчилу для отправки ко мне. В портфеле между рисунками есть оригинальный рисунок известного французского живописца -Вато. Ежели угодно будет вашему превосходительству приобрести его, то я охотно уступаю за цену, какую вы назначите. Предложил бы вам виды Киева, но они не окончены, а во-вторых, хотя не ясно, они мне будут здесь напоминать наш прекрасный Киев.

Вашего превосходительства покорнейший слуга Т.ШЕВЧЕНКО.

Крепость Орская

1847

июля 16.

Не мешкая, отнес на почту

В эти же дни, 18 июля, в Оренбургском губернском правлении слушали циркулярное предписание господина министра внутренних дел от 19-го минувшего июня за N 426, последовавшее на имя "господина состоящего в должности гражданского губернатора".

Губернии, административным центром которой была Уфа, достигло категорическое распоряжение о запрещении и изъятии из продажи "Кобзаря" Шевченко, а также поименованных в циркуляре книг Кулиша и Костомарова.

Выслушав и обсудив, приказали: директиву принять к надлежащему исполнению, означенное предписание разослать "всем в губернии градским и земским полициям и сообщить в главную контору Злато-устовских заводов и войсковое управление Оренбургского казачьего войска".

Дойдет предписание и до Орской. Но это будет пустой тратой бумаги. В крепости ни книжной лавки, ни библиотеки - изымать "крамолу" неоткуда.

Нет ни единого экземпляра "Кобзаря" и в личной собственности, в том числе самого автора, здешнего отныне подневольного жителя.

"Кобзарь" - и сочиненное позже, вплоть до петербургского каземата, - в нем самом, его памяти, его душе.

Иногда читал вслух. Наедине с собою, или когда просили. Михаиле Лазаревскому читал - слушал тот и смахивал слезы.

Новые стихи пока не шли, не складывались. Рисовал бы... Но чем и на чем?

3.

Удивительные судьбы открывала дрянная эта крепость. И среди солдат, и между офицерами.

Полководца Суворова Шевченко "видел", когда иллюстрировал Н.Полевого - его книгу "История князя италийского графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск". Тут же, в крепости, встречал он Филиппа Матвеевича Тютнева, плац-майора комендантского управления, "живого суворовца".

- У полковника Исаева я познакомился с майором Тютневым, суворовским ветераном, который получил три памятные медали за участие в штурме Очакова, Измаила и Праги. Кроме того, он был с Суворовым в Италии и Швейцарии. В сражении у Цюриха он попал в плен. Тютнев был еще бодрый старик, никогда не спал в кровати, а всегда на полу, на ковре или на войлоке и укрывался шинелью -настоящий русский солдат XVIII столетия. Он был одним из последних оставшихся в живых сподвижников знаменитого русского полководца и рассказал мне много интересного о своей молодости. Удивительно, что он помнил все детали сражения при Цюрихе, однако то, что с ним было позднее, он абсолютно забыл...

Впечатления, конечно, не шевченковские. Они относятся к началу сороковых годов и записаны в уже упоминавшихся "Воспоминаниях" И.Ф.Бларамберга. Тютнев там (по крайней мере, в русском издании) значится Тютчевым, все же остальное достаточно четко характеризует старого вояку и уж наверняка непосредственные ощущения автора во время запомнившейся ему встречи. С тех пор, когда видел его Бларамберг, Тютнев, разумеется, не помолодел. Но все еще служил. В феврале 1847-го он стал подполковником, а значит в отставку мог уйти в высшем офицерском чине. Между комендантом и ним - старыми вояками - общего было много...

Познакомился с Бархвицем Станиславом Августовичем.

Он не таил, за что именно попал в Орскую крепость. Отправили его сюда, как выяснилось в первом же разговоре, за участие в организации побега Шимона Конарского! Об этом выдающемся руководителе польского революционного движения тридцатых годов Шевченко слышал немало. Кто-то рассказывал и о том, как группа русских офицеров, созданная подпоручиком Кузьминым-Караваевым, пыталась вызволить

храброго поляка, когда того схватили. Один из заговорщиков был сейчас перед ним. Его тоже держали в каземате и тоже судили, но благородные товарищи взяли вину молодого прапорщика на себя, вот и ограничился военный суд переводом его на службу в дальний батальон. Попал сюда еще в сорок первом.

Шесть лет службы в Орской представлялись Шевченко наказанием тяжким. Уж если ему опостылела она ЗА МЕСЯЦ!..

"Своя" квартира давала возможности более свободного обращения с людьми, которые были ему по душе. Захаживали поляки. В беседах они касались различных сторон жизни - и прошлого, и настоящего. Это был зародыш кружка, жить которому предстояло годы (разгром последует в конце 1850 - начале 1851). Теперь только нащупывались пути его работы.

"Чем же занимался кружок? - размышляет о кружке пятидесятых годов историк В.А.Дьяков. - Судя по имеющимся сведениям, его деятельность сосредотачивалась на изучении того опыта революционной борьбы, который накопил каждый из них... Наиболее живой интерес вызывали при этом вопросы, связанные с социально-политическим устройством общества, с развитием польско-русских, польско-литовских и польско-украинских связей, с историей разделов Польши..."

Сомневаться в такой направленности разговоров не приходится. Что волновало, о том и говорили. Кружок не имел никаких официальных форм. Сходились когда могли - обсуждали что хотели. Без председателя-секретаря, без протоколов и регламента. Непринужденные встречи товарищей по несчастью и - главное - по глубинным интересам. Его, Шевченко, голос на этих приятельских сходках мы услышим в стихотворении "Полякам" - истинном манифесте польско-украинской дружбы.

Шевченко... Завадский... Фишер... Круликевич... Буковский... Кружок невелик, но каждый в нем ЛИЧНОСТЬ.

4.

Занятиями по плацу его не донимали, но от обязанностей солдатских не освобождал никто. Наряжали в караулы. Стоял на часах. По первому требованию являлся пред очи начальства. Пришлось ПОДМАЗЫВАТЬ ефрейтора - чтобы во-время уведомлял о вызовах. Мешков БУДТО НЕ ЗНАЛ, что живет он не в казарме, а на квартире.

Глоба сдал роту штабс-капитану Степанову. Первая же встреча с новым ротным командиром повергла Шевченко в уныние. Начав с выговора за нерадение, закончил тот угрозами:"... пригрозил мне даже розгами, если я дурно буду себя вести", - рассказывал со временем А.И.Макшееву. Ничего доброго ожидать от него не приходилось. Следовало принимать меры, притом незамедлительные.

Прибег к совету опытных людей, особенно из канцелярских писарей и служителей интендантства. "А ты его, Тарас Григорич .."

Отважился на это не вдруг, но... отважился.

Из того же рассказа Макшееву:

- Чтобы оградить себя от опасности, я прибег к очень простой и, как оказалось, весьма действенной мере: купил очень много водки и весьма мало закуски, пригласил ротного командира и несколько офицеров на охоту и упоил их. С тех пор отношения наши сделались наилучшими, а когда угощение начинало забываться, я повторял его...

Теперь Степанов стал для него Алексеем Ивановичем. Иной раз он даже спрашивал Шевченко о жизни.

А жизнь не радовала. Всего больше удручала неутоляемая жажда рисовать. В Орской и ее окрестностях виделась ему своя красота; она просилась на бумагу, требовала красок, но...

Журналист.Матов записал:

"Старожил Стариков, семидесятипятилетний старик, передавал мне, что всякий раз, как только выходил он на охоту, встречался здесь с Шевченко. Поэт или отдыхал на

мягкой зелени, пристально всматриваясь в далекую, бесстрастную синеву небес, или, обвешанный разнообразной дичью, бродил по болотам..,"

И уже от себя, как бы суммируя впечатления старожилов и выводы собственные, Матов утверждал: "Нет сомнения, что на гостеприимном лоне широкой степи Тарас Григорьевич отдыхал, наблюдая катившуюся вокруг него оригинальную жизнь. А жизнь действительно оригинальная! Эти киргизские аулы и мрачные зимовки, в беспорядке разбросанные по зеленой, цветущей равнине, это жгучее солнце с далеким горизонтом, на фоне которого то там, то сям время от времени выплывают живописные караваны навьюченных верблюдов с своими пестрыми группами киргизов-вожаков, - все это представляло для поэта-художника богатейший материал"

Материала было много - простым карандашом да листом почтовой бумаги не обойтись...

Мешков объявил ему волю графа Орлова, выраженную в письме командующему корпусом от 29 июля, относительно судьбы пересланного из Киева имущества: "как предметы эти оказались совершенно незначительными и не заслуживающими пересылки, то приказано оставить оные при делах 3-го отделения..."

Что пересылки не заслуживает? Антуан Ватто, замечательный француз? Дорогие ему виды Киева? Краски и кисти?

Ответа от Фундуклея быть еще не могло - со времени отправки письма минуло всего две недели, а дорога не близкая. (Так себя уговаривал-успокаивал) .

Отзовется ли он? Не отмахнется?

5.

Н.М.Белозерский опубликовал в десятой книге "Киевской старины" за 1882 год статью "Тарас Григорьевич Шевченко по воспоминаниям разных лиц". Есть в ней и такое место: "Андрей Иванович Лизогуб показывал мне, помнится, пять собственноручных писем к нему от Шевченко, писанных в 1847 и 1848 гг.; на одном едва был заметен счищенный резинкою рисунок карандашом. На нем Тарас в солдатском мундире, и его унтер-офицер колотит тесаком, а внизу слова: "От так тоб!!". Рисунок и надпись были стерты, по всему вероятию, начальником Шевченко, так как письма его проходили через их цензуру".

Откликаясь на статью Белозерского, Ф.М.Лазаревский высказался насчет данного эпизода вполне определенно: "Трудно объяснить происхождение этой небылицы". НЕЛЕПЫЙ РАССКАЗ - вот как отозвался на несуществующий рисунок один из близких Шевченко людей.

А что если посмотреть на "рисунок" как на ... аллегорию?

Но сначала о названном орудии наказания. У Даля: "ТЕСАК", белое или холодное оружие пехотного солдата, короткая сабля, палаш, с толстым обухом". У Грибоедова: "Тесак ему да ранец, в солдаты!" Этим "рубящим и колющим оружием с широким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти" (словарь под редакцией Д.Н.Ушакова) убивали, но не наказывали. Как средство наказания, тесак вошел лишь в поговорки, вроде такой: "Хоть кол на голове теши".

В данном случае аллегория могла заключаться в том, что из Шевченко всякими средствами выбивали, ВЫТЕСЫВАЛИ самое для него дорогое, важное.

Ему запретили писать*

Он лишен красок, кистей, бумаги - запрет действует и тут.

Гложет тоска по книгам. Где их взять в этой нечитающей крепости?

(В академической "Бюграфп" 1984 г. пишут: "пользовался его -то-есть коменданта - библиотекой". Откуда такое утверждение - неизвестно. В воспоминаниях о Шевченко о том ни слова. Была ли она, эта библиотека, вообще?..)

С собою он привез только Библию.

Кое-какие книги имелись у поляков - благо читал и на польском.

Что-то оказалось у знакомых из здешних.

Но никаких новинок, а тем более современных журналов. Издававшиеся в Уфе "Оренбургские губернские ведомости" и те доходили сюда через две, если не три недели. Новостей в них сообщалось мало.

Приезд Михаила Лазаревского сблизил его с Александрийским -человеком, во всех отношениях необыкновенным.

ДУМЫ МОИ, ДУМЫ МОИ...

1.

Еще в первые дни пребывания в Оренбурге, общаясь с Федором Лазаревским и Сергеем Левицким, услышал от них Шевченко о Михаиле Семеновиче Александрийском. Самые лестные характеристики давали они этому человеку, постоянно живущему в Орской и представляющему там Оренбургскую Пограничную комиссию.

Ехал с желанием встретиться, но попечителя "прилинейных киргизов" (так именовали тогда ближайших соседей - казахов) дома не оказалось. Был он в степи, ездил по местам обитания кочевников, делал дело, для них и для России необходимое: заботился о сохранении "благоустройства и тишины", искоренении баранты и прочих "самовольных поступков", соблюдении законности лицами, осуществлявшими управление родами-племенами, оказании помощи тем, кто в ней нуждается, и так далее, и тому подобное.

Встречу, на которую рассчитывал, пришлось отложить до возвращения в Орскую. Это произошло уже в июле. Тогда-то они и познакомились. А совсем скоро сделались приятелями - будто знали один одного ГОДЫ.

2.

Знакомясь, формуляры не предъявляют. Но для меня его, Александрийского, "список о службе и достоинстве" сегодня сущий клад. Извлеченный из оренбургского архива, он вводит нас в биографию, в жизнь, в судьбу человека незаурядного.

Родился новый знакомый за тридцать семь лет до того, в 1810-м. Происходил он из духовного сословия. В это же сословие предстояло войти и ему самому. На ученье поступил в Вятскую семинарию, учился там, постигал богословскую науку. Но интересовало другое. В 1829 году юноша обратился с ходатайством о зачислении его в Казанский университет, на отделение врачебных наук. Приняли на казенное содержание - учиться за собственный счет возможности не было. Четыре года в Казани и - по окончании полного курса - звание лекаря первого класса. На службу назначили в армию, первым местом врачебной практики оказался Отдельный Оренбургский корпус, а в нем шестой линейный батальон; дислоцировался он на северо-востоке необъятного края - поближе к местам, где родился и рос.

С юности мечталось о жизни активной, деятельной. "Спокойная" работа в тихом полугоспитале прискучила совсем скоро. Тем и вызван был переход в Оренбургское казачье войско. Это произошло в 1837-м. И сразу началась служба походная. Многие сотни верст по степным дорогам и степному бездорожью заносил на его счет каждый год.

Истинное удовольствие доставляла возможность помогать людям в условиях^ труднейших. Лекаря-целителя благословляли что солдаты, что офицеры. Успевал и научной работой заниматься. Сочинение "О действии жаров на организм пехотинца" оценили медицинские светила в Петербурге. Александрийский удостоился звания штаб-лекаря, а в 1842-м был произведен в старшие лекари войсковой врачебной управы.

Но со временем последовал еще один поворот биографии, и снова достаточно крутой. Михаил Семенович решил с врачеванием расстаться. Не для того, чтобы выйти в отставку и не служить больше нигде. Нет, с целью вполне определенной: окунуться в деятельность новую, связанную с широким спектром взаимоотношений между русскими властями и кочевыми народами на просторах за Уралом. Работа попечителя прилинейных киргизов (казахов) Орской дистанции была многотрудной и небезопасной, однако ни

трудности, ни опасности его не останавливали. Обязанности исполнял старательно, а сверх того еще и лечил: лекарей в степях не было.

К 1847-му Александрийский имел уже чин надворного советника и - заслуженный авторитет у неисчислимого множества людей.

Вскоре к ним прибавился Шевченко.

Это, последнее, в формуляр не внесено. Оно-то, однако, именно это обстоятельство и сохранило человека в памяти благодарной.

3.

Федор Лазаревский вспоминал:

"...Расставшись с Шевченко, я постоянно о нем заботился, просил за него каждого, кто только ехал в Орск и кто хоть чем-нибудь могбыть ему полезен. Часто писал своему доброму знакомому, попечителю прилинейных киргизов, М.С.Александрийскому. Несмотря на свои сорок лет, это был лучший представитель молодого поколения 40-х годов. Доктор по профессии, М.С., бросив медицину, перешел на службу в Пограничную комиссию; всегда спокойный и сдержанный, он был любим и уважаем всеми обитателями Орского укрепления. Женатый на дочери богатого купца, Александрийский всегда жил открыто, и наш Кобзарь был принят у него в доме не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями. Там он, без сомнения, встречался и с батальонным, и с другими гарнизонными офицерами как гость хозяина, а не как рядовой, N 191 по списку..."

И страницей дальше:

"...Александрийский, по тогдашнему моему служебному положению и доверию, каким я пользовался у генерала Ладыженского, с великою готовностью исполнял все мои просьбы; но и помимо моего влияния, он очень любил Тараса..."

Свидетельство важное: ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ. И вообще: кроется в словах Лазаревского МНОГОЕ.

Семья жила в собственном доме, а находился он в казачьем поселении близ, крепости - в форштадте. Михаил Семенович и Лариса Дмитриевна гостей встречали с искренним радушием. Не купеческим - ничего такого не было тут и в помине. Кстати, замечу, что Лазаревский запамятовал: хозяйка дома в купеческих дочерях не состояла, а происходила из семьи офицерской. Богатства в приданое ей не досталось (это опять же по поводу "богатого купца"), не мог иметь капиталов и глава семейства, сын сельского священника, но всегда были здесь и угощенье, и тепло. Тешили добрых людей Александрийские-младшие: девятилетний Женя, шестилетняя Аннушка и пятилетняя Надюша. Шевченко детей любил, тянулись к нему и они, по-особому чуткие к непоказной сердечности; веселая их возня не утихала порою долго.

В этом доме, этой семье было то, чего ему так не хватало - и вообще в жизни, и в неволе особенно: семейного уюта, безоглядной непосредственности отношений. Иной раз "безоглядности" не получалось -когда, скажем, входил сюда вечно недовольный Мешков. Но бывал он не часто: пуще всего чтил субординацию, тут же встречались ему подчиненные, офицеры званий невысоких и даже, смириться невозможно, рядовой.

Дорога к гостеприимному дому (и от него в крепость) запечатлена в повести "Несчастный":

- "... вышел в поле, по направлению к МЕНОВОМУ ДВОРУ..."
- "...возвращался ЧЕРЕЗ СЛОБОДУ на квартиру..."
- "...как раз У КИРПИЧНЫХ ЗАВОДОВ повстречал кучку веселых ребят..."

Помнилось все долго.

Есть в воспоминаниях Лазаревского строка, требующая особого внимания и тщательного разбора. Самого тщательного - чтобы дойти, докопаться до сути. Строка из существеннейших, с подтекстом очень глубоким. Да-да, вот эта: "Несмотря на свои сорок лет; это был лучший представитель молодого поколения 40-х годов". Александрийский

ТУТ - в связи со временем, с эпохой.

НЕСМОТРЯ НА СОРОК... Двадцатисемилетнему Федору, двадцатипятилетнему Сергею Левицкому, не достигшему тридцати Лазаревскому Михаилу Александрийский в свои 37 лет казался едва ли не пожилым, во всяком случае значительно старше их самих. Они были холостяками, он - отцом семейства. Они еще не перебродили, не осели, он - обрел степенность и дом, привлекавший людей солидных. И еще заметить хочется: тогда, в девятнадцатом веке, становление, взросление, старение, умирание происходило много раньше чем теперь. Расхожие примеры (когда стал Пушкин Пушкиным и Лермонтов Лермонтовым, в каком возрасте закончили жизнь великие) приводить незачем. Мысль автора воспоминаний ясна: и в сорок был Александрийский молод - СОХРАНЯЛ МОЛОДОСТЬ.

МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ 40-х ГОДОВ... Тут надо вникнуть и в сороковые, и в то, какая роль в них принадлежала молодёжи - молодой интеллигенции. "...Нельзя не подивиться быстроте, с которой движется вперед русское общество, - писал в 1844 году Белинский, - ... в России все движется так быстро..." Герцен, думая о сороковых, утверждал: "Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних". И, вспоминая острые, живые споры в кружках свободомыслящих русских людей этого десятилетия, вопрошал: "Где, в каком углу современного Запада найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны?" Слов нет: вся идейная работа в те годы была много глубже, активнее, напряженнее, чем мечтательная пропаганда в тридцатые. Она отражала собою надвигавшийся кризис самодержавно-крепостнического строя, усиливавшееся стремление наиболее сознательных сил России найти пути к превращению ее в страну демократическую. В сороковые годы Герцен выразил мысли и чувства, надежды и устремления всего поколения (сам он был на два года моложе Александрийского) в произведениях ВЕЧНЫХ: романе "Кто виноват?" (напомню, что есть там и об Орской крепости), "Докторе Крупове" и "Сороке-воровке", классических "Письмах об изучении природы", цикле страстных статей "Дилетантизм в науке". В.И.Ленин писал, что Герцен "...в крепостной России 40-х годов XIX века... сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени".

40-х ГОДОВ... О, в них, этих годах, сомкнулось многое, и прорвалось не только мыслью Герцена я Белинского, не только Кирилло-Мефодиевским товариществом на Украине и петрашевцами в Петербурге, но и Краковским восстанием 1846 года, значение которого, несмотря на его поражение, выходило далеко за пределы Польши, нараставшим политическим кризисом, увенчанным революцией 1848 года во Франции, целой цепью событий внутренних и внешних. Лазаревский отнес Александрийского не просто к представителям, но к ЛУЧШИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ молодого поколения сороковых годов. Преувеличил? Но какие основания сомневаться? Только то, что этого имени нет в известных списках известных кружков, в выявленных документах жандармской переписки или.материалах следственных дел? (Так оно появится - после ареста Шевченко в Оренбурге, без малого три года спустя, в 1850-м). Впрочем, полагаю, меньше всего имел в виду Лазаревский оценки гласные, официальные. Как и каждый, во все времена, давал он, по праву совести, оценку собственную, личную, свою. И не доверять ей оснований у нас нет.

Сколько мыслящих, близких по взглядам, и взглядам прогрессивным, людей сходилось к Михаилу Семеновичу - этого сейчас не установишь. Но даже два, три, четыре человека, друг к другу тяготеющих, могут стать кружком. Или, по Герцену, ГРУППОЙ - "отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений". Кто скажет, что Орский форштадт 40-х годов для этого не годился?

4.

Весною, а особенно в мае, крепость пережила невиданный дотоле людской прилив.

И хотя могучий прилив сменился столь же бурным отливом, события этих месяцев помнились, их обсуждали всюду. В доме Александрийских и в "татарской лачуге" у Шевченко, в казармах и на улицах - везде говорили о ПОХОДЕ, о том, что предшествовало ВЫСТУПЛЕНИЮ, об известиях, которые доходили ИЗ СТЕПИ.

Такого скопления народа никогда прежде Орская не знала. И чтобы столько особ в высоких чинах... столько офицеров из разных мест... Командовал всем сам командир корпуса. Страху нагнал он великого и ушел с отрядами - закладывать новые форпосты.

Из "Воспоминаний" И.Ф.Бларамберга:

"...Отправка большого транспорта из телег и верблюдов... в мае 1847 ... происходила под наблюдением самого генерала Обручева. В Орской он возглавил колоссальный караван, который должен был доставить все необходимое для гарнизона в 700 человек на год, включая строительные и другие материалы для возведения форта на Сырдарье. Среди этих материалов везли в разобранном виде шхуну и барки; затем везли три ветряные мельницы, предназначенные для степных фортов, бочки с дегтем, парусину, весла, мачты и реи, кирпичи для кладки печей, а также известь, которой небылона юге степи... Генерал Обручев вникал во все детали и даже лично показывал башкирам, как надо смазывать дегтем колеса и оси, чтобы экономно его расходовать... Этот огромный караван со множеством тяжело нагруженных башкирских телег пробивался вперед с большими трудностями, особенно когда он проходил по пустыне Каракум..."

Шевченко, сам себе не признаваясь, связывал с возвращением Обручева надежды на перевод в Оренбург. Обнадеживал авторитет Матвеева, внимание которого чувствовал даже здесь. Оренбург был каким-никаким, а центром. Там бы он уже имел и кисти, и краски. Там выписывали журналы, получали книги. Там жили Лазаревский, Левицкий, Матвеев, другие хорошие люди, способные заступиться. А тут... Не дай Бог уйдет с должности коменданта Левитский - какого человека на место его пришлют? как поведет себя Мешков? Неужто опять в казарму и на плац?!

Но возвращение генерала, как понимал по разговорам, делом было еще не скорым. В "Оренбургских губернских ведомостях" за 14 июня -номер только-только пришел - оповещалось пока лишь об ОТБЫТИИ: "Его высокопревосходительство г. Оренбургский военный губернатор генерал от инфантерии Обручев 27 мая 1847 года, отправившись в киргизскую степь,... предоставил управление губернией, на время отсутствия своего, ...г. Оренбургскому гражданскому губернатору статскому советнику Николаю Васильевичу Балкашину; при чем присовокупил, что управление делами по вверенному его высокопревосходительству корпусу и по части пограничной поручено начальнику 23 пехотной дивизии генерал-лейтенанту Толмачеву".

Толмачев приговор вынес. Можно ли ждать ИНОГО от Обручева? О возвращении его, конечно, он узнает - дорога в Оренбург ведет через Орскую. (Даже на Мангышлаке, в Новопетровском, былое свое ожидание не забыл и в "Близнецах" передал. Помните: "...толпа клейменных колодников, исправлявших дорогу ДЛЯ ПРИЕЗДА КОРПУСНОГО КОМАНДИРА"?)

Разговоры точились вокруг похода, политики на Востоке, российского влияния в степи, планов правительства в отношении использования этих бесконечных пространств. Говорили о торговле с соседями. В доме попечителя Шевченко сам порою видел местных начальников из казахов, приезжавших по различным надобностям. Орская жила не обособленно, не оторванно от степи и степняков. Множество путей вело к здешнему меновому двору - он находился между крепостью и форштадтом. Меновая торговля привлекала купцов из самых отдаленных мест. Караваны шли из Бухары и даже Афганистана...

Александрийский относился к людям земель восточных с симпатией и уважением. Ни себе, ни другим не позволял он презрительного высокомерия к исконным степным жителям.

...В "Отечественных записках" того времени прочел я однажды труд некоего

"барона У-р" под названием "Четыре месяца в Киргизской степи". Одно из мест обширного очерка остановило мое внимание особенно.

"Вся киргизская история, - с полным убеждением писал автор, -состоит из одних только бессвязных преданий: нет ни летописей, ни даже каких-нибудь исторических рапсодов. Правда, в степи каждый курган, каждая могила и почти каждое урочище, удостоенное какого-нибудь названия, имеет свою легенду, но оне передаются изустно и, благодаря пылкости азиатского воображения, в самое короткое время превращаются в совершенную бессмыслицу... Любя одне только сказки, киргизы до того равнодушны к подвигам предков своих, что не многие из них умеют назвать по имени своего прадеда... Конечно, и мы, за множеством других важнейших дел, не станем доискиваться до того, что киргизы делали за несколько веков тому назад..."

Прочтя это место невольно перевел взгляд на поля, содержавшие какую-то надпись. Она оказалась оценкой только что прочитанного. Оценкой категорической при всей своей краткости: "дурак!!!"

Кто из читателей наложил такую "резолюцию" - не выяснил. Сегодня мне сдается, что так же, разве только повежливее, отозвался бы по поводу тех же суждений попечитель Орской дистанции Александрийский.

Где-то далеко продвигались вперед русские отряды. Бесконечная степь расстилалась и сразу за этой крепостью. На все четыре стороны - степь...

Думи мо1, думи Моі,
Ви мо! един!,
Не кидайте хоч ви мене
При лихш годин!.
Прилетайте, сизокрил!
Мо! голуб'ята,
1з-за Дншра широкого
У степ погуляти
3 киргизами убогими.
Вони вже убог!,

Уже rcwii...Та на вол! Ще моляться Богу. Пршнтайте ж, Моі люб!, Тихими речами Прив1таю вас, як д!ток, І заплачу з вами. Он звал свою музу.

Звать уже не приходилось - была она с ним. Стихотворение пролилось на бумагу как-то сразу - бурно, щедро. Не вдруг отыскались слова точнейшие. Искал и дальше - пока не нашел. Перебирал строка за строкою:

...Пршптайте, МОІД1ТИ... ...Прилетайте, МОІ ПТАШКИ... ...3 киргизами ЗА УРАЛОМ... ...І ВОНИ УБОП... ...Прилгоште ж МОІ КВ1ТИ... ...Пршнтайте ж МОІ СИ31... ...Тихими СЛОВАМИ... ...Привггаю вас як МАТИ... ...І ПОПЛАЧУ з вами...

Но "киргизи убоп", как и собственные его "думи", вошли в стих сразу - окончательно, бесповоротно.

Спасибо за это и дому Александрийского, встречам-разговорам на понимании, на доверии!

5.

Книжной торговли не было не только в Орской, айв самом Оренбурге. Редко когда объявлялась подписка на сочинения русских писателей; для организации ее требовалась особая предприимчивость авторов.

Однажды разослал губернатор циркуляр такого содержания:

"Русский литератор статский советник Н.В.Кукольник, приступив к изданию полного собрания своих произведений за прошедшие 20 лет его литературной деятельности,... обращается ко мне с просьбою об оказании ему в сем деле содействия чрез учинение предприятия его известным по вверенному мне краю и приглашении желающих к подписке на оное.

Сообщая об этом вашему превосходительству, я прошу Вас, мило-стливый государь, сделать по вверенному Вам управлению надлежащее распоряжение".

Губернаторский циркуляр был распространен по всем присутственным местам, среди всех чиновных лиц.

Спустя несколько месяцев, когда пришли ответы, оказалось, что меж чиновниками Пограничной комиссии (в данном случае обращение относилось к ним) обнаружилось всего три подписчика, выславших, в угоду высшему начальству, полную сумму оплаты. Большинство ответило отказом. Попечитель Орской дистанции отозвался, к примеру, так: "На предписание вашего превосходительства за N 18284 имею честь донести, что издания г. статского советника Кукольника... выписать я желания не изъявляю".

Попечителем тем был уже не Александрийский, а сменивший его на этой должности Бикмаев. Переписка происходила в 1851-1852 годах, при губернаторе В.А.Перовском. Вспомнилась же она здесь для пущей характеристики книжного вопроса в крае.

Не знаю, из каких соображений отказался от подписки Бикмаев (скорее всего оттого, что было это делом дорогим), но совершенно уверен: сочинения "статского генерала" Нестора Кукольника не выписал бы и попечитель

Александрийский. Ни драма высокопоставленного литератора "Рука всевышнего отечество спасла", ни прочие подобные сочинения в реакционно-монархическом духе Михаила Семеновича не интересовали никак. И тут же добавлю: что касается Шевченко, то он их давно и откровенно презирал. Но это так, к слову.

Среди книг, принадлежавших Александрийскому, выискивал поэт совсем иное, душе его близкое. И скорее всего тут (а где же в Орской могло быть еще?) встретил он - не впервые - "Мертвые души" Гоголя.

Строки из "Несчастного": "...Однажды приходил он ко мне навеселе и видит у меня развернутую книгу на столе. "Что это вы почитываете?" - спрашивает он. "Мертвые души"!..."

"Он" - Ипполит Хлюпин. "У меня" - в Орской крепости, на квартире.

Шевченко книгу не "почитывал" - читал с наслаждением. В обеих "орских", по колориту "обрамления", повестях, и особенно в "Близнецах", гоголевская поэма играет роль выдающуюся. Не на одной странице история того, как явилась она людям, какую бурную реакцию вызвала, сколько чувства родила в Савватии Сокире. "Савватий сначала со вниманием прослушал "Мертвые души", потом с большим вниманием прочитал, а прочитавши, возымел страсть во что бы то ни стало приобрести эту книгу..." Такой же была "страсть" и у автора повести. А пока он перечитывал экземпляр не собственный, снова и снова восхищался "Мертвыми душами", радуясь тому, как они "разле-телися быстрее птиц небесных по широкому царству русскому". Уж если Орской крепости достигли!.. Такого угла медвежьего!...

Зоре моя веч!рняя, 31йди над горою, Поговорим на чужиш Тихенько з тобою, Розкажи як за горою Сонечко сщало, Як у Днтра веселочка Води позичала. Як широка сокорина В1ти розпустила, А над самою водою Верба похилилась...

Зашевелилась, зародилась, заговорила вдруг поэма и в нем. На Урале - об Украине. Среди мрачной крепости - о родном, трогательно-прекрасном селе. И тут беда, и там беда. Всюду произвол власти, силы, богатства, везде - бесправие простых людей, издевательства над ними. Панская мораль - нет ее отвратительнее, нет гаже. Он поведает о горе женском, о слезах нестерпимых. Только это и его слезы, будет и его, мужское, горе...

...Рождалась "Княжна".

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЯ ВЛАДИМИРА ЗИНЬКОВСКОГО

1.

Возвращаюсь к Матову - рассказать о нем нужно поболее.

Официальное письмо из департамента полиции гласило:

"На основании высочайшего повеления от 12 апреля 1893 года бывший воспитанник Оренбургской духовной семинарии, из крестьян Нижегородской губернии, Александр Иванович Матов подлежал, за государственное преступление, тюремному заключению на один год и четыре месяца с высылкою затем в Вологодскую губернию, под гласный надзор полиции сроком на три года, во исполнение чего и был заключен в Санкт-Петербургскую одиночную тюрьму.

Затем государь император, по всеподданнейшему г. министра юстиции докладу, в 13 день июля 1894 года, всемилостивейше повелеть соизволил: заменить установленную для Александра Матова... высылку под надзор полиции в Вологодскую губернию на три года высылкою на тот же срок под гласный надзор полиции в Оренбургскую губернию..."

Губернатор в Оренбурге царское повеление, вместе с доставленным к нему Матовым, принял. В качестве места жительства был определен Орск, но у ссыльного не оказалось "денег для переезда туда" и он попросил отсрочки. Ее дали. Что касается оставления в Оренбурге и назначения казенного пособия ("ввиду полнейшей моей необеспеченности") , то тут власти остались непреклонными. В середине сентября Орский уездный исправник Бекчурин донес о прибытии сего "политического ссыльного" к месту. А тот продолжал своего добиваться, мотивируя ходатайства одним: желанием "продолжать свои научные занятия и найти средства к существованию". Орск был ему не по душе, как город, который "благодаря своей отдаленности от Оренбурга и, главное, умственных центров России, парализует всякую возможность как научных занятий, так и приобретения средств путем литературного заработка". В конце концов Матов своего добился, а через два года после водворения в губернию выехал отсюда на родину. Гласный надзор с него сняли раньше срока, но жить в Петербурге запретили категорически.

Чем, однако, занимался он в Орске? Сотрудничал в провинциальной печати - "Самарской газете", других изданиях Поволжья. Его литературный псевдоним - А.Бурлак - значится под многими опубликованными корреспонденциями. Некоторые из них привлекли внимание В.Г.Короленко и А.М.Горького.

В начале XX века Александр Иванович вел журналистскую работу в Оренбурге. Одно время он был даже редактором местной газеты социал-демократического направления.

Но гораздо больше известен этот человек тем, что, живя и в Орске, и в Оренбурге, упорно разыскивал документальные материалы и устные свидетельства о пребывании здесь Тараса Шевченко. Это им записаны воспоминания А,О.Лаврентьевой и ее сестры Ф.О.Тепляко-вой, А.Ф.Канфера, М.М.Бажанова, Н.С.Циолковского и других старожилов.

Давно известны его публикации "Воспоминания о Т.Г.Шевченко" ("Русские ведомости", 1895, N 242), "Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке. Из воспоминаний современников-старожилов" ("Камско-Волжский край", 1897, NN 307, 313, 318). Много раз перепечатывались они в дореволюционное время, широкое хождение имеют поныне. Возможно, что перечень статей со временем будет увеличен: в числе обследованных библиографами-шевченковедами пока не значится та же "Самарская газета", корреспондентом которой Матов являлся не один год.

...Ему мы обязаны живыми голосами Орской крепости месяцев и лет Шевченко.

2.

К живым этим голосам обращаться придется не раз. Торопиться в их пересказе незачем - всему свое время. Поспешишь - проглядишь. Убедился в том на собственном опыте, когда в рассказе Агафьи Осиповны Лаврентьевой неожиданно натолкнулся на одну, поразившую меня, фамилию.

"Неожиданно" - значит раньше не читал? Читал, и не раз! Записи воспоминаний Орских старожилов о Шевченко знакомы мне давно, не раз использованы в моих статьях и книгах, а потому, полагал, ничего нового их них уже не почерпнуть.

Но, может, в сборнике тридцатилетней давности - "Т.Г.Шевченко в воспоминаниях современников" (Москва, 1962) -это место оказалось опущенным? Нет, есть оно и тут, в том же виде, что и в первопублика-ции!

Воспроизведу эпизод полностью.

"Лаврентьева рассказала нам, между прочим, следующий факт. Однажды собрались гости, среди которых не было Шевченко. Сначала немного закусили, а потом уселись за чай. Пошли шумные разговоры. Как раз в это время вошел Шевченко. Остановившись в дверях и окинув гостей пристальным взглядом, он вынул карандаш и бумагу и быстро набросал расположившуюся около самовара группу. Все были так хорошо изображены, так живо и характерно, что художника обступили со всех сторон, умоляя подарить рисунок. И Тарас Григорьевич подарил, но кому - старуха не помнит: все лица у нее как-то перемешались. Некоторых ссыльных, как, например, Зенковского, она относит к эпохе пребывания Шевченко в Орской крепости, тогда как этот самый Зенковский содержался в крепости в конце 30-х годов; чего-либо существенного нам от нее так и не удалось добиться".

Память человеческая, увы, ненадежна. Память старого человека -тем более. Агафье Осиповне Лаврентьевой, жене, а тогда уже вдове писаря второго класса Орской инженерной команды, Матов не поверил: была она действительно в летах преклонных. Но в проверке своей сам собиратель оказался не слишком упорным и "докопался" лишь до того, что человек по фамилии "Зенковский" в крепости "находился" да только много раньше - на исходе тридцатых, и, значит, не при Шевченко.

А ведь и впрямь доставили его сюда глубокой осенью 1837 года! Однако оставался он здесь и в сороковые, и в пятидесятые - целых СЕМНАДЦАТЬ лет. Военно-рабочая рота, в которой его бессрочно числили, всецело относилась к инженерному ведомству и... той самой Орской инженерной команде, где в писарях служил приятель Шевченко, любивший литературу и живопись, даривший поэту-художнику тепло сердца и дома.

В этом доме встречался он и с другими подневольными обитателями Орской крепости. Среди них был Владимир ЗИНЬКОВСКИЙ (конечно же, тот самый "Зенковский").

Матов, выходит, усомнился зря.

3.

Несколько слов о повествовании дальнейшем.

Стало оно возможным после знакомства с одним из дел Оренбургского архива, выписал которое не преследуя каких-либо определенных целей (ф.6, оп.6, д. 13140/10).

Изучение жизни и творчества Шевченко на солдатчине познакомило меня в разное время с десятками вольнолюбимых поляков, ставших его, поэта, друзьями. Начал искать сведения о них, интересоваться их прошлым, их судьбой. Постепенно в этот круг входили новые и новые лица. На заметку брались все польские имена, которые встречались в делах середины XIX века.

И сейчас, во второй или даже в третий раз просматривая толстенную опись фонда канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, не мог я не обратить внимания на фамилию, которую почему-то пропустил прежде.

"Дело об арестанте Владимире Зиньковском... Началось 16октября 1852 года..."

Арестанте из поляков шевченковских времен?

Он оказался не из поляков, и сказал об этом сам: "Не заключайте по отголоску моей фамилии, чтобы я был уроженец Царства Польского и преступник политический - нет, я грешник, но прегрешения мои именуются НЕСЧАСТИЯМИ; родина же моя есть Харьковская губерния - я русский, и не изменю этому имени за царство..." '

Ждал я от дела не того. Но, открыв его и читать начав, уже не мог закрыть, пока не прочел до конца. Дочитав же, снова вернулся к началу, и вот сейчас чувствую неодолимую потребность о нем рассказать. Зиньковский не должен оставаться

неразгаданным.

4.

"Энергия правдолюбия, одушевлявшая мои чувства, не имевшие способности кривить весами правосудия ко вреду ближнего и боготворить идол лихоимства, обратила на меня, в 1827 году, преимущественное внимание главного начальника моего, сенатора и С.-Петербургского гражданского Губернатора А.М.Безобразова, справедливость которого доставила мне штатную должность столоначальника, подчинившую моему ведению шесть чиновников, бывших старше меня летами и чинами. Вот основание или родник моих несчастий, продолжающихся, в различных изменениях, ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОД..."

Так начинается "Объяснения находящегося в крепостном заключении крепости Орской арестанта Владимира Зиньковского".

Молодой столоначальник не мог "ужиться мирно и согласно с поклонниками незаконного, корыстолюбия" он стал "смело и откровенно указывать", когда видел, что действия других расходятся "с совестью и долгом присяги". Это вызвало злобу к нему и различные "действия вражды", которые "сделались свободнее" после того как прежний главный начальник передал правление новому. Тогда-то Зиньковскому и предъявили обвинение в "утрате будто бы двух делопроизводств".

Несмотря на то, что, как оказалось, "одно из них находилось в архиве, сданное туда еще предместником, а второе было в производстве другой экспедиции", строптивого столоначальника отстранили от должности и предали суду. "Судный процесс" продолжался... тридцать три месяца. Подследственный Зиньковский, лишенный средств к существованию, вынужден был зарабатывать "приватными трудами по юридической части". Но семья все более впадала в нужду, доводя его тем самым до отчаяния. И однажды, стремясь хоть как-то облегчить участь близких, он пошел на то, что предупредил артиста В.А.Каратыгина об одном из касавшихся его секретных предписаний и получил - принял - за "предупреждение" три рубля серебром. Несколько дней спустя Зиньковского взялм под стражу.

"Разлука с семейством, оставшимся в самом бедственном состоянии, чувство страха и стыда и мучительный голос совести потрясли во мне весь духовный организм до основания..." Морально раздавленный, вконец растерянный, не нашел он сил за себя постоять и был приговорен к "записанию в рядовые". Ему "обрили с уха на ухо голову" и отправили на службу, "заковав при отправке в ручные железы".

Это произошло в один из первых дней 1834 года.

Только тогда стал доказывать несправедливость, стучаться в наглухо закрытые перед ним двери, кричать о том, что "мера наказания превышает меру настоящей виновности". Но достучался лишь до одного: из Лифляндии его отправили на Кавказ, под пули горцев.

"Весь 1835-й год находился во всех делах против них, не выходя из цепи стрелков, куда поступил по собственному желанию. Самоотвержением своим имел счастие обратить на себя особое внимание ближайшего начальства, удостоившего меня представлением к награде..."

Награды не получил. Не было ответа и на прежние жалобы. Мало того, по месту его службы не приходило "никаких письменных актов о действительности... разжалования".

Зиньковский решил во что бы то ни стало добраться до высшего начальства. И однажды он отправил "партикулярное письмо", в котором сообщал военному министру, что, мол, ему известна "тайна, относящаяся до Кавказского корпуса".

Вызвали его, однако, не в Петербург, а к командиру этого самого корпуса. Тот выслушал, "простил легкомысленность" и обнадежил "скорым облегчением". Обещанием все и закончилось: облегчения не последовало.

Зиньковский решился на самоубийство. Но оказалось неудачной и эта попытка.

Солдата предали военному суду.

Как добиться правды?

"...Один вольнодумец, случившийся со мною вместе под арестом, предложил мне идею, и я, не обдумавши ее всеми силами рассудка, ухватился за нее, как за ветвь спасения. Безбожная та идея началась тем, что я сделал на себя, по команде, ложное донесение - что будто бы принадлежу к одному масонскому обществу, имеющему злонамеренные замыслы против государства".

Он по-прежнему рвался в Петербург, но на этот раз попал в ... Оренбург - "с заключением в крепостную работу бессрочно".

"В первые годы моего заключения чувства иногда еще волновались во мне, порываясь проложить стези к избавлению..." Потом - смирился. А все ж о свободе продолжал думать, грезить, мечтать. И вот новая попытка, ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА года после начала его мучений: в "Объяснении" своем он просит дать ему "соизволение" либо возвратиться в недра семейства, о котором ничего не знает, либо поселиться в Екатеринбурге, где протекла юность, либо остаться в Оренбургском крае, и даже в самой крепости Орской, только не на правах арестанта.

Зиньковский обещает жить "без всяких притязаний на что-либо лучшее".

"О пощадите! пощадите! пощадите во имя Отца и Сына и Святого духа несчастнейшего из несчастных..."

Подпись... Дата... Октябрь 1852-го...

5.

Прочтешь такое - и не хочется ни о чем говорить.

"ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА страданий своих, из которых ДВА ГОДА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ стеснялся подсудности без малейшей со стороны моей виновности; потом, после действительного моего проступка, содержался ГОД в тюремном замке; ТРИ ГОДА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ служил под ружьем, находясь более шести месяцев в беспрерывном огне против горцев и имев счастье отличить себя; и, наконец, отбыл ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ в крепостном заключении... - это есть нравственная пытка и самое мучительнейшее из всех моральных страданий!"

Представить подобное трудно, почти невозможно. Но вся трагическая панорама его "преступления" и его наказаний - перед нами.

Много раньше развернулась она перед Шевченко.

Знакомство их засвидетельствовано хозяйкой дома, в котором встретились. Даже фамилию запомнила - чего уж более!

Матов решил: напутала. Оказывается - нет, так и было. "Зенков-ский" это Зиньковский - разночтения не из существенных. Скорее, просто описка, при записи сделанная...

Но на этом история не заканчивается.

Зиньковский остался - правда, безымянным - и в переписке того же, сорок седьмого. Уверен, что в письме А.Ф.Чернышева от 2 декабря, подразумевается он.

Подразумевается, как убедимся дальше, без оснований.

Итак, несколько строк из декабрьского письма к Шевченко (выделено всюду мной - Л.Б.).

"Будьте осторожны, милый мой Тарас, в отношении рисования, т.е. не рисуйте, не нарушайте волю государя - В ОРСКОЙ КРЕПОСТИ есть КАКОЙ-ТО АРЕСТАНТ ИЗ СЕНАТСКИХ ЧИНОВНИКОВ, который имеет СТРАСТЬ писать ДОНОСЫ, черт его знает, как он это умеет делать, за ним СТРОЖАЙШИЙ НАДЗОР имеют, и при всем этом он доносит разные ПАСКВИЛИ, так не желая Вам более несчастия, прошу Вас остерегаться..."

Это пишет художник:"Не рисуйте..."

Предупреждает человек осведомленный:"Будьте осторожны..."

Письмо он пересылает не по почте - с Львом д'Андре, добрым своим знакомым и любителем искусств, которому доверяет сам и рекомендует доверять Шевченко.

Перлюстрация при такой пересылке исключается почти начисто, и все-таки имени доносчика нет: просто "какой-то арестант из сенатских", ничего более.

Не знает сам? На неведение непохоже...

Из каких-то соображений утаивает? Не к чему...

А если?... Да, это всего вероятнее: имя, не доверенное бумаге, было названо д'Андре, чтобы сообщил ЛИЧНО.

...Думаю опять же о Зиньковском.

6.

Вся переписка о нем - вся, до самой безобидной бумажки, - проходила под грифом "секретно". Сути его "преступлений", кроме губернатора и нескольких других лиц, никто не знал, и знать не мог. Покровом тайны был окружен сам этот человек, дело которого возникло еще в конце двадцатых годов, в Петербурге, и с тех пор, почти четверть века, держало его взаперти, как преступника опаснейшего. Слыхали, что служил чуть ли не в правительствующем сенате... что, минуя все препоны, пишет высшему начальству... О чем пишет, что хочет - знали только те, которые читали. Для всех других это были ДОНОСЫ, и коль так, то, конечно, пасквили. А от таких надо быть подальше. Кто знает, на что они способны...

Как видите, я склоняюсь к тому, что художник Чернышев, предупреждая Шевченко о неприятном и опасном соседстве, имел в виду Зиньковского.

И то, что "в Орской крепости", и что "арестант из... чиновников", и что "имеет страсть писать", и что "за ним строжайший надзор" - совпадает полностью.

Что не совпадает?

"Из СЕНАТСКИХ чиновников..." Но Зиньковский и впрямь служил в одном из высших учреждений того же Петербурга, где находился правительствующий сенат,, его начальником был сенатор, в сенат он апеллировал и на эту инстанцию продолжал надеяться все годы. Ошибка легко объяснимая...

"ДОНОСЫ...ПАСКВИЛИ..."

Да, Зиньковский писал. Но о чем?

"В бытность арестантом... в 1840 году... сделал донос о разных злоупотреблениях и беспорядках в означенной роте (Оренбургской военно-рабочей роте N 43 - Л.Б.). Донос этот по произведенному исследованию подтвердился в некоторой степени, но во многих отношениях найден был ложным; посему Зиньковский в том же году переведен был из Оренбургской в Орскую крепость..."

"В сентябре 1842 года комендант Орской крепости ... доставил сочиненную им записку об исходатайствовании ему всемилостивейшего прощения, но как в этой записке Зиньковский, оправдываясь в прежних своих проступках, позволил себе употребить неуместные выражения насчет силы законов, то записка эта оставлена была... без уважения..."

"При произведенном в 1843 г. разыскании, по доносу рядового военно-рабочей роты N 31 (ныне N 24) Семена Шиманского, открылось между прочим, что арестант Зиньковский имел переписку с другими нижними чинами из поляков, почему бывшему командиру Отдельного Оренбургского корпуса в мае 1843 года было объявлено высочайшее повеление, чтобы вообще за всеми крепостными арестантами иметь самый бдительный надзор, в особенности за Зиньковским, у которого найдена рукопись, показывающая весьма вредный образ мыслей..."

Но о сути писем, повторяю, знали немногие. Чернышев не знал. Отсюда - предупреждение.

А Зиньковского остерегаться не приходилось. Обездоленный сам, несчастья другим он не нес.

7.

Зиньковский пишет о себе: НЕСЧАСТНЫЙ.

У Шевченко есть одноименная повесть, замысел и, частично, действие которой связаны с Орской крепостью.

"...Под горою с одной стороны лепятся грязные татарские домики. А с другой стороны, кроме таких же грязных домиков, инженерный двор с казематами для каторжников. Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками; это батальонные казармы..."

Шевченко обитал в батальонных казармах, Зиньковский - напротив, на инженерном дворе.

Но, как говорится в той же повести, "человек сам не замечает, как он быстро освоивается с людьми, его окружающими". Именно - ОСВО-ИВАЕТСЯ. (Как писал Даль, "освойчивый... - легко привыкающий ко всему, приживчивый к дому, обходительный с людьми") Тем паче - в крепости, где каждый на виду. И тем более, если человек тот - Шевченко...

Зиньковский прототипом "Несчастного" не стал. Герой повести -тоже дворянин, но человек иной биографии: "юноша, записанный в рядовые по просьбе его матери". Однако не зря ведь говорит автор: "...он не один, как мне после сказали, находится в О (рекой) крепости". (Не один из "несчастных"...)."... Сама по себе она (крепость эта

- Л.Б.) неказистая, а вмещает в себе такие редкие субъекты, что не мешает их описывать самым тщательным манером".

Удалось "описать" не многих. Другие остались в памяти - и Шевченко их вспоминал, размышляя о жизни, о виденном и пережитом в Дневнике, обдумывая произведения будущие.

Мог знать он об этом человеке и его печальной истории от коменданта Левитского.

Левитский привечал Шевченко.

Левитский сочувствовал Зиньковскому.

"...Поведение и нравственность его были замечены с самой хорошей стороны еще предместниками моими, по ходатайству которых (Зиньковский) был перечислен из бессрочного в срочный разряд..."

Перемена в судьбе арестанта, о которой писал в 1852 году из Орской крепости новый ее комендант полковник Недоброво, произошла при Левитском (и Исаеве), с их доброжелательным участием.

Левитский хранил в своей канцелярии "статейный список" Зиньковского: крепостные арестанты состояли в непосредственном его ведении.

Так что поэт имел возможность узнать о нем больше. Больше - и вернее.

8.

По "Объяснению" переписка продолжалась долго. Только в июле 1854 года последовало решение:

"Государь император, по всеподданнейшему докладу...об арестанте Орской крепости Владимире Зиньковском, который пробыл в крепостной работе 15 лет и оказался неспособным ни к какому роду военной службы, - всемилостивейше повелеть соизволил: освободить Зиньков-ского от арестантских рот и, уволив в отставку, оставить на жительство в Оренбургской губернии".

...Шевченко в это время был от Орской далеко.

Та же "высочайшая воля" забросила его на край света, на долгие годы поселив в Новопетровском укреплении.

Но крепость между Уралом и Орью вспоминалась часто.

Вспоминались обитатели ее - люди разных судеб.

Те Орские месяцы он помнил всегда. И людей, им встреченных, помнил. Достаточно вернуться к повестям "Несчастный" и "Близнецы", посмотреть на рисунки вроде "Наказания колодкой", "В тюрьме", "Наказания шпицрутенами", прочесть записи-воспоминания в Дневнике...

"Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его как яркий эпизод к "Сатрапу и Дервишу"?.."

Мысли мои теперь - вокруг этой дневниковой записи за 19 июля 1857 года. Что Шевченко имел в виду?

Всю цепь своих аргументов развертывать здесь сложно - не хочется уводить читателя из года сорок седьмого; гораздо уместнее это будет в книге о 1857-м.

Раздумывая над записью, излагавшей первоначальный замысел так и не написанной поэмы (пролог ее известен под названием "Юро-дивий"), я все чаще прихожу к мысли: план, который был "в запасе", -судьба Зиньковского.

Нет, он не дал публичной пощечины сановнику - "просто" не ужился с лихоимцами и бюрократами. Но и этого оказалось достаточным, чтобы его на десятки лет бросили в тюрьмы, на каторжные работы, в арестантские роты, лишили жены и детей - навсегда вычеркнули из жизни.

Он, Зиньковский, мог - вполне мог - стать "спутником" Шевченко в путешествиях по следам "безбожных дел" царя.

9.

На этом можно было бы закончить.

Но читателя, наверное, интересует и дальнейшая судьба Владимира Зиньковского?

Шли годы.

Он не прекращал хлопотать о помиловании, возвращении дворянского звания, дозволении вступить в гражданскую службу "где пожелает". Вновь и вновь составлял свои письма, неизменно именуемые им "исповедями несчастного", разбирал и анализировал свои "преступления", не отыскивая в них ничего такого, что должно было повлечь за собою десятки лет страданий, и молил об одном - о справедливости.

Календарь жизни отсчитывал: "...прошло двадцать восемь лет..." "... минуло с тех пор тридцать два..." "...тридцать четыре..." "... тридцать восемь..."

Сменялись генерал-губернаторы в Оренбурге и министры в Петербурге, а ответы приходили одинаковые:"...означенное ходатайство не может быть удовлетворено..."

Уже давно забыли, кто такой и за что наказан Зиньковский. Министерство юстиции запрашивало: "На основании какого именно разрешения или распоряжения... был подвергнут оный заключению в Оренбургской арестантской роте? Были ли возбуждаемы о Зиньков-ском после сего какие-либо другие дела по Оренбургской губернии и если были, то чем разрешены?" А "бывший арестант" получал один и тот же ответ: "не может быть удовлетворено".

Только в 1870 (!) году дождался он восстановления в дворянстве и чине. Через сорок лет после начала его страданий - уже семидесятилетним стариком, полуслепым и неподвижным... Но и последние строки на последнем листе переписки (декабрь 1871-го) оставляют Зиньковского в положении просителя: "...ходатайство его о предоставлении ему службы не может быть уважено, а о выдаче ему документа о правах состояния он должен обратиться установленным порядком". Дальше не подшито ничего. На следующем листе - две строчки:

"Всего в сем деле пронумерованных сто девяносто три листа. Младший делопроизводитель Мясников". Сто девяносто три листа? Полноте - вся человеческая жизнь!

Жизнь, "преступление" и наказания Владимира Зиньковского ИЛИ...ОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ в Оренбургской сатрапии.

10.

Но вернемся в 1847-й. А разве мы его оставляли?

Много всяких судеб открылось Шевченко уже в первые месяцы солдатчины. Горестная судьба Зиньковского сомкнулась с бедой его собственной тогда, в сорок седьмом...

Один у другого питаем,
Нащо нас мати привела?
Чи для добра?
Чи то для зла?
Нащо живем?
Чого бажаем?
І, не дознавшись, умираем,
А покидаемо дша...
Як! ж мене, мш боже милий,
Дша осудять на земл4?
Коли б Ті дгги не росли,
Тебе, святого, не пйвили,
Що у невол! народились
І стид на тебе понесли.

Из всех Орских стихов вспомнилось мне сейчас это. "Один у другого питаем..." Знакомства всегда начинаются с вопросов - заданных или не заданных, но с них. "Нащо живем? Чого бажаем?..." Раздумывали над этим и Шевченко, и Зиньковский - люди разные, но с долей, которая роднила.

На карандашном рисунке, который набросал он, стоя в дверях, в той "расположившейся у самовара группе", был, конечно, и Зиньковский.

Рисунок поглотило время. Но запомним: рисовал, не таясь в той группе никого. Уже рисовал и уже писал. Вопреки приговору...

"Чего-либо существенного нам от нее так и не удалось добиться" -сокрушался Александр Матов, разочарованный рассказом Лаврентьевой.

Оснований для разочарования нет. И не раз еще возвратимся мы к записям политического ссыльного Матова, к воспоминаниям Агафьи Осиповны и других старожилов Орских.

Живые голоса, как они дороги!

"ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК!"

1.

Главным и единственным событием августа, тем паче первых его недель, явился проезд генерала Обручева, возвращавшегося со своей свитой после закладки форта на Арале.

Лицезреть его Шевченко мог только издалека. Ротный строго-настрого предупредил: лезть на глаза категорически воспрещается, никаких прошений и жалоб, сидеть дома, но быть при полном параде - на случай, ежели потребуют.

В Орской Обручев пробыл недолго: сегодня прибыл - завтра убыл. Походом, сказывали, был доволен. Но распекал всех и вся без передышки - как всегда и в'сюду это делал.

Тогдашний прапорщик, а под конец жизни сам генерал от инфантерии, Н.Г.Залесов в своих "Записках" писал о нем так:

"...Среднегороста, юркий, подвижный человек, с Георгием на шее, Обручев составил себе репутацию боевого генерала в кампании 182S-1831 гг. в Турции и Польше, а затем, посвятив себя деятельности мирной, в качестве начальника дивизии, прославился как один из самых исправных фронтовых командиров, о которых даже современники не без иронии, говаривали, что они всякую ошибку в *фронте подчиненного считают за*

личное для себя оскорбление..."

(фронт, можно фрунт - военный, войсковой строй, фронтовик -хороший строевой, знающий службу эту. Так читаем в Словаре Даля).

"...Я не знаю, - продолжал Залесов, - каков был генерал Обручев прежде; вбытность же в Оренбурге он пользовался репутацией человека честного, но вместе с тем деспотичного, мелочного и крайне раздражительного, так что вскоре по его прибытии в город слова "Обручев" и "распеканка" сделались синонимами. Везде, где только ни появлялся генерал как официальное лицо, везде раздавался крик и шла головомойка..."

- Физиономия Обручева отличалась тем, что она всегда имела самое разобиженное выражение, - вспоминал тот же мемуарист.

Таким запечатлелось лицо военного губернатора и в памяти Шевченко. Но больше помнились зычный рык генерала и подобострастие сопроводителей.

...Видел, повторяю, не близко. Однако глядящий увидит, а слушающий услышит. Первое впечатление от того, на кого возлагал такие надежды, не забылось и десять лет спустя.

Уже после увольнения от службы, плывя навстречу желанной свободе, он в Дневнике запишет: "Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева. Я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения".

Тогда - не во сне, а наяву - страха не было.

Было предчувствие того, что полагаться на Обручева нет резона.

2.

День или два спустя Александрийский мимоходом сказал, что вместе с Обручевым приезжал Карл Иванович Герн, дивизионный квартирмейстер, штабс-капитан, они разговаривали и тот сам заговорил о Шевченко. Отчего-то удивлялся, что он^в Орской, а не в Оренбурге, но в подробности на этот счет не входил - перевел на другое. Рассказывал, как сообщил ему о доставке поэта начальник штаба корпуса Прибытков, известный всем своими странностями (меж собою о нем отзывались как о полупомешанном, полусумасшедшим). "Вообразите себе, Карл Иванович, - объявил он новость, - какого господина к нам... прислали: ему запрещено и петь, и говорить, и еще что-то такое! Ну как же ему при этих условиях можно жить?" Конечно, теперь-то он знал, что именно Шевченко запрещено и с какими предупреждениями тот прислан, но тем более тревожился: как служба идет? как жизнь протекает? Изъявил желание повидаться; собрались было посылать за ним на квартиру да генерал позвал - заторопился Герн, только привет передал и велел духом не падать.

Привет был ему приятен. О нем думают - это дорого.

Из приведенных Герном слов генерал-майора П.И.Прибыткова я убрал одно слово: СЕГОДНЯ (заменил точками). 10 июня, когда Шевченко водили по оренбургским инстанциям, штабс-капитан находился далеко от своего кабинета, в походе к берегам Сырдарьи, из которого вернулся только 12 августа, когда "господин" был уже в Орской крепости.

Не впервые задумываюсь над дорогими нам всем (и, к сожалению, слишком краткими) воспоминаниями К.И.Герна-- одного из искренних друзей поэта. Немало в них неоценимых сведений, но и к ним относиться надо осторожно, критически. Особенно тогда, когда речь заходит о датах. Конечно, достойным людям не доверять нельзя,-но и самых достойных порою подводит память. Тем более, на солидном расстоянии от событий, о которых идет речь. Писал же Карл Иванович, откликаясь на просьбы М.М.Лазаревского, после смерти Шевченко -почти полтора десятилетия спустя.

Увидели свет заметки в самом конце столетия. В 1898 году их обнародовал "Русский архив". Под текстом значилось: "Сообщено Н.М.Тереховым". Кто он, сей

публикатор? Как попало письмо к Лазаревскому в ЕГО руки? И не прошлось ли ЕГО перо над подлинным текстом Герна?

Автографа нет. Все дальнейшие воспроизведения - на основе первой публикации. При таких условиях "тиражируются" и достоинства, и ... ошибки.

"Сегодня" - и весь этот эпизод - не без путаницы, причем очевидной.

Встреча их могла состояться только девятого-десятого августа.

Не сотоялась и теперь.

Жаль...

3.

На расстоянии в две тысячи верст читать по писанному в закрытом журнале не способен никто, даже сверхгениальный телепат.

Шевченко не приходило в голову, что далеко-далече, в различных киевских сферах, все еще мусолят, поминают всуе его имя, причем по поводам что ни есть разнообразным.

..."Содержатель кабинета чтения" капитан Должикков запрашивал старшего полицмейстера Голяткина, нужно ли, вместе с отдельными изданиями сочинений Шевченко, Костомарова и Кулиша, изымать из обращения те их произведения, которые напечатаны в журналах и сборниках. Полицмейстер обратился к гражданскому губернатору, тот к генерал-губернатору - и пошло, и поехало. Долженков с Голяткиным чувствовали себя на высоте положения: как же, пресекли крамолу, упредили, не дозволили.

...В журнале Археографической комиссии появилась запись: "Так как художник Шевченко уволен от звания сотрудника Комиссии и в настоящем году он не имел никаких по Комиссии занятий и не находится на лицо, то выведенное в расход жалованье его за январь и февраль месяцы, всего двадцать пять рублей сер., не выдавать ему, а записать в приход по книге, о чем и предписать казначею".

Сам Шевченко ждал из Киева только ответ от Фундуклея. Пусть не ответ - просто краски и кисти, альбом и рисунки. Неужто не поймет, как нужны они ему, как задыхается без всего этого? Неужто не УДОСТОИТ?

Не удостоил...

Мешкову, как лицу официальному, киевский гражданский губернатор написал. Не сразу по получении запроса от него - только 19 августа (а дойдет его письмо уже 7 сентября): "вещи, принадлежащие рядовому Оренбургского батальона Тарасу ШЕВЧЕНКО, отправлены в III отделение собственной его императорского величества канцелярии".

Ответ высокого петербургского начальства ему сообщили. Как раз в эти дни.

Был он неутешительным...

Круг замыкался. Надеяться на возвращение СВОЕГО ДОБРА не приходилось.'До всего остального в переписке о нем официальных сфер был он равнодушен совершенно.

Да о том и не знал, не догадывался.

4.

Официальное отставляю, чтобы опять услышать Лаврентьеву. Спасибо Матову - писал за ней иной раз почти стенографически. Как рассказывала, так и записывал.

Послушаем?

...- Прибыл он сюда летом из Оренбурга по этапу, а когда - доподлинно не могу сказать: до холеры (1846г.) или после... В ту пору у нас был только один конфирмованный - Ханыков, - какой-то, слышь, придворный. Болтали, что гофмейстер, а правильно ли то - Бог его знает... И сейчас еще помню: приходит муж после занятий и говорит мне, что пригнали еще одного конфирмованного, какого-то страшного-престрашного хохла... Грешница, я еще мальчишку попугала этим самым хохлом... Только глядь - этак через

неделю конфирмованный хохол и пожаловал к нам в гости. И зачастил... Бывало, каждый божий день у нас; и страшного в нем ничего не было - только усищи! Вот какие, доложу вам, были у этого человека усищи, что я сроду таких не видывала!.. Длинные, да крученые, - ну, право, словно варовенны веревки...

Многое в памяти ее перемешалось. Как доставили - по этапу? не по этапу? - не знала и додумала. Холера в губернии начиналась в сорок шестом, ближе к Волге, а эпидемия разгорелась в сорок восьмом. Ханыков оказался в крепости в 1850-м, был он и впрямь из семьи именитой, знатной; сюда попал как петрашевец. Конфирмованные стали прибывать в Орскую с давних пор, никогда не случалось так, чтобы оказывались они в единственном числе, но, действительно, с годами их количество увеличивалось и уже сдавалось, что прежде таких людей тут не было вовсе.

Агафья Лаврентьева, в то время совсем молодая, и в старости сохраняла удивление шевченковскими "усищами", подобных которым не видела "сроду". СЛОВНО ВАРОВЕННЫЕ ВЕРЕВКИ... Что это значит? Будто пеньковые или соломенные. Где выражение такое бытует? Среди волжан. Штрих вроде бы неприметный, а глянь-ка - биографию приоткрывает. Росла, похоже, на Волге?...

Иным он казался нелюдимым:"хмурый такой, молчаливый, словно волчонок" - вспоминала сестра Лаврентьевой, Феодосия (по мужу -Теплякова). Но о какой необщительности может быть речь, если в первые же месяцы неволи обрел он столько новых знакомых, приятелей, друзей? Дано это не всякому - человеку открытому, душевному, к людям расположенному. Людям хорошим, честным, порядочным - независимо ни от чего другого.

С Лаврентьевыми он познакомился еще тогда, когда местом обитания его была казарма, а утро начиналось на плацу: строевой шаг, ружейные приемы, приветствие высшего начальства, просто начальства и просто старших по званию.

Павел Лаврентьев, писарь, был завзятым книгочеем. Образования не получил, до всего доходил сам, читал много, над прочитанным размышлял. Где только ни добывал он книги... В скудной, даже нищей по этой части крепости он, казалось, наперечет знал, где и какая книжка имеется. Правдами и неправдами, но литературу добывал. Иной раз и с Шевченко делился - особенно когда попадалась новинка.

"... Они вместе читали, СПОРИЛИ и гуляли по крепости..." "...О чем велись ежедневные между ними споры, старуха не знает..."

"...СПОРИЛИ, бывало, с мужем-то, да это не наше дело..." Что читали, о чем спорили - на такие вопросы теперь не ответить. Женщины в суть их временных разногласий не вникали: "малость попетушились" и снова вместе. Можно, однако, предположить, что споры исходили из прочитанного, опирались на книги и жизнь. Другие, более конкретные, предположения, сколько бы ни было их высказано, не подтвердить и не отклонить из-за полного отсутствия каких-либо данных. Но интересен уже сам факт постоянных контактов. Существенное обстоятельство: близость к этому дому Владимира Зиньковского, а в будущем и Александра Ханыкова. Дом-клуб... Самовар и - непринужденность... До чего же дорого это, особенно на чужбине!

Улица, на которой стоял дом Лаврентьевых, много позже, уже после Октябрьской революции, стала носить имя Пугачева.

Через годы и годы после Матова с Феодосией Осиповной Тепляко-вой и ее престарелой сестрой беседовала Орская учительница Софья Григорьевна Рукавицына и, уже с ее слов, в 1938 году, И.И.Волошин записал, что Шевченко КВАРТИРОВАЛ у этих "старушек-сестер" в "небоьшом домике на улице Пугачева".

Пересказ их воспоминаний чрезвычайно короток, но в отдельных -существенных - чертах совпадает с записями 90-х годов. Утверждение же о доме, как "месте жительства" поэта, можно объяснить только тем, что рассказ был записан Волошиным не из первых уст, а от третьего лица, передававшего слышанное по памяти; кроме того, рассказчицами являлись женщины весьма преклонных лет, позабывшие многое.

Но разве менее важно знать, где, примерно, находился "дом-клуб"? обозначить еще один Орский адрес шевченковских времен?

5.

"За крепостной вал было строжайше запрещено отлучаться, и поэт находил отдых у Лаврентьевых..." (А.Матов).

Это до переселения из казарм на квартиру; вполне возможно, что и сыскали ее для Шевченко они, здешние старожилы.'

С переходом туда положение облегчилось, надзор стал меньше -явилась возможность совершать прогулки и поездки в степь. Вместе с приятелем-писарем, а то и в одиночку... Предположение сестер: "Очевидно, в степях поэт находил удовлетворение своему наболевшему чувству разлуки с Украиной". Что ж, сомнений это не вызывает: природу он ЧУВСТВОВАЛ во всех ее проявлениях.

...І там степи, і тут степи,
Та тут не такп,
Руд4, руд!, аж червой!,
А там голуби,
Зелени, мережаш
Нивами, ланами,
Високими могилами,
Темними лугами.
А тут бур'ян, теки, тали...
І хоч би на см1х де могила
О давшм давш говорила.
Неначе люде не жили...

Верится в то, что "брали с собою самовар, закуску, посуду для кумыса", что "поездки действовали на Тараса Григорьевича всегда возбуждающим образом: он приезжал из степи веселым, разговорчивым, шутил и беспечно играл с детьми..." Они, Агафья и Феодосия, это видели, запомнили и - помнили.

Во что не верится, так это в "пристрастие (Шевченко) к веселой охоте". Охотничье ружье, как равно и охотничьи припасы, могли быть только у Лаврентьева, но никак не у поднадзорного рядового. Оружие в его руках не на плацу, не в карауле было престуяшением таким, что никакое заступничество оправдать не могло бы. "Утки, казара, кулики всевозможных видов, гуси, стрепета, дрохвы водились здесь в таком изобилии (да и теперь их много), что стоило, бывало, только выйти за крепостной вал, чтобы настрелять целую груду дичи..." Да, водились, и такое застал еще Матов. Может, потому и принял безоговорочно рассказ сесгерt не подумав при том: за этот самый "вал", хоть и неказист он, незамеченным выйдешь не всегда, а заметь такого "охотника" Глоба или уже Степанов, другой какой офицер, унтер или ефрейтор из ретивых, упаси Бог - Мешков, да и доброжелательный Л свитский тоже, сколько бы беды на него обрушилось. Лаврентьеву, вольному писарю, дозволялось, ему... незачем и говорить. Из статьи же Матова явствует, что ходил он на охоту и один, что видел его, "обвешанного разнообразной дичью", повытчик (судейский чиновник!) Стариков...

Вспомнилась кстати запись, сделанная в Орске 1935 года талантливым украинским фольклористом Леонидом Сукачевым: "Однажды Шевченко пошел в степь писать стихи. (Он всегда так делал). Неожиданно видит на болоте подстреленную утку. Собрался ее спасти, но ступил как-то неосторожно и сам в трясину попал. Стала его трясина засасывать. Тогда он стал вспоминать прошлое. Вспомнил свою бедную замученную мать. Это воспоминание придало ему сил. Он повернулся на бок и счастливо вырвался из страшного болота".

Подстреленная утка - и замученная мать... Жажда спасти живую душу - и трясина, мстящая за это...

В народной легенде он остался таким. Стремящимся не убивать, но спасать.

"Пристрастие к веселой охоте"? Не верю!

Воспоминания, однако, это не перечеркивает - о нет, нисколько.

6.

В прежних сборниках воспоминаний о Тарасе Шевченко - и киевском, и московском - из статьи А.Матова была напрочь изъята достаточно важная тема.

После того, как Лаврентьева "с каким-то старческим благоговением" произнесла: "Это был настоящий благородный человек!", въедливый собеседник задал ей вопрос: а действительно ли Шевченко в Орской крепости выпивал? Собственно, и не вопрос прозвучал -утверждение: говорят, дескать. Но интонация все же была вопросительной, и женщина откликнулась решительно: нет, сказать такое не могу, ни единого раза этого не видела; может и выпивал когда, только она не знала; впрочем, грешить незачем - и от других родственников своих о выпивках не слышала.

Сестра подтвердила сказанное, от себя добавив, что много всякого на него тут наговаривали - так можно ли в это верить? Говорили, продолжала она, будто Шевченко и фармазон, и пьяница; чего только не говорили от зависти, что добрые люди его привечают. Бог его знает,

- сделала, подумав, оговорку, - может и на самом деле не обходилось без того, чтобы чарочку опрокинуть. Только нет, они этого не видели!

Вопрос прозвучал отголоском прижизненных и посмертных наговоров на Шевченко - ничего не чурались недруги, тщась унизить, а если удастся, то и развенчать чуждого им человека.

Старые женщины, коренные орчанки (так и сейчас называют себя жительницы этого города) вступились за его честь, не отдали доброе имя на посрамление, и это дорого особенно.

Их голос донес до нас политический ссыльный, политический боец Александр Матов.

- Золотой был человек...

7.

Триста пятьдесят четыре рубля шестьдесят две копейки серебром, бывшие у него при отправке из Петербурга, таяли с быстротою необыкновенной.

Надо было платить за наемную квартиру, тратиться на еду для себя и угощение захаживавших к нему приятелей, на гостинцы детишкам

- Александрийских, Лаврентьевых, Даутовых. Детей он любил, они чувствовали это, встречали его радостно.

Не мот он, не растратчик, но как не порадовать земляков в казарме, когда представляется возможность купить и принести шмат давно не виданного ими сала,- доставил в крепость заезжий купец.

Ящик водки кое-кем из офицеров забывается. Хочешь или не хочешь - расщедрись снова. Мало ли на какую пакость способны их благородия.

Кто-то считает его "темным богачем", норовит взять в долг, да побольше, плечами пожимает, когда отказывает. Как объяснить, что не богач он вовсе, не тугая у него мошна, а так... остатки некогда заработанного?

Писал бы на заказ портреты - заказчиков не видно, да и писать нечем. Купцов просил: привезите краски. Кивали головами, обещали

- только надежды на них мало. И когда еще с новым товаром приедут, сколько их ждать?..

Иногда вспоминал: рисовать ему ЗАПРЕЩЕНО. Но что такой запрет значит - не представлял себе толком. Ну никак не представлял. Пока думалось об одном-единствекном: нет красок, нет кистей, нет бумаги, и это заслоняло все другое, разгуляться

тревогам по поводу запрета не давало.

Работать ХОТЕЛОСЬ. Желание его работать ощущали и те, к кому захаживал. Правда ли, легенда, но вот что поведала Матову Лаврентьева:

"- ...У меня был в ту пору мальчишка годков семи, так вот Тарас Григорьевич его и обучал грамоте. Само собой, обучал бесплатно. Какие наши были достатки?!..

- А как долго занимался он с вашим сыном?

- Как вам сказать... Больше, чай, году-то! Хорошо покойник, царство ему небесное, занимался! Ни одного лишнего слова не скажет, бывало, на занятиях, все шуточкой да лаской..."

Повторяю: легенда это или правда, к первым месяцам относится или к более поздним, в рассказе - его,

Шевченко, тяга к делу. Все, кто общался с ним, такую тягу чувствовали. Но что именно влекло, какой труд был для него самым желанным, понять рассказчицы не могли.

Не могло и большинство других.

8.

Писем он не писал и не получал.

Приветы из Оренбурга доходили до него, главным образом, через Левитского и Александрийского. Свидетельствовал Ф.Лазаревский: "... над ним неусыпно бодрствовал добрый гений в лице Матвеева..."

И там же, немного дальше:

"...от всяческих взысканий и строгостей батальонного начальства нашего Кобзаря хранило доброе расположение бравого казака Матвеева, который при каждой встрече со мной обыкновенно обращался ко мне с вопросом: "А что ваш Шевченко? Пожалуйста, - прибавлял он, понизив голос, - если что не так, заходите ко мне и скажите".

ПОНИЗИВ ГОЛОС...

О, эта оговорка говорила о многом.

И Матвеев, и Лазаревский, и все другие чиновные доброжелатели Шевченко в Оренбурге и Орской отдавали себе отчет в том, что, помогая поэту-солдату, нарушают ВЫСОЧАЙШУЮ волю, а это грозит им взысканиями, для карьеры опасными. Но оставить такого человека наедине с бедою не позволяла им СОВЕСТЬ.

На послабления свыше надеялись - как не надеяться? Ну а пока делали, что могли, сами. До поры, до времени удавалось.

Генерал от инфантерии Обручев к исполнению своих обязанностей военного губернатора и начальника корпуса вернулся, от него шли приказ за приказом, но рядового Шевченко не касались они и единым словом.

А в "Малороссии" осуществляли, да еще как рьяно, предписание новое: сочинения его отбирать и у приватных владельцев - "если у кого окажутся". Тут же, правда, оговаривалось: "нобез всяческих розысков и обысков". До этого пока не дошло...

ИСПОВЕДЬ

1.

Еще одна легенда, записанная в Орске Леонидом Сукачевым.

Видный литератор, большой знаток творчества народа, он приезжал сюда в составе научной экспедиции, снаряженной в места солдатчины Шевченко Центральным Комитетом КП(б)У и Советом Народных Комиссаров Украины. Поездка была плодотворной, но вскоре Сукачев стал жертвой сталинских репрессий 30-х годов, успев опубликовать всего одну статью со своими записями. Да и та, появившись в далеко не массовом украинском журнале ".Штературна критика" (третья книга 1936 года), оказалась забытой.

И эта легенда не без глубокого смысла.

Пересказываю ее как воспринял сам.

В те далекие времена, когда это совершалось, Орская крепость была маленьким, неказистым местечком. Сколько-то казенных построек, немного офицерских домов, малость убогих халуп, - вот и вся крепость. Вокруг, сколько видел глаз, простиралась безлюдная, неприветливая степь. И озера. И болота.

Как-то раз заметили: летают над крепостью белые бабочки. Откуда взялись - неизвестно. Может с болот ветрами занесло?

Один из солдат, из тех, что в Орской стояли, посмотрел на все это, да и говорит:

- Не к добру примета. Кажется мне - пожар бабочки предвещают.

Но где то видано, чтобы бабочки пожар предвещали? Заврался солдат! Неведомо что и говорит!

Посмеялись с него и забыли. А пожар тут как тут. Горит!

Только услышал об этом командир - вызывает к себе солдата, который о бабочках говорил. А тот, бедный, ни жив, ни мертв. Пришел к командиру и слова не вымолвит.

- Кто поджег? - спрашивает командир.

- Не знаю...

- Врешь, сукин сын, знаешь! Ты поджег, чтобы пророчество свое подтвердить! Сквозь строй его прогнать, мерзавца!

Каждый понимает, что прогнать сквозь строй - наказание страшное. Не погибнешь, так калекой на всю жизнь останешься.

В то время отбывал в Орске каторгу Тарас Шевченко. Он лютой ненавистью ненавидел панов, за что сюда и попал. Услышав, как начальство хочет с невинным расправиться, он собрал тайком солдат и говорит:

- Неужели мы позволим своего товарища замучить?

Все высказались за то, чтобы помешать жестокой ка*ре, только никто не знал, как это сделать. А Шевченко подумал да и предложил:

- Условимся между собой - не поднимать руки на товарища. Он и пройдет сквозь строй невредимый. Будем действовать заодно и никто нам ничего сделать не сможет.

Солдаты любили и уважали Шевченко, совет его приняли без возражений.

Как сказал Тарас, так и сделали Выстроившись в две шеренги, взяли розги, но бить не бьют.

- Что это такое? - озверел командир. Все молчат, точно в рот воды набрали.

- Заговор?!

Снова никто ни слова. Командир даже позеленел.

- Так вы бунтовать надумали? Расстрелять каждого четвертого! И расстрелял бы, но не так случилось, как ему хотелось.

Той же ночью солдаты условились убить мучителя. Привести приговор в исполнение поручили одному смелому и ловкому солдату. Он свое опасное поручение выполнил с честью.

Убитому командиру были устроены торжественные похороны. Гроб замуровали в склеп. А приказ о расстреле каждого четвертого отменили, боясь гнева разъяренных солдат.

Недавно тут случилось чрезвычайное происшествие. Ни с того, ни с сего посреди дороги провалился автомобиль. Авария случилась как раз в том месте, где был когда-то склеп. Вытягивая из ямы машину, рабочие нашли в склепе, среди полуистлевших человеческих костей, офицерский аксельбант. Говорят, будто это были остатки убитого палача-командира, ..

Вот та легенда, которую более полувека назад записал в Орске гость с Украины, а после него не раз доводилось слышать и мне. Видел, между прочим, не одно место, где, по словам старожилов, проваливалась машина и обнаруживался скелет с черепом и костями, аксельбантами (или погонами) по заслугам наказанного изверга.

Позднее, в своих архивных поисках, вспоминал эту легенду и, углубляясь в пожелтевшие от времени бумаги, пытался найти в них документальное подтверждение

убийства командира в Орской. И что же вы думаете? Изучая материалы Оренбургского архива, удалось-таки установить действительно имевший факт убийства в Орской ее коменданта Недоброво, "состоявшего по кавалерии" полковника!

Шевченко его узнал уже в 1850-м, во время вторичного пребывания в этой крепости. Убийство совершилось в первых числах января 1853 года, когда он пребывал на Мангышлаке. В рапортах по инстанциям и прочих разных официальных документах происшествие представили исключительно как уголовное - "с целью грабежа".

Но за четверть века комендантства Исаева, за время, когда эти обязанности исполнял Левитский, даже попыток таких в отношении их не было...

2.

Не все может даже комендант.

Жительство Шевченко в наемной квартире продолжалось недолго и закончилось неожиданно: штабс-капитан Степанов не без смущения оповестил рядового, что ему надлежит возвратиться в казарму.

Смущение ротного было вызвано лишь одним обстоятельством: тот явился к нему не по службе - поздравить с предстоящим бракосочетанием (тридцатипятилетний офицер брал в жены двадцатилетнюю Пашу Ледомскую, невесту видную).

Всем своим видом он показывал, что его, командира роты, вины в том нет и прямо намекал на приказ свыше - как понял, Мешкова, получившего, наконец, долгожданное майорство.

После быстро промелькнувших месяцев относительной свободы Шевченко снова превращался в "казарменного арестанта". Все возвра-щалося на круги своя, и это возвращение было горше приезда.

Только позже он понял, что изменение его положения произошло не по злой воле постылого майора и не от перемены отношения к нему генерала Левитского.

До здешнего начальства дошли слухи о том, что в Оренбург, и даже выше, ушли доносы насчет чинимых в Орской послаблений "опасным элементам". Нагрянет проверка - как и чем оправдаешься? .

У М.М.Лазаревского читаем:"... в 1847 году умер Исаев, и тогда-то наступило для Шевченко тяжелое время".

Наступило действительно, но с чьей бы то ни было смертью связывать "тяжелое время" не приходится. Если и умирали, так... надежды.

3.

Из тех, кто встречался с Шевченко в Орской крепости, письменные воспоминания об этих встречах оставил только Михаил Лазаревский. В записях А.Матова известны немногие другие; о них речь уже шла. Критический подход к устным сообщениям дает возможность отделить шелуху от зерен, почерпнуть хотя бы малую толику достоверного, отбросить совсем, или перенести в разряд легенд, то, что никакой документальной силы не имеет.

Александр Матов записал в конце прошлого века и "воспоминания" Агапия Федоровича Канфера, тогда уже почти семидесятилетнего, из кантонистов, с детства служивого. Будучи старым дедом (определение Матова), он оставался в полной силе и еще держал власть над многочисленным своим семейством. За чашкой чая собеседники разговорились и на бумагу лег рассказ старожила, заявившего, что Шевченко "почти все время" находился в роте, где сам он служил фельдфебелем.

"- Скажу, что помню, только мало у меня на памяти осталось, -читаем мы с тех пор во всех изданиях воспоминаний о Т.Г.Шевченко. - Человек он был у нас веселый и с товарищами не прочь выпить. Видом из себя плотный, высокий; усищи носил длинные, словно веревки крученые. Вел себя мирно, лишь время от времени над чем-то задумывался: держали его больно уж крепко. Писать и рисовать ему запрещалось

(строжайшая бумага была из Оренбурга). А рисовал-то как! Настоящий был художник. Наскучит ему, бывало, сидетьв казармах - пойдет в укромное место, да и давай на стене углем или мелом картины мазать. Просто умора! На стенах писал и стихи хохлацкие; все заборы испачкал..."

Но - хватит! Случайно узнанное трансформировалось в голове Канфера в нечто сумбурное, а "воспоминания" о "картинах", которые "мазал" Шевченко "углем или мелом" в "укромном месте" (читай -клозете) не что иное, как бред. И насчет стихов, которые писал на стенах и заборах, - то же самое...

Да, Канфер в Орской крепости служил, но службу свою здесь начал не ранее 1853-1854 годов и, таким образом, "сослуживцем" Шевченко быть не мог. Только в шестидесятые годы выслужился он в фельдфебели. Поэта, если и видел, то "вприглядку", а, стало быть, ПРИДУМКИ его к ВОСПОМИНАНИЯМ отношения не имеют.

Но почему речь об этом зашла именно тут?

Ищу свидетелей тех дней.

Ищу и не нахожу - кроме как М.Лазаревского.

"Приезжая довольно часто в Орскую по делам службы, я всегда навещал Шевченко и видел тогдашнюю его жизнь в казармах..."

Видел и слышал, что там делалось: "Общество пьяных и развратных солдат, невыносимый воздух, грязь, постоянный крик..."

Из первых уст слышал, как донимает поэта круглосуточное казарменное существование ("...все это сильно возмущало Шевченко...").

От него самого знал о бесконечных придирках по части соблюдения всякого рода правил и норм поведения "нижнего чина"...

Свидетели, конечно, были, но расспросить их во-время не догадались. Пусть даже в восьмидесятые годы. Тогда еще жил, к примеру, Анкудин Андреевич Биданов, который и на самом деле служил в одной роте с Шевченко, сначала унтер-офицером, а некоторое время спустя старшим унтер-офицером. Не многие из рассказов Биданова мог пересказать Матову опрошенный им в девяностые годы орский старожил М.И.Бажанов. Но и то, что дошло до нас по такой цепочке, внимания заслуживает куда большего, чем очевидные измышления Канфера.

По словам Биданова, Шевченко был плохим солдатом. Служба ему не давалась, и если бы, замечал бывший унтер, от него действительно требовали того же самого, что и от других "фрунтовиков", то он не выходил бы из карцера. Амуниция была всегда не чищена, пуговицы ржавыми, узкий мундир сидел на нем "не по человечески" и иной раз расползался по швам. Перед ротными учениями, рассказывал Биданов, происходила настоящая комедия: солдатне могсам надеть мундир и "дядьке" приходилось прямо-таки натягивать узкую по тому времени одежду на широкие плечи своего солидного ученика. Тарас, вспоминал он, пыхтел, сопел, лицо покрывал обильный пот и, задыхаясь, начинал ругаться: "Ой 6ісіе кожух!". Узкая одежда мешала и такому невинному удовольствию, каким было купание, после муштры, в Урале. Иной раз, потеряв терпение, бросался в воду одетым, за что, конечно, ему доставалось...

Биданов, даже в пересказе, достоверен. Однако лишь плечами пожимаешь, не находя этих абзацев в сборниках воспоминаний 50-60-х годов: их убрали без остатка. Сообщение же Бажанова насчет "шевченковской картины" составители не тронули и даже не прокомментировали.

Речь идет вот об этом месте одной из публикуемых статей Матова:

"...Другой (после Канфера) орский старожил, М.И.Бажанов, рассказывал мне, что Тарасом Григорьевичем была нарисована прекрасная картина-аллегория. Она представляла из себя малороссийскую деревушку со всеми аксессуарами южной природы. На первом плане картины выделяется ветхая хатка, обнесенная высоким частоколом. Синеватое небо местами затянуто тучами, из-за которых по временам вырываются солнечные лучи и, проникая через отверстия частокола, живописными узорами золотят

хатку. Лицом к ограде и затылком к избушке стоит тогдашний министр народного просвещения; в распростертых руках он держит развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающие чрез ограду солнечные лучи и таким образом оставить в тени убогую хатку. Где эта картина - М.И. не знает".

4.

Видеть "картину" Михаил Иванович не мог: в те времена он, сын унтер-офицера пятого линейного батальона, был ребенком. (Тем более странным выглядит допускаемое биографами отождествление М.И.Бажанова с его однофамильцем из Новопетровского укрепления Н.Е.Бажановым; оно, это отождествление, пусть косвенно, но присутствует и в "Бюграфн" 1984 года).

Уже в силу известного нам о рассказчике, сообщение его о "прекрасной" шевченковской аллегории Орского происхождения не может быть названо ВОСПОМИНАНИЕМ; всю эту заметку Матова, если уж где и воспроизводить, так это в сборниках, представляющих НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО о Шевченко, НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ о нем.

Меж тем в восьмом томе полного собрания его произведений (1963) описанная "картина" (уже под названием "Карикатура на министра просвещения С.С.Уварова") открывает перечень ненайденных художественных работ Т.Г.Шевченко. Тут же напоминается: еще в 1911 году В.П.Кранихфельд писал, что за эту картину Шевченко возратили с частной квартиры в казарму, а сама она была отобрана и уничтожена.

Так очевидная легенда, не получившая своевременно трезвой оценки, обрастает новыми и новыми домыслами, порождает ошибки биографов, искажает суть жизни выдающегося человека. В новейшей биографии академического происхождения псевдовоспоминания Канфера (тут - Капфера), а равно легенда Бажанова приводятся как... достоверные факты! Без каких бы то ни было оговорок. Напротив, с утверждением их подлинности. "Иногда, - читаем, - жажда творчества выливалась в рисование картин на стенах углем или мелом". Это уже слова самих биографов. Насчет "укромного места" и "картины мазать"

- дальше, в цитате из добросовестного воспроизведения канферовских несуразностей.

Скажу без обиняков: при всей ценности ЛЕГЕНДЫ, рассказанной М.И.Бажановым, и вообще этой записи Матова КАК ФОЛЬКЛОРНОГО ИСТОЧНИКА, использовать ее по разряду ДОКУМЕНТОВ нельзя

- оснований НЕТ.

(Попутно выскажу и такое соображение. Небольшая публикация А.Матова в "Русских ведомостях" 1895 года, с записями услышанного от Канфера и Бажанова, была первой и явно предварительной; автор отправил ее в газету через несколько месяцев после водворения его в Орске, появилась она там в сентябре. Основная, как бы итоговая, статья "Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке" появилась в казанской газете "Камско-Волжский край" в январе 1897-го, когда автор уже покинул Орск, а затем и Оренбург, выехал за пределы края. В этой статье, которая печаталась с продолжением, в трех номерах, почерпнутое от названных старожилов сам он охарактеризовал как "совсем малоценные факты", повторять которые даже не стал. А вот о том, что дошло от Биданова, рассказывал, полагая достоверным...)

... Воспоминания достались нам только от М.Лазаревского. До чего же этого мало!..

5.

Но сохранилось, дошло, всем известно его, Шевченко, заветное, его

- из тех дней - исповедальное.

Единственного адресата у стихотворного этого "послания" поначалу не было. Обращался к каждому из земляков-друзей - на Украине, в Оренбурге и Троицке, всюду, где они могли сейчас находиться. В мыслях его возникали то один, то другой, то третий - люди близкие, дорогие, не забываемые, несмотря на разлуку. Уже позже допишет он

посвящение персональное: "А. Козачковському". И станет оно названием, под которым войдет во все издания "Кобзаря".

Давно те д!ялось. Ще в школ!...

Детство... Щемяще-горькое начало жизни. Единственная радость: уединиться с чистым листом бумаги, сделать из него книжечку, обвести каждую страничку узором из крестиков, листочков и украдкой, так, чтобы не видел никто, вписывать в нее "Три цар!е со дари".

Четверть века с тех пор прошло, много воды утекло, много перемен случилось, но...

...І довелося знов меш

На сгарісТЬ з в!ршами ховатись,

Мережать книжечки, сшвати

І плакати у бур'яш...

Самодельные книжечки, которые так просто спрятать от чужого глаза (ну хотя бы за голенища сапог), - изобретение давнее, еще детское. Но как оно сгодилось теперь, когда в полной мере осознал: писать ему запрещено строжайше!

Выходит, по автору, что дошло это до Шевченко лишь сейчас? Не может такого быть: под гнетом высочайшего запрета писать и рисовать находился он уже не один месяц - с момента объявления царского приговора, а его огласили еще в конце мая!..

Не спорю - огласили. Не возражаю - знал. Но мог ли он сразу ощутить, осознать всю тяжесть, весь гнет обрушившейся на него кары, если подобного приговора не слышал до того ни один известный ему поэт или художник?

Отдача в солдаты - было. Строжайший надзор - было. Много мук принял Полежаев, автор нашумевшей поэмы "Сашка". Тот же монарх приказал отправить его в солдатский строй. Говорят, Николай сказал, что дает ему военной службой средство ОЧИСТИТЬСЯ. Насчет же того, чтобы больше НЕ ПИСАЛ, не было и слова молвлено.

А ему запретили и писать, и рисовать. Как это представляет себе тот, который приговор такой придумывал? Легче быть казненым, чем жить и не мочь дышать...

Нет, приговор он тогда до конца не осмыслил. Больше того: не осмыслили и властители его судьбы. О том, полагаю, свидетельствует еще не закончившаяся переписка по поводу возвращения ему красок, кистей, рисунков, альбома. От Поче"шева и Мешкова до Фундуклея, Бибикова, Орлова (самого Орлова!) - многие делом этим занимались (и занимаются!), да ведь никто не заявил: возвращено не будет В СВЯЗИ С ЗАПРЕТОМ РИСОВАТЬ. Спохватятся попозже, свое еще возьмут. Пока рисовать он не может как раз потому, что нет никаких припасов, а без них художнику нельзя - все равно что без рук.

Писать, слагать стихи - дело другое. Сразу по приезде поэзия к себе не потянула. Все в жизни его перевернулось, надо было перевести дыхание, оглядеться вокруг, обрести силы. На наемной квартире - какой-никакой, а своей - прятаться особенно не приходилось, но уж слишком много всякого обрушила на него эта Орская, во всем не схожая с тем, что видел в жизни. Новые, ЗДЕШНИЕ стихи пробудились, заговорили, однако не вдруг. Даже поэма пошла - "Княжна".

И вот теперь снова казарма, снова день и ночь на людях, снова непрерывное ощущение взглядов - любопытных, удивленных, злых. Пишет? Что пишет? Дозволенное? Запретное? Стихи идут. Но где и как их записать, а, записав, от дурного глаза спрятать, от соглядатаев уберечь?

Беда придумала эти простенькие книжечки. ЗАХАЛЯВНЫЕ... Прозвал так сам.

6.

Позволяли обстоятельства, уходил к Уралу или Ори, и прячась между кустами, думал свою бесконечную думу. Мечтал об Украине, вспоминал прошлое, заглядывал в будущее. "Там, в уединении, - писал М.Лазаревский, - он вынимал из-за голенища кусок бумаги и карандаш и записывал свои поэтические вдохновения, которые скрывал не только от начальства, но и от иных знакомых".

"Вдохновения" приходили к нему и в казарме, и в карауле, и на плацу. Но

записывать их можно было только вдали от чужого глаза.

Никто не должен был знать: "Шевченко пишет"...

И в сентябре еще не ушло тепло. Солнце светило и грело почти по-летнему. А где притаишься, когда нагрянут холода, стукнут морозы?

...Ось слухай же, мш голубе,
Мш орле-козаче!
Як конаю я в невол!,
Як я нужу св!том.
Слухай, брате, та научай
Сеоіх малих дггок...

Никому вовек не нарисовать такой картины его жизни, как та, которая появится на этих маленьких потайных листочках. Не просто картина - развернутая панорама дней и недель, будней и праздников невольника.

С праздника - святого воскресения - и начинает.

...Неначе злодш, поза валами
В недшю крадуся я в поле.
Талами вийду понад Уралом
На степ широкий мов на волю...

В строй стихотворения становятся давно выношенные строки о степях украинских и степях оренбургских: "І там степи, і тут степи, Та тут не такц...", и раздумья о безлюдье этих мест ("Од споконвжу і донит Ховалась од людей пустиня..."), и пророчество горькое: "Уже и твердит поробили, Затого будуть і могили..."

Думается о судьбе своей, не сулящей никаких радостей:

...О доле моя!
Моя кра!но!
Коли я вирвусь з цп пустит?
Чи, може, крий боже,
Тут і загину...

От мыслей таких красное поле будто чернеет. Но забыться, успокоиться не удается.

... - Аида в казарми! Аида в.неволю! –
Неначе крикне хто надо мною...

("Аида" - не привычное украинцу "гайда". У этих восклицаний одинаковый смысл и совсем близкое звучание. А все же АЙДА - сугубо местное, оренбургское, подслушанное тут еще Далем. Оно многозначно. За ним, по Далю, - "иди, идем, пошел, погоняй, ступай, живей, скорей". Первое из слов Орского лексикона, здесь им услышанных и здесь же введенных в поэзию. "Аида в неволю!" - это для него отныне точнейший перевод предыдущего: "Аида в казарми!").

...Отак я, друже мш, святкую
Отут недшеньку святую.
А понедшок?..

Понедельник и все последующие, не "святые", дни еще тяжелее, еще горьше, хотя накануне и казалось: тяжесть достигла предела.

...Часи лггами,
Висами глухо потечуть.
І я кровавими сльозами
Не раз постелю омочу...

Кровавые слезы - от набегающих мыслей. Снова лишен свободы. Солдатчина уносит силы.

...А малась воля, малась сила,
Та силу позички зносили,
А воля в гостях упилась

Та до Миколи заблудила...

Та и упиваться зарекалась...

"...Чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений..." Пишет он не пасквиль, но правду. А то, что вспоминается и вспоминается царь Николай, так верно говорится: из песни слова не выбросишь. Правда и тут. Истинная правда!

День за днем, день за днем... Беспросветно-тягучие, наполняют они душу безысходной печатью. ...Влагаю Бога, щоб св!тало, Мов вол!, св1ту сонця жду.

Цв1ркун замовкне; зорю б'ють.

Влагаю Бога, щоб смеркало,

Бо на позорище ведуть

Старого дурня муштровати.

Щоб знав, як волю шанувати,

Щоб знав, що дурня всюди б'ють...

Но надежда, вопреки всему, живет. "А може ще добро побачу? А може лихо переплачу? Води Дншрово! нап'юсь..." Надеется и - боится: будет ли так? если будет, то когда? Приходят мысли о смерти, смерти как избавлении, только гонит их прочь.

... І благав би я о смерть..

Так ти, і Украина,

І Дншро крутоберегий,

І над!я, брате,

Не даете мен! Бога.

О смерт! благати.

Не о смерти думает - о жизни. Среди смрада казармы, под взглядами гнетущими и давящими (сдается, что и самого царя) - о воле, о родине, о свободной песне.

К адресату он обращался на ты. В обращении таком была для него высшая степень дружества. Проговаривались слова и строки, сходу рвались на бумагу, а перед глазами возникал то один, то другой, то третий - люди, которым верил сердцем. Только другу поведаешь сокровенное, только друг поймет тебя без лишних слов и без распросов. Со временем обретет это послание и название - адрес. Но будем помнить: прячась в талах над Уралом, обращался он не к одному лишь Козачковскому.

Самое достоверное воспоминание тех дней - его, Шевченко, поэзия. Не биографический она "подстрочник" - исповедь кровоточащего, тяжело раненного, но живого, горячего сердца.

7.

Вестей о себе он не подавал. Как отослал то, деловое письмо, Фун-дуклею, так больше конверты и не надписывал.

Стихи утоляли его жажду поделиться наболевшим. А что можно сказать в письме обыкновенном?

Полагают, что в июле-августе писал Шевченко Сажину.

Михаил Макарович Сажин был его товарищем по Академии художеств. В прошлом, сорок шестом, жили они вместе на Козином болоте близ Крещатика. Сблизились там, сдружились. Сообща писали виды Киева.

"Из ссылки Шевченко написал Сажину письмо, из которого А. Лизогуб узнал о местопребывании Шевченко. Это письмо до нас не дошло".

Так говорится в комментарии к дошедшим до нас письмам поэта. "Не дошло..." А было ли?

Первое упоминание ЗАГАДОЧНОГО ПИСЬМА - в письме А.ИЛи-зогуба, датированном 21-м октября.

"Был я в этом году в Киеве и весьма обрадовался, когда прочел Ваше письмо, любимый Тарас Григорьевич; САЖИН ДАЛ МНЕ ПРОЧИТАТЬ ТО ПИСЬМО..."

"...Когда проезжал я Киев уже из Яготина (в сентябре - Л.Б.), то и видел Сажина, он

мне показывал ВАШЕ ПИСЬМО, ГДЕ ВЫ ПРОСИТЕ ПЕРЕСЛАТЬ К ВАМ РИСУНКИ, АЛЬБОМ И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО, да и говорил мне, что он подавал и докладную записку о тех рисунках, чтобы ему их отдали, но, говорит, их нет, куда-то будто они поудирали или еще что-то, только уже ничего нет, послали, говорят, в Петербург, - ищи где знаешь..."

"... ИЗ ТОГО ПИСЬМА я вижу, что Вам можно и что Вы думаете не бросать рисовать..."

Письмо изложено - стало быть существовало?

Важное уточнение содержится в следующем письме того же Лизо-губа, писанном в последний день декабря. "...Мы с женой поехали в Одессу, и в Киеве я видел Сажина, - уточнял Лизогуб ранее уже сообщенный факт, - он мне рассказал, что Вы в Орской крепости и показал Ваше письмо К КАКОМУ-ТО НЕЗНАКОМОМУ МНЕ ГОСПОДИНУ, в том письме Вы ЕГО ("господина" - Л.Б.) просите прислать Вам палитру, и кисти, и краски..."

"Незнакомый господин" - сомнений в том нет - это Фундуклей. Как гражданский губернатор, отвечать Шевченко он не желал. Но, соблюдая престиж "покровителя искусств", Иван Иванович из Орского письма тайны не делал. Зная Сажина как близкого приятеля опального рядового, он передал ЧАСТНОЕ ПИСЬМО ему, тем самым сняв,с себя ц грех НЕ ОТВЕЧАТЬ, и обузу ПРИДУМЫВАТЬ ОТГОВОРКИ, и ответственность за переписку С КРАМОЛЬНИКОМ.

Ответа от Фундуклея Шевченко более не ждал. Писем других - до поры, до времени - не писал. Напишет только в октябре: Лизогубу Андрею Ивановичу и, одновременно, Варваре Репниной. Не написать станет невмоготу.

О ХРАМЕ НА ГОРЕ И ДВУХ АЛЬБОМАХ

1.

В октябрьском своем письме, изрядно цитированном чуть ранее, Лизогуб обрушил на Шевченко предлинную тираду богословских наставлений.

Будто проповедь читал, собственным и библейским красноречием упиваясь:

"...Благодарю господа, что наделил Вас терпением: "Блажен раб его же господь обрящет бдяща! Недостоин его же обрящет унывающа". Молюсь господу за Вас, чтобы он поддержал Вас, чтобы дал и силу и волю нести крест, пусть очень тяжелый, что Вам послан, без жалоб на господа и на людей, а радуясь каре, которой Вас испытывает. Если виноват - терпи, что Бог послал, и благодари господа, ибо писано, кого люблю, того и караю; в кара и испытание божье всегда добро значат, ибо делают нас лучшими, к бедным милостивыми, к терпящим жалостливыми..."

И так далее: тирада много длиннее. Заканчивается в том же духе: "...Терпите же и Вы, любимый Тарас, и благодарите Бога; и Бог Вас помилует, даст покой и тихую радость сердцу, счастье на небе и пошлет прощение и милость на земле..."

Чем не проповедь с амвона?

...Орской крепости письмо достигло только полтора месяца спустя. И как отозвались в Шевченко поучения Лизогубовы?

"Великим веселием возвеселили вы меня своим добрым, христианским письмом в этой басурманской пустыне. Спасибо вам, друже мой добрый, я с самой весны не слышал родного, искреннего слова..."

Благодарил не за советы-рассуждения божественного толка, не за напоминания библейских заповедей и увещевания соответствующие -ЗА УКРАИНСКУЮ РЕЧЬ, по которой так соскучился. (Письмо было на украинском, тут и оно, и ответ на него идут в переводе). "Возвеселил" его Лизогуб не особой мудростью сентенций, но уже тем, что написал. О Боге - мимоходом. Не больше и не глубже, чем в речи нашей, сегодняшней.

Без молитвенно сложенных рук...

2.

Орский служащий П.Ф.Жилин, 1882 года рождения, со слов деда своего, Сергея

Романовича, рассказывал вот какую историю:

- Как только привели Шевченко в Орск, поп военной церкви произнес с амвона специальную проповедь, ему посвященную. "Вот, -говорит, - какая участь постигает всякого, кто богохульствует и не почитает царя". После этой проповеди уже все жители Орска знали, что Шевченко - великий народный борец и не признает ни Бога, ни царя, за то вот и сослали его в Орск.

Это, понятно, не более чем легенда. От церкви его не отлучали, и указаний насчет такой проповеди у местного священника не было. Своевольство же не поощрялось ни коим образом. Да что там "не поощрялось" - пресекалось, причем решительно. Примеры этого попадались мне на глаза во время просмотра дел Оренбургской консистории. Следили, и строжайше, не только за содержанием, но и за формой, качеством церковных действий.

(Приведу абзац из исследования Н.Чернавского "Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем", отпечатанного типографией консистории в 1903 году: "20 декабря 1847 г. было обращено внимание священнослужителей на то, чтобы они при отправлении служб божьих не спешили и служили сообразно церковному уставу; в пении не козлогласовали; стихиры, кафизмы и часы вычитывали внятно, а не смешивали чтения или пения одно с другим, или, сказать, не двоеглас-ничали и вообще никаких служб не сокращали, а что потребно петь, то пели бы...").

Проповеди о Шевченко отец Петр, конечно, не возглашал.

Тем не менее легенда не пустая. Припомним слово, произнесенное относительно него одной из сестер Лаврентьевых: "Говорили, что он и ФАРМАЗОН..." Заглянем в соответствующий том В.И.Даля. "Фармазона" нет, но есть ФАРМАСОН и тут же толкование его: происходит от французского "franc-mason", в речи с бранным оттенком употребляется в смысле вольнодумец и БЕЗБОЖНИК.

ФАНАТИЧНОЙ приверженности к церкви в нем не замечали в течение всего его нахождения в Орской.

Но это не значит, что церковь и ее служителей Шевченко обходил стороною или "разоблачал" на всех житейских перекрестках. По законам примитива можно рассматривать только примитив. Был он человеком своей эпохи - опередившим ее, но из нее не вырвавшимся.

"Белым пятнышком", увиденным в крепости при первом же взгляде на нее, оказалась "небольшая каменная церковь на горе".

Церковь возникла перед ним всего раньше.

3.

Был крепостной храм не каменным.

Из камня возвели его когда-то лишь по первый карниз, все же прочее делали из дерева - и купола, и фонарь, и крышу, и колокольню. Колокольню за ветхостью пришлось снять - могла, чего доброго, обвалиться. Обветшала не только она - в запустение приходило и все прочее.

Мудрено было не ветшать, если на содержание церковного хозяйства казначейство жаловало всего-навсего 3 рубля 49 копеек в год.

Построили Спасопреображенскую церковь в 1750 году. На казенный счет построили, старанием служившего здесь полковника Валиера. Поминали его добром в каждой клировой ведомости. Такое бы тщание видеть и от других, но со времени передачи храма в военное инженерное ведомство (произошло это в 1843-м) дела там шли хуже и хуже. Может еще оттого, что надумали, даже начали возводить церковь новую. Построят, освятят, а этой как и не бывало.

Та же клировая ведомость сообщала:

...земли при церкви нет (какая земля? вокруг только камень!)

... священник, дьячок и заштатный дьячок живут в домах собственных.

... содержание священнослужителей посредственно.

Сообщала и о приходе, о прихожанах:

- военных чиновников, с семьями, и нижних чинов - 921 человек мужского и 286 человек женского пола;

- гражданских чиновников - соответственно - 18 и 15;

- купцов и мещан - 19 и 22;

- дворовых людей - 28 и 33;

- крепостных арестантов - 30.

Итого - 1016 мужчин и 356 женщин, дворов же (включая казармы) - 67.

Что приход, что храм божий - не из первых. Скорее даже наоборот. В общем и целом - под стать самой крепости.

4.

Сызмала почитал он стариков - живых свидетелей истории, носителей памяти о минувшем. Седобородый Стефан Петров был едва ли не самым старым обитателем Орской и таким же ветхим, как сам этот храм на горе из яшмы. Пришел сюда совсем молодым, двадцати годов от роду, теперь подходило к восьмидесяти, а он и доныне каждый день облачался в привычный свой наряд, чтобы выйти к прихожанам со словом божьим. Сколько же событий и судеб, сколько людей разных перевидал здесь заштатный сейчас дьячок... Сколько их отпел, провожая с земли многогрешной на тог, никому не ведомый, свет, в жизнь загробную... Уходили ТУДА и невинные младенцы, но больше, чаще те, которых убила муштра, одолели болезни, привезли мертвыми после вылазок в степи. Годы, долгие годы жизни и службы не приглушили, казалось, голоса Стефана Петрова, и все так же звучно выводил он псалмы, всякий раз, наверное, уверенный, что непременно слышит его сам господь на небе.

В почтенных летах была и Варвара Павловна, исправлявшая должность просвирни. Унтер-офицерская вдова, одинокая как и дед Стефан, она не только пекла просвиры на всю паству, но и делала в церкви все для благолепия ее и утешения верующих. Сама бабка Варвара молилась с полным самозабвением, и не за себя молилась - за всех и каждого. Каждого тут было ей жаль, но особливо нижних чинов да крепостных арестантов - всего лишенных сирот...

Остальные в церковном клире отличались завидной молодостью. И прежде всего сам священник - Петр Михайлович Тимашев. Сын дьякона в Белебее, он учился в Оренбургской духовной семинарии, где в 1844-м, окончив курс, получил аттестат второго разряда. Несколько месяцев спустя, в 1845-м, его рукоположили в дьяконы, а чуть позднее в священники. Теперь отцу Петру было двадцать шесть, за два года прихожане к нему привыкли, вполне оценили и стать его, и голос, и доброту. Приметили и одобрили совсем молоденькую матушку, Анну Алексеевну, и их сыночка - трехлетку Евграфа, по общему признанию - сущего ангела.

Дьячок Петр Лебедев и пономарь Василий Беляев, оба чуть постарше священника, оказались в Орской один на год раньше, а другой на год позже Тимашева. Первый схоронил в Орской жену, умершую в родах, второй был все еще холост.

Трое в штате да двое заштатных - таким был "комплект" служителей православного Бога на всю эту крепость, от мира оторванную.

Шевченко знал их всех наперечет.

Зная по церкви, в которую захаживал сам и куда, в определенные дни, нижних чинов - всех, кроме иноверцев, - водили строем.

Встречал в домах, где приводилось бывать: мир, как говорится, тесен, а на таком ограниченном пространстве не разминуться и вовсе.

Церковь в Орской была у всех на виду. На виду был и Тимашев с причтом.

5.

Все наиболее заметные труды на эту тему имеют поразительно однообразные названия: Атеистические взгляды Т.Г.Шевченко... Шевченко - борец против идеализма и религии... Атеизм... Так и в "Шевченк1вському словнику". Уже заголовки выдают

заданность: во что бы то ни стало представить поэта вполне сознательным, по возможности стопроцентным, безбожником - человеком, существование Бога отрицавшим.

"Т.Г.Шевченко ясно понимал, что религия с ее проповедью смирения и повиновения, братолюбия к эксплуататорам и всепрощения является дополнением к помещичьему кнуту и самодержавному произволу..."

"Разоблачая и клеймя тиранию земного владыки - царя, Т.Г.Шевченко вместе с тем стремился развенчать и тиранию владыки небесного, именем которого освящалось все зло на земле..."

"Ряд произведений, а также высказываний свидетельствует о том, что Т.Г.Шевченко был воинствующим атеистом..."

Если бы было все так "ясно", как показалось это автору монографии, принесшей ему в свое время... Ленинскую премию! Не понадобились бы тогда крутые выражения и бесконечные ярлыки, вроде: "наглой клеветой является утверждение Драгоманова..." "националистический писака...", "матерый националист и мракобес..." Окрики и ярлыки не ведут ни к чему. Точно так же и эта самая заданность. Куда целесообразнее не афишировать в заголовках безоговорочный атеизм, а без спешки и предвзятости, ничто не замалчивая и ни от чего не убегая, с позиций правды разобраться в проблеме многоликой, обширной, фундаментальной - "Шевченко и церковь".

Задумались бы и над опытом его орским.

Не таким уж и "пустяковым".

Захаживал...

Не извинение ли звучит в этом неопределенном слове?

Надо же, мол, - Шевченко в церковь заходил, и не только по чужому велению, а сам по себе, по собственному своему желанию.

Захаживал...

Проходил поблизости и, как бы невзначай, переступал порог -вроде любознательного сегодняшнего туриста, которого поманила к себе неведомая экзотика.

Для него церковь экзотикой не была. Была она частью его жизни, хранилищем народной памяти о давнем, связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Тем местом, где можно думать о своем, изливать душу, предаваться мечтам.

Да, действительно, иной раз просто захаживал. От нечего делать. Без всяких чувств. Но подступала, наваливалась тоска и в церковь тянуло. Уже не забредал туда без цели - шел специально.

Вот один эпизод - он из собственноручного письма Шевченко к Варваре Репниной; воспринимать это место, как выражение его желания угодить глубоко религиозной корреспондентке, не склонен и не стану.

Итак, читаем: "Вчера просидел я до утра, и не мог собраться с мыслями, чтобы кончить письмо; какое-то безотчетное состояние овладело мною (приидите все труждающиися и обремененные, и аз успокою вы). Перед благовестом к заутрени пришли мне на мысль слова распятого за нас, и я как бы ожил, пошел к заутрени и так радостно, чисто молился, как, может быть, никогда прежде. Я теперь говею и сегодня приобщался святых тайн - желал бы, чтобы вся жизнь моя была так чиста и прекрасна, как сегоднешний день!"

Это было после праздника святого Тарасия - "его" святого, в канун "недели 1-й великого поста", отмечавшийся в тот високосный год 29 февраля 1848-го года.

Не о святителе Тарасии, патриархе Константинопольском, умершем тысячу с лишним лет назад, а при жизни своей отличившемся осуждением и усмирением иконоборческой ереси, утверждением безусловного почитания святых икон, думалось в день рождения солдату Тарасу, сыну крепостных и бесправному в свои тридцать три, - о кресте собственном, о будущем без просвета. При кончине святого обступили его черти и, напоминая патриарху всю жизнь его, от самой юности, обрушивали на него обвинения во

множестве совершенных им грехов. "Я неповинен в том, о чем вы говорите, - отвечал Тарасии. - Вы ложно клевещете на меня, нет у вас надо мной никакой власти". Нет у черных сил власти и над душою его, Тараса Шевченко, но над солдатом вправе глумиться всякий, и как еще глумятся те, под начало которых он отдан.

Дни раздумий над письмом из Яготина, письмом-молитвой, над жизнью своею, судьбой своею, и подготовили собственно всплеск чувств, которые особенно бурно проявились в субботу перед первым воскресеньем великого поста, о чем и читаем в февральском послании к Репниной. "Какое-то безотчетное состояние", - раздумывает над всем этим он. БЕЗОТЧЕТНОЕ, но ИСКРЕННЕЕ (как и все в поэте)! Под его пером совершенно естественно выстраиваются в ряд термины-действия церковные: благовест - заутреня - говенье – приобщение святых тайн; он знает о них не понаслышке, все это изведано им самим. И в церкви Орской тоже; здесь, быть может, даже острее, чем прежде. Была она первой церковью в солдатской, невольничьей его жизни - это одно. Другое, бок о бок была каждый день - непременная участница всех событий, происходивших в крепости.

Наблюдения орские, как думается мне, оказались полезными и тогда, когда в повести "Близнецы" писал Шевченко страницы, посвященные смерти на далеком украинском хуторе Никифора Федоровича Сокиры, а затем и возвращению туда знакомого нам лекаря Савватия. Он, автор, выказал не только знание религиозных процедур во всех деталях, но и живо зарисовал духовных лиц - в профессиональном их деле, в трапезе, в беседе.

"...Было говорено много о предметах, касающихся общежития, и также о предметах, касающихся философии и богословия. Особенно отец Никанор, молодой священник, говорил много, и все из писания, и все по-римски, гречески и еврейски, всех писателей христианской древности так и валял наизусть. Старцы, дивясь его великому гениусу, только брадами белыми помавали и значительно посматривали друг на друга, как бы говоря: "Вот так голова!"

В отце Никаноре видится мне не только отец Никанор (новопетровский священник Малиновский), но и "отец Петр" (Тимашев); оба -представители молодого поколения служителей церкви. О многом говорит свободное владение автором повести языком духовных книг и духовных лиц. Честно признаюсь, не слышал я прежде слова "помавали, пришла даже мысль, а не напутали в этом месте публикаторы; нет, подтвердил словарь Даля, все правильно - это давно забытое слово из лексикона церковного и означает оно "помахивали", "кивали".

Разумеется, вопрос о прототипе не из простых, догадками и предположениями тут не отделаешься. Но в пользу знакомства Шевченко с Тимашевым и другими Орскими служителями Бога говорит разное. Разное прямое и разное косвенное.

6.

С супругами Тимашевыми связана загадка "орских альбомов Т.Г.Шевченко", исчезнувших из поля зрения давно и до сих пор бесследно.

В сороковые годы нашего столетия петербургский историк Н.И.Мо-ренец познакомился с некой Н.Борецкой и, интересуясь всем шевченковским, взял на заметку то, что она сообщила.

А сообщила женщина о семейной реликвии - этих самых альбомах.

Борецкая была правнучкой Тимашевых. Она рассказала, что Анна Алексеевна, жена священника (упоминалось только ЕЕ имя, причем искаженно - Антонина), "встречалась с поэтом на домашних вечеринках во время .пребывания его в Орской крепости", и долгое время потомки хранили "два альбома с рисунками и стихами, созданными самим Шевченко и его товарищами - ссыльными поляками". Насколько Борецкой помнилось, "эти альбомы... оставались в их семье до 1927-1928 годов, а затем, вероятно, перешли к другим родственникам". Следы их с тех пор затерялись.

- По рассказам Борецкой и ее братьев, проживающих ныне в Свердловске, -

сообщал Николай Иванович, - основной альбом был размером около 200 х 130 миллиметров. Переплет его - твердый картон с ободком из кожи, покрытой серым некрашенным подкладочным холстом. Второй альбом - типа канцелярской книги. Обложка с лицевой стороны выкрашена масляной краской фисташкового цвета. На ней - розовая лилия.

- Почти все стихи, - передавал подробности исследователь, - были короткие, в несколько строф. Писались они в различных направлениях: одни вдоль листа, другие поперек, некоторые по диагонали, что вообще характерно для черновиков Шевченко. В альбомах находилось много рисунков, сюжеты которых взяты из жизни местного гарнизона - строевые учения, солдаты на фоне местного пейзажа. Один из рисунков изображал солдат, обедавших у котлов. Было и несколько автокарикатур Шевченко: пожилой солдат с полной армейской выкладкой на учении и другие, такого же характера.

- Рисунки делались карандашом, тушью и чернилами, и все сопровождались подписями, - узнали мы дальше. - Ни содержания стихов, ни подписей под рисунками никто из семьи Борецких не помнит.

Ну а где могли деться альбомы в последующие годы - после двадцать седьиого - двадцать восьмого?

- Какова дальнейшая их судьба? Наиболее вероятно, что около 1927 года при отъезде из Уфы мать Борецких, Александра Степановна, передала сундук с книгами, в котором, кроме книг и альбомов с открытками, могли быть и альбомы Т.Г.Шевченко, своим родственникам Аргентовским - Нине (Барановой), Ксении и Сергею Васильевичам, проживавшим в то время под Пензой, а позже в Москве, Ярославле и в Николо-Березовске. Не исключена возможность, что альбомы могла взять с собой в Ленинград и одна из сестер Борецких -Елизавета Александровна, проживавшая по ул. Писарева. В 1940 году она скончалась.

Следы альбомов, увы, утрачены. Навсегда? А может только до поры до времени?

Еженедельник "Литературная Россия" еще в 1965 году (N 20) призвал всех читателей к энергичным поискам исчезнувших материалов. Но никаких новых сведений за десятилетия, минувшие после публикации, не обнаружилось.

Раздумывая над "орскими альбомами", можно высказать замечания-предположения: первое - они не были чисто шевченковскими (или шевченковскими плюс польскими), а содержали в себе записи разных лиц и среди них - Шевченко ("рисунки и стихи"); второе - юная хозяйка дома, не достигшая еще и двадцати, не могла предлагать гостям два альбома одновременно, а значит в одном были представлены 1847^1848 годы, в другом же - 1850-й, когда поэта препроводили сюда на гауптвахту. (Тимашев, как известно из документов, "увещевал" его перед допросом следователем Чигирем, однако об этом речь пойдет в свое время).

Вопрос о судьбе альбомов не тревожить не может. Но разве маловажен сам засвидетельствованный памятью потомков факт добрых отношений Шевченко с молодым семейством Тимашевых?

7.

Ф.М ЛАЗАРЕВСКИЙ: "Лежал он ничком на нарах, углубившись в чтение Библии" (1847, июнь, Оренбург).

А.И.МАКШЕЕВ: "Единственная книга, которую Тарас Григорьевич имел с собою, была славянская Библия" (1848, май-июнь, поход к Аральскому морю).

С Библией не расставался и в Орской. Знал ее получше иного "отца-наставника". Но использовал отнюдь не начетнически. Никогда не начетнически... Библейские сюжеты, образы, выражения, мотивы служили раскрытию идей и мыслей новых, утверждению гражданского пафоса протеста и призыва, возвеличению борьбы за свободу и всего лучшего в людях, в жизни. Отшлифованная веками мудрость народа помогала творить сугубо современное, доводить его до сознания читателей, обходить всякого рода надзирателей, пуще всего боявшихся "возмутительного".

Вполне уверенно могу сказать: к Библии Шевченко относился как к великому памятнику мировой и отечественной культуры.

Шевченко и читал ее, и знал. Библия подсказывала ему темы стихов, сюжеты рисунков, доводы в письмах. Писал, к примеру, Лизо-губу - отсюда, из Орской: "ВСЯК ДРУГ РЕЧЕТ: СОДРУЖИХСЯ ЕМУ И АЗ: НО ЕСТЬ ИМЕНЕМ ТОЧИЮ ДРУГ". (Цитирует, обратите внимание, по памяти. Из чего это заключаю? В "Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова" - раздел 37, стих 1 - сказано чуть иначе: "... но есть ДРУГ именем точию друг". Сложный текст, а помнил НАИЗУСТЬ! - Л.Б.). Вот так теперь и со мною сталось. Бывало, в собаку кинешь - попадешь в друга, а как пришлось туго, святой их знает, куда они подевались!.. Если б они знали, что едино слово доброе теперь для меня паче всякой радости..." И там же, утешая друга в утрате дочери, прибег снова к строке библейской: "Давид хорошо сказал: КТО ВОЗ-ГЛАГОЛЕТ СИЛЫ ГОСПОДНИ; СЛЫШАНЫ СОТВОРИТ ВСЯ ХВАЛЫ ЕГО..."

О, Библию он знал, постулаты религии усвоил, церковные действия наблюдал и через себя пропускал, на себе испытал. Но чем больше вчитывался и вслушивался, чем глубже познавал, что деется в храме божьем, к чему зовет с амвона еще не изведавший жизни священник, тем чаще и острее прорывался его протест против религиозной неправды во всех ее проявлениях, против обмана людей именем Бога, проповедями смирения, увериениями в прелестях загробной жизни.

Только тому, кто ни во что не вникает, легко отрицать все и вся. Крестьянский сын Шевченко, от рождения бесправный, угнетавшийся, сполна изведавший невзгоды жизни, вникал в земное и божественное с одинаковой страстью, вгрызался в самое потаенное, глубинное, нередко спотыкался, останавливался в неведении, но продолжал думать, искать, постигать.

Для нижнего чина, и военного человека вообще, посещение церкви было делом обязательным. Следили "в оба", а за Шевченко, автором "возмутительных и пасквильных", тем паче. Но его храмом оставалась муза, поэзия. И как часто умудрялся уйти, уединиться - подальше уйти, подольше уединиться.

...Отак я, друже м!й, святкую

Отут недшеньку святую...

Ирония над собой? Горькая ирония!

Новая церковь в Орской была освящена только 6 декабря 1850 года. Шевченко — видел ее на разных стадиях постройки. Эта же, на горе, высилась всегда. И вспоминалась долго.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ БЕСТАЛАННОГО Т.ШЕВЧЕНКО"

1.

22-24 октября Шевченко написал чуть не полдюжины писем сразу. Не писал никому, не подавал о себе вестей, и вдруг будто прорвало -целым потоком разразился.

Что ж, всему свое время. Что-то, наверное, подтолкнуло и к письмам. Узнать бы, что именно. Так разве узнаешь, докопаешься? Скажем "обтекаемо": подтолкнула тоска.

Октябрь приближался к концу. Уже четыре месяца - ровно четыре - находился он здесь, в Орской. Было бы суждено - судьба могла и проясниться, и измениться. Надеялся на просветление ее, тешил себя надеждой, но в главном, в существенном перемен нет. Нет даже намека на них - все молчат... Приехал в жару нестерпимую, привыкать к ней стал, даже к песчаным бурям - "Орскому дождику" - притерпелся. Еще в сентябре - месяце теплом, благодатном - мог выбраться к реке -то на Урал, то на Орь. От воды веяло чистотою, прохладой. И вдруг -пронизывающие холода, мокрые ветра, пробирающие до костей. Не раз уже прорывался снег, вот-вот ляжет на долгие месяцы. И никаких известий... Как жить дальше? Что делать?

Самому чудно. А де ж дггись? Що д!яти, і що почать? Людей і долю проклинать Не варт, ш-богу. Як же жити На чужин! на самот!? І що робити взаперт!? Якби кайдани

перегризти, То гриз потроху б. Так не т1, Не Ті іх ковал! кували, Не так зашзо гартували, Щоб перегризти. Горе нам! Невольникам і сиротам, В степу безкра!м за Уралом.

"Что делать мне, с чего начать?" - вопрос этот не давал покоя. Молчать и ждать, ждать и молчать было уже не по силам.

Так пришел он к октябрьскому своему ПИСЬМЕННОМУ ВЗРЫВУ.

И опять - ПОЧЕМУ? Отчего молчал четыре месяца? Писать не позволяло настроение? Нет, полагаю, дело было не столько в настроении, сколько в причине объективной и куда более основательной. Какой именно?

Сам царь запретил ему ПИСАТЬ и РИСОВАТЬ.

Писать, по Далю, это "сочинять, излагать мысли свои, описания событий письмом". НИКОЛАЙ I ЛИШАЛ ЕГО ПРАВА ПЕРЕПИСКИ!

Вовсе не случайно вопрос о ней возник в ходе следствия 1850 года. Прикидываясь в отдельные моменты непонимающим и поелику возможно уклоняясь от вопросов каверзных, Шевченко отвечал: " О переписке моей начальству не объявлял, полагая, что писать и получать письма обыкновенные мне не запрещено, что мне и объявил словесно начальник штаба корпуса жандармов при объявлении конфирмации. (Знал, конечно: это "словесно" доказательством служить не может...). Особенного же позволения писать ответы не получал, и свидетелей при писании ответов не было". (Подполковник Чигирь спрашивал о свидетелях получения ПОЗВОЛЕНИЯ на переписку, а не самого ПРОЦЕССА писания, но "выгоднее" было ответить так).

О переписке следователь допытывался и у Мешкова. Батальонный, однако, выгоды своей ради, предпочел быть "заодно" с подследственным: "...распространялось ли запрещение на получение и писание Шевченко частных писем, мне ... не было известно, и в предписании за N 25-м об этом не сказано". К ответу на тот же вопрос призывались и другие, но результаты оказались аналогичными. Итог следствия подвел в своем рапорте военному министру генерал от инфантерии Обручев:

"Рядовой Шевченко на допросе показал, что о получении обыкновенных писем и отправлений от себя начальству не объявлял, полагая этовозможным, так как под именем запрещения писать разумел сочинения или рассуждения, не дозволенные законами..."

"Командующий Оренбургским линейным N 5-го батальоном майор Мешков, имея, как было предписано ему, строгий надзор за поведением рядового Шевченко и запрещении ему писать и рисовать, не был, как объясняет, известен о переписке его с разными лицами и не предполагал, чтобы упомянутое запрещение могло относиться к частным безвредным письмам..."

Шевченко понесет новое тяжкое наказание, с допустивших "послабления" взыщут, но это произойдет к осени ПЯТИДЕСЯТОГО, пока же... пока в октябре 1847-го он пускал "пробный шар".

Пускал не без одобрения и помощи доброжелателей своих, внушавших (и внушивших) ближайшему начальству мысль о том, что запрет к письмам не относится, а касается только стихов и прочего такого ВРЕДНОГО.

Факт тот, что станционный смотритель и почтмейстер Фейзуллин письма принял без особых возражений.

2.

Первые сугубо личные письма из Орской адресовал он Лизогубу и Репниной.

Уходиди они в одном пакете: письмо к Репниной должен был переслать по назначению Лизогуб.

Никакой крамолы письма не содержали.

"Частные безвредные письма" - как отозвался о переписке в целом генерал Обручев.

Но и они противоречили воле монаршей, выраженной достаточно определенно: НЕ ПИСАТЬ. Царский КАТЕГОРИЧЕСКИЙ запрет был нарушен.

К тому же писал Шевченко первому из своих адресатов на УКРАИНСКОМ - языке

своей "возмутительной" поэзии.

" Добродпо і дру же" - "благодетель и друг" - обращался он к Лизогубу Андрею Ивановичу, помещику в Седневена Черниговщине, знатоку, ценителю музыки и живописи, щедрой души человеку, с которым познакомился весной сорок шестого, а в последний раз виделся перед самым арестом.

"На другой день после того, как я от вас уехал, меня арестовали в Киеве, на десятый - посадили в каземат в Петербурге, а через три месяца я очутился в Орской крепости в солдатской шинели, - не чудо ли, скажите! Тем не менее оно так..."

(Даю в переводе с языка оригинала, по пятитомнику 1956 года, относительно точно передающему содержание, но, конечно, неповторимый колорит шевченковской речи в полной мере не доносящему).

"...И я теперь вылитый солдат ("точшсшький як той москаль"), которого нарисовал Кузьма Трофимович пану, увлекавшемуся ("що дуже кохався") в огородах..."

(Припомнился рассказ Квитки-Основьяненко "Солдатский портрет": этот самый Кузьма по заказу помещика нарисовал вместо пугала изображение солдата).

"...Вот вам и кобзарь! Захватил денежки, да и айда за Урал к киргизам веселиться. Веселюсь - чтобы никому не довелось так веселиться, да что делать! Надо клониться, куда клонит судьба. Еще слава Богу, что мне удалося укрепить сердце так... что муштруюсь себе и все..."

("От вам г кобзар! позабирав грошики та и шморгнув за Урал до киргиза гуляти. Гуляю! бодай ншому не довелося так гуляти, а що маемо робить! Треба хилитися, куди нагинае доля. Ще слава Богу, що меш якось удалося закрепить серце так... що муштруюся собі та и год!..."

ЗАХВАТИЛ ДЕНЕЖКИ?... Это о подписной плате за "Живописную Украину". Не виноват, но совесть мучает: наобещал людям добрым и... сгинул).

"...Жаль, что я не оставил тогда у вас рисунок киевского сада, ведь он и все, бывшие при мне, пропали у И.И.Фундуклея. А теперь мне строжайше запрещено рисовать и писать (окроме писем), тоска да и только..."

(КРОМЕ ПИСЕМ... Подчеркивает не случайно: он как бы упреждает удар, который может обрушиться на его голову, если письмо - в Орской, в пути или уже по прибытии - попадет в недобрые руки. А так: "не знал", "не догадывался". Уловка!).

"...Читать - хоть бы смеха ради одна буква, и той нет. Брожу над Уралом и...нет, не плачу, а нечто худшее творится со мной..."

Единственная просьба к Лизогубу: отослать дальше его письмо княжне Репниной и сообщить ей адрес для ответа. Адрес оренбургский: "Федору Матвеевичу Лазаревскому с передачей".

Поклоны, приветы. И - "не забывайте бесталанного Т.Шевченка".

Коротко, сдержанно, но какая полнота чувств... Он лаконичен и -душевно искренен. Искренен как в том предисловии к новому "Кобзарю", которое написал мартовским днем этого года в лизогубовском Седневе.

Предисловие было его обращением ко всем землякам: "До вас, слово мое, о браия моя украшська возлюбленная". Звал он "братию" как можно активнее работать.на пользу родной культуры, родного слова, которым чинят так много препон. "Велика туга осша мою душу..." Тогда это была печаль по поводу принижения патриотических чувств народа, попрания языка, умаления всего, что свято. "Щоб знать людей, то треба пожить з ними. А щоб іх списувать, то треба самому стать чоловіком, а не марнотрателем чорнила і паперу..." Эпиграфом к сед-невскому предисловию он взял строки из "Горя от ума" А.Грибоедова:

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Душа его исторгла стон о судьбе украинской литературы, низводимой стараниями

официальной критики и "патриотов-хуторян" на самые низшие ступени, далекой от интересов, чаяний, нужд народных. "Горе нам! Но, брат!я, не вдавайтесь в тугу, а молггесь Богу *і* работайте разумно, во !м'я матер! нашей Украши безталанноь.."

Теперь стон его и об Украине, и о себе. Тяжко ему в солдатской шинели, без права творить, на чужбине, "Ще слава Богу, що мен! якось удалося закрепить серце..." Его отчаяния враги не дождутся. Поймет ли это Лизогуб? Почувствуют ли из письма его земляки?

Весточку подавал не одному только Андрею Ивановичу...

3.

"Крепость Орская. 24 октября 1847". Так значится над письмом к Репниной - том, которое Шевченко вложил в пакет с адресом Лизогу-ба. Почему посылал не прямо в Яготин?

Репниной могло там не оказаться: уехала в Петербург... отправилась в Одессу... Обращался же к ней, и только к ней. Узнает Лизогуб теперешний ее адрес и позаботится, чтобы получила непременно.

Еще одной - и немаловажной - причиной отсылки двух писем в едином пакете могла быть осмотрительность человека, лишенного права писать. А вдруг на почтовой станции ведут СЧЕТ письменным отправлениям конфирмованных? Не поставят ли ему в вину БОЛЬШОЕ количество писем? Не осложнит ли его положение ЭТО?

"По ходатайству вашему, добрая Варвара Николаевна, я был определен в Киевский университет, и в тот самый день, когда пришло определение, меня арестовали и отвезли в Петербург, 22 апреля (день для меня чрезвычайно памятный), а 30 мая мне прочитали конфирмацию и я был уже не учитель Киевского университета, а рядовой солдат Оренбургского линейного гарнизона!

О как неверны наши блага,

Как мы подвержены судьбе..."

(Даты нуждаются в уточнении - хотя и не в них суть. Учителем рисования в Киевском университете министр народного просвещения граф Уваров назначил Шевченко еще в феврале, но известие об этом он и впрямь получить мог в день ареста. 22-е апреля было днем его выкупа из крепостной неволи; доставили арестованного в Петербург за пять дней до памятного числа, а допрашивали в первый раз накануне этой даты. Ну а поэтические строчки - рылеевские, из "Войнаровского"; приведены они по памяти, - вторая строка перефразирована) .

"...И теперь прозябаю в киргизской степи, в бедной Орской крепости. Вы непременно рассмеялись бы, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовищными усами, - и это буду я. Смешно, а слезы катятся..."

(В письмах Лизогубу и Репниной рисует он словесный свой автопортрет. Так и чувствуешь: зреет в нем, уже созрело, желание сотворить автопортрет в карандаше, а то и в красках. Ничто не убедит друзей лучше, чем изображение наглядное!)

"...Видно, я мало терпел в моей жизни. И правда, что прежние мои страдания, в сравнении с настоящими, были детские слезы; горько, невыносимо горько! и при всем этом горе мне строжайше запрещено рисовать что бы ни было и писать (окроме писем), а здесь так много нового, киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш, и я одуреваю, когда смотрю на них..."

(Ему уже невмочь сдерживать эмоции, таить чувства. Может сейчас, сидя над письмом, и сознает он в полной мере, чего лишен волею царя и стараниями его присных, к чему стремится душа художника, что ей недостает всего больше. И уже не остановить этот трагический монолог - пока не умолкнет сам, не остановится на самой взволнованной ноте).

"...Местоположение здесь грустное, однообразное, тощая речка Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется

бухарскими на верблюдах караванами, как волны моря зыблющими вдали, и жизнию своею удвоевают тоску. Я иногда выхожу за крепость, к караван-сараю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ, какие прекрасные головы! (чистое кавказское племя) и постояная важность, без малейшей гордости. Если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать - это такая мука, которую поймет один только истинный художник..."

(Галерея пейзажей, портретов, сюжетов... Необыкновенные, всех цветов и оттенков, краски... Жизнь народов и племен, не виданных прежде ни им, ни другими на Украине, - жизнь во всех ее проявлениях, всякий раз новых... Его мука обнажена как свежая, кровоточащая рана

- нет сил сдерживаться, можно только уйти в себя, или переключиться на другое - к примеру, на судьбу Кулиша и Костомарова, хотя что и говорить, с шевченковской сравнивать ее не приходилось: после года заключения оба будут жить, правда под надзором полиции, в центре России, служить в государственных учреждениях, выезжать куда пожелают. "Почитать себя счастливым" в сравнении с ними оснований у Шевченко не было).

"...Вот уж более полугода я не имею никакого понятия о нашей бедной новой литературе, и я просил бы вас, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнее сочинение Гоголя "Письма к друзьям", то пришлите мне, вы сделаете доброе дело, и, если можно, "Чтение Московского археологического общества", издаваемое Бодян-ским. Я мог бы выписать все это сам, но... пришлите, добрая Варвара Николаевна, это будет вернее, и Бог вам заплатит за доброе дело..."

(Кратчайшее отвлечение: сочувствие сопроцессникам своим - "у первого жена прекрасная, молодая, а у второго бедная, добрая старуха мать", и снова о том, что для него всего главнее. Раньше о живописи, теперь о литературе. Тяготит, что не может прочесть "Выбранные места из переписки с друзьями". Ее еще и в столицах читали немногие

- книга вышла в текущем, сорок седьмом. Прочесть же не терпелось. Как и очередной выпуск "Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских"; то, что вышло в 1845-1846 годах, читал с интересом и удовольствием).

Приветы, пожелания. Благополучия дому и - "иногда вспоминать". БЕСТАЛАННЫМ называет себя и тут.

"Княжне Варваре Николаевне".

Вот и весь адрес. Фамилия не значится нигде, в том числе в письме к Лизогубу.

Это еще одна причина пересылки окольной: одобрит ли письмо от "преступника" семья? согласится ли вести переписку сама?

... Что будет, то будет.

4.

Сердце сердцу знак подает.

В те же примерно числа (21-го) писал письмо в Орскую Лизогуб.

По страницам этого повествования разошлось оно уже многими своими строками, наступил черед последних и, наверное, самых для Шевченко важных.

Читая из рук Сажина полуофициальное письмо Шевченко к Фун-дуклею, Лизогуб почувствовал, что его приятель бросать рисования не намерен, и в первом же послании, полном проповедей-молитв, предложил свою помощь. Если тот пожелает, он "сделает, что сможет", чтобы переслать акварельные краски ("знаете, мой маленький ящичек, где все есть, Вам на память будет"), вышлет и пару кистей Шариона ("прямо из Парижа"). Только как, спрашивал, посылать: или на собственное его имя, или через коменданта ("как его величают и кто он такой"). Получит ответ - отправит и акварели, и "альбом чистый аглицкий", если нужно, то масляные краски, в общем все, "что только можно Вам получать, а мне посылать". Заверял: "ск!лько по силам - усе зроблю".

Их письма разминулись.

Узнают они это месяца два спустя - почта не спешила ни с печалью, ни с радостью.

Только 11 декабря Шевченко откликнется на дружеское предложение Лизогуба.

"Вы спрашиваете, брошу ли я рисование, - напишет он. - Рад бы бросить, да нельзя. Я страшно мучусь, потому что мне запрещено ПИСАТЬ И РИСОВАТЬ. А ночи, ночи - господи, какие страшные и долгие! - да еще и в казармах. Добрый мой друже! Голубе сизый! Пришлите ящичек ваш, где есть все, что надо, альбом чистый и хоть одну кисть Шариона. Хоть иногда взгляну, и все-таки легче станет..."

Просил, понятно, не для того, чтобы просто смотреть. "Рад я його покинуть, так не можна..." За этим "не можна" вполне определенное, сомнений не вызывающее: НЕ МОГУ.

Свое сокровенное он вынужден прятать. За-пре-ще-но... Неужто навсегда?

Но вернемся в октябрь - к письмам его тех дней.

5.

Из Орской сорок седьмого дошло до нас и такое, бодрое его стихотворение:

Ой стр!чечка до стр!чечки,
Мережаю три шченьки,
Мережаю, вишиваю,
У недшю погуляю...

Завзятая рукодельница расшивала нарядную плахту - подругам на зависть, парням на загляденье. Три ночи работы, зато какая радость в воскресенье!

Мережаю... Это слово применял он и к творчеству своему поэтическому. Помните: "Хоч доведеться розп'ястись! А я таки МЕРЕЖАТЬ буду Тихенько 6uiii листа"? Или в другом месте: "Книжечки МЕРЕЖАЮ та начиняю Таки в!ршами"?

Однако почему заговорил об этом тут?

В казарме лучшим временем для писем была ночь ("Мережаю три шченьки...") От писем в этом году отвык - особенно после ареста, с апреля. Теперь писал не без усилий, но с жадностью - ночи напролет.

Это, конечно, наивно, но двадцать второе - двадцать четвертое и есть три дня - три ночи. Потому, наверное, вспомнилось.

Остальные письма известны сейчас только в отголосках.

Писал ему, Шевченко, Алексей Чернышев, художник:

"...Письмо ваше от 24 октября сего года я получил, за которое весьма, весьма Вас благодарю - приложенные письма, по приезде моем в Петербург, будут отданы по принадлежности..."

В Оренбург, где Чернышев пребывал, письмо из Орской шло недолго, но корреспондент отозвался далеко не сразу: "причин тому решительно никаких не было, кроме лени, которою я могу гордиться перед всеми лентяями".

Письма в Петербург, ему препровожденные, оставались у Чернышева еще в середине декабря: никак тому не удавалось выехать - то не было попутчиков, то не устанавливалась санная дорога.

О чем iifta речь в письме к Чернышеву Алексею Филипповичу?

Сообщал о себе - коротко, вероятно. Интересовался результатами работы товарища-художника. Делился своими намерениями рисовать (вряд ли« прямо, но достаточно понятно). Просил, по возвращении в столицу (о возвращении знал), передать по назначению его письма и самому помнить о нем, страждущем в неволе, нуждающемся в помощи.

Отклик Чернышева: "Будьте осторожны, милый мой Тарас, в отношении рисования, т.е. не рисуйте, не нарушайте волю государя..."

Еще одно его предостережение:" ...в Орской крепости есть какой-то арестант из сенатских чиновников, который имеет страсть писать доносы..."

Насчет последнего я подробно писал в одной из предыдущих глав, посвященной в основном Владимиру Зиньковскому - по мнению моему, этому самому "арестанту".

Более подробный ответ на письмо к Чернышеву Шевченко получил устно, когда в

Орскую приехал д'Андре.

А другие письма - еще три, может два, может четыре - кому предназначались, каким адресатам?

Адресатов тех можно только "вычислить", причем сугубо приблизительно - на основе переписки, на этот раз с М.МЛазаревским; Шевченко (в декабре) просил его выяснить у Чернышева, пораздавал ли он письма и " что ему сказали, получив эти письма". Обязательный Лазаревский просьбу выполнил, с Чернышевым встретился и вскоре написал, правда неутешительное.

Одно из писем, судя по ответу, предназначалось К.П.БРЮЛЛОВУ. Но "Карл Павлович только повел плечами... да верно уже забыл и про то, что повел".

Второе из порученных Чернышеву обращений адресовалось В.А.ЖУКОВСКОМУ. Увы, он оказался в Дюссельдорфе, а то "может быть, и не одними плечами, так горюшко, что очень далеко".

"У Дубельта и Даля Чернышев еще не был - что скажут ему, сразу тебе отпишу..." Значит, похоже, писал еще В.И.ДАЛЮ и Л.В.ДУБЕЛЬТУ. Личное, а точнее полуофициальное, обращение к управляющему III отделением подтверждено самим Шевченко. Подтверждение это относится к январю 1859 года, когда в Петербург ушло письмо, начинавшееся так: "Поход в Киргизскую степь и двухлетнее плавание по Аральскому морю дают мне смелость ВТОРИЧНО(!) беспокоить ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою..." Просил все о том же - ходатайствовать перед монархом об "одной великой милости, ПОЗВОЛЕНИИ РИСОВАТЬ". Умолял помочь ему в возвращении права оставаться художником, заниматься тем, к чему влекло (и что не мог он делать украдкой), в конце концов - зарабатывать рисованием, живописью на жизнь (и этот вопрос не волновать его не мог - деньги, которыми располагал, подошли к концу).

Надеялся: дозволение рисовать станет шагом и на пути к свободе, к освобождению от тяжких обязанностей солдата, всех прав лишенного.

Ни на одно из писем ответа не последовало. Но... ШЕВЕЛЕНИЕ произошло. В.А.Перовский, к примеру, впоследствии рассказывал Герну: "Мне Чернышев (художник) еще в Петербурге говорил о Шевченко, и я готов был сделать для него все что можно, - попросил для этого у Дубельта подлинное о нем дело, прочел его сам от доски до Доски и убедился только в том, что мне за него вступиться и просить об нем государя нельзя!"

О переписке по этому вопросу рассказано будет в свое время -забегать вперед тут не к чему.

Жаль разумеется, что не отысканы те письма, из 22-24 октября. Но теплится надежда: еще могут и найтись. Архивные фонды, особенно личные, шевченковедами исследованы не до конца.

По тракту в Оренбург почту из Орской отправляли два дня в неделю - по четвергам и воскресеньям; принимали ее, как было известно всем, до двух часов пополудни. Не успел ко времени - жди оказии следующей

Бдижайшим почтовым днем после двадцать четвертого было воскресенье, 26-го.

Теперь оставалось только ждать. И надеяться - на ответы, на помощь.

ЖИЗНЬ И ЛЕГЕНДА

1.

Холера до Орской в сорок седьмом не добралась. Свой "урожай" она еще снимет, но это будет уже следующим жарким летом.

Ожидание губительной эпидемии пугало всех, крепость полнилась слухами, притом небезосновательными. Как вспоминал И.Ф.Бларам-берг: "к нам незаметно подкрадывался... страшный враг, вызвавший огромные опустошения по всей России и особенно в Оренбурге, - холера, которая быстро шла от Каспийского моря на север, по Волге и Уралу".

Но в крепости жили обычно одним днем, далеко вперед предпочитали не заглядывать, потому-то Шевченко и торжествовал: "Холера, благодарение Богу, обошла нашу пустыню, а ходила близко". Так он писал 11 декабря Лизогубу, откликаясь на письмо его, посланное 21 октября и дошедшее только сейчас.

Куда больше, чем неведомая пока холера, волновали болезни "реальные", в него уже вцепившиеся.

"Чтоб и врагу моему лютому не довелося так терзаться, как я теперь терзаюсь, - читаем в том же письме Лизогубу, - И вдобавок надо было еще и захворать, осенью мучил меня ревматизм, а теперь цинга, у меня ее отродясь не было, а теперь такая напала, что даже страшно".

Десять дней спустя, 20 декабря, делился с М.Лазаревским, уехавшим на Украину и в Петербург: "Кроме того, что не с кем искренним словом перекинуться, кроме тоски, впившейся в сердце как лютая змея, кроме всех бед, терзающих душу, Бог покарал меня еще и телесным недугом: заболел я сперва ревматизмом, тяжелый недуг, да я все-таки понемногу боролся с ним, и врач, спасибо ему, малость помогал, и то, что я прозябал хотя и в отвратительном, но все же вольном жилище... а тут привязалась ко мне цинга лютая, и я теперь как Иов на гноище, только меня никто не навещает. Так мне теперь тяжело, так тяжело, что если бы не надежда хотя когда-нибудь увидеть свою бесталанную родину, то молил бы господа о смерти..."

Болезни впились в него не для того, чтобы отпустить скоро.

"...как одаренного крепким телосложением определить рядовым..."

Царская похвала его здоровью звучала насмешкой. Будто дразнил всесильный "государь-батюшка", с высот своих 'спрашивал: ну что, поэт, а'такое ты вытерпишь?

2.

Часто вспоминаю здесь Даля, теперь же, опять прибегая к его знаменитому словарю, считаю нужным напомнить, что был он не только выдающимся лексикографом, но и опытным врачом.

Как же толкует ревматизм доктор Даль?

"Простудная ломота в мышцах и сухожилиях".

Станем ли упрекать медика пушкинско-шевченковских лет в том, что его формулировка далека от сегодняшней? Ведь и рождалась она тогда, во времена Шевченко=Даля!

Резкая перемена климата. Условий жизни. Характера занятий... Перегревы на плацу и переохлаждения в карауле... Недолгие, но бурные августовско-сентябрьские дожди: промокнешь - не согреешься... И каждый сустав болит, все тело ломит - прямо-таки беда!

Лечение? Конечно есть. Постельное содержание, препараты салициловой кислоты, пирамидон с анальгином, бутадион, болеутоляющие мази, тепло, особенно ультрафиолетовое облучение, на больные суставы; при хронических формах - сероводородные ванны Сочи-Мацесты, родоновые в Цхалтубо...

Но, полноте, забыл, видно, автор, в каком году все это происходит, где именно и с кем. Ничего, или почти ничего из перечисленного по современному справочнику ни у Шевченко, ни у лекаря Орского НЕ БЫЛО.

"Понемногу боролся" с недугом сам - благо жил не в казарме, а в наемной квартире. Тут можно было бы хотя бы согреться, отлежаться, сквозняков избежать, да и просто спрятаться от глаза докучливого. Что у хозяев домика, Даутовых, что у приятелей его Лаврентьевых были свои "первейшие средства" - то травы, то настойки, то мази. Поили, натирали. "И врач, спасибо ему, малость помогал..." Помогал уже тем, что освободил на время от караулов и прочих обязанностей по службе, а еще авторитетом своим утвердил всякого рода снадобья, доставлявшиеся больному доброхотами.

Единственным практикующим врачом на всю крепость был Козьма Борисович Богославский - штаб-лекарь, надворный советник и, судя даже по чину, человек не молодой. Когда медик Сокира, приехав в Орскую, "пошел познакомиться к собрату по

науке", тот ему "показался... чем-то вроде жердели спелой". Жердель (жерделе), по Далю, это "дерево и плод абрикос": Савватию бросилась в глаза желтизна лица коллеги. Шевченко со временем мог узнать его получше - встречался с ним, должно быть, и у Александрийских, и у других здешних обитателей. По некоторым сведениям из архивов, Богославский общался с отданными в службу "политическими" не только как врач с пациентами, но и не по должностной инструкции.

...И все же главным (по мысли самого Шевченко!) было "вольное жилище". Но нежданно-негаданно право жить отдельно у него отняли. В декабрьском письме к Лазаревскому, цитируя его, я снял конец одного из предложений. А звучит он горько, пронизан болью: "...так, видите, чтоб я не нарисовал (мне ведь рисовать запрещено) своего недуга (углем в трубе), то и сочли за благо перевести меня в казармы".

УГЛЕМ В КОМЕНІ... Ирония его - над участью собственной -прямо-таки беспощадная.

3.

"Простудная ломота" была лишь преддверием. Боли в суставах в конце концов утихли, почувствовал себя почти здоровым, но скоро навалилась на него другая напасть, - цинга, по иному скорбут. По тому же толкованию: "худосочная болезнь, или порча и разложение крови". В Орской, особенно среди солдат и арестантов, была эта хворь не гостей - хозяйкой. Вольготно гуляла себе среди смрада казарм. "Климат и дурная пища цинготят",- читаем в словаре. Условия климатические усугублялись казарменными (хотя и писал: "К трубкам, вони и крику стал я понемногу привыкать"). Ну а еда... Еда была такой, что хуже не придумаешь. Мудрено ли от нее заболеть, если просто картошка и просто капуста представлялись редкостью? И за собственные деньги, которых уже не оставалось, не купил бы тут ни яблок^ ни ягод, ни первейших лекарств - чеснока да лука. Завозили их реже редкого, а на месте почти не взращивали - утверждали, что не растет... У Шевченко стали кровоточить десны и шататься зубы; по телу рассыпались нарывы ("краснушные нарывы", как обозвал сам). Особенно много было их на ногах.

От лазарета теперь не отказался бы он ни коим образом. Но в Оренбург со скорбутом нижних чинов не отправляли, в Орской же ни госпиталя, ни даже полугоспиталя не было. Передо мною план крепости тех времен. Все там помечено, даже "отхожие места". Медицины же - никакой. Правда, уже знаю, что "бывшая баня с прачечною", по настоянию Богославского, была с некоторых пор превращена в карантин, или изолятор. И то лучше, чем маяться мучительной своей болезнью на нарах многолюдной вонючей казармы.

Знакомые поляки каким-то чудом достали пару лимонов; у Александрийского оказался домашний настой шиповника; Лаврентьевы запаслись капустой и убеждали, что именно в ней "вся сила". Цингу, однако, побороть было не просто; впилась в него хваткой цепкой - не оторвешь, не отбросишь.

Жаловался Михаилу Лазаревскому: "...сткала мене цинга лютая, і я тепер мов 1ов на гноищ..."

В Библии он перечитывал "Книгу Иова".

4.

"Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив, богобоязнен и удалялся от зла..." За добрые качества наградил его Бог детьми, богатством и полным благополучием. Но позавидовал Иову сатана, оболгал его перед господом; испытания ради напустил тот на раба своего тяжкие беды. Огнем и мечоч были уничтожены стада и дома, лютой смертью погибли сыновья и дочери. "Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери своей, наги возвращусь. Господь дал, господь и взял..."

Сатана не унимался. От лица Бога, пущего испытания ради, он "поразил Иова проказою лютою 'от подошвы ноги его по самое темя его". Взял Иов "черепицу, чтобы

скоблить себя ею, и сел в пепел". Преданная жена уговаривала мужа: откажись от непорочности своей, похули всевышнего и смерть избавит тебя от страданий. "Сам ты сидишь в смраде червей, проводя ночь без покрова, а я скитаюсь..." Но ничто не могло поколебать этого человека...

...І я тепер мов 1ов на raoiuji, тшько мене шхто не провщае..."

"...только меня никто не навещает..."

Услышали о несчастьях Иова трое друзей его и, оставив свои дела, пошли к нему, каждый из своего места: "... и сошлись, чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его". Не узнали они друга поначалу -так преобразила беда. "И разодрал каждый верхнюю одежду свою, и бросили пыль над головами своими к небу. И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико. После того открыл Иов уста свои и проклял день свой..."

"...Так мен! тепер тяжко, так тяжко..."

"...если бы не надежда хоть когда-нибудь увидеть свою бесталанную родину, то молил бы господа о смерти..."

Рядом с Иовом были друзья: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхе-янин, Софар Наамитянин. Утешали его всячески, спорили с ним, убеждали страдальца, порицали того, кто обрек его на мучения. Но человек этот, их друг, стоял на своем.

Иов говорил им: "Как раб жаждет тени, и как наемник ждет окончания работы своей, так я получил в удел месяцы суетные, и ночи горестные... Тело мое одето червями и пыльными струнами; кожа моя лопается и гноится. Дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды".

Но... надеялся и утверждал: "доколе не умру, не уступлю непорочности моей". И продолжал: "Крепко держал я правду мою и не опущу ее; не укорит меня сердце мое во все дни мои. Враг мой будет, как нечестивец, и восстающий на меня, как беззаконник".

Победил Иов своей стойкостью в вере. Вопреки всему - победил. И вернулось ему все утраченное, и жил он после того еще сто сорок лет, и умер "в старости, насыщенный днями".

...благав би господа о смерти
Так Дншро крутоберегий
І над!я, брате,
Не дають мен! в невол!
О смерт! благати.

Стихотворение, получившее позднее посвящение (и название) "А.О.Козачковському", уже было написано. Теперь он, Шевченко, впервые доверял письму родившиеся в Орской строки - доверял такими, какими появлялись они изначально. Не пояснял, что свое, что новое - просто вписывал в текст письма.

Лазаревский слышал стихи эти, в полном их виде, и от самого Тараса.

"Приезжая довольно часто в Орскую по делам службы, я всегда навещал Шевченко и видел тогдашнюю его жизнь в казармах..." Не мог объехать крепость стороною и отправляясь в дальнюю дорогу: на Украину... в Петербург...

5.

"...Иногда так мне тоска сердце сдавит, что (не стыдясь сказать) даже заплачу.

Ежели б обо всем том рассказать, что я терплю теперь по любви и милости Бога, то и за неделю не рассказал бы. Ну его! Пусть это снится тому, кто людям добра не хочет..."

Эти строки (тут они в русском переводе) следуют сразу за стихотворной строфой и снова возвращают к...Иову, упомянутому им отнюдь не бездумно, не без умысла.

Плакал и многострадальный Иов, ведя речь свою, обращенную к Богу. "Не плакал ли я, - вопрошал он, - о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных? Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма. Мои внутренности кипят и не перестают; встретили меня дни печали. Я хожу почернелый, но не от солнца; встаю в собрании и кричу... И цитра моя сделалась унылою, и свирель моя - голосом плачевным..."

Шевченко сравнивает себя с Иовом, его мучения - со своими. Он будто просит адресата: прочти, или хотя бы полистай, "Книгу Иова" -это и обо мне, о страданиях моих, о том, что постигло меня. "Семь дней и семь ночей" продолжался разговор библейского мученика с его друзьями. "И за неделю не рассказал бы" о себе Орский солдат-невольник.

"Цур же йому", - бросает он в Бога.

"Нехай воно сниться тому, хто людям добра не хоче", - это уже о царе с вельможами.

Снятся страшные беды Иова.

Снятся горести, которые испытывает сам "по любви и милости милосердного Бога".

Иов истязателям своим прощает все. Шевченко не простит ничего. Надеется не на Бога, да и не на царя тоже - на притягательную силу родной земли, всемогущее чувство верности народу, которому поэзия его нужна, а стало быть нужен сам. Не забудут ли его на Днепре? Только бы не забыли!..

Речет бедолага Иов:

- Почему не сокрыты от вседержителя времена и знающие его не видят дней его? Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя. У сирот уводят осла, у вдовы берут в залог вола,, бедных сталкивают с дороги, все уничиженные земли принуждены скрываться. Вот они, как дикие ослы в пустыне, выходят на дело свое, вставая рано на добычу; степь дает хлеб для них и для детей их; жнут они на поле не своем и собирают виноград у нечестивца; нагие ночуют без покрова и без одеяния на стуже; мокнут от горных дождей и, не имея убежища, жмутся к скале; отторгают от сосцов сироту и с нищего берут залог...

Думается... о многом думается... Нет, это не случайно оброненное: "мов 1ов на гноищ". За словами сравнения - и скорбут его, и скорбь, и бесконечная дума.

О думи мо1! о славо злая! За тебе марно я в чужому краю Караюсь, мучуся... але не каюсь!.. Люблю, як щиру, в!рну дружину, Як безталанную свою Вкрашу! Роби щр хочеш з темним зо мною, Т1лко не кидай, в пекло з тобою Пошкандибаю...

Обращался Шевченко к горемычной своей поэзии.

"Так мне теперь тяжело, так тяжело..."

Тяжесть-судьбы переплавлялась в стихи. Были они и главным его лекарством от набросившихся на него болезней.

...А с болезнями, приобретенными в Орской, маяться ему до конца дней.

Д'АНДРЕИ ДРУГИЕ

1.

Декабрь принес ему приятное знакомство.

"Вручитель этого письма Лев Иванович д'Андре, с которым я хорошо знаком, прошу и Вас последовать моему примеру, он прекрасный человек и большой любитель до изящных искусств - даже сам немного занимается живописью - он брал уроки в Петербурге у нашего общего знакомого Николая Ивановича Тихобразова..."

Писал Алексей Чернышев. Письмо от него, по расчетам Шевченко, должно было уже прибыть из Петербурга, но оказалось, что с выездом задержался и все еще остается в Оренбурге. Впрочем, об этом речь уже шла - и о поручениях шевченковских, и о надеждах его, и о том, как они исполнялись. Теперь - о встрече, действительно необыкновенной. Еще бы, перед ним возник человек, причастный к Академии художеств и бесконечно дорогому для него искусству - в этой глухомани первый!

Носитель французской фамилии, но по всем статьям православный и русский, был он из Петербурга родом, в дорогом им обоим Питере рос, учился, служил. Закончив Санкт-Пербургскую гимназию, дворянский сын с похвальным аттестатом поступил в канцелярию столичного генерал-губернатора, отличился как канцелярист, стал помощником правителя, однако, перешагнув за двадцать, задумался над тем, как будет

жить дальше. И вскоре подал прошение об освобожт дении, чтобы уехать в далекий Оренбург. Рекомендации были самыми добрыми, толковые чиновники здешней губернаторской канцелярии требовались - на двадцать первом году жизни (в 1840-м) его зачислили в столоначальники, а несколько месяцев спустя, в апреле сорок первого, Перовский взял д'Андре в чиновники особых поручений.

Совсем скоро главным начальником края стал Обручев. Не огорчить его это не могло, но службу свою продолжал с прежним рвением. Долгое время был при сенаторе Пещурове - он производил ревизию Оренбургской губернии, а это потребовало длительных поездок по землям башкир, казахов и других народностей, по городам, крепостям, селам на севере и юге, западе и востоке.

Самым серьезным образом заинтересовала его этнография. Когда весною 1845-го д'Андре перевели на службу по ведомству Азиатского департамента, а вслед за тем предоставили возможность поехать в Петербург, где не был целых пять лет, отправился он в родной свой город с проектами разными, в том числе и совершенно неожиданным. Заключался этот проект в ознакомлении воспитанников Академии художеств "со странами..., находившимися почти в неизвестности".

Академия предложение приняла, а чиновник медлить не стал. В апреле следующего, сорок шестого, в столицу были отосланы "слепок с головы одного киргиза, маска киргизской женщины, а также слепки с ее рук и ноги". Это, как утверждал профессор Г.Н.Чабров, была "первая в истории русской антропологии и этнографии документально достоверная объемная фиксация особенностей этнического типа определенной народности". Совет Академии выразил д'Андре благодарность и одновременно попросил его "ознакомить с рисунками, во время бытности... в Оренбургском крае сделанными". В Петербурге благодарили и за другие присылки, но тут же напоминали о желательности получения "рисунков народов, костюмов и пр. Оренбургского края и смежных с оным мест". Этнографические слепки, доставшиеся Льву Ивановичу ценою особых усилий ("натурщики с трудом дозволяют снимать с себя формы"), художников интересовали меньше, чем непрофессиональные, даже примитивные зарисовки с натуры.

Д'Андре, думается, рисунки свои цени;! не высоко. С отправкой их явно не спешил, заверяя, что просьбу "касательно рисунков, костюмов и прочего" выполнит во время предстоящих с весны 1847 года новых поездок по степям. Обещание помнил, вернулся нес пустыми руками, да только в Академию посылать зарисовки не стал: почувствовал охлаждение к себе и своему делу, а потому сношения с художественным Олимпом прекратил. Слепки же, им сделанные, попали в академический музей скульптуры и определенное время использовались. Довольствоваться можно было и этим. Для искусства он свое сделал.

Их многое объединяло: любовь к живописи... Академия художеств... общие знакомые в мире искусств: Чернышев, Тихобразов, другие...

Неожиданному знакомству Шевченко наверняка был рад.

2.

Попытаться их встречу, их беседу РЕКОНСТРУИРОВАТЬ?

Не сочинить в традициях художественной прозы, а именно ВОССТАНОВИТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНО?

Но ведь ни воспоминаний, ни документов на сей счет нет. Мы даже не знаем, зачем д'Андре приехал в Орскую, к кому и с каким поручением.

Один источник - все то же письмо А.Ф.Чернышева, датированное 2-м декабря 1847 года.

(Кстати, обратим внимание, как оно начинается. "Любезный друг г.Шевченко!" - отнюдь не свидетельство полной их, дружеской близости. Да ее, пожалуй, и не было; доброе знакомство, обоюдная симпатия, но не распахнутость, обнаженность чувств, как в некоторых других известных нам случаях).

А все-таки письмо, врученное ему в первых числах декабря, убеждало: посланцу

МОЖНО ВЕРИТЬ, он ДРУЖБЫ ДОСТОИН.

Реконструкцию документальную, как равно и художественную, не обязательно начинать с обмена приветствиями, а заканчивать словами прощальными. Чаще достаточно и отдельных штрихов.

Так вот о встрече этой - чем порадовала? что принесла?

...Принесла письмо от Чернышева. Пусть не из Петербурга, но -желанное. Столичных вестей в нем не было, однако, верилось, ждать и надеяться стоит. Надежда не угасала. В его положении тешило уже это. "Будьте тверды духом и уповайте на Бога..."

...Чернышев порадовал приветами. От милого своего семейства. От Дмитрия Генса: "он целое лето жил во внутренней Орде киргизов и недавно только что приехал".

...Собрат по искусству делился результатами художественных занятий. Конечно, он хитрил, жалуясь на неудачное, якобы, лето: "совестно даже говорить, - писал о сделанном, - потому что очень мало". Мало "воспроизвел"? Судя по перечисленному в том же письме, поработал вовсе неплохо.

...Письмо несло предупреждение о некоем соглядатае, который, если Шевченко будет рисовать, настрочит донос и причинит ему новые беды. Меж строками - надежда на то, что дозволение рисовать придет сверху. А, может, это ему только сдается?

Значит, встреча обрадовала письмом. Но и письмо обернулось встречей, притом не пустой какой - на редкость богатой интересным.

...Новый его знакомец брал уроки у Тихобразова? Николая (или, как пишет Чернышев, уже Николая Ивановича) он помнил еще по рисовальным классам Общества поощрения художников, пятнадцатилетним юношей. Осенью 1835-го комитет Общества под председательством графа Мусина-Пушкина-Брюса рассматривал их рисунки на одном и том же своем заседании и вынес по ним одинаковое решение: считать те и другие "заслуживающими похвалу", а их, "посторонних учеников", ИМЕТЬ В ВИДУ НА БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ. Позже они встречались на занятиях в Академии художеств, вместе сдавали месячные экзамены, участвовали в выставках. Их обоих хвалил, а когда считал нужным, то и ругал, строгий учитель Карл Брюллов. В последний раз виделись с год тому назад. Тогда Тихобразов мечтал об Италии, о картине, которая принесет звание академика живописи. И вот он в Риме - дай Бог ему успеха. Его же "Италия" тут, на краю света, причем без права брать в руки кисть. ...Д'Андре бывал в Академии, у Тихобразова, и не только у него, и в тридцать девятом, и в сороковом, наведывался туда во время отпуска в сорок пятом, знал многих художников и скульпторов - одних лично, других по работам. Им было о чем вспомнить и о ком поговорить. Добрым словом помянули безвременно умершего Штернберга. Гость признался, что оренбургские работы покойного друга Шевченко во многом способствовали его решению отправиться в этот край, увидеть все своими глазами, послужить здесь на благо отечеству, его искусству и науке. С удовольствием рассказывал об экспедиции прошлогодней. Три летних месяца в переездах по степи дали материал обильный. (Это видно из дела Оренбургского архива, собравшего под одной обложкой поистине бесценные сведения о нравах и обычаях казахов; вошли в подшивку заметки не только д'Андре и ездившего вместе с ним Д.Генса, но и других чиновников Пограничной комиссии - Аитова, Биглова, Александрийского) .

...К Александрийскому Лев Иванович и приехал: на его дистанции было неспокойно, злонамеренные султаны и бии беспрерывно мутили воду, провоцировали столкновения, а от всего этого страдали мирные кочевники. Зашел разговор о Пограничной комиссии, и будто сами по себе возникли в нем Лазаревский, Левицкий, Гене, Ладыженский -люди, для которых Шевченко не был чужим. "И генерал Ладыженский?" Да, председатель Комиссии спрашивал о нем у Ф.М.Лазаревского... Об Александрийском д'Андре говорил с большим уважением. Он видел в нем и ученого-востоковеда; особенно высоко отзывался о его трактате "Замечания о суде и расправе киргизов, о правах лично-имущественных и семейных, некоторых обрядах и обыкновениях их" (труд поныне хранится в архиве Оренбурга). Слышать такое о добром

знакомом ему, Шевченко, было приятно.

...Снова и снова разговор перебрасывался на близкое им, несказанно-дорогое искусство рисования. Гость подтвердил: Чернышева действительно мучила болезнь глаз, но рисунки его заслуживают всяческих похвал - что этюды к картине, что акварели и сепии, запечатлевшие киргизов и бухарцев, что виды степи за Меновым двором. Алексей Филиппович хорошо понимает, как тяжко талантливому художнику выдерживать высочайший запрет рисовать, но если сейчас он ослушается, то никто уже не сможет ему помочь; теперь же Чернышев надеется на успех хлопот за него в Петербурге, верит в то, что РИСОВАТЬ ему позволят. Однако, упаси Бог, пойдет в Оренбург, или даже в столицу, донос о нарушении царской воли - все надежды прочь, пойдут прахом.

От д'Андре и услышал Шевченко не доверенное письму имя "арестанта из сенатских чиновников, который имеет страсть писать доносы". Зиньковский?! Нет-нет, это ошибка, за него он готов ПОРУЧИТЬСЯ. И рассказал обо всем, что знал о несчастном, заживо погребенном человеке - безвинной жертве сильных мира сего, в чьих руках и суд, и расправа. Лев Иванович горестно вздохнул. Не вызывать тяжкого вздоха судьба Зиньковского не могла.

... Но вам эта история уже знакома по одной из глав предыдущих. Пришлось сейчас к слову - напомнил.

3.

Штернберг...Штернберг... Саднящей болью отзывались воспоминания о нем в сердце. Уже два года он, умерший в Италии, сведенный в небытие злой чахоткой, лежал в могиле на чужой стороне, а Шевченко никак не верилось, что нет его в живых - совсем молодого, навсегда двадцатисемилетнего, удивительно талантливого, полного дерзких планов друга-художника.

Пощеш далеко, Побачиш багато; Задивишся, зажуришся, -Згадай мене, брате!

Тогда, ранним летом сорокового, он писал эти строки на только что вышедшем "Кобзаре", не думая, что видит Василия в последней раз и встретиться им больше не суждено.

Вроде и не долго продолжалась их дружба, года два, не больше, а вспоминались тридцать восьмой - сороковой не иначе как со Штернбергом вместе. На одной квартире жили, на одних вечерах бывали, даже портреты и те рисовали друг с друга. Портреты часто шаржированные - жили с улыбкой, тоже, кажется, одной на двоих. Оба любили Украину. Фронтиспис в "Кобзаре" - том, который сейчас отовсюду изымали, - офорт его, верного товарища, внимавшего шевченковским стихам с чувством непередаваемым. "1вана Пщкову" Штернбергу и посвятил. "Було колись - в Украш! Рев1ли гармати; Було колись -запорозщ Вмши пановати..." Где друг? Где его "Кобзарь с поводырем"? Где золотые дни их молодости?

Вспомнилось, как узнал о поездке друга в места его нынешней неволи.

" - Позавидуй ...мне, - сказал он. - Меня приглашает генерал-губернатор Оренбургского края к себе в Оренбург на лето, и я был сегодня у Владимира Ивановича Даля, и мы условились уже насчет поездки. На будущей неделе - прощай! - Меня это известие ошеломило..." ("Художник").

Проводив Штернберга - "чуть-чуть не в слезах", Шевченко с нетерпением ждал от него вестей, но всего.больше - его возвращения. Оказалось оно такой же неожиданностью, как и сама поездка. "Ночь, разумеется, прошла в расспросах и рассказах. На рассвете Штернберг изнемог и заснул, а я, дождавшись утра, принялся за его портфель, такую же полную, как и прошлого года он привез из Малороссии. Но здесь уже не та природа, не те люди. Хотя все так же прекрасно и выразительно, но совершенно все другое..." (Из названной выше повести).

СОВЕРШЕННО ВСЕ ДРУГОЕ... Тогда-то впервые УВИДЕЛ этот край, изъезженный его другом вдоль и поперек. А ведь Штернберг был и в Орской (рассказывал как ехал с Далем к Златоусту), но тут, похоже, и альбом не вынимал - по крайней мере,

зарисовок крепости он не видел. А если бы видел? Мог себе вообразить, что забросит его сюда тяжкий жребий?

В начале 1840-го Василий выставил свои работы в Академии. "Художественная газета" тогда писала: "Этюды и рисунки карандашом -истинно превосходны!" То, что отражало Хивинский поход, забрал себе губернатор Перовский. Но как много было степных пейзажей и типов живой жизни, полной экзотики, во всем неведомой. Новые люди и фигуры, непонятный быт, не виданная прежде природа. Стойбище казахов: юрты, верблюды, мужчины, женщины, дети; бесконечный простор и они - хозяева этого простора, для которых ничего роднее нет... Охота с кобчиком:не развлечения пресыщенного бия, но добыча пищи истомленным кочевником; он на переднем плане, в дырявой одежде, и юрта у него не богатая, уже ветхая... Многочисленные этюды для картины о жизни Менового двора: поразительное разнообразие людей, вовсе не одинаковых, не безликих - с характерами... Выразительный портрет султана Баймухамеда, портретные зарисовки "Оренбургских магометан", карандашом схваченные черты быта...

На выставке была только малая часть содержимого портфеля; переходя от стены к стене, Шевченко вспоминал и то, что Штернберг обнародовать не решился. До чего же много он увидел, узнал!

..."Поадеш далеко, побачиш багато..." Он видит, и еще увидит, не меньше. Как мучительно - смотреть и НЕ РИСОВАТЬ...

Д'Андре его, по всему чувствовалось, понимал. Действительно, ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Чернышев прав.

4.

На академическом горизонте Алексей Чернышев появился в сорок втором, едва ему исполнилось восемнадцать. Родом он был из Оренбурга. Рисованию, живописи учился поначалу у местного живописца Ручьева и своего двоюродного брата Александра, художника-самоучки. Семья Чернышевых (отец служил чиновником в инженерном управлении) достатком не отличалась, дать способностям развитие возможностей не имела, и Алексея на попечение взял генерал и ученый Г.Ф.Генс, тогда председатель Пограничной комиссии. В доме Генсов обрел он родных для себя людей, заботившихся о нем как о собственном сыне. В гости к хозяевам приезхал губернатор Перовский. С его помощью юношу и снарядили в Академию.

(Не обошлось без курьеза. В одном из дел Оренбургского архива подшито письмо В.А.Перовского графу Клейнмихелю, датированное 16-м августа 1840 года. Отмечая большие успехи в рисовании "одного из сыновей унтерцейхвартера Чернышева", Перовский сообщал, что "слабость здоровья препятствует прохождению им военной службы", а посему просил об исключении оного "из кантонистского звания".

В конце октября того же года Клейнмихель известил: вопрос решен, "монаршее соизволение на исключение Чернышева из кантонистов для образования по способности живописи" дано.

Об этом сообщили командиру учебной бригады военных кантонистов. И что же выяснилось? Алексей Чернышев в кантонистах не значился! Выходит, монарха потревожили зря? Признаться в таком "грехе" было выше сил. В билете "на беспрепятственное проживание в Петербурге для изучения живописи", выданном Чернышеву год спустя, в декабре сорок первого, черным по белому начертали: "по высочайшему повелению уволен из кантонистов"

"Кантонистское прошлое" А.Ф.Чернышева вспоминают кое-где и в наши дни...

Оканчивать Академию он не спешил. Еще состоял при мастерской М.Н.Воробьева, весьма видного пейзажиста; одновременно посещал А.Г.Венецианова - признанного мастера бытового жанра, который с годами привлекал его все больше. (До возвращения в Петербург Чернышев так и не узнает, что в декабре - как раз тогда, когда д'Андре с его письмом следовал в Орскую, Венецианов стал жертвой трагической случайности и любимого учителя ему уже больше никогда не видеть). Максим Никифорович учил

искусству линейной перспективы, сочетанию точности ее с использованием всех эффектов освещения, Алексей Гаврилович - мастерству писать жизнь простых людей, работать на натуре и с натурой. (Он, Шевченко, знал того и другого. Потом, в своем "Художнике", вспоминал и "о толковом прекрасном курсе... нашего профессора Воробьева", и о "человеколюбце-художнике" Венецианове, совершавшем "великодушные подвиги на поприще искусства"; одним из его ПОДВИГОВ было живейшее участие в хлопотах об избавлении юного Тараса от крепостной неволи).

Но и в эти, академические, свои годы не был Чернышев просто учеником. Нет, стал он уже художником со своим, особым видением мира, своим собственным, индивидуальным почерком. И особенно в работах "оренбургских". Со множеством таких рисунков приехал в Петербург. (В Русском музее поныне хранится тончайшая зарисовка двух казашек, сделанная еще до начала учения в Питере). А с каким удивительным багажем вернулся после месяцев, проведенных на родине в 1846-м!... Так и стояли перед глазами Шевченко его акварель "В оренбургской степи" (холмы на горизонте... уходящая в даль дорога, по которой движутся повозки... казахи, расположившиеся на лето-вку... их юрты, их скот...), еще одна - та, где в придорожной чайхане расположились на отдых путники в восточных костюмах (так и чувствовалось: нет ничего желаннее передышки после утомительного, долгого степного перехода), и еще - где русские офицеры беседуют с казахами, и другие - пейзажи, жанровые сценки, портреты... Готовится к картинам, они в нем зреют, быть им непременно и скоро! Но вот незадача - болят глаза< "И теперь еще у меня глаза чрезвычайно слабы, в день пять часов работы, никак не больше..." Чернышева это страшило. Огорчало, и Шевченко. Дай Бог, чтобы прошло, от души ему желает...

Чернышев собирался в Петербург. Он этому завидовал. И очень на поездку его надеялся. Хотя бы потому уже, что и доныне к нему благоволил Перовский Василий Алексеевич, а тот в большой чести у самого царя. Сам рассказывал, как принимает его Перовский на даче близ Парголова, в Вартемяги...

Сколько пробыл в Орской Лев д'Андре - не знаю. Чем полны были его дни - можно лишь гадать. Только полагаю, что общение с Шевченко единственной встречей не ограничилось. Было что вспомнить и сказать друг другу- Было что передать при расставании.

Разбередили эти встречи душу художника, да как еще разбередили! В те дни и писал А.ИЛизогубу (может даже с новым своим знакомым письмо передал, для отправки из Оренбурга): "Вы спрашиваете, брошу ли я рисование. Рад бы бросить да нельзя... Пришлите ящичек ваш, где есть все, что надо, альбом чистый и хоть одну кисть Шариона..."

Д'Андре ничего такого не привез. Чернышев за Шевченко БОЯЛСЯ. "Не рисуйте, не нарушайте волю государя..." Так для чего тогда ЖИТЬ!

АВТОПОРТРЕТ ИЗ ДЕКАБРЯ

1.

Письмо Лизогуба увез с собою д'Андре.

Пишу об этом уже без сомнения, без "может" - вполне утвердительно.

Такая, неофициальная, пересылка писем воспрещалась всем нижним чинам военной крепости, а ему тем более.

"Под строжайший надзор..." К переписке запрет относился прямо.

"С запрещением писать и рисовать..." Означало это, прежде всего, что сочинения написанные, а равно все нарисованное, за пределы крепости просачиваться не могло. НЕ ДОЛЖНО БЫЛО просачиваться, ни при каких обстоятельствах. К тому обязывался смотритель Фейзуллин, за тем наблюдали плац-майор с плац-адъютантом, да и с прочих забота такая не снималась.

Но никаким иным путем не мог отправиться на Украину конверт не просто с письмом, ничего особенного, с точки зрения цензоров, не содержащим, а еще и С

РИСУНКОМ.

Пакет с рисунком?!

"Письмо Ваше, любимый друг, я получил на самый новый год. Превеликая Вам благодарность и за письмо, И ЗА ВАС, ТОЛЬКО ТЯЖЕЛО НА ВАС СМОТРЕТЬ..."

Лизогуб - Шевченко, 7 января 1848 года.

Конверт из Орской имел довольно пространный адрес: "В Одессу. На Гулевой улице, близ собора, в доме наследников Жуковского, в квартире г-на Самарского-Быховца". Андрей Иванович на тот час переселился на другое место жительства: "В Одессу, в доме Гацук, бывший Шостак". Но почтовое ведомство дело свое знало - доставили в полной сохранности и без лишних задержек.

Через три недели после отправки (или, вернее, даты на письме) конверт оказался в руках адресата. И тут же на Лизогуба глянул чужой - и родной - Шевченко.

Друг горемычный прислал свой АВТОПОРТРЕТ.

Автопортрет размером 12,7 на 9,9 сантиметра (миллиметры - сантиметры скрупулезно подсчитают искусствоведы уже нашего века), нарисованный карандашом на листе обыкновенной плотной бумаги, совершенно свободно помещался в конверте стандартного размера и даже не слишком его утолщал.

Шевченко нарисовал себя в солдатском мундире и фуражке- бескозырке, тоже солдатской, на околышке которой читалось: "З.Р." - третья рота. Человек на портрете смотрел с листа бездонно-голубым взглядом многотерпеливого, и в то же время непокорного, страдальца. (Если бы требовалась подпись, уместнее всего была' бы строка: "Караюсь, мучу-ся... але не каюсь!...")

Мундир не облегал его фигуру, морщился; погон на плече не лежал, но вздыбливался; бескозырка над высоким лбом сидела совсем по-штатски и из-под нее ниспадали отнюдь не солдатские волосы. Братья Лизогубы в таких тонкостях военного костюма толк знали, разбирались во всем этом безошибочно, с первого же взгляда. Шевченко на автопортрете лучше всяких слов рассказывал о себе, своем настоящем и - будущем.

"...Я страшно мучусь, потому что мне запрещено РИСОВАТЬ И ПИСАТЬ" - сетовал на судьбу солдат, глазами своими проникавший в душу.

"...Да пошлет Вам милосердный... здоровье, терпение и силу тянуть Вашу недолю; нести ее и не жаловаться, а благодарить Бога..." - отзывался на письмо с автопортретом А.И.Лизогуб, под тревожно-вопрошающим взглядом друга.

ЗАПРЕЩЕНО РИСОВАТЬ... Но перед ним был рисунок его работы, нарисованный в Орской и пересланный на родину вопреки самому грозному запрету.

"Начальство слушать" - видно было уже по этому - Шевченко не собирался.

То был пятый или шестой автопортрет в прожитой им жизни. Не возвеличения собственного ради и не из какого-то гипертрофированного славолюбия всматривался он в себя и запечатлевал свои черты кистью, пером, карандашом. В характер вглядывался, в состояние проникал, в душу, и как все менялось в нем от портрета к портрету... Романтично возвышенный образ молодого художника-поэта в овальном автопортрете масляными красками, писанном в 1840-м; уже не столько романтик, сколько труженик, увлеченный делом, - в автоизображениях 1845-го; на еще одном портрете того года - он со свечой, свет которой высвечивает и увлеченность его, и терзания, и надежды... Этот, новый, ни на один из предыдущих не походил. Другим было все, а не только одежда, -и поворот лица, и усы (подчеркивавшие суровость лица), и глаза, взгляд, пронизывавшие насквозь, исповедуясь и пытая.

Автопортрет из декабря сорок седьмого добрался до Украины к новому 1848-му. Подаренный Лизогубу, адресован он был не только ему - всем землякам на родной земле.

Он и впрямь ходил по рукам: из дома Лизогубов перешел к Галага-нам, был потом собственностью двух поколений семьи Трегубовых, побывал у Косенко, а уж от нее попал в Киевский Государственный музей Т.Г.Шевченко, где обрел дом всенародный - дом

навсегда.

...І шби сам перелечу
Хоч на годину на Вкрашу,
На не! гляну, подивлюсь,
І, мов добро кому зроблю,
Так любо серце одпочине.
……
...Щоб ви лихим чим не згадали;
Хоч я вам кривди не робив,
Та все-таки меж вами жив,
То може дещо і осталось.

Авторской подписи под автопортретом не было - подписывать свои работы он ОТВЫКАЛ.

...Все больнее сверлила мысль: рисовать запрещено...

2.

Первым законченным рисунком с июня 1847 года - за шесть месяцев после объявления высочайшего приговора - оказался именно автопортрет.

Осторожности ради уточню: первым известным (сохранившимся, дошедшим). Оговорка вызвана тем, что как-то не верится: художник и... не рисовал. Рисовал.

Не "на стене (в укромном месте) углем или мелом картины мазал", не "прекрасную картину-аллегорию" на свет рождал, но КАРАНДАШ в руках держать не переставал.

С карандашом и бумагой, на листе которой "он...быстро набросал расположившуюся около самовара группу", видела его Лаврентьева, и рисунок тот видела ("все были так хорошо изображены, так живо и характерно"); верю так же в свидетельство ее о том, что "были у Лаврентьева и карандашные наброски, исполненные Тарасом Григорьевичем" (после смерти мужа, сокрушалась она, "все детишки растащили").

По утверждению потомков, хранилось шевченковское в альбомах Тимашевых (или Тимашевой), исчезнувших из поля зрения в двадца-тые годы нашего столетия и, может быть, окончательно не утраченных. Во всяком случае, ставить на них крест оснований пока нет и отказываться от поиска не станем.

Н.М.Белозерский в статье, помещенной в "Киевской старине" 1882 года, писал: "Андрей Иванович [Лизогуб 1 показывал мне, помнится, пять собственноручных писем к нему от Шевченко, писанных в 1847 и 1848 гг.; на одном едва был заметен счищенный резинкою рисунок карандашом. На нем Тарас - в солдатском мундире и его ун! ер-офицер колотит тесаком, а внизу подпись: "От так тобП" Рисунок и надпись были стерты, по всему вероятию, начальством Шевченко, так как письма его проходили через цензуру. Первым опроверг это сообщение ("небылица", "нелепый рассказ") Ф.М. Лазаревский. Оно и впрямь неубедительно, тем более, что на сохранившихся оригиналах писем ни рисунков стертых, ни видимых отчетливо нет. И все-таки нелишне подчеркнуть, что в любом случае, даже если бы они были, к ЭТИМ месяцам относиться не могли НИКАК.

Неужто нет и малейших следов его рисования? Следов реальных?

Во время ареста на днепровской переправе отобрали у Шевченко, вместе с прочим его имуществом, и два совсем небольших альбома с рисунками, эскизами, записями народных песен, пословиц. Даже беглого просмотра содержимого 56 и 29 листов черновых зарисовок и заметок было достаточно, чтобы сделать вывод о полном отсутствии в этих книжечках чего-либо подозрительного, тем паче крамольного. И вернули их владельцу за ненадобностью. Вот так оказались оба альбома в Орской крепости. Листая их, художник мог вспомнить многое из того, что видел во время прошлогодних поездок на Украину. Могилу Перепят... интерьер Софийского собора... сельскую церквушку... фигуры крестьян... селянина, слушающего бандуриста... Виденное вспомнить, слышанное, пережитое; наблюдения оживить, замыслы неосуществленные... Теперь им и вовсе не сбыться - отошли, отступили так далеко, что отсюда не разглядеть,

не увидеть.

Какое-то время альбомы эти и открывать не тянуло. Но потом попадаться на глаза стали чаще, других, чистых не было - сгодились и они. На не занятых прежде, а потом и занятых страничках появились наброски уже здешние, Орские. Трудно, даже невозможно выделить их подчас среди украинских, с одной стороны, и более поздних - аральских, оренбургских, с другой. Почему, однако, не допустить, что именно в Орской легли на бумагу очертания женской головы, или фигура женщины в кресле (и тут же зарисовки домашней собаки), или наброски композиции семейного портрета? Что здесь захотелось воочию представить себе библейскую Юдифь с головой Олоферна, взять на карандаш никогда прежде не виданных верблюдов, просто волю дать карандашу, перу?

Нескончаемые поиски лучшей композиции семейного портрета будоражат мысль о том, что рисовал Шевченко и орские семьи: Александрийских прежде всего, вполне возможно Тимашевых, не исключено что Левитских, может Исаевых. Могло это быть и естественным знаком благодарности за привет, за ласку в тяжком его положении. Чем другим может выказать свои чувства художник, лишенный всякой иной возможности явиться к добрым людям не с пустыми руками?

Но альбомы, о которых пишу, как равно и "портреты", здесь предположенные, ответа на вопрос о его художественных занятиях в июне-декабре сорок седьмого не содержат.

Есть только автопортрет. И есть прямой, не притянутый, документированный вывод: именно с этого портрета начинается Шевченко-художник солдатского, невольничьего его десятилетия.

3.

На новый год за него молились, его вспоминали. Кто и где - назовешь ли всех? стоит ли к тому стремиться? в поименном ли перечне дело?

Молился А.Лизогуб в Одессе: "Да укрепит Вас господь, да даст Вам силу нести тяжелый крест и благодарить Бога за беду сердцем и разумом".

Клала поклоны В.Репнина в Яготине: "Вот уже мы перешли в новый год! Каково было Вам встречать его на чужбине... Вспоминайте, что многие молятся за Вас... Не унывайте, носите крест, молитесь и надейтесь!"

К ней присоединялась Г.Дунин-Борковская: "Чего могу пожелать Вам на новый год? Благодати божией, терпения и слез, чтобы освежить и растворить духовную пустыню Вашей жизни".

В отличие от троицы названной, Федор Лазаревский и его брат Василий упора на "божественное" в своем письме не делали. Мимоходом, под конец, обронили: "Да поможет Вам Бог!", но в их устах была то не более чем привычная формула. В их письме речь шла не столько о Боге, сколько о людях, которых знали все трое.

Над этим приветом братьев раздумываю я не впервые, и тут пришло время поспорить не только с составителями книги "Листа до Т.Г.Шевченка", отнесшими письмо к январю 1848-го, но и с самим собой, некогда решительно заявившим, что относится оно к июлю-августу того же года.

Прежде, однако, несколько строк о Василии Лазаревском.

ЛАЗАРЕВСКИЙ Василий Матвеевич - старший из братьев Лазаревских (родился в 1817-м). Образование получил в Харьковском университете, недолго служил в тамошней гражданской палате, после чего три года был домашним учителем в помещичьем доме и продолжал учиться сам: сдал экзамены на кандидата. В этот же период его увлек литературный труд. В "Литературной газете" (1845) появился рассказ "Ночь в степи", тогда же, в журнале "Пантеон", - перевод "Отелло". Переводами произведений В.Шекспира он занимался с особым увлечением (перевел "Короля Лира", "Макбет" и др.), в "Музее иностранной литературы" (1847) увидели свет несколько повестей, переведенных им с французского. В 1847-1848 гг. Лазаревский служил чиновником особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии, но было это

для него лишь кратковременным эпизодом: в июле 1848 г. его перевели на такую же должность в канцелярию Петербургского гражданского губернатора, с прикомандированием в "особую канцелярию" при министре внутренних дел. Впоследствии - член совета при министре и совета главного управления по делам печати. На этом, последнем, посту оказал ряд важных услуг прогрессивной периодике России. Умерив 1890 году.

В Оренбурге Шевченко с В.М.Лазаревским не встречался: тот прибыл только в июле. Искренним было его огорчение по поводу того, что поэт оказался вне города - в отдаленной крепости. Не увидел здесь (как рассчитывал?) и по возвращении из командировки. Отсюда и вопрос в начале письма: "Где тебя водит ("де тебе орудуе") твоя горькая година, мой любимый, мой добрый, мой бедный земляк?". Собственно, не вопрос - восклицание. Где поэт оказался, он знает, но от осведомленности своей ему ничуть не легче, тем более когда представляет, каково ТАКОМУ ЧЕЛОВЕКУ в Орской. ("Выпала злая доля, оторвала от божьего света, от живого человека, от вольной мысли, от воли-голубки...") . Если уж у него, свободного, на этом конце света тоска, бывает, "слезами... из сердца вытекает", то что делается с Шевченко, с его мыслями, запертыми в неволе без всяких надежд? "Первый раз веду разговор с тобой, а дал бы я и не знаю что, чтобы отдать тебе хоть что-нибудь из того, что у человека свое..."

"Брат мой, брат, голубь сизый, что сказать тебе? Покуда еще нечего. Но может полегче станет сердцу, когда услышит оно, что есть еще один человек, который мучается твоей судьбой, как бы родной своею" ("... що нудиться твоею годиною, як би рщною своею").

Подписи нет - только приписка Федора Лазаревского: "Се писулька брата Василя". От него же все последующее: извинение за то, что не сразу ответил (письмо, на которое не ответил, неизвестно), ссылка на нездоровье свое и "приехавшего из Петербурга" Василия (автограф не известен, в этом месте есть несуразности чист стилевые), заверение, что "брат (Василий!) хотел... много писать", но погружен в дела неотложные.

"Посылаем Вам 6 тетрадок бумаги, 2 палочки сергучу, оплаток (почтовых марок?) и стальных перьев и 2 пачки конвертов..." О присылке их он просил, верно, в неведомом нам письме; не было бы иначе такого от Лазаревских выговора: "о деньгах Вам грех бы и заикаться".

Далее о том, что "добрый петербургский знакомый" прислал "из Петербурга через брата ящик сигар, который... препровождается" (посылка и письмо пришли на имя Александрийского, хотя и вопреки просьбе Шевченко, предложившего другого получателя, некоего "Б...", о котором у братьев мнение было отрицательным; но об этом, как и вообще о Бархвице, писать еще придется).

Со слов брата (Василия!) Федор сообщил, что "Даль уехал в июле на 3 м-ца в Одессу и он с ним не виделся". Там же, под конец, такое: "Чернышев выедет в Питер по санной дороге".

"Вручите, будьте милостивы, добрейший Михаил Семенович, это письмо г. Шевченку", - гласит после всего, в самом конце письма, обращение к Александрийскому.

Это "вручите" (то-есть ПЕРЕДАЙТЕ ИЗ РУК В РУКИ) совершенно противоречит версии моей о том, что письмо и посылка прибыли в то время, когда Шевченко находился уже на Аральском море.

Но и январем 1848 года письмо при публикации помечено без оснований. Оно из декабря 1847-го, о чем явствует и сообщение о Чернышеве, и известие о Дале, и ожидание еще не отправившегося в отпуск Михаила Лазаревского, и даже то, где свирепствовала тогда... холера.

Славные братья одарили его в преддверии нового года всех лучше, щедрее. Среди присланного ими было и печатное, по которому изголодался особенно.

"Когда прочитаете "Отечественные записки", так пишите, еще пришлю..."

Не "Чтение для солдат", а "Отечественные записки" оказались в руках рядового

Шевченко к первому новому году в его подневольной Орской жизни. Выразительный этот факт - из тех, которые внимания заслуживают.

4.

Молились... вспоминали...

Кто именно просил за Шевченко "господа Бога" и кто, персонально, вспоминал - перечислять не берусь: предпочитаю основываться на фактах, засвидетельствованных человеческой памятью или "памятью истории" - документами; в данном же случае я ими не располагаю.

Уверен, что вспоминали Костомаров и Кулиш в петербургских тюремных камерах, а другие "братчики" - там, куда их разослали по царской воле.

Друзья-художники - не все, но наиболее близкие - думали о нем и теперь, и много позже. (Сам читал строки о нем в переписке Рамаза-нова и других, хранящейся в рукописном отделении Государственного Исторического музея).

Не забывали на Украине. Многие, в том числе родные и близкие, след его потеряли - не знали, не ведали, где он и что с ним.

В газетах приговор не обнародовали, люди довольствовались смутными слухами. Но у слухов пути свои - слишком уж ненадежные.

Не знали о нем они.

Не знал о них он.

Но вспоминают и в неведении...

Преддверие нового года смешало обычный батальонный распорядок жизни, принесло, хоть и ненадолго, на считанные дни, передышку в осточертевших солдатских занятиях.

Над крепостью плыл частый рождественский перезвон колоколов. Они звали к молитвам и ликованию.

Ему было не до Рождества Христова, нового года и всех прочих светлых праздников. Радость его как улетучилась в тот апрельский день на днепровской переправе, так и загуляла, не торопясь к нему возвращаться.

Вместо себя она оставила надежду. Но такую робкую, смутную -еле-еле живую.

Часть третья:

КРЕПОСТЬ ОРСКАЯ, 1848

ЗА СТРОКАМИ СПИСКА

1.

"Генваря дня 1848" - дня в самом начале месяца и года - писарь третьей роты со всем своим писарским старанием трудился над срочно понадобившимся СЕРЬЕЗНЕЙШИМ документом. Был то "Список нижним чинам Оренбургского линейного N 5 батальона, 3-й роты, поступившим в военную службу по высочайшему повелению и по конфирмации главнокомандующего действующей армиею".

Составлялся он по издавна принятой схеме: номера по порядку, "имена и прозвания", время вступления в службу (год, месяц, число), "за что подвергались оштрафованию и когда состоялись конфирмации", "каковые в поведении" и "каковые по службе".

До нас дошел лишь первый лист - тот, на котором имя Шевченко. Извлекшему его

из подшивок Орского архива этого показалось вполне достаточно: знаменитая фамилия здесь, все же остальное, мол, не важно. Не так ли поступают порою и сегодня не дилетанты какие, а люди со степенями-званиями? Снимают вроде бы СЛИВКИ, все же остальное ВЫПЛЕСКИВАЮТ. А "остальное" это ничто иное, как время,эпоха!

Но спасибо и за документ не полный, за тот лист, который после долгих перипетий оказался там, где и быть ему надлежит, - в Киеве: Отделе рукописей Института литературы, под руками у исследователей жизни и творчества поэта.

Первый в списке - "Гаврила сын Павлов", в службе - с 1845 года, августа, 3 дня. "Из арестантов Кронштадтской арестантской роты. Сослан в крепостную работу по высочайшему повелению из находящихся под следствием и судом в бывшей в С.-Петербургской комиссии для разбирательства (слово не разб.) воров и мошенников, определен в сей батальон".

Под номером 2-м - "Тарас сын Шевченко", в службе - с 1847, июня, 23. "По высочайшему повелению, объявленному в предписании корпусного командира от 10-го июня за N 25-м, художника С.-Петербургской академии за сочинение возмутительных стихов в рядовые с правом выслуги".

Третий - "Михаила сын Чемерда", с 1846, мая, 24, "повысочайшему повелению за нахождение с давнего времени в бегах передан по распоряжению..."

Продолжения и окончания списка нет - остался, наверное, в подшивке и с нею вместе погиб.

У каждого из поименованных ПРЕСТУПЛЕНИЯ свои и только последние две графы совпали удивительно:

- Каковы в поведении? - Хорош... Хорош...Хорош...

Каковы по службе? - Старательный... старательный...старательный...

"Хорошими" и "старательными" оказались, в полном единогласии, все перечисленные в первом листе списка.

Не хотелось бросать тень на порядок в роте, а стало быть, на собственное служебное соответствие? Или, как говорится, все познается в сравнении, а здешнему начальству было с чем сравнивать?

Да, роты и батальоны корпуса видели в своих пределах и более "неспокойных".

Кое-кто из старых служак помнил даже Горожанского...

2.

Александр Горожанский был декабристом. Следственная комиссия установила, что сей поручик кавалергардского полка "вступил в Северное общество полтора года назад; принял в члены двух и еще вместе с корнетом Муравьевым трех человек", что он вполне солидаризировался с целью Общества, заключавшейся " в введении конституции монархической", больше того - не скрывал свою поддержку тех, которые ратовали за "республиканское правление" и даже думали, как "для истребления священных особ императорской фамилии можно бы воспользоваться большим балом в Белом зале". В день восстания на Сенатской площади Горожанский особой активности не проявлял, но все же "посылал унтер-офицера уговаривать нижних чинов, чтоб они не выезжали" присягать Николаю. Царский приговор в отношении его оказался "мягким". Монарх, "всемилостивейше снисходя к молодости и неопытности Горожанского", повелел: "не предавая суду, наказать исправительной мерою".

После четырех лет содержания в Петропавловской крепости, Горожанского перевели в Отдельный Оренбургский корпус с предписанием начальству: "ежемесячно доносить о поведении".

Донесения, однако, не радовали. Декабрист, как свидетельствовали военные власти, гласно выражал недовольство действиями начальства и существующими порядками, день за днем обнаруживал "особенное против всего ожесточение", одним словом - "буйствовал".

Несколько примеров подтверждало основательность вывода о БУЙСТВЕ Горожанского. Адъютант батальона докладывал, что лично ему тот заявил о категорическом непризнании над собою власти царя и тут же произнес "разные дерзкие слова на особу его величества". Представ пред очи батальонного командира и коменданта крепости, он не только не стал отпираться от обвинения в поношении царя, но и "дерзнул повторить" все, что говорил раньше.

Донесение ушло в Петербург. Новый приговор был беспощаден: в Соловецкий монастырь, без срока!

Пятнадцать месяцев провел он в диких, нечеловеческих условиях, в том числе не один год - в одиночке "земляной тюрьмы". Узника довели до крайнего психического расстройства - это было результатом непрерывных над ним издевательств. На Соловках и закончилась его жизнь. Но до самого ее конца в словах и делах Горожанского звучала ненависть к душителям свободы.

3.

"Разных дерзких слов на особу его величества" Шевченко в разговорах не произносил и ни в каких БУЙСТВАХ замечен не был.

Все в Орской находились на виду, он, разумеется, тоже и, следовательно, предписанный сверху "строжайший надзор" осуществлялся. По этой части не придерешься. Каждый - от командира до приставленного к новичку дядьки - дело свое знал и вел исправно.

Но заковыка все же существовала. Его ПРЕСТУПЛЕНИЯ, очевидные для высших властей и самого царя, были не столь уж понятными тем, кому поручалось за ним присматривать. ЧТО ИМЕННО Шевченко воспрещалось, представляли они себе не ахти как ясно. КУДА СМОТРЕТЬ - надзиратели толком не знали. На людях вроде не пишет - разве что иногда письма; так насчет них указаний отдельных не было и, выходит, это ему дозволяется. "Возмутительные и пасквильные сочинения"? Заглянешь ли в его голову, поручишься ли, что никакой крамолы не сочиняет? Глядит на тебя как положено, а сам, может, рифму подбирает, да такую, что его, Мешкова, под арест упекут, и не оправдаешься, не отмоешься... Смотреть - это ясно, но где смотреть: в конвертах? в бумажках? под подушкой? Уследишь ли за сочинителем?!

... Нет, не писал бы "хорош" и "старателен", знай, чем он, от людей таясь, занимается и что за эти полгода записал на своих потайных листочках...

Листочки те в большинстве своем исчезли - растворились во времени. Чудом уцелели только первоначальные черновые автографы поэмы "Княжна" и стихотворения" Не гріе сонце на чужинГ. Остальное мы знаем по автографам более поздним - переписывал, расставив по местам, сам автор. Стихи дошли, но... бесконечно жаль пропавших листочков - прямых свидетелей поэтических его мук, безмолвных (и все же многозначительных) участников рождения произведений невольничьей его музы.

На ТЕХ листочках зажили своей жизнью - вечной жизнью! - две поэмы: "Княжна" и "Москалева криниця".

ОНИ стали первым прибежищем стихов-исповедей: "N.N." ("Сонце заходить, гори чорндать"), "N.N." ("Мен! тринадцятий минало"), "Не гріе сонце на чужинГ, "Сон" ("Горимо1високи"), "1ржавець, "N.N. ("О думи мо1! о славо злая!"), "Ще як були ми козаками", "Чернець", "Один у другого питаем", "Самому чудно. А де ж дггись?", "Ой стр!чечка до стр!чечки", "Хустина", "А.О.Козачковському", "То так і я тепер пишу".

Открывает поэтический этот каскад - ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ТРАГЕДИЮ В СТИХАХ - его нежное, призывное стихотворение "Думи моі, думи Моі". Оно как запев ко всему, что исторгает душа в годину тяжкую...

Две поэмы, пятнадцать стихов... Да, Шевченко и "хорош", и "старателен". Но только не в солдатском "поведении", не в солдатской "службе"!

4.

Когда-нибудь прочтем мы впечатляющую книгу о том, сколь живительным

оказался пример, какими чудотворными стали уроки-Тараса Шевченко для многих и многих из тех, кого, как и его, загнала злая доля в тупик, казалось, безвыходный. И когда загнала? Не в царские времена - при новом строе, но в пору забвения высоких принципов, разгула несправедливости, беззакония. Будут в той трагической книге горькие и гордые страницы жизни Василя Мысика, Николая Заболоцкого, Бориса Ручьева, Ярослава Смелякова, Варлама Шаламова, Анатолия Жигулина, других, не изменивших поэзии и в самое тяжкое для себя время. Все ли они и часто вспоминали подвиг Шевченко? Но так ли важно вспоминать? не дороже нести его в себе постоянно? сделать чертою характера?

...Нелегко было и отставленному от дел Н.С.Хрущеву. На покое он принялся за мемуары. Брежневу и его приближенным это не давало покоя, в ЦК состоялся крутой разговор с угрозами. Отдать написанное и прекратить работу Хрущев категорически отказался, заявив, по словам жены, что "царь запретил Т.Г.Шевченко писать и рисовать, и что из этого получилось? Шевченко читает весь мир, а кто помнит его преследователей?" Любопытный сей факт извлечен из записок А.Ад-жубея "Те десять лет" в журнале "Знамя" (1988, июль). Пример бессмертного Тараса стал полезен не только поэтам, но и политикам.

... Над книгой, которая вдруг представилась, подумать стоит. Пока же... пока вернемся в Орскую, в его, Шевченко, поэзию тех месяцев.

5.

Ни под одним стихом нет даты, ни на одном листе - имен: кому посвящается, кто писал.

"N.N." - посвящение сугубо условное (у Даля: "ставится вместо имени, прозвания, имрек, некто,»неизвестный"). Обращался к конкретному, заранее определенному лицу, только не желал, ОПАСАЛСЯ его обнародовать? или просто подчеркивал доверительность своей исповеди? (Единственное ИМЕННОЕ посвящение - Козачковскому - появилось, как я уже писал, позже; поначалу фамилии не было и тут).

Исповедывался, думаю, не перед "имрек". Исповедником была Украина. "N.N." это родные братья и родные сестры, земляки и землячки, горе людское и песня народная. За привычными литерами - его многострадальный и многртерпеливый народ, о судьбе которого печется всегда, бесконечно.

Украина бурлила в нем, заполняя собою все.

Он тоскует по краю своему и его людям, по звучному, певучему языку, по красоте и героике преданий. В неволе, в печали его душа собственная, но куда более тяжкое горе у нее, Украины, прошлое, настоящее и будущее которой не дает ему покоя ни днем, ни ночью..

Вспоминаются, влекут события исторические, а в них, всего более, героический дух, героические дела тех, кто дрался за социальную справедливость и национальное раскрепощение.

Так было. Так и быть должно. Народ в ярме. Не поднимется всем миром - останется в путах.

Мш краю прекрасний, розкошний, багатий! Хто тебе не мучив? Якби розказать Про якого-небудь одного магната Iсторiio-правду, то перелякать Саме б пекло можна.А Данте старого Полупанкам нашим можна здивувать. I все то те лихо, все, кажуть, од Бога! Чи вже ж йому любо людей мордувать? А надто сердешну мою Украшу. Що вона зробила? За що вона гине? За що ii д!ти в кайданах мовчать?..

Он пытается сдержать свои чувства, завуалировать мысли, за которые так зло уже покаран. Но сдержать себя, умерить свою страсть Шевченко не в силах. "Караюсь, мучуся... але не каюсь!" Не слова это, а сама боль, сам гнев его. Может, гнев и на себя - того, который в какой-то миг подумал, что со стихами, с поэзией покончено...

О чем бы ни писал, он пишет об Украине. Прекрасной земле, чья красота поругана помещичьим произволом и бесправием простых людей. Страдает она, сердечная... душой терзается ее сын в далеком далеке... И горестны, горючи его думы:

...Може, чаеш оновлення? Не жди ти слави! Теоі люде окрадеш, А панам лукавим...

Нащо здалась козацькая Великая слава?

"Та все шшло царям на грище... Все, все неогп рознесли!..." - Не боится он новой царской кары. Запрет писать и рисовать не превзойти никакому другому приговору.

Но за пределы крепости его "возмутительные и пасквильные сочинения" пока не выходили.

От чужого глаза прятал их надежно.

6.

Таиться приходилось не только от начальства.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.ЛАЗАРЕВСКОГО: " ... В виде особой милости дозволялось Шевченко иногда навещать знакомых на час и на два; но эти его отлучки редко обходились ему без приключений. Солдаты - товарищи Шевченко - в отсутствие его украдут, бывало, из его шкафчика книгу и заложат в кабаке. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, он уже знал, где она, и спрашивал товарищей только, в каком кабаке и за сколько книга заложена, откуда и выкупал ее сам..."

Хуже пришлось бы, унеси его соседи в заклад листочки со стихами. Но в их глазах ценности они не представляли. Да и в глазах кабатчика тоже.

Истинную радость доставило получение "Отечественных записок".

О самом факте присылки журнала известно, напомню, из письма В. и Ф. Лазаревских. Увы, ни слова там о номерах высланного, да и о годе выпуска тоже. "Когда прочтете, так напишите, еще пришлю..." Вот и все.

Переписка меж Федором Лазаревским и Шевченко была не слишком регулярной, для всякого рода пересылок использовались оказии, кое-что сообщалось устно, а в воспоминания вошло не многое; ЭТО во всяком случае не вошло.

Что остается нам? Порассудить самим. О чем? А хотя бы о том, что братья знали: "Отечественные записки" Шевченко НА ВОЛЕ читал, за выходом каждой книги СЛЕДИЛ, а, значит, нечитанными могли быть номера только 1847-го и только с весны, с апреля, когда оказался он под арестом, а потом вдали и от Украины, и от Петербурга.

Посылали, следовательно, книги за несколько ПОСЛЕДНИХ месяцев. Не сразу все, но вряд ли Шевченко, получив одни выпуски, отказался от последующих, ему (в том же письме) предложенных.

"Отечественные записки" привлекали Шевченко реальным осуществлением своей задачи - "передавать отечественной публике все, что только могло встретиться в литературе и, жизни замечательного, и полезного, и приятного". Вокруг журнала всегда группировались лучшие силы прогрессивной русской литературы. Тут печатались Лермонтов, Герцен, Кольцов, другие замечательные писатели и поэты. Это был единственный ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ журнал, враждебный к крепостничеству, размышляющий над судьбами крестьянства, жаждущий изменения общественных условий в России.

Таким он его любил. С благодарностью вспоминалось, что именно "Отечественные записки" по-доброму откликнулись на его "Кобзарь", на "Гайдамаки", "Тризну", на альманах "Ласпвка", на произведения украинских писателей, делавших одно с Шевченко дело, - творивших литературу родного народа.

Теперь журнал переживал нелегкое, смутное время. В середине сорок шестого отсюда ушел Белинский (допекли доносчики вроде Бул-гарина, перепугали издателя Краевского). Оставили "Отечественные записки" Герцен, Некрасов, Панаев. Но направление, ЛИНИЯ издания существенно не менялись. По крайней мере, до сих пор. И для Шевченко журнал оставался чтением приятным, собеседником желанным. Тем более сейчас, когда книги стали недосягаемыми и приходилось только вздыхать: "Вот уже более полугода я не имею никакого понятия о нашей бедной новой литературе..." Из этого "вздоха" и исхожу, утверждая, что получение "Отечественных записок" от Ф. Лазаревского вызвало в нем ИСТИННУЮ РАДОСТЬ.

7.

Уже апрельская книга вводила в бурные перипетии романа А.Дюма "Две Дианы". Изобретательного француза Шевченко знал и ценил, чтение было занимательным и на какое-то время отвлекало от тяжких будней.

В девятой, сентябрьской книге рядом с "Дианами" стал печататься "Чарльз Диккенс, роман "Домби и сын". Он знал его "Посмертные записки Пиквикского клуба", его "Жизнь и приключения Николаса Никлби", теперь же имел возможность познакомиться еще с одним творением талантливого англичанина - истинного реалиста. На русский язык роман перевел А.И.Бутаков.

Появилась почесть Ф.Достоевского "Хозяйка"; шла и другая русская проза, интерес вызывавшая.

Но не меньше привлек лло все прочее. Может даже и больше.

Редко-редко печатали з журналах статьи по крестьянскому вопросу. Тема была запретной, и этого не скрывали. А ведь надо же: сказали-таки "Отечественные записки" о несостоятельности, вредоносности крепостного права, о важности изменения общественных условий в России. В двух номерах - майском и июньском - печатались статьи "Причины колебания цен на хлеб в России" (их автором был А.И.Заблоцкий-Десятовский). Выступал журналист против рабства негров, против работорговли (скажем в статьях "Северо-Американ-ские Соединенные Штаты"), но и тут вычитывалось свое, российское - бесправие крепостных, бессовестность их хозяев.

Не обо всем отваживался писать журнал, да только и "Обозрения современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению" за прожитый месяц, и ежемесячная хроника "События в отечестве" позволяли составить представление, что же происходит за крепостным рвом, на пространствах державы.

Из "Отечественных записок" - той книги, которая вышла в канун его ареста на Днепре - мог он вычитать об успехе выставки картин Айвазовского. Вычитать и... вспомнить, как в мае 1840-го жили они вместе в доме Донненберга. Василия Штернберга нет теперь в живых, он, Шевченко, в солдатах, только Иван занят своим - и их - любимым искусством, продвигаясь в нем все заметнее.

С особым удовольствием и увлечением читались статьи в отделах "Критика" и "Библиографическая хроника" - они в какой-то степени утоляли жажду знать, что же происходит в книжном мире, в литературе, какие появляются новинки. Рецензии вызывали желание прочесть одно, другое, третье. Жизни без книг он себе не представлял.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.ЛАЗАРЕВСКОГО: "И в казармах Шевченко большею частию читал, доставая книги у знакомых..."

"Большею частию" - преувеличение явное. Распорядок дня был жестким: в шесть утра - подъем по барабану, в семь - потому же барабану - на плац, три часа занятий, час отдыха, обед из казенного котла, снова два часа упражнений в шагистике и ружейных приемах, уроки "словесности"... Только после этого наступало относительно свободное время, которое можно было посвятить-чтению. И то с оговорками: если не отправляли в караул, не получал наряд в очередь или вне очереди и, наконец, было что читать. Часто под руками оказывалась только Библия.

ИСКАТЬ, ВСЕГДА ИСКАТЬ

1.

Главу предыдущую открыл январский - сорок восьмого - "Список нижним чинам". Там же, сразу, упомянул о ПЕРИПЕТИЯХ этого документа. Ну а коль так - надо договорить.

Список - точнее первый лист его - из числа исчезнувших документов комендантского архива Орской крепости. Еще в главе "Поют ли здесь песни?" обещал я вернуться к печальной судьбе архива, сначала разграбленного, а впоследствии проданного на пуды как бумажный хлам.

Кем все-таки "разграбленного"?

В новых и новых поисках попалась мне на глаза статья в дореволюционной "Оренбургской жизни" (1914, 25 февраля), а в ней такое обвинение: "Еще в 90-х годах служивший в Орске старший писарь Даценко вырезал из военного архива все бумаги, имевшие отношение к Т.Г.Шевченко, и увез их. Где находятся эти ценные документы, остается неизвестным"

Значит, вину возлагали и на него? Полноте, за что?

Григория Даценко в живых, конечно, давно нет, защищаться он по этой причине не может, возьму-ка функции защитника на себя, а для начала вернусь к уже упоминавшейся мною ранее статье "обвиняемого" в "Киевской старине".

"С 1886 года по 1889 г., - писал автор, - мне пришлось служить в военной службе в Орске в управлении уездного воинского начальника. При управлении оказался архив, в котором хранятся дела нескольких частей войск, бывших в 40 и 50 гг. в крепости Орской, и других ближайших степных укреплений. Архив был в большом беспорядке, так что мне в 1888 году пришлось приводить его в порядок. Зная, что Тарас Григорьевич был первоначально на службе в Орске в N 5 батальоне, я стал просматривать дела с целью отыскать что-нибудь, имеющее биографическое значение. Хотя меня предупреждали, что все уже, что только было, вынуто из дел и отослано будто бы в Петербург по чьему-то требованию, но это меня нисколько не остановило. Впрочем, действительно я стал замечать, что некоторые бумаги, и по-видимому относящиеся к жизни поэта, - вынуты из дел. Но мне все-таки попалось несколько бумаг, о которых я и намерен сообщить..."

Сообщение об этих "нескольких бумагах" носит весьма беглый характер. Неопытному исследователю документы "показались известными" и он даже не стал их переписывать. С одного листа снял копию, остальные же просто попытался "запомнить".

По словам Даценко, в архиве был рапорт батальонного командира о том, что прибывший в Орскую крепость Шевченко заявил претензию о невозвращении ему изъятого при аресте на Украине портфеля с бумагами и рисунка. Был, свидетельствовал он, ответ киевского губернатора о том, что портфель и вещи поэта отосланы в III отделение. Нашелся, вспоминал автор заметок, "лист, на котором Тарас Григорьевич был приведен к присяге". Запомнилось добровольному архивисту - и оказалось взятым на заметку - распоряжение командира корпуса от 27 апреля 1850 года о том, что перевод Шевченко в Новопетровское укрепление "отставляется" и он переводится из 4-го в 5-й линейный батальон, то-есть снова в ту же Орскую, которую без того успел не только узнать, но и возненавидеть. ПОПАДАЛИСЬ НА ГЛАЗА ДАЦЕНКО "СПИСКИ НИЖНИХ ЧИНАМ, ОТДАННЫМ В ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ".

Но... обнаруженное оставило его в разочаровании. Рассчитывал он, вероятно, на большее. "Других важных документальных сведений о пребывании Шевченко в войсках не попадалось мне, несмотря на то, что я чуть-ли не по листам пересмотрел многие дела", - писал Даценко в конце статьи, и снова с досадой подчеркивал, что ценные бумаги "вынуты раньше по чьему-то требованию из С.-Петербурга".

Мысль об утраченных документах заслоняет все. Только о них он и думает, только они и занимают. В сравнении с теми, неизвестными, теряют в его глазах чуть ли не всякое значение бумаги сохранившиеся. Ему даже не приходит на ум, что найденное нужно сберечь, что о находках надо позаботиться и, конечно, незамедлительно снять копии. Мало ли что может случиться, когда архив в беспорядке...

Не скопировал - в этом его оплошность. Но НЕ ВЫРЕЗАЛ, НЕ УВЕЗ - для таких обвинений оснований нет.

Шесть-семь лет спустя, живя в Орске, другой энтузиаст поиска шевченковского, Александр Матов, не нашел в том же архиве НИ ОДНОГО из документов, которые видел и читал Григорий Даценко.

2.

Не нашел их журналист Матов.

Не отыскал документы, названные Даценко, и библиограф Юдин.

С какой страстью набросился он в статье "Русского архива" на своего соперника в поисках материалов о Шевченко!

"Никому не представлялось никакой выгоды эксплуатировать дело о Шевченко именно Орского архива, когда гораздо интереснее дела о нем, хранившиеся в Оренбургском корпусном и центральном архивах, частью уже опубликованные..."

Юдин обвиняет Матова и в том, что тот не "потрудился прочитать что-либо ранее напечатанное о поэте", и в отсутствии знакомства "с порядками письменных дел военных управлений", и в доверчивости к "сомнительным свидетельствам".

В общем, он возмущен искренне. Но чем? Тем, что "похитителем" шевченковских документов, той самой "интеллигентной личностью, успевшей будто бы документы эти выгодно эксплуатировать", кое-кто считает его, Юдина, и на это же намекает в своей статье Матов?

Л.Ф.Хинкулов полагал это бесспорным. И все-таки заблуждался. Матов, по всему судя, имел в виду не Юдина, резкость же отповеди последнего была вызвана совсем иным.

Павел Львович Юдин, сотрудник ряда столичных и местных изданий, человек пытливый и деятельный, затратил много сил и времени для отыскания в Оренбургской губернии материалов о Шевченко. Он немало потрудился в архивах Оренбурга и извлек ряд немаловажных документов. Эти документы были им прочитаны и истолкованы в единственно верном, по его мнению, плане. И вот оказывается, что новоявленный Матов отказывает ему - знатоку! - в признании полноты и ценности проведенных им разысканий, смеет подчеркивать, что какие-то первостепенные архивные дела от него ускользнули! И он пытается ЗАЧЕРКНУТЬ доводы Матова, беря под сомнение все: его компетентность, его серьезность и даже использованную "новым биографом" статью Даценко. Такой подход чести не делает, но... случается и в наше просвещенное время. Всякий раз в таких случаях вместо доказательств приходит резкость.

Перечитываю юдинскую статью и все более утверждаюсь в мысли: Юдин НЕ ЗНАКОМИЛСЯ с Орским архивом. Во всяком случае ДО или ВСКОРЕ ПОСЛЕ Даценко. В противном случае, он не ставил бы вопросительные знаки против упоминания "присяжного листа", о котором (ссылась на статью в "Киевской старине") не преминул написать и Матов. "Что касается присяжного листа, - доказывал мнимую несостоятельность этого документа Юдин, - то, во-первых, весьма сомнительно, чтобы политический ссыльный приводился к присяге, а, во-вторых, если бы таковой лист существовал, то, согласно воинских законоположений, его обязательно должны были переслать к корпусному командиру для представления шефу жандармов".

Но если бы такого листа не существовало, Даценко о нем и не упомянул. Юдин же не стал над этим даже задумываться. "Не было!" - и дело с концом.

Не обойти и еще одно: Л.Ф.Хинкулов не без намека подчеркнул, что Юдин в своей статье сослался на некоторые, ЗАТЕМ ИСЧЕЗНУВШИЕ, документы о Шевченко. Вот она, та самая "выгодная эксплуатация"! Вот он, обвинительный довод N 1! Попользовался и припрятал, возможно продал, а, может, и уничтожил!

Однако именно этот довод несостоятелен всего более. Документы Юдиным приведены на самом деле и касаются они преимущественно пребывания поэта в Орской крепости. Но все эти документы ОРЕНБУРГСКОГО происхождения. Не вызывает сомнения, что взяты они из дивизионного, корпусного штабов. "Исчезнуть" из Орска ни один из них не мог, так как там и не находился. Уместно напомнить, что оригиналы, по крайней мере некоторые, благополучно сохранились до наших дней и пребывают там, где быть им и надлежит.

Нет, "интеллигентная личность", о которой привелось слышать Матову, это не Юдин. Обвинение не подтверждается.

А пропажа была. Документы, увиденные и прочитанные в конце 80-х годов

Даценко, к 1895-му, то-есть ко времени приезда в Орск Матова, из архива исчезли.

Исчезли до того, как свершилась черная расправа над двумястами пудов бесценных дел о прошлом Орской крепости.

3.

Следы нашлись много лет спустя.

Об этом одновременно узнали на Урале и на Украине.

На Урале - по месту находки, на Украине - потому что касалось Шевченко.

Журнал "Червоний шлях" в июльской своей книге 1935 года излагал суть дела лаконично и тем не менее сообщение произвело сенсацию.

НОВЫЕ ЦЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ШЕВЧЕНКО!

"Золотоискателями треста "Миассзолото" (Урал) недалеко от Орска обнаружены документы, которые относятся к периоду пребывания Т.Г.Шевченко в Орской крепости. Документы прекрасно сохранились..."

Золотоискатели - и вдруг историко-литературная находка?

Что именно найдено? Где и как?

"Среди документов имеется оригинал присяги, которую с принуждением дал Шевченко по требованию командира корпуса. Сохранилась вся переписка по делу об отказе Шевченко от присяги..."

"Присяжный лист"? Тот, который видел в Орском архиве Даценко и существование которого взял под сомнение Юдин? Тот, что был и исчез? Да, напечатано ясно: "оригинал присяги". Неужто он самый?

"Среди найденных имеется такой интересный документ, как сопроводительное письмо, направленное из министерства внутренних дел при пересылке Шевченко в Орскую крепость. В нем говорится: "содержать Шевченко под строжайшим надзором и чтобы от него ни под каким видом не выходило возмутительных и пасквильных сочинений..."

Об этом документе Даценко не упоминает. Не мог он запомнить все, если полагался только на свою память... Но, с другой стороны, имею ли я право на основании одного, возможно случайного, совпадения отождествлять виденное им с тем, что нашли золотоискатели?

И все-таки... "Большой интерес представляет документ о том, что во время ареста Шевченко его буквально ограбила киевская охранка. У него отобрали альбом, кисти, зарисовки, одежду... Эти вещи так и исчезли в петербургской охранке..."

Как не вспомнить пересказанный Даценко рапорт батальонного командира о претензии доставленного в Орскую нижнего чина насчет изъятия у него "портфеля и вещей"!

"... Все эти найденные под Орском документы попали к руководителю треста "Миассзолото" т. Г.Чухрито и привезены редактором золотопромышленной газеты "Шахтерский натиск" т.Швецовым в Москву..."

С Урала, значит, шевченковские бумаги доставили в столицу. А дальше? Дальше их судьба сплелась с именем П.П.Постышева.

О нем ходили легенды. Он всегда был впереди - и в партизанских боях на Дальней Востоке, и в битвах за уголь в Донбассе. Его не миновали пули, не щадили болезни, но не было силы, которая могла бы его заставить свернуть с пути или хотя бы приостановиться.

А потом он исчез, как исчезли многие. (Заметка, что перед глазами, датирована 1935-м. В ней он еще живой. Живой и деятельный).

"... 9 июля Павел Петрович Постышев получил от Швецова тринадцать (!) документов на двадцати одном (!) листе, чтобы передать научно-исследовательскому институту им. Т.Г.Шевченко.

Тов. Постышев придает этой находке исключительное значение. На место находки украинское правительство высылает специальных работников для установления полной картины отыскания этих документов и выявления остальных вещей, которые были

найдены в шкатулке".

Последние строки заметки составляет короткое письмецо:

"Благодарю товарищей золотоискателей за исключительно ценную историческую находку - документы о великом украинском поэте Т.Г.Шевченко. П.Постышев".

4.

Журнал выходил в Харькове. Там же был создан упомянутый в заметке Шевченковский институт. Информация о находке могла быть получена здесь. Стало быть, к тому времени документы находились уже на украинской земле. Это само собою разумеющееся: Постышев не мог им не дать адреса верного, надежного...

Еще одна заметка по тому же поводу оказалась в сентябрьском номере журнала. Если в седьмом, июльском, сообщалось, что украинское правительство НАПРАВЛЯЕТ на место находки специальных своих представителей, то в девятой говорилось об их ВОЗВРАЩЕНИИ. Они побывали в Орске, где нашли "ряд материалов, которые характеризуют быт николаевской крепости"; кроме того, "записали серию легенд, связанных с пребыванием Шевченко". О документах и обстоятельствах их обнаружения - ни слова: будто не ради этого экспедицию снаряжали.

А скоро о "шевченковском кладе" говорить и писать перестали вовсе, словно ничего такого не было, не произошло.

Этой истории я посвятил в свое время документальную по-весть"Где-то на Урале". Она опубликована, при желании ее можно прочесть, и заново излагать все обстоятельства некогда предпринятого мною поиска не стану - не к чему. По возможности коротко изложу результаты и выводы, к которым пришел. Здесь этого будет достаточно.

Экспедиция отчитаться не успела. Вскоре по возвращении ее участники были арестованы как "враги народа".

Перечитываю в какой уж раз самое первое письмо, полученное мною от Евгения Степановича Шаблиовского.

"... К сожалению, очень мало смогу Вам помочь. И вот почему: спустя несколько месяцев после приезда из Орска (ездил вместе с Л.И.Сукачевым) я был арестован (октябрь 1935 г.), у меня был (в результате рукоприкладства) поврежден позвоночник, я находился в тюремной больнице II месяцев, затем - Соловки, Воркута - и так до 1956 года! В памяти ничего не осталось - все вспоминается как черный кошмар... Л.И.Сукачев был расстрелян в 1937 году... Нужно посмотреть архив рукописного отдела Института литературы им.Шевченко, но я сейчас болею..."

Переписывались мы с Евгением Степановичем много лет, встречались и дружили. Патриот, подвижник науки, он и в самых тяжких испытаниях жизни не изменил Шевченко и шевченковедению, до конца дней обогащал его новыми трудами.

Вопреки собственному его сомнению, в предпринятом поиске помощь Шаблиовского оказалась бесценной. И прежде всего в том, что удалось убедиться: документы, обнаруженные на Урале, пребывают в полной сохранности. Правда, до конца не прочитанные, не использованные: ни в первом, ни во втором изданиях сборников документов и материалов о Т.Г.Шевченко почти ни один из них не воспроизводился (аналогичные были, эти - нет). Но в дальнейшем им дали ход, и большинство бумаг "шевченковского клада" оказалось обнародованным, навсегда вошло В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ.

Долгие годы все это богатство находилось в собственности Воронцова Василия Эмильевича, бывшего дворянина, бывшего владельца Непряхинских золотых промыслов, а после Октябрьской революции -штейгера треста "Миассзолото".

У Воронцова, жившего уединенно, бобылем, было много старых бумаг, которыми дорожил как памятью о прошлом, о молодых своих годах. Пенсионер-бухгалтер Фролов, человек, к нему близкий, припоминал, что тот рассказывал, будто однажды, в Екатеринбурге, у какого-то офицера, армейского или полицейского, шевченковские бумаги... выиграл в карты. Возникла версия, что представляли они семейную ценность- кто-

то из близких Воронцова вроде бы служил с Шевченко в одном батальоне; однако проверка этого не подтвердила -предположение отпало.

Что касается выигрыша (или просто покупки) бумаг у некоего офицева, то такое представляется вполне возможным и, с учетом нравов того времени, может быть принято.

Значит:

- во-первых - бумаги действительно были похищены; не отправлены "по официальному запросу" в Петербург - украдены прямо из дел; иначе находились бы они в другом хранилище, но отнюдь не в руках офицера, полицейского или армейского - все равно;

- во-вторых - никакого отношения к пропаже этих документов не имели ни Даценко, ни Юдин (и я считаю долгом своим от упреков в нечестности избавить людей, заслуживающих не порицания, но благодарности) ;

- наконец, в-третьих (это вывод главный), - прямыми виновниками варварского расхищения дорогих народу документов были царские власти, и для ликвидации материалов о людях, томившихся в Орской крепости, сделали они все возможное.

5.

Документы эти дороги, очень дороги народу. И все больше убеждаешься: не случайно вовсе военное начальство, при поддержке верховной власти, все делало для того, чтобы такие свидетельства не сохранялись, не оставались потомкам...

Академик Дмитрий Иванович Яворницкий, сделавший для сбора шевченковских документов много доброго, приобрел однажды в Рос-тове-на Дону рад официальных бумаг о службе Шевченко на берегу Каспия. Букинист, который продал их Яворницкому, сказал, что приобрел это У СВОЕГО ЗНАКОМОГО-ОФИЦЕРА, который ездил в Новопетровское укрепление принимать дела после закрытия крепости.

Еще одна история.

В 1883 году преподаватель института благородных девиц Вавилов зашел в Оренбурге в небольшую лавку, чтобы купить табаку. Мальчик, который отпускал покупку, завернул ее в половинку листа, исписанного с двух сторон быстрым писарским почерком. Когда дома Вавилов развернул покупку и машинально стал просматривать лист, он увидел, что это часть документа, касающегося перевода Шевченко в отдаленные места Оренбургского края. Человек образованный, живо интересующийся историей литературы, Вавилов бросился в магазин. Но хозяин ничем его не порадовал. Он сказал, что бумаги куплены НА ПУДЫ и все уже разошлись.

В то, примерно, время и видел бывший студент Даценко исчезнувшие впоследствии документы.

К счастью, некоторые из них, после долгих перипетий, попали в руки человека, который - хотя многие годы и не давал им хода - от гибели уберег, спас. Я снова говорю о Воронцове, но... думаю не о нем одном.

Над Воронцовым тучи сгущались не раз. "Волк в овечьей шкуре" -так, в духе времени, назывался фельетон о нем, напечатанный в местной газете. Чувствуя приближение беды, он решил отдать дорогие документы в руки государства, под его охрану. Человек трезвый, рассудительный, Воронцов не позволил себе поддаться обиде на несправедливость, не дал возобладать чувствам низменным, неблагородным. Глубокая ему за это благодарность!

Низкий поклон и Георгию Войцеховичу Чухрито - управляющему трестом "Миассзолото" в 30-е годы. Много и хорошо говорят о нем люди, с которыми он работал рука об руку. Ленинградец, человек образованный, внимательно следивший за развитием всех отраслей знаний, за литературой и литературной наукой, он одним из первых узнал о неожиданных богатствах старого золотоискателя. Узнал и сделал все, чтобы достались они народу...

Давно нет в живых и бывшего владельца документов, и первого их читателя. Клевета, которая преследовала Воронцова, сломала жизнь и Чухрито - видному работнику

советской золотой промышленности. Мы вспоминаем их добрым словом.

Вспоминаем бухгалтера Фролова, первым получившего документы из заветного "воронцовского ящика" (вот она та загадочная шкатулка) и переправившего в Миасс, в управление трестом. Вспоминаем директора Миасского музея Черных - ему довелось непосредственно участвовать в первой экспертизе вновь найденных бумаг. И безымянных авторов первых сообщений о находке. И редактора золотопромышленной газеты Швецова - он привез ее Постышеву. И самого Постышева.

Сколько людей - несхожих, различных - заинтересовал тогда этот клад, как много тех, кто принял в его судьбе живое участие...

Не по их вине судьба бесценных документов оказалась трудной, а история осталась загадочной на десятилетия. Теперь эти документы РАБОТАЮТ во имя ПРАВДЫ О ШЕВЧЕНКО.

"АКТ... По поручению заместителя наркома просвещения УССР тов. Хвыли А.А. переданы директору Института Шевченко тов.Шаб-лиовскому такие документы о Т.Г.Шевченко, найденные старателями "Миассзолото" (Урал) недалеко от Орска:

... 10. Список нижним чинам Оренбургского линейного батальона, от января 1848 года, поступившим на военную службу по высочайшему повелению и по конфирмации главнокомандующего действующей армией..."

О других документах из этого акта - ЭТОГО КЛАДА - речь либо шла уже, либо пойдет в свое время.

И СЛОВО - ДЕЛО...

1.

Варвара Николаевна, княжна Репнина, признавалась сама: к отходу почты - а из Яготина уходила она по понедельникам - дописать свое первое письмо к Шевченко не успела и отправку его пришлось отложить до следующего почтового дня, стало быть до средины недели. "... А как давно Вы его ожидаете, мой добрый Тарас Григорьевич; я по собственному опыту знаю, сколько может быть горести в ожидании!" Знала и все-таки не поторопилась.

Это был ответ еще на октябрьское его письмо, посланное через Лизогуба. "Оно долго странствовало, ибо Андрей Иванович в Одессе..." Дошло, выходит, с большой задержкой, а Шевченко тревожился: "Где теперь живут яготинские анахоретки?.. ее (Репниной) прекрасная, добрая душа меня частенько навещает в неволе..." ДУША* навещала, а письма не шли. Датированное 13-м января 1848 года долженствовало сделать их эпистолярную связь взаимной, но тринадцатого оно еще лежало на ее столе, и четырнадцатого, и пятнадцатого тоже - до будущей почты.

Но почему не дописала в день, когда начала?

2.

"Если б это зависело от меня, разворотив мое письмо, Вы бы наполнились благодатью, она бы Вас освежила, освятила, укрепила, Вы бы бодро и с покорностью носили крест Ваш!.."

Молитвы звучали в каждой строке, лишь ненадолго прерываясь сообщениями о жизни в Яготине, где ничего, по сути, не менялось.

"Как понятно мне Ваше мучение не рисовать! Это настоящая пытка!..." Но тут же: "не будем роптать: Бог даст, это переменится!"

И, написав несколько строк еще, строк "молитвенных", умолкла, то-бишь письмо отложила. Почувствовала: не молитв он ждет, не утешений и увещеваний - помощи. Да, "смотреть и не рисовать - это такая мука, которую поймет один только истинный художник". Можно ли пройти мимо его великой муки, его неутихающей боли? не попытаться предпринять хоть что-нибудь,дабы человека спасти?

Не дописав одно письмо, княжна взялась за другое.

Полуличное-полуофициальное... В Петербург - графу Орлову... И чтобы ушло

сегодня же - 13 января.

Это письмо было ее действием.

Господин граф! Вы человек, облеченный большою властью и в силу этого положения и вашего благородного характера призваны делать добро. Если поддерживать порядок и казнить зло есть задача государственного сановника и добропорядочного человека, то следить за тем, чтобы справедливость не превратилась в жестокость и чтобы за наказанием следовало милосердие, не в этом ли высшее совершенство добродетели. Сильна в этом убеждении, я являюсь перед вами, господин граф, умолять за несчастного Шевченко...

Писать Орлову ей было легче, чем горемычному Тарасу. Она искренне убеждена во всемогуществе господнем, всем своим естеством верит во всевышнего, предана ему душой и телом, молится истово, но. .. художник не может жить без служения своему прекрасному божьему дару, и Богу не может быть угодно так казнить человека, наделенного им самим чудесным талантом радовать мир, возвышать чувства. Запрещение рисовать, конечно же, ошибка, и кому как не шефу III отделения ее исправить. Верилось: поймет и поможет. Как не понять и не помочь?

... Я, зная его очень хорошо, могу вам засвидетельствовать, что каков бы ни был его проступок, он уже достаточно наказан своим положением солдата и удалением от родины, без того, чтобы убеждать его в его виновности, прибавляя к этому утонченную жестокость, запрещение рисовать. Господин граф, надеюсь вы поймете, что будучи знакома с Шевченко лично и, зная, что он совершенно одинок в этом мире, я считаю своим долгом, поскольку Бог вложил мне в сердце идею принимать участие в его судьбе, сделать все зависящее от меня, чтобы по меньшей мере попытаться облегчить его участь...

Она чувствовала, что доводы ее убедительны: и в отношении УТОНЧЕННОЙ ЖЕСТОКОСТИ, и насчет ОДИНОЧЕСТВА Шевченко на земле, и в правомерности, предопределенности принятой на себя МИССИИ. Зная его очень хорошо... Зная лично... Звучит, как поручительство, как заклинание. Но ведь она действительно готова за него поручиться, готова умолять пока не умолит. Господа умолять, государя, Орлова - всех, кто обладает властью и силой.

... Чтобы преуспеть в этой цели, у меня нет другого пути, как обратиться к вам и умолять добиться для него разрешения рисовать. Это милость, о которой я прошу вас со сложенными на груди руками. Кто бы я ни была сама по себе, но как дочь моего отца, который столько страдал, и страдал безвинно, я признаю за собой право говорить за несчастных и взывая к памяти моего отца, который вас уважал, я прошу вас, господин граф, извинить мою назойливость, выражаясь светским языком, так как я убеждена в том, что должна делать, умоляя вас за обездоленного заблудшего, но достойного всякой симпатии, у которого нет ни семьи, ни покровительства...

Об отце княжна пишет и Шевченко: "я никогда не забуду, как папенька накануне нового года, тому кажется пять лет назад, открыл вам объятия свои и как вы сыновно припали на грудь его!" Орлова она просит не только от себя, но и от покойного своего родителя, сердце которого не перестает биться в ней, в ее груди, призывая к доброте. Пусть Тарас заблуждался, пусть виноват, пусть даже не безвинно отдан в солдаты и отправлен так далеко, ее просьба только об одном: вернуть художнику право быть художником, избавить от запрета рисовать, равного для него запрету жить.

... Соблаговолите, господин граф, сообщить мне ваш ответ, тот, который вы хотите мне дать, на имя моей сестры- ее превосходительству Елизавете Николаевне Кривцовой в Орел. Я ее предупрежу, что воспользуюсь ее именем.

Примите, господин граф, выражения моей признательности и если бы я могла уже Вам сказать о моей глубокой благодарности.

Варвара Репнина.

Яготин.

13 января 1848.

Писала Репнина на французском. Перевод, воспроизведенный здесь, совершенством не блещет. Он из сборника "Тарас Шевченко. Документа та матер!али до бюграфп" (1982) - как документ его и привел, вчитываясь не в стиль, но в суть.

Это письмо к часу отправки почты из Яготина успело. В Петербург, полагаю, ушло оно ни днем позже, а именно тринадцатого.

Только тогда, отослав его и уже особенно не спеша, дописала Варвара Николаевна письмо к Шевченко.

О своем обращении к Орлову она не обмолвилась ни словом, ни намеком. Писала о Боге и Вере - будто сама молилась за успех своего предприятия.

3.

Суть послания Репниной в канцелярии III отделения изложили и коротко, и точно:

"Княжна Варвара РЕПНИНА просит обратить милостивое внимание на бывшего художника ШЕВЧЕНКУ и дозволить ему рисовать. Она ходатайствует об этом, как об одолжении для нее самой и в память ее родителя".

К сему присовокупили СПРАВКУ:

"Шевченко, при производстве дела об Украйно-славянском обществе, оказался виновным в сочинении возмутительных и самых дерзких стихов. По высочайшему повелению, состоявшемуся 28 мая 1847 года, он определен рядовым в войска Отдельного Оренбургского корпуса, с правом выслуги, под СТРОЖАЙШИЙ НАДЗОР и с воспрещением писать и рисовать".

Никаких дат на этом листе нет. Но есть резолюция. Не вполне разборчивая, однако обнадеживающая.

"... можно под надзором"

Что МОЖНО? Первое слово составители упомянутого документального сборника не прочли.

"РАЗРЕШИТЬ можно под надзором"?

"РИСОВАТЬ можно под надзором"?

Главное, что нет НЕЛЬЗЯ, что присутствует МОЖНО!

Но писано не рукою Орлова. И значит ... да, РЕЗОЛЮЦИЕЙ эти слова (включая одно неразборчивое) не были. Содержали они в себе МНЕНИЕ, не более того. Мнение лица не малого, "правом на мнение" облеченного, да только никак не РЕШАЮЩЕГО.

Решать было дано одному лишь сиятельному шефу, и то, буде он настроен положительно, не без высочайшего согласия.

"... можно под надзором".

И Репнину, и Шевченко это, для начала, устроило бы.

... Однако канцелярия есть канцелярия...

Без особых задержек, пожалуй даже БЕЗ ВСЯКИХ задержек, 30 января отправлен был в Оренбург, на имя командира корпуса В.А.Об-ручева, пакет с секретным предписанием под номером 163.

Милостивый государь Владимир Афанасьевич!

По высочайшему повелению, последовавшему в исходе мая 1847 года, бывший художник Тарас ШЕВЧЕНКО, за сочинение на малороссийском языке стихов возмутительного и самого дерзкого содержания, определен рядовым в войска Отдельного Оренбургского корпуса, с правом выслуги, под строжайший надзор и с запрещением ему писать и рисовать.

Имею, честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня как о том, в каком полку рядовой Шевченко состоит на службе, так равно об усердии, поведении и образе мыслей его, с вашим заключением, заслуживает ли он ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием.

Примите уверение в истинном моем к вам почтении и преданности.

Граф ОРЛОВ

Экстра-почта доставила пакет в целости и сохранности. 12 февраля документ был

зарегистрирован (под N 2) в "секретном входящем журнале" штаба корпуса, а два дня спустя, 14-го, обрел резолюцию: "К исполнению".

4.

Резолюцию наложил все тот же генерал-лейтенант Толмачев -опять "за отсутствием его высокопревосходительства".

Обручев находился в Петербурге.

17 февраля соответствующее предписание получили в штаба дивизии, 20-го - в штабе бригады, 23-го - в пятом батальоне.

Несколько дней спустя бумаги начали свой ход в обратном направлении.

Мешков чинить препятствий не стал.

"Имею честь донести его высокоблагородию господину командующему 1-ою бригадою 23-ей пехотной дивизии, - докладывал он, - что рядовой командуемого мной батальона N 5-го Тарас ШЕВЧЕНКО ведет себя хорошо. Службою занимается усердно, образ мыслей его не подает никакого повода к чему-либо предосудительному, и, судя по этому, он заслуживает ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием, каким высшее начальство сочтет за возможное".

(Последний оборот не совсем ясен, но, сдается, не случаен - были уже, выходит, на сей предмет разговоры с этим самым "высшим начальством". Может, насчет прикомандирования к экспедиции по описи Аральского моря? Пожалуй, что так).

Ответ майора Мешкова ушел к подполковнику Чигирю, на основе его было составлено донесение генерал-майору Федяеву, тот отрапортовал генерал-лейтенанту Толмачеву, и 30 марта отправилась депеша в столицу - снова СЕКРЕТНАЯ, снова ЭКСТРА-ПОЧТОЙ.

Шефу корпуса жандармов, господину генералу от кавалерии, генерал-адъютанту и кавалеру графу Орлову.

За отсутствием командира Отдельного Оренбургского корпуса - начальника 23-й пехотной дивизии

Рапорт

Вследствие отношения вашего сиятельства к господину корпусному командиру от 30-го января за N 163-м, я, за отсутствием его высокопревосходительства, имею честь донести, что ОПРЕДЕЛЕННЫЙ В ОТДЕЛЬНЫЙ ОРЕНБУРГСКИЙ КОРПУС РЯДОВЫМ по высочайшему повелению, последовавшему в мае 1847 года, за сочинение возмутительных стихов, БЫВШИЙ ХУДОЖНИК Тарас ШЕВЧЕНКО, с запрещением ему писать и рисовать, - СОСТОИТ на службе в ОРЕНБУРГСКОМ ЛИНЕЙНОМ БАТАЛЬОНЕ N 5-го, ВЕДЕТ СЕБЯ ХОРОШО, службою занимается усердно, в образе мыслей ничего предосудительного не замечено, и, по засвидетельствованию ближайшего его начальства, он заслуживает ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием.

Генерал-лейтенант ТОЛМАЧЕВ

Складывалось все, как можно было судить по переписке, лучше некуда. Один, последний, росчерк пера и Шевченко обретет право заниматься в свободное от солдатской службы время любимым своим делом - рисованием.

Но на рапорте из Оренбурга Орлов написал: "Подождать".

Это и была РЕЗОЛЮЦИЯ.

Категорическая... Сомнений не оставлявшая...

5.

На письмо княжны Репниной граф Орлов не ответить не мог. Не приходится сомневаться и в том, что прибыл его ответ по адресу, который она указала.

Кстати, адрес сестры Елизаветы, вдовы губернатора Николая Ивановича Кривцова, Варвара Николаевна давала в преддверии поездки к ней. Пробыла в Орловской губернии довольно долго - не меньше месяца.Дождалась письма сама или получила его уже по возвращении - суть не в этом. Самого письма никакие сведения о нем заменить не могут, а мне его прочесть не привелось.

Впрочем, принципиально нового оно в себе не содержало. Пусть даже подслащенный, но отказ... Надеялась, конечно, на другое.

Меж строк следующего, не датированного, ее письма в Орскую проглядывает разочарование. Глушит его молитвой, и само письмо -молитва. Уповает на Бога и божью благодать, прощается "до свидания радостного, общего" - взбудоражена, расстроена, экзальтирована. О, будь из столицы весть иная, хоть сколько-нибудь утешительная, написала бы по другому, и хватило места не для поучений только, но и для новостей...

За что, почему воспрещено ему рисовать?!

Писать - за сочинение "возмутительных", "пасквильных", "дерзких" стихов.А рисовать?

Л.М.Жемчужников вспоминал: "... Шевченко часто приходил в недоумение о том, что обвиняют его в НАРИСОВАНИИ карикатур на императора Николая, его жены и близких к нему; он заверяет, что никогда карикатур не РИСОВАЛ, - и это правда, но тут недоразумение: ОН НАРИСОВАЛ КАРИКАТУРЫ СТИХАМИ..."

Последние слова авторитетного свидетельства выделены и подчеркнуты мною. Рисовал стихами - именно так!

... Так от де рай! уже нащо
Золотом облит! ′. Блюдолизи: аж ось і сам,
Високий,сердитий,
Виступае; обок його
Цариця небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога...

Или другая "картинка" тех же дворцовых нравов, явившаяся ему "во сне":

... Дивлюсь, цар пщходить
До найстаршого... та в пику
Його як затопить!...
Олизався неборака;
Та меншого в пузо -
Аж загуло!.. а той собі
Ще меншого туза
Меж! плеч!; той меншого,
А менший малого, ,
А той др!бних, а др!бнота
Уже за порогом
Як кинеться по улицях,
Та и давай м!сити
Недобитк4в православних,
А т! голосити;
Та верещать; та як ревнуть:
"Гуля наш батюшка, гуля!
Ура!., ура!., ура! а, а, а..."

Да не одна тут "карикатура" - целая серия их, и каких едких, злых, разящих, исполненных пепелящего сарказма, бьющих наотмашь, наповал...

Следователи III отделения все это читали, по всему этому проходили своим придирчивым карандашом, подчеркивали и отчеркивали, привлекая к самому дерзкому внимание высокого начальства.

Оно, высокое, в гневе своем доходило до ярости. И гнев этот переплавляло в доклады всеподданнейшие. И звучало в докладах, вместе со многими другими, коварное слово "карикатура". А карикатура, как известно, "РИСУНОК, содержащий насмешку, изображающий что-то в извращенном, смешном виде" (Даль).

Отсюда-то и проистекало высочайшее запрещение не только писать, но и рисовать.

Запрет того и другого содержался в собственноручном карандашном добавлении Николая I к докладу-приговору.

Ну а когда его величество писать изволят, кто этот акт прервать осмелится? кто уточнять станет, что, собственно, художник тут непричем, что вся крамола в сочинениях литературных, в стихах?

"Подождать" - наложил резолюцию граф Орлов. С "глубокой благодарностью" ему Репнина поспешила. А как хотела она порадовать Шевченко в горькой неволе... Не удалось.

ЛАЗАРЕВСКИЙ ВАСИЛИЙ ИЛИ ПЕТЕРБУРГ В ФЕВРАЛЕ

1.

Репнина уповала на Орлова.

Шевченко надеялся на Даля.

Все-таки через него тянулись главные нити к Перовскому Василию Алексеевичу и его брату Льву, министру внутренних дел, ко всем, от кого зависело обретение хотя бы куцых, но прав, и в первую голову права рисовать, о котором мечталось всего больше.

Ни на что другое, понимал, рассчитывать так скоро не может, но на это претендовать считал себя вправе. Во-первых, запрет на рисование не имел под собою никаких оснований - ничего противозаконного он, как художник, не совершил. Во-вторых, то была единственная его профессия, удостоверенная вполне официально и законно Академией художеств, находящейся под высочайшим покровительством.

Право рисовать казалось ему правом жить.

"... Як побачитеся з ВЛ.Далем, то, поклонившися йому од мене, попроать його, шоб вш ублагав В.ПЕРОВСКОГО, щоб той визволив мене хоч 1з казарм (сир!ч випросив мен! позволеше рисовать). Даль чоловш добрий, розумний і могущий, вш добре знае, як тут ми пропа-даемо, то тяжкий гріх йому буде, як вш не схоче промовить за мене хоч одно слово.

Докучаю я вам, добрий мш земляче! та що ж я маю робить? Якби мен! тыько рисувать було можна, то я і не журився б, ходив би соб1 в сірiu шинел1, поки дшшов би до домовини, та все б таки хвалив Бога, а тепер!... ой лишенько! і вимовить не хочеться!..."

Вернулся к декабрьскому письму М.М.Лазаревскому.

Не просто просьба в нем - крик души.

Но кому из братьев Лазаревских письмо адресовано? Михаилу Матвеевичу или все-таки Василию Матвеевичу, как указывалось при первой публикации в "Киевской старине" (1891, книга вторая, с.212-214)? Так ли обоснованно "уточнение" адресата, как это сдается современным публикаторам эпистолярного наследия поэта?

2.

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК В.М.ЛАЗАРЕВСКОГО

"Судьба как-то тянула меня к Далю еще с начала 40-х годов. Я кончил курс в Харьковском университете в 1840 г. В этом, или в следующем году, вызывали, помнится, официально желающих занять .места учителей в Оренбургском Неплюевском корпусе. Случайно как-то я знал, что Даль служит в Оренбурге и просил его, как известного уже литератора, устроить меня, молодого студента, учителем истории и словесности. На это письмо из Харькова я не получил ответа. Не знаю, дошло ли даже оно к Далю, так как в 1841 г. он уже оставил Оренбург, заняв место секретаря при товарище министра уделов (1 сентября 1841 г.) Льве Алексеевиче Перовском, который был одновременно и министром внутренних дел..."

(Неотделимым от Оренбургского края, где он в тридцатых годах служил чиновником особых поручений при губернаторе В.А.Перов-ском, был Даль и в глазах Шевченко. Действительно, в этом краю родился тот и как писатель "Казак Луганский", и как собиратель народной речи, народных пословиц и поговорок. В повести "Художник" есть строки, характеризующие влияние Даля на Перовского, его внимание к художникам, стремившимся в те годы поработать в отдаленной губернии; в немногих словах, но вполне

выразительно сказано об этом человеке многое: "умный, добрый Даль". Отзыв был навеян личными воспоминаниями Шевченко периода его учения в Академии художеств. Но не только ими, отдаленными во времени. Работая над повестью, в главном автобиографической, в Новопетровском укреплении, автор помнил, как много значило для него имя Даля уже в неволе, особенно в самом ее начале).

Минуло несколько лет. Василий Лазаревский отправился в Петербург. Денег, с которыми приехал, хватило всего на два месяца, службы не было и... "переживались дни вообще крепко нехорошие". Как раз в это время прочел он в майской (1846 г.) книжке "Отечественных записок" повесть В.И.Даля "Небывалое в былом, или Былое в небывалом", точнее первую ее часть (продолжение и окончание шли в июне). Повесть вызвала к жизни "длинное, горячее письмо к Далю, КОТОРЫЙ ТОГДА БЫЛ КАК-ТО ОСОБЕННО ВИДЕН И В ЛИТЕРАТУРЕ, И В АДМИНИСТРАЦИИ". Письмо свое он в копии сохранил и потом полностью воспроизвел в автобиографических заметках - искреннее, прямое, честное. "...Я весь перед вами, -заканчивал Лазаревский. - Вы знаете больше моего. Поставьте на ноги; может быть, из этого что-нибудь и выйдет... Хотя бы где место при библиотеке, учительское, домашнего секретаря, коли нельзя попасть в штатную..."

Даль отозвался тотчас. "Влияние мое по части ПОКРОВИТЕЛЬСТВА по-видимому несравнимо уже и короче того, как большею частию предполагают. Но я бы ЖЕЛАЛ быть вам полезным..."

Помощью его Лазаревский тогда не воспользовался: предложили работу в журнале - этим и занялся. Не удалось даже поблагодарить за "доброе участие": Владимир Иванович оказался в отъезде.

"Так я его и не видел..."

Личное их знакомство произойдет много позже.

3.

ИЗ ТЕХ ЖЕ ЗАМЕТОК

"... С год просуществовал я литературной работой. Один из моих братьев, Федор, служил тогда в Оренбурге по управлению Киргизскою ордою. Начальник этого управления генерал Ладыженский искал человека для составления, как говорилось, статистического описания орды. Передавая мне об этом, брат начертал такую великолепную картину степных охот, что плененный ею, я решил отдаться степям, тем скорее, что самая служба там представлялась работой с научным характером. Определен я был чиновником особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии 6 мая 1847 г., тогда же переименован в коллежского секретаря, а в июле был уже в Оренбурге..."

Итак, в Оренбург он прибыл через две-три недели после того, как Шевченко отправили в Орскую. Запомним: в июле.

Врезалось В.Лазаревскому в память, как проходило его официальное представление главному начальнику края В.А.Обручеву ("известному по своему бурбонству",- заметил он).

Когда губернатор подошел к нему и новый чиновник отрекомендовался, между ними состоялся такой диалог:

- Где проходили прежде служение?

- Нигде, - замявшись, ответил Лазаревский.

- Что же вы делали? - строго спросил Обручев.

- Жил, - ответил новичок.

- Жил? Вот так славно! Вот так служака!

"И пр." - добавил мемуарист, намекая на то, что.,разговор продолжался в том же духе.

Но служил он не под непосредственным началом Обручева, а с Ладыженским отношения сладились: и служебные, и личные. "Мы отлично сошлись..." Сошлись

настолько, что именно В.Лазаревского попросил генерал об одолжении, для него, вероятно, немаловажном. "И в ноябре я выехал в Одессу, чтобы проводить оттуда его семейство в Петербург, куда сам он отправился прямо из Оренбурга".

Еще одна дата, для меня важная: ноябрь.

Июль - ноябрь... Вот временные границы его пребывания в крае!

А далее - касающееся главного героя этой книги ПРЯМО:

"Нужно сказать, что в это время находился солдатом в Орской крепости Тарас Григорьевич Шевченко. Мы с ним не были знакомы, но он был больше чем дружен с моим братом Михаилом, служившим тогда попечителем киргизов в той же Орской крепости. (За давностью лет запамятовал: служил Михаил в Троицке - Л .Б.). За короткое время пребывания в Оренбурге мне не привелось съездить в Орскую; но я переслал Шевченко привезенные из Петербурга карандаши, краски, сигары, книги. Узнав, что я уезжаю обратно в Петербург, он передал мне просьбу следующего содержания: "Освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский (в то время член Адмиралтейского совета), у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий". Я не придавал этому большого значения, потому что и Перовский, и Даль хорошо знали, что там терпит Шевченко, и конечно люди позначительнее меня (неизвестного ни тому, ни другому) говорили им о несчастном ссыльном; но все же выполнить поручение следовало..."

Цитату обрываю, чтобы разобраться в прочитанном. Остановиться и оглядеться необходимо уже здесь. В сообщенном о Шевченко... в датах передвижения автора заметок - его заочного знакомого-друга... И - наконец - в ключевых моментах шевченковской переписки, важных как для биографической летописи поэта, так и для понимания этой поры его жизни в самых различных аспектах.

4.

Итак, "короткое время пребывания в Оренбурге" для В.Лазаревско-го это июль-ноябрь (числа неизвестны). В Орскую он не выбрался - для служащего, подначального чиновника такая поездка была делом не простым. "Но я переслал Шевченке привезенные из Петербурга карандаши, краски, сигары, книги..." ПРИВЕЗЕННЫЕ - значит, в июле. К Шевченко они могли попасть в июле-августе. Это, конечно, то, о чем мы вычитываем из единственного "парного" письма В. и Ф.Лазарев-ских, датируемого пока совершенно произвольно, без учета опубликованных в 1894 году и рассматриваемых тут заметок Василия Матвеевича.

"Посылаем Вам 6 тетрадок бумаги, 2 палочки сергучу..." Ни "тетрадки", ни "сергуч", ни "конверты", перечисленные в письме, в позднейших заметках не упоминаются - зато есть КАРАНДАШИ, КРАСКИ, КНИГИ. Книги ("Отечественные записки"!) ФЛазарев-ский вскользь называет в приписке, упоминания же о карандашах и красках бумаге не доверяет вовсе. И понятно: что одно, что другое -прямое ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО к ослушанию, к нарушению царской воли.

Посылать посылают, но на бумаге это не фиксируют; мало ли что с письмом случится, в чьи-то руки попасть оно может - не сейчас, так впоследствии. Сигары - иное дело, их не запрещают. "Один Ваш добрый петербургский знакомый не забыл Вас - прислал из Петербурга через брата ящик сигар, который при сем и препровождается..." Сигары значатся и в письме, и в заметках. Посылка, адресованная на имя М.С.Александрийского, была, без сомнения, той, которую В.Лазарев-ский собирал, с помощью приятелей - своих и Шевченко, в преддверии отъезда из столицы в Оренбург.

Письмо братьев относится не к январю 1848-го, как предположила Л.Ф.Кодацкая, составляя сборник "Листа до Т.Г.Шевченка" (1962), и даже не к декабрю сорок седьмого, как решил я уже в этой своей книге. Нет, оно, вместе с посылкой, было САМЫМ ПЕРВЫМ "письменно-вещественным" приветом поэту-солдату в Орской крепости.

Приветом не только из Оренбурга, но и из Питера. От конотопского (как и

Лазаревские) уроженца, а в эти годы петербургского чиновника Василия Езучевского (сигары, похоже, были от него), от Дзюбина Ивана, бывшего харьковского студента и тоже доброго его знакомого, может быть и от других, его не забывавших.

Не забывавших - это одно. ЗНАВШИХ, ГДЕ ОН, - другое, и не менее значительное.

Меня, когда разрабатывал "декабрьское происхождение" письма, больше всего держало в плену сообщение о том, что "Чернышев выедет в Питер по санной дороге". Теперь это не кажется мне столь уж важным. Разве ЛЕТОМ не планируют поездку ЗИМОЮ? Тогда же "санная дорога" была главной особенностью и приметой выезда В КОНЦЕ ГОДА...

А за сим о шевченковском письме, датированном 20-м декабря 1847 года. "Киевская старина" опубликовала его как письмо В.МЛазарев-скому, а издатели тома заметок, статей и писем, вышедшего в 1957-м, "переадресовали" Лазаревскому М.М., полагая, что вытекает это из ответа последнего от 12 февраля 1848-го.

Но сопоставим строки письма декабрьского (процитирую его в переводе) и заметок Василия Матвеевича.

В ПИСЬМЕ:"... Как увидитесь с В.И.Далем, то, поклонившись ему от меня, попросите, чтобы он умолил В.Перовского освободить меня хотя бы из казарм (то есть выпросил мне позволение рисовать). Даль человек добрый, умный и влиятельный..."

В ЗАМЕТКАХ:"... он передал мне просьбу следующего содержания: "Освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский...; у Перовского же, лучше всего другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий".

Слова разные - смысл одинаковый.

... Нити сходились к Далю.

5.

ИЗ ЗАМЕТОК В.М.ЛАЗАРЕВСКОГО (ПРОДОЛЖЕНИЕ) "... и в начале февраля, через месяц по приезде в Петербург, я написал об этом Далю по городской почте. Вот что отвечал он мне: "Умные люди о таких вещах по городской почте не пишут. Что вы меня бегаете? По четвергам у меня собираются добрые знакомые; увидите и кой-кого из литераторов. Приходите непременно".

Нечего делать, пошел. Даль занимал большую квартиру в доме министра внутренних дел у Александрийского театра, на самом верху... Помню, что я тут видел (в этот вечер) Ив.Ив.Панаева, Краевского, Григоровича; особенно помню профессора Кавелина, который в продолжительном разговоре удостоил меня особенно ласковым вниманием. Народу было много; МНЕ С ХОЗЯИНОМ НЕ ПРИШЛОСЬ ПОГОВОРИТЬ И ЧЕТВЕРТИ ЧАСА, и то разговор шел больше об Оренбурге, где он сам долго жил при военном губернаторе Перовском и где женился на второй жене. От него расходились рано, так как в 9 часов он ежедневно был уже в кабинете у министра Л.А.Пе-ровского..."

Прокомментирую ЭТУ часть заметок; она так же прямо относится к Шевченко, хотя имя его тут и не упоминается.

Что из приведенных строк явствует?

Первое: в Петербург, препровождая сюда семью генерала Ладыженского, ОРЕНБУРГСКИЙ чиновник В.Лазаревский прибыл, скорее всего, к новому году (дальней была дорога и от Оренбурга до Одессы, и из Одессы в Петербург).

Второе: письмо из Орской, написанное 20 декабря, нашло адресата не ранее, чем через месяц, стало быть ближе к концу января.

Третье: письмецо-приглашение Даля приведено в заметках по памяти; в отличие от писем предыдущих, оно утрачено, а следовательно и датирование его приблизительно.

Четвертое: визит состоялся, скорее всего, 12 февраля (если писал "в начале февраля", то и ответ получил уже после первого четверга в этом же месяце, а был он пятого).

Насчет ПРОТЯЖЕННОСТИ разговора "один на один" сказано в словах, мною подчеркнутых: менее четверти часа. О Шевченко, как видим, говорили наедине совсем

недолго. Мог, конечно, фигурировать он и в ОБЩЕМ разговоре - тем более, что все поименованные в заметках люди его (или о нем) знали. (Особенно Д.В.Григорович, хорошо помнивший Шевченко по годам учения в Академии художеств. Впоследствии, в мемуарах своих, вспомнит Дмитрий Васильевич и о том, как "близко сошелся (с ним) , несмотря на значительную разницу лет").

Но... в автобиографических заметках В.Лазаревского о том более ни слова - будто не это вовсе стало поводом к письму и встрече.

Непонятно. Нелогично.

Вообще-то в логике автору заметок (и других литературных произведений) не откажешь. Однако такой обрыв изложения ТУТ... - как, чем его объяснить?

Продолжаю размышлять.

Может быть, "обрыв" только на ПОВЕРХНОСТИ? И недостающее мне находится ВНУТРИ самих "шевченковских абзацев" читаемых мною заметок?

Скорее всего, именно так. Вот здесь Лазаревский пишет: "... и Перовский, и Даль хорошо знали (без него знали!), что там терпит Шевченко, и конечно люди позначительнее... говорили им о несчастном ссыльном..."

Даль, без сомнения, не преминул о том сообщить.

Но все же? Ведь должен быть хоть какой-то итог разговора... Ведь ждет этого итога рядовой в Орской - уважаемый им человек...

Итог есть!

Недописанное в заметках доверено письму.

6.

"... Сегодня мне сказали, что нечего и хлопотать тут, - никто ничего не захочет, а что можно будет (что обещали) освободить тебя из казарм и перевести в Оренбург, похлопотав там, дома... дай-то господи!.."

СЕГОДНЯ... Когда это написано? Двенадцатого! В день встречи В.Лазаревского с Далем!

"От него расходились рано..." Было еще время и поговорить, и написать. Осмелюсь сказать даже: ПОРАДОВАТЬ. Как ни говори, а новость несла надежду.

Это письмо - определенно - не от Василия, а от Михаила. Лучше, вернее будет сказать: их ОБЩИЙ ответ, написанный ОДНИМ из братьев.

Писанный не без оглядки на возможную цензуру, не без словесных и прочих предосторожностей, навеянных, очевидно, здешними, петербургскими встречами ("... боюсь, чтобы петербургский штемпель не бросился в глаза, чтобы у тебя не отобрали всего, да чтобы еще не запретили и совсем писать и тебе, и к тебе"). "Сие письмо получиш из Оренбурга" - читаем там же. Выходит, до Оренбурга с кем-то из туда отправляющихся, а дальше уже - со штемпелем оренбургским, менее подозрительным.

Михаил находился в четырехмесячном отпуске. Побывал в Киеве, пожил в Конотопе, в родном, селе Гирявке, а теперь, уже довольно долго, находился в Петербурге. Тут и сошлись трое из шести братьев. ("С Василием приехал теперь с Украины и Иван". Иван был самым младшим - учился на юридическом факультете университета).

Письмо, посланное Василию, они не без оснований считали общим - по крайней мере, старшие. В силу причин, которые прояснятся по мере чтения заметок. В.Лазаревского, отвечать было удобнее его брату. Отвечал он ЗА ДВОИХ. Так что - на основании ответа от 12 февраля 1848 года - "переименовывать" шевченковское письмо Василию Матвеевичу в послание якобы Михаилу Матвеевичу надобности не было и нет. Акция явно произвольная.

В датировании письма М.М.Лазаревского смущала меня одна строка: "Чернышев дал мне срок (для информации по делам шевченковским - Л.Б.) до вторника - до завтра, и нет никакого слуха". Если завтра вторник, то сегодня... не четверг... и, следовательно, причем тут вечер у Даля... Но вдумаешься и становится понятным: Чернышев обещал дать ответ "до в!вторка - до завтра", т.е. "до вторника-ПЯТНИЦЫ".

Обещанная информация в письмо не попала.

7.

Автобиографическая статья "Мое знакомство с Далем", как и вся эта публикация под названием "Из бумаг В.М.Лазаревского", внимание шевченковедов не привлекла. Только потому, что в заголовке нет Шевченко? Но есть фамилия, поэту нашему дорогая и близкая, за которой долголетняя, ничем не омраченная дружба с удивительной семьей!

Меж тем заметки В.Лазаревского, как и публикуемая за ними переписка с Далем, интересны во многих отношениях. Как достоверные, убедительные документы эпохи... Как неоднозначные характеристики самобытных людей того времени... Ну и как источник сведений, деталей, без которых жизнеописание Шевченко будет не полным. Оно и так не вполне документировано, а потому имеет пробелы. ПО-ХОЗЯЙСКИ ли отмахиваться от того, что не только выявлено, а и напечатано в АВТОРИТЕТНОМ журнале?

Встреча с Владимиром Ивановичем имела для В.Лазаревского важные последствия. "Через день, в субботу" Даль спросил его согласия занять место секретаря в... "особенной канцелярии" министра внутренних дел. Изумленный таким предложением, он, прежде всего, отправился за советом к Ладыженскому, находившемуся в Петербурге. "Мне не легко терять вас, - ответил начальник, - но я, разумеется, не стану вам на дороге... не стану мешать вашему СЧАСТИЮ..." Лазаревского смущала его служебная неопытность (приехав в Оренбург, он "не умел написать рапорта о том, что явился к месту"); привел Далю и другие доводы в пользу НЕПРИГОДНОСТИ своей для службы в таком качестве. Не убедил. Благополучно прошло представление министру. Все шло не быстро, но назначение состоялось. Чиновник оренбургский стал чиновником петербургским.

Чем он, однако, занимался в Оренбурге?

"... С первых дней приезда поручили мне должность делопроизводителя холерного комитета, занимавшую все мое время до самого выезда..." (Отсюда особая достоверность сведений о холере в июльско-августовском письме от братьев к Шевченко). Среди первых "литературных" произведений В.Лазаревского, написанных по прибытии в этот край, было воззвание к народу по поводу холерной эпидемии. (В Орской его, конечно, читали). Участвовал и в степной экспедиции (от привлечения новичка к "статистическому описанию орды" Ладыженский не отказался); по возвращении успел составить записку-отчет.

Отнюдь не экзотической "охотой" занимался он - делом. И именно там, в местах отдаленных, сумел привести в порядок свои мысли по вопросу жгуче-современному - об освобождении крестьян. Записка на эту тему была представлена им Л.А.Перовскому, желавшему проверить способности соискателей свободного места в собственной его "особенной канцелярии".

Такую же записку ("Несколько замечаний о русском крестьянине") писал за пять лет до того (и с той же целью) И.С.Тургенев...

Из заметок В.Лазаревского вычленяю еще два факта, а именно такие: в то же время в Петербурге находились и председатель Оренбургской Пограничной комиссии генерал-майор М.В.Ладыженский, и военный губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал от инфантерии В.А.Обручев (оба выезжали отсюда к местам службы 1-2 марта). Ну и что из того вытекает? По-моему, особая значимость намека, содержавшегося в письме М.Лазаревского от 12 февраля 1848 года. "... Съогодня мёш сказали, що шчого і хлопотать тут, - н1хто шчого не схоче, а що можна буде (що общали) визволить тебе з казарм і перевести в Оренбург, похлопотавши там, дома... дай-то господи!"

МОЖНО БУДЕТ (ЧТО ОБЕЩАЛИ) ... Обещали уже не ПОХЛОПОТАТЬ, А СДЕЛАТЬ... Кто был вправе сделать это НА МЕСТЕ? Командир корпуса! Пребывание его в Петербурге использовали ради облегчения участи Шевченко, и в том участвовали Даль (через Перовских), Лазаревские (через Ладыженского), по мере сил - другие (скажем, Чернышев, имевший и названные, и не названные здесь пути выхода "на Обручева").

ЩО ОБ1ЩАЛИ... Только обещали или имели уже план? Многоточие незаконченности, вернее недосказанности, выразительно. ОСВОБОДИТЬ ИЗ КАЗАРМ И ПЕРЕВЕСТИ В ОРЕНБУРГ...Звуча-ло обещанием, а на деле было планом, который, признаем, в конце концов осуществился. Да, через прикомандирование к Аральской экспедиции и, по окончании ее, "для окончательных работ по описи Аральского моря", переводе в Оренбург...

Свой путь к Аралу, а раньше Оренбургу и Орску, начальник этой экспедиции Алексей Иванович Бутаков начинал тоже в Петербурге, и притом тогда, когда в разных его местах можно было слышать имя Шевченко.

Отправился он из столицы в двадцатых числах февраля, а в Оренбурге был 5 марта.

НИКОЛАЙ I КЛЯНЕТСЯ ЧЕСТЬЮ

1.

Январских писем Тараса Шевченко мы не знаем.

Не писал? Писал, но не сохранились? Факт налицо: их нет.

1 февраля 1848 года он написал Андрею Ивановичу Лизогубу в Одессу, и на этих именно страницах впервые возник поход на Арал. Возник как предположение, мираж, слух, но такое предположение, такой мираж, в которые поверил как в реальность. Основательность слуха породила беспокойство, тревогу, и чувства его проявились тут же, в первофевральском письме из Орской.

"... Посылая обещанное (принадлежности для занятий живописью и графикой - Л.Б.), пришлите, будьте добры, и бумаги почтовой и бристольской... Простите, Бога ради, что я так привередничаю. За деньги спасибо вам, единый мой друже, у меня еще осталось немного, а как будет у меня все снаряжение живописца, может, и заработаю, А ЕЖЕЛИ ПОШЛЮТ ВЕСНОЮ В СТЕПЬ, В РАИМ, ЕСТЬ ТАКОЙ СЛУХ, ТОГДА УЖ БУДУ ПРОСИТЬ, А МОЖЕТ, БОГ ДАСТ, ТУТ ОСТАНУСЯ..."

Раим Лизогубу не найти ни на одной карте, и Шевченко приписывает-поясняет: "Коло Аральського моря крепость".

"... а якщо пошлють весною в степ на РаіМ, БО Е ТАКА ЧУТКА..."

Пока это только слух - возбуждающий, но и страшащий.

"... та може БОГ ДАСТЬ, тут остануся..."

Ничего заманчивого в походе он не видит. Тут как-то уже притерпелся, пообвык, а там... Снова маяться ревматизмом и цингой? повстречаться в степи с холерой? не иметь никакого укрытия от беспощадного солнца?

На пятом линейном батальоне лежала обязанность формирования команды сопровождения, прикрытия транспорта. Быть ему одним из солдат этой команды. Занятий на плацу или в экзерцисгаузе не будет, опостылевшая казарма долой, вроде бы простор, свобода, но... какая свобода, если помыкает тобою всякий унтер, и не рисуй, не пиши - все по-прежнему... Выходит, лучше оставаться в Орской. Не всю ж их роту пошлют - кому-то и тут нести службу. Попросить разве лекаря?

Так ил и не так складывались его мысли, а только в письме Лизогубу радости по случаю возможного похода нет. Нет ее и в письме, которым високосный февраль заканчивал, - к Варваре Репниной.

Тут уже не слух - нечто более определенное. "...Предстоит весною поход в степь, на берега Аральского моря, для построения новой крепости. Бывалые в подобных походах здешнюю в Крепости Орской жизнь сравнивают с Эдемом. Каково же должно быть там, коли здесь Эдем! Но никто как бог. Одно меня печалит: туда не ходит почта, и прийдется год, а может быть, и три, коли переживу, не иметь сообщения ни с кем близким моему сердцу. Пишите, еще март месяц наш, а там - да будет воля божия!.."

ПРЕДСТОИТ - и все сказано. ВЕСНОЙ - тоже признак реальности. БЫВАЛЫЕ В ... ПОХОДАХ - прислушивается, расспрашивает. В Орской, по их, "бывалых", меркам, - жизнь, в сравнении с ТОЙ, райская. Какая же она в степи и новых крепостях, если раем

представляется ЗДЕШНЕЕ?!

С неизбежностью похода Шевченко уже почти смирился. Неделю спустя, 7 марта, писал Лизогубу, порадовавшему его, наконец, присылкой художественных припасов. Если, делился сокровенным, Репнина пришлет обещанные книги, тогда "и тяжелого похода, и Аральского моря, и безлюдной степи киргизской не испугаюсь".

"Одна лишь печаль грызет мое сердце - загонят в степь, так не придется ни от кого письма получить, ни самому послать, ведь туда почта не доходит, вот мое горенько! А может, доведется год-два наблюдать ("рж або и другий ПРОСТЕРЕГТИ") никудышное ("шкчемне") это море..."

Но... "Не будемо журиться, а будемо молиться, ще те лихо далеко, а всяке лихо здалеку страшнше, як то кажуть розумш люди. Цей апріль мшяць я ще буду в О [рській] К [ріпості]..."

(Меня, не скрою, смущает, когда в цитировании писем, написанных на украинском, прибегаю то к переводу, то к оригиналу. Однако что поделаешь, если переводы так несовершенны и не только интонации шевченковские не доносят, а и порою смысл искажают? "ПРОСТЕРЕГТИ", простеречь море на протяжении года или двух лет это одно, "НАБЛЮДАТЬ" же - совсем другое. Иные обязанности, иные функции... Простое, вроде, дело - перевести "обыкновенное письмо с одного близкого славянского языка на другой, ан нет - совсем не простое, требующее языкового, литературного совершенства переводчика. Писал-то письмо ШЕВЧЕНКО!)

Еще в марте он видел себя в предстоящем походе ни кем иным, как нижним чином, отправленным сопровождать транспорт.

Только нижним чином в команде сопровождения.

2.

Дотошные современные биографы, в своем естественном желании докопаться до всего, склоняются к мысли, что "слух о походе на Аральское море весной 1848 г., ОЧЕВИДНО, возник в связи с приездом в Оренбург в декабре 1847 г. штабс-капитана А.Макшеева".

Но к чему преувеличения? Действительно, по окончании курса в Николаевской академии Генерального штаба Макшеев, прапорщик лейб-гвардии, сам попросил об определении его не в столице, а на восточной окраине России, был командирован в Отдельный Оренбургский корпус и уже здесь, в январе сорок восьмого, получил приказ о производстве своем в поручики с переводом в Генштаб штабс-капитаном. Ничего в этом сверхординарного не было: явился на службу новый офицер не в особо-высоких чинах и званиях, без всяких титулов, просто образованный двадцатипятилетний дворянин. Кто-то прибытие его заметил, кто-то пропустил мимо себя - дело обыкновенное, из ряда вон не выходящее. И вполне определенно можно сказать, что с походом появление Макшеева не связывалось.

Поход был предопределен, и практически намечен, еще в 1847-м. Тогда, тем летом, заложили форт на Сырдарье, который предстояло и развивать, и снабжать, и пополнять людьми, увозя тех, кто отслужил. Тогда, прошлым летом, спустили на воду шхуну "Николай" и лейтенант Митурич совершил первый рейс по морю, на котором дотоле не появлялся ни один корабль; теперь успех следовало закрепить и развитием судоходства, и проведением описи берегов никому не ведомого Арала. "По дороге, - писал И.Ф.Бларамберг, - генерал (Обручев - Л .Б.) выбрал еще одно место, у реки Карабутак, на полпути между Уральским укреплением и Орским, чтобы в следующем (1848-м) году построить здесь небольшой форт для отдыха войск и телег, следующих через степь..." В общем и целом, поход, предстоящий этой весной, новостью, да еще и привезенной из Петербурга Макшеевым, не был. О нем знали, его готовили заблаговременно.

В январе Шевченко вдруг понял, что он, этот поход, может коснуться и его.

Выдержит ли?

3.

О прошлогоднем походе он мог не только слышать, но и читать. Книг, или даже статей в журналах, про него еще не было. Но были, и без грифа "секретно", типографски отпечатанные "Правила для непременного и точного руководства при отрядах, выступающих нынешнею весною в Киргискую степь". Составлялись "Правила" к походу 1847-го, давали, однако, представления и о новом, следующем.

...Пусть длинный документ, без сокращений не обойтись, а все-таки воспроизведу его - для колорита времени и места - по оригиналу, который сейчас передо мною.

Итак - "Правила для непременного и точного руководства..."

Вот они:

1-е) В каждом отряде все конные и верблюжьи повозки делятся на две ровные по числу телес колонны, из коих каждая подразделяется на 3 отделения, состоящие до двухсот повозок. При размещении телег этих по отделениям должно иметь в виду, чтобы те из них, которые нагружены большими тяжестями, следовали в задних отделениях; при коих находиться мастеровым, состоящим при отрядах на случай надобности во время пути починок...

2-е) Расстояние между повозочными колоннами должно быть около 100 саж. В пространстве этом поместить, в пяти отделениях, навьюченных верблюдов, которым строиться в 5 рядов или нитей, глубиною в 50 верблюдов; число сих последних таким образом в каждом отделении будет простираться до 250-ти...

3-е) Пехоте следовать в голове отряда, между повозочными колоннами, имея в середине артиллерию; а казакам строиться в таком же порядке, в хвосте колонны.

4-е) Авангарду и ариергарду отделяться на одну версту от колонны; в таком же расстоянии находиться передовым, задним и боковым патрулям... Если патруль заметит в степи не только толпу народа, но даже и одинокого человека, то один из них немедленно дает маяк; другой же казак скачет к своей части и доносит о причине маяка...

5-е) Находящимся при отряде киргизам... следовать в голове колонны при пехоте, имея по нескольку человек при авангарде и ариергарде.

6-е) Артиллерийскому парку следовать... в особом отделении - позади одной повозочной колонны, принимая при том всевозможные осторожности от могущего случиться несчастия.....

12-е) На привалах и ночлегах останавливаться отряду в порядке вышеприведенном, с тою только разницею, чтобы в голове и хвосте телегам обоих колонн соединиться для составления каре из повозок; немедленно выставлять в приличных местах часовых... По пробитии зори, часовым, начиная с главного караула, давать сигналы...

13-е) Когда отряд приходит на ночлег, то подводы сдвигать, устанавливая их таким образом, чтобы оглобли нижестоящих повозок ложились на кузова вышестоящих.....

20-е) Проходя по пересеченной местности, или становясь на оной привалом или на ночлег, рассылать киргизов для осмотра местности вокруг расположения или движения отряда, и о том, что заметят сомнительного, - немедленно доводить до сведения...

И так далее. И тому подобное.

В конце подпись: генерал от инфантерии ОБРУЧЕВ.

Шли строить - готовились воевать.

Да ведь и воевали... Мало ли рассказов слышал о вооруженных столкновениях на опасных дорогах к Аралу, о коварных нападениях исподтишка, о пролитой солдатской крови?

Однако тревогам не поддавались: "еще эта напасть далеко, а всякая напасть издалека страшнее".

ДАЛЕКО... Так ли?

4.

О походе думал, в поход собирался.

Пуще прежнего жаждал восстановить связи с волей, узнать о каждом из друзей-приятелей и чтоб узнали о нем они.

А.И.Лизогубу, 1 февраля: "ВСЯК ДРУГ РЕЧЕТ: СОДРУЖИХСЯ ЕМУ И АЗ; НО ЕСТЬ ИМЕНЕМ ТОЧИЮ ДРУГ. Вот так теперь и со мною сталось. Бывало, в собаку кинешь - попадешь в друга, а как пришлось туго, святой их знает, куда они подевались! Может, умерли, сохрани боже! Нет, здравствуют: только отреклись от бесталанного своего друга. Бог им прости. Если б они знали, что едино слово доброе теперь для меня паче всякой радости. Да что ж, недогадливы!..."

Особого прибавления корреспондентов не произошло. Написала только Александра Псел, с которой познакомился некогда у Репниных. Ему была по душе искренность украинских стихов Александры; помнил и ценил ее "Свячену воду" - восхвалял это стихотворение даже в предисловии к задуманному им новому изданию "Кобзаря". Письмо писала из Одессы: "Протягиваю Вам руку, прошу Вас, добрый Тарас Григорьевич, считайте и меня старой знакомой..."

(С датированием его опять же путаница: "начало марта" тут явно необоснованно. Уж хотя бы потому, что есть в нем такие строки: "Бог знает, как бы я желала, чтобы Вас по крайней мере не исторгали из ЭДЕМА..." А "Эдемом" - раем! - он, вторя "бывалым", иронически провозглашал жизнь орскую (в сравнении с той которая ему предстояла, если уйдет в степь) в письме к Репниной, самим автором датированном 25-29 февраля. Никто эту, авторскую датировку не оспаривает. Так каким образом письмо, отправленное двадцать девятого февраля, могло обернуться ответом, писанным в начале марта? Даже сегодня, при наличии скоростных поездов и тем паче авиалайнеров, подобная "оперативность" сомнительна. А уж тогда, когда в один конец письмо шло месяц, а то и больше... Нет, если уж март, то, в лучшем случае, конец его; вернее же ставить "конец марта - начало апреля". И над письмом Александры Псел, и над тем, на обороте которого оно написано, - Варвары Репниной).

Готовясь к еще не решенному, но вполне возможному и вероятному, ЕГО походу, Шевченко проявлял все большую настойчивость в стягивании "орудий и средств производства".

ИЗ ТОГО ЖЕ ПИСЬМА ЛИЗОГУБА: "...Посылая обещанное, пришлите, будьте добры, и бумаги почтовой и бристольской, ежели найдете в Одессе..." Просил Репнину поторопить Лизогуба с отправкой: "... просите его о том, о чем я его просил". Тут же об особой спешности дела: "... если можно, чтобы он поторопился, боюсь, ежели его посылка не застанет меня здесь". И какая радость, когда посылка приходит! "... Ципсшьку н!ч не спав, розглядав, дивився, перевертав по-трич1, щлуючи всяку фарбочку..." Но уже с первого дня экономит: ".Я теперь (пошли вам Бог здоровья) хоть и богат бумагой, а все-таки на клочке пишу; сказано, пустыня, - где я возьму, ежели потрачу, да и уделить кое-кому надо хоть по листику".

"Пустыня" страшит и... манит.

Как манит истинного художника всякое новое.

Дружба. Краски. Что еще? Книги.

О книгах он печется, пожалуй, не меньше, чем о красках.

"Одно спасение от одеревенения - книги..." Это из февральского письма к Репниной.

"Не найдете ли в Одессе сочинений Лермонтова и Кольцова, пришлите поэзии святой ради..." (Из письма Лизогубу).

"И Шекспир, и бумага, и краски... - все целехонько..." (Ему же).

"Ежели вы имеете первого или второго издания книгу Фомы Кем-пейского О ПОДРАЖАНИИ ХРИСТУ, Сперанского перевод, то пришлите ради Бога..." (Репниной).

"Извините меня... что я так долго медлила с присылкою книги "Избранные места"; наконец, я их отправляю..." (От Репниной).

"Од Михаила Семеновича получите Лермонтова..." (Из письма Ф.Лазаревского).

О книгах чуть не в каждом письме - от него и к нему.

Совсем небольшой его походная "библиотека" будет; да ведь БУДЕТ, и это для него важнее многого, дороже дорогого.

Ну и о деньгах...

Беспокоило и это, но о денежной подмоге не просил.

Есть в письме к Лизогубу (писанном 1 февраля) такое ТУМАННОЕ место: "... за деньги спасибо вам, единый мой друже, у меня еще осталось немного, а как будет у меня все снаряжение живописца, может, и заработаю..."

Благодарит за деньги... А о ВЫСЫЛКЕ их в переписке ни слова. Загадка!

...Загадки нет. Шевченко отвечает на ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕНЕГ: "...напишите, если вам что нужно; может, краски, может денег, ... и как только соберусь, что смогу - пришлю".

Поблагодарил, но отказался. Не просил и дальше. В письмах Лизо-губа то и дело проскальзывали сетования на скудость средств ("как только раздобуду деньжат...", "я не слишком богатый...", "подождите немного, как разживусь...") Андрей Иванович тратился на него, отрывая от семьи; он готов был делиться и делился; от красок, бумаги, книг отказаться нет сил; однако денег не просит. За предложение, конечно, спасибо; может, прижмет беда - тогда скажет; сейчас же надеется заработать сам - он ведь художник...

"... у мене ще осталося трохи..."

Остались сущие пустяки. Было бы сносно, да пристал зимою подпоручик Бурхвиц: одолжи, дескать, Тарас Григорьевич, позарез нужно отдать в Оренбурге, вернусь - рассчитаюсь без задержки. Шестьдесят восемь-рублей да еще тридцать копеек серебром передал ему из рук в руки. Как благодарил!.. Да видно-таки бессовестный он человек - не отдает и даже слова про долг не скажет. Вернет ли до похода?

В карманах пусто.

"... до шеляга пропали..."

Не в деньгах, конечно, счастье. Но не обойтись и без них. ;

5.

О предстоящем походе говорили все более определенно.

По Орской прокатывались волны предпоходных слухов, и если не было еще СУЕТЫ сборов, то ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ уже проявлялась.

Как раз в это время не раз упомянутый в книге Иван Федорович Бларамберг находился в Петербурге, куда прибыл для того, чтобы доложить о прошлогодних съемках в Оренбургской губернии.

Планшеты выставили в большом зале Зимнего дворца. Императрицу Александру Федоровну съемки не заинтересовали, зато Бларамберга она не преминула спросить о степени его родства с известным одесским антикваром. Позднее появился сам царь - с великими князьями Александром и Константином, с военным министром Чернышевым, в сопровождении большой свиты.

"... Я показал его величеству детали съемок, - вспоминал Иван Федорович через годы и годы, - и, когда государь осмотрел план новой врепости Раим на Яксарте и окрестности вокруг нее, представляющие пустыню и песчаные степи, он воскликнул: "Ma foi! Je ne voudrais pas vivre dans un trou pareil!"

Возглас Николая I переводился с французского так: -Клянусь честью! Не хотел бы я жить в такой дыре...

Сейчас в эту ДЫРУ собирался его "крестник", им "обласканный" Тарас Шевченко.

С правом выслуги. И куда более реальным - смерти.

ДНЕВНИК ПЯТИ ДНЕЙ

1.

И опять же о сборах в поход, о подготовке к нему.

В чем состояла (и состоит!) эта подготовка для литератора, для художника? Только ли в экипировке и решении вопросов "организационных"? Отнюдь.

Куда важнее собраться с мыслями, для себя решить, что сделать хочешь, подумать, где, в чем и как приложить свои силы. Физические это одно: он солдат, а за солдата решает... кто только не решает! Силы творческие - вот главнное. "По1деш далеко, побачиш багато..." - предсказывал Штернбергу, когда тот собирался в степь. А как рассматривали все в Академии то, что увидел Василий взглядом художника...

Чего жаждет ЕГО душа?

Рисовать, писать красками - природу, людей, жизнь.

Но разве меньше жаждет она поэзии?

А не попробовать ли еще вести и дневник?

Думалось о многом. Многом и разном. Не думать обо всем этом не мог.

2.

Датирование стихов - если нет под ними дат авторских - занятие не из благодарных. Попытки дать поэтическим произведениям Шевченко географически-бесспорные привязки, с точнейшими названиями всех пунктов, во множестве случаев обречены на неудачу.

В самых авторитетных изданиях читаем:

... Вторая половина 1847, Орская крепость...

... Конец 1847, Орская крепость...

... Первая половина 1848, Орская креполсть...

Эти приписки берут в квадратные скобки, отделяя от того что написано самим поэтом. Но конфигурация скобок подавляющее большинство читателей оставляет равнодушной. Замечают только место, только время. Сомнений, обыкновенно, нонпарельные строки не вызывают (да и почему должны вызывать, если ни в одном случае вопросительных знаков нет?) Так и переходят из издания в издание, из летописи в летопись, из одного ученого труда в другой.

А что бы задуматься: да ведь гениальное всегда выше узко-конкретного! Что у Шекспира и у Байрона. Что у Пушкина и Лермонтова. Что, естественно, и у Шевченко...

Да не поймут меня превратно - я вовсе не против хронологии и, безусловно, за хронологический подход к публикации поэтического наследия. В данном конкретном случае задача облегчается тем, что сохранились шевченковские "захалявные книжечки", в которые сам он, своей рукою вписал стихи и поэмы лет невольничьих. Вписал в новой против черновых автографов редакции, в последовательности не только временной, но и смысловой - такой, в какой хотел бы их видеть (на момент переписывания) в издании печатном. Месяцы и дни в рамках полугодия или года препятствиями в компановке цельных сборников (или разделов) не являлись. Мог переставить, поменять местами, выдвинуть "в голову" - как программное - или отнести в конец... Есть у автора во все времена широкое право распоряжаться написанным - право неотъемлемое.

... Задумал Шевченко поначалу ГОДОВЫЕ ЦИКЛЫ поэзии.Ввер-ху первого, не заполненного ни текстом, ни рисунками листа, над скромной чернильной рамкой, простейшее авторское обозначение: "1847". Эта часть стихотворных страниц заканчивалась на 145-й, следующие тринадцать были оставлены пустыми (для заполнения последующего, когда разберется с черновиками?); над 159-й, красными чернилами, вписал "1848", а посредине - "2" и пошла нумерация своя.

Поэзии СОРОК ВОСЬМОГО ГОДА - с января по декабрь?

Принято считать, что это НЕ ВОПРОС, а нечто САМО СОБОЮ РАЗУМЕЮЩЕЕСЯ.

За первым полугодием солдатчины числят две поэмы и четырнадцать стихотворений. За четырьмя Орскими месяцами в 1848-м "закреплены" поэма "Варнак" и два стиха: "А нумо знову в1ршувать..." и "Ой гляну я, подивлюся..."

Ищут оправдания тому, что писал "мало". Чаще всего ссылаются на "тоску и

безнадежность", на болезни и, особенно, боль в глазах, на тревоги, вызванные весенним походом к Аралу.

И все-таки распределение написанного в Орской не убеждает меня, как читателя и исследователя, нисколько. Не кажется убедительной граница в рамках одной крепости, одной и той же обстановки. Условная граница... неоправданная граница... Доверия она не вызывает. Но - помета "1848" сделана-то рукою Шевченко!

... Допускаю: в организации уже написанного поэт вышел сначала на циклы ПО ГОДАМ. Однако в процессе переписывания с черновиков (не писарского перебеливания - самого придирчивого авторедактирования!) планы его изменились. Каким образом! Скажем таким: заменой чисто формальной границы ЛЕТ границей СОСТОЯНИЙ, более ощутимой и, во всех отношениях, оправданной.

В преддверии похода (до него еще были месяцы, но крепость жила уже им) писал стихи ОРСКИЕ, стихи 1847-ГО. Поэтический его СОРОК ВОСЬМОЙ вступит в права с приходом НА РАИМ.

Это мое мнение. С ним можно спорить. Но авторитет Шевченко в таком споре будет, пожалуй, на моей стороне. О том, что стихотворение "А нумо знову в1ршувать...", переписанное во вторую тетрадь "Мало! книжки" ПОД НОМЕРОМ ПЕРВЫМ, было создано уже на Арале, говорят строки, не вошедшие в окончательную редакцию (НО СУЩЕСТВОВАВШИЕ ИЗНАЧАЛЬНО!):

Поки море вне
Та гризе високий берег,
Чи не вдам я знову
Про що-небудь тихенького
Та благого слова.

Об этом, согласен, говорить можно было бы не здесь - дальше. Но на разговор - "несвоевременный" разговор - подвигли меня забурлившие и во мне мысли о походе, месяцах предпоходных и годах последующих. Конечно, вернуться к теме еще придется: все мы знаем, что и в тяжелейших походах, и на неизведанном море оставаться Шевченко поэтом - приговоры перед поэзией бессильны.

Только разве поэзию ПЛАНИРУЮТ?

3.

Дневник - дело другое.

Можно сказать себе: БУДУ ВНЕСТИ ЗАПИСИ, и записывать день за днем все, что покажется интересным.

Для памяти. Для будущего. Просто чтобы утолить ЖАЖДУ ПИСАТЬ.

Под конец подневольного десятилетия он запишет: "Мне следовало бы начать свой журнал со времени посвящения моего в солдатский сан, сиречь с 1847 года. Теперь бы это была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшие грустные десять лет, я сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записал в ней? Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я смотрел на все это? Как арестант смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд. Одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет. А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию и бездушных грубых лицедеев, с которыми мне привелось разыгрывать эту мрачную монотонную десятилетнюю драму?"

Свидетельство не оставляет сомнений.

Но существует и другое, занесенное на бумагу в конце февраля 1848-го: "Со дня прибытия моего в К [репость] О [рскую] я пишу дневник свой, сегодня развернул тетрадь и думал сообщить вам хоть одну страницу, - и что же! так однообразно-грустно, что я сам испугался -и сжег мой дневник на догорающей свече. Я дурно сделал, мне после жаль было моего дневника, как матери своего дитяти, хотя и урода".

Второе сообщение перечеркивает первое.

"Мне следовало бы начать... с 1847 года..." - "со дня прибытия Моего... я пишу дневник свой..."

"... Сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью..." - "...сегодня развернул тетрадь..."

"А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию..." -"... так однообразно-грустно, что я сам испугался - и сжег мой дневник..."

Выходит, дневник СУЩЕСТВОВАЛ, и Шевченко вел его ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ? тетрадь ИМЕЛАСЬ, коль скоро ЖЕГ ЕЕ на огоньке свечи?

В своем поступке он раскаялся, но было уже поздно - дело сделал. Сожженного, уничтоженного не воротишь - оставалось лишь сожалеть. Тем более, что обходиться без записей дневникового характера далее не мог - стали они делом привычным. Подтверждение тому -цитированное выше письмо к Репниной, которое само по себе является его ДНЕВНИКОМ ПЯТИ ДНЕЙ.

Поделюсь своим соображением.

В первом случае автор говорит о ЖУРНАЛЕ, во втором - о ДНЕВНИКЕ. Для него эти понятия НЕ СИНОНИМЫ. Журнал в его представлении есть нечто развернутое, пространное, сродни журналистике (по определению Даля - "срочной словесности") Дневник, по Шевченко, - более сжатое, скупое, деловое; фиксация фактов, которыми отмечен день, без попыток их толкования.

Орская - за исключением того непродолжительного времени, когда жил не в казарме, а на квартире, - не позволяла ему вести журнал, подобный тому, за который взялся летом 1857-го в Новопетровском укреплении. Все в первые месяцы солдатчины ограничивалось, в лучшем случае, несистематической хроникой происходившего, да еще и с оглядкой на то, что записи, чего доброго, попадут в чужие руки.

Тетрадь могла быть такого же типа, как и "захалявные книжечки". И то ли в ней разочаровался, то ли почувствовал опасность ее хранения - поднес к огоньку свечи. Настоящую "записную тетрадь" сжечь "на догорающей свече", притом в казарме (а значит на виду), было не просто, пожалуй даже - невозможно.

Теперь думал он о дневнике настоящем, на иной, чем прежде, основе, на ином уровне. Так возникла мысль о записях в форме ПИСЕМ.

Писать письма ему - спасибо хоть за это - еще, казалось, не воспрещали.

4.

Испытание возможностей, ПРОБА ЖАНРА - письмо к ней, Варваре Репниной.

Начинал как обыкновенное - получился дневник.

Еще в октябре, ближе к концу месяца, написал он княжне первое свое письмо из Орской крепости. Долго шло до нее, не сразу ответ, сочинила; пока писала да отправляла, времени прошло немало. Не враз отозвался сам. "Тринадцатый день уже читаю..." Прибыло, выходит, в пятницу, 13-го (день почтовый!). Всколыхнуло, взбудоражило, но сразу писать не стал - то одно, то другое помехой оказалось, да и настроения соответствующего не было. Дни ушли - две недели, почитай. За ответ засел 25 февраля - в день, располагавший к раздумьям о жизни. День рождения... Первый на солдатчине...

Пытался подладиться под тон корреспондентки - набожной всегда, и в письме своем тоже:"... счастлив, кто малым доволен, и в настоящее время я принадлежу к самым счастливым..." Почему не доставить доброму, хорошему человеку приятное словами о покорности судьбе и благодати божьей, о "великой радости" праздновать свой день над письмом из Яготина - "тихо, тихо, и так весело, как никогда не праздновал"? Только за эту "великую радость" обязан он не Репниной - царю с приспешниками, загнавшим его на край света, запершим в казарму, лишившим всех прав! "Самый счастливый..." Какое уж тут счастье?

Двадцать пятого письмо не дописал. Продолжить смог лишь назавтра. Так начал возрождаться его дневник. Будто Феникс из пепла...

"26 февр[аля]. Вчера я не мог кончить письма, потому что товарищи солдаты

кончили ученье, начались рассказы, кого били, кого обещались бить, шум, крик, балалайка, выгнали меня из казарм, пошел на квартиру к офицеру (меня, спасибо им, все принимают как товарища) и только расположился кончить письмо, и вообразите мою муку, хуже казарм, а эти люди (да простит и им Бог) с большой претензией на образованность и знание приличий, потому что некоторые из [н]их присланы из западной России, Боже мой! неужели и мне суждено быть таким? Страшно! Пишите ко мне и присылайте книги".

В строках этих все кажется ясным. В немногих словах - поистине живописная картина батальонной казармы. Живописная и - звучащая! Казарму не только видишь, но и слышишь... Да, тут не уединишься - беги, куда глаза глядят. Ушел с незаконченным письмом "на квартиру к офичеру". Хотел дописать, но...

Остановимся.

Фамилии офицера нам не узнать, а гадать по списку офицерского состава батальона не к чему. (Кстати, и НЕ ВСЕ принимали его "как товарища" - преувеличение явное, из той же области, что и "принадлежу к самым счастливым").

Однако главное в этой части письма (кроме лаконичной, но выразительной, картины жизни, начисто опровергающей его "счастлив"), вовсе не ориентиры адресные. Главное то, что у безымянного (для нас) офицера в тот вечер собрались люди. Пришли отметить день рождения Шевченко? выпить в его честь (и за его счет)?

Сомнений на этот счет у меня нет.

Кто пришел?

Офицеры и чиновники из близких к хозяину квартиры.

"Присланные из западной России" - конфирмованные поляки, число которых в крепости увеличивалось.

Характеризует "общество" так: "с большой претензией на образованность и знание приличий..." Претензии здешнего офицерства он уже познал. Не по душе ему было и шляхетское чванство иных из польских знакомых.

Нет, товарищеского разговора не получилось, возникли распри, грубые споры и ссоры, вечеринка вылилась в пьянку. Весь этот абзац, по сути, одно предложение (только на последней строке два других, звучащих как дописка). Вчитаемся в первое и основное. Оно не дописано, оборвано на середине, рассказ без конца - писал на одном дыхании, а его, дыхания, и не хватило. Не договорив, ужаснулся: "неужели и мне суждено быть таким?" И пронзительно крикнул: "Страшно!"

Будто о спасении попросил: пишите... присылайте книги... Не пустая это фраза - мольба о целительном лекарстве. Чтобы не отупеть, не задохнуться, не опуститься на дно... Выжить и - жить!

Дописать он уже не спешит. Вошел во BKyjb письма-дневника? Решил разобраться в себе, своем сокровенном?

5.

"27 фев [раля]... Теперь самое тихое и удобное время - одиннадцатый час ночи. Все спит, казармы освещены одной свечкой, около которой только я один сижу и кончаю нескладное письмо мое, - не правда ли, картина во вкусе Рембрандта? - Но и величайший гений поэзии не найдет в ней ничего утешительного для человечества ..."

Художник, поэт - он всюду художник, он поэт всегда.

В воображении Шевченко рождается картина глубокой впечатляющей силы, пробуждается поэма, обращенная к человеческому разуму и человеческой совести.

Перед величием полотна-шедевра, поэмы-симфонии блекнут украдкой сделанные, торопливые, отрывочные записи его маленького потайного дневника, и он подносит их к догорающей свече.

Это тоже сюжет, тоже драма, и какого смысла исполненная...

"28 ф[е]в[раля]. Вчера я просидел до утра, и не мог собраться с мыслями , чтобы закончить письмо; какое-то безотчетное состояние овладело мною (прийдите все

труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы). Пред благовестом к заутрени пришли мне на мысль слова распятого за нас, и я как бы ожил, пошел к заутрени и так радостно, чисто молился, как может быть никогда прежде..."

Из головы его не шел вечер двадцать пятого, исторгший наболевшее: "Страшно!" По-особому остро воспринималось то, что творилось вокруг и к чему, казалось, уже притерпелся. Вновь и вновь будоражили душу думы о судьбах людских, о судьбе своей, собственной. Чтобы успокоиться, брался за Библию. Читал "Евангелие от Матфея". Тут-то и вычитал наставление Иисуса Христа двенадцати ученикам своим: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас; возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо, и бремя мое легко". Что осталось ему, кроме того, чтобы терпеть и надеяться на лучшее? Будь что будет - надо жить, надо оставаться самим собой, не поддаваться унынию и печали, гнать от себя мысли о безысходности. Он ли не труждающийся, он ли не обремененный? Но и успокоение в нем самом, а это значит - в работе мысли, в преодолении невзгод, в творчестве. Никто не возьмет, и никому он не отдаст, его иго, его бремя. Но и иго можно обратить в пользу, и бремя сделать легче, если не сдаться, не пасть духом... Заканчивалась первая седмица Великого поста, подходила Неделя первая - красный день в календаре церковном. "Радостно, чисто молился" не перед Богом - перед алтарем Жизни...

- Не варт, ш-богу, жить на свт!

- То иди топись! - А жшка! дгги?

- Ото ж то, бачиш, не бреши! А сядь лишень та напиши Оцю бувалыцину... То може 1нако скажете, небоже.

Пиши отак: було

Село-

Та щоб не л!зти на чужину,

Пиши - у нас на Украшь..

Украина была в каждой клеточке его естества, его жизни. И была его жизнью святая муза и мученица - поэзия.

Поэзия-правда... "Москалеву криницю" он писал уже в Орской . В эти ли дни, в другие, раньше или позже - писал.

Из двадцать восьмого - просьба о книге Фомы Кемпийского, монаха-богослова еще пятнадцатого века, и сообщение о предстоящем походе в степь (судя по тону, вопрос он считает решенным), и тревога: не оборвутся ли вовсе ниточки связей с людьми, ему близкими?

Тут же о цынге, скорбуте - болезни, которая его пугает. Но еще больше, как видно, пугает чувство страха перед тем, что ему кажется утраченным в любимом его деле. "Странно! прежде, бывало, я смотрел на природу одушевленну и неодушевленную, как на совершеннейшую картину, а теперь как будто глаза переменились: ни линий, ни красок, ничего не вижу. Неужели это чувство прекрасного утрачено навеки? а я так дорожил им! так лелеял его! Нет, я, должно быть, тяжко согрешил перед Богом, коли так страшно караюсь!"

И снова о красках, снова о книгах. "Одно спасение от одеревенения - книги". Все это - 28 февраля. Три абзаца в письме к Репниной. Своеобразном ДНЕВНИКЕ ПЯТИ ДНЕЙ...

6.

Пятым днем стало двадцать девятое - год был високосным, а день лишним. ЛИШНИМ в буквальном смысле слова; казалось, именно он удлиняет его треклятую службу.

О событиях ДНЯ тут ни слова, О ЧУВСТВАХ - не скупо. (Это и вообще дневник не событий, но чувств). Впрочем, есть же такое: только СЕГОДНЯ, вновь перечитывая письмо от Репниной, заметил он слова о том, что, мол, долгие месяцы о ней не вспоминал.

"Не вспоминал..., а помнил..." И тут же уточнил, напомнив им двоим памятное: "... со дня или вечера, когда я вам жаловался на соседа вашего П [лато-на] Л [укашевича]..." О, помнилось все!

С помещиком Лукашевичем он познакомился в сорок третьем. Занимался тот не только хозяйством, а и литературой; Шевченко знал составленный этим паном сборник "Малороссийские и червонорусские народные думы и песни", ценил его. Но вот однажды в суровую, морозную зиму понадобилось Платону Ефимовичу переслать Шевченко в. Яготин записку, требовавшую ответа. И послал он из Березани, за тридцать верст, пешком, в непогоду крепостного своего крестьянина, да еще приказал ему вернуться с ответом в тот же день. Поэт был возмущен таким отношением к человеку. В записке он объявил о разрыве всех отношений с бездушным помещиком. Крепостник разъярился и ответил: у него, мол, "300 душ таких... как Шевченко". Оскорбленный до глубины души, Шевченко не скрыл своих чувств от Репниной и нашел в ней сочувствие."... Я не знала, что сказать, что сделать, чтобы утешить его, - вспоминала она, - я прижала его голову к моей груди, обняла его, поцеловала его руку, целовала бы его ноги. Я хотела ему доказать, что если нашелся негодяй, который, вместо того, чтобы скорбеть о таком ужасном положении вещей и радоваться, гордиться и чувствовать себя счастливым, видя, что гениальный сын его родной страны избавился от этого позора, ставит ему его в вину, -то есть существо, ставящее благородные чувства и священный огонь выше случайности рождения..."

... (да простит ему господь)...

Слова в скобках - для Репниной. Бог Лукашевичам всегда прощает, он же обиды помнит и спускать их не собирается.

... Так1-то темни д1ла
Творяться нишком на с!м свт!
А вас, письменних, треба б бити,
Щоб не кричали: "Ах! аллах!
Не варт, не варт на свт жити!"
А чом пак теми! не кричать?

Всего больше боится он "страшного бесчувствия, которое уже начинает проникать в ... расслабленную душу". Но нет, держится стойко -это и по письму видно, и по стихам, которые рождаются вопреки всему.

Стихи о несчастном Максиме, бедняге-калеке, все утратившем, но только не желание делать добро людям.

... І край шляху при долин! -
Отже не вгадаеш,
Що калша виробляе? –
Криницю копае!
Та и викопав. На те лгго
Криницю святили,
На самого маковая,
І дуб посадили...
…….
Хто йде, ще - не минають
Зеленого дуба,
В холодочку посщають,
Та тихо, та любо,
П'ючи воду погожую,
Згадують Максима...
Отак живпъ, недоуки,
То и жить не остине.

"Страшное бесчувствие" он в себя не впустит. И остывать жизнь не должна. Пока

жив - живи...

РОЖДЕНИЕ ЗАВЕТНОЙ СЕПИИ

1.

Сепия обнаружилась в Париже.

Отыскалась случайно и не случайно.

Занятый всю свою жизнь поисками реликвий отечественной культуры и в благородном этом деле преуспевший, доктор искусствоведения И.С.Зильберштейн, будучи в Париже в гостях у Берты Ефимовны Поповой, вдовы видного антиквара, рассматривал содержимое объемистой папки, в которую муж хозяйки до самой своей кончины вкладывал рисунки, приобретенные им у разных людей. Ничего особенного в данной папке не находилось. Были там, конечно, работы некоторых значительных русских мастеров, но чего-то необыкновенного листы не открывали. Шедевров не предвиделось и...

- Хотелось поскорее доглядеть эту папку, так как надежды увидеть в ней что-либо интересное у меня уже не было, - вспоминал Илья Самойлович впоследствии. - Поэтому дальнейшие графические листы я рассматривал как-то машинально, почти не задерживаясь, чтобы приняться за просмотр других, быть может более значительных по содержанию, папок или альбомов. Но бегло обозрев лист, на котором был изображен не то ночлежный дом, не то казарма, и не задерживаясь, перейдя к следующему, я как-то инстинктивно вернулся к предыдущему листу. Стал внимательно его рассматривать, - ни подписи, ни даты, да и на оборотной стороне никаких пометок. И вдруг возникает мысль:"Да ведь это работа Шевченко!" То же впечатление и от следующего листа, хотя по сюжету он совершенно иной...

Так заявили о себе оригиналы шевченковской "Казармы" и его же сепии "Две малороссиянки".

Расстаться с ними исследователь был уже не в силах.

Три месяца спустя, покидая Францию, он увозил обе работы с собою - их подарила владелица, которая до этого даже не предполагала, что хранила в себе неистощимая папка мужа.

Сепии Шевченко вернулись на Родину.

2.

"Казарма" прежде публиковалась.

Публикаторы, собственно, и название дали - у автора его не было.

Но воспроизводилась она по репродукции со скверной фотографии конца прошлого века. След оригинала был утерян, где находится подлинник - этого не знал никто. Пожалуй, даже Александр Яковлевич Конисский - один из первых биографов Шевченко. На рубеже столетий во Львове вышел его двухтомный труд "Тарас Шевченко - Груыпвський. Хрошка його життя", первоначально публиковавшийся журнально. Там-то и описал он - во всех деталях описал - эту редкостную картину, нарисованную, по его утверждению, еще В 1847 ГОДУ и, стало быть, запечатлевшую ОРСКУЮ казарму. Время и место рисования Конисский определил достаточно убедительно. Тут разве что не сорок седьмой, а уже сорок восьмой, зато его начало. И не НОЧЬ в казарме - скорее ДЕНЬ, свидетельством чему и световая гамма, и присутствие "постороннего" - мальчишки - на лучше всего просматриваемом переднем плане. Нет, здесь на самом деле день, но уже после изнурительных занятий на плацу, все силы вымотавших, все соки выжавших.

Репродукция и в малой степени не передавала достоинства оригинала.

Многое оказалось затемнено, скрыто.

Хорошо, что не навсегда...

В тяжелом сне забылись на нарах люди. Лежат они вповалку, торчат или свисают неприкрытые ноги, на спящих небрежно накинуты солдатские шинели. У нар тяжелые сапоги, в глубине сундучок на замке, сбоку бадейка с водою, в которую вот-вот упадет

свисающая амуниция. Над головами спящих, под потолком, сушится белье. Поодаль - пьяная компания. У одного из гуляк в руке штоф с водкой. Другой рукой он, заводила, дирижирует нестройным хором изрядно выпившей компании. Вместе со своими дружками развлекается дебелая и тоже пьяная женщина, явно "своя" в этом бараке.

Еще более глубокие планы - две группы солдат, у каждой из которых собственные занятия, несхожие интересы. То ли беседуют, то ли молча раздумывают о сокровенном.

Людей множество, но раньше всего бросается в глаза Шевченко. Справа у стены казармы сидит он на скамейке, думая свою вечную думу и одновременно что-то мастеря. Может быть, в подарок мальчонке в нищенской одежде, с казахским малахаем на голове. Один из маленьких его друзей? Около него их всегда было много - дети любили своего "Горыча", вились вокруг, находя доброе слово, отцовскую ласку, а то и бублик в подарок.

Видится мне на картине и еще один... Шевченко. На нарах слева, освещенный *в* темном своем закутке свечкой, сосредоточенно думающий над стихотворением или письмом...

19 х 27... Совсем малая сантиметровая площадь, и такое содержание, такая экспрессия! Не только предельная точность, неопровержимая правда воссоздания мрачности, затхлости, вони царской казармы, но и высочайшая художественная сила раскрытия образов, передачи настроения. Рембрандтовская сила!...

"... не правда ли, картина во вкусе Рембрандта?" - писал он 27 февраля 1848 года Варваре Репниной, и тут же добавлял: "Но и вели чайший гений поэзии не найдет в ней ничего утешительного для человечества".

УТЕШАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО Шевченко не собирался.

Человечество он БУДОРАЖИЛ.

3.

И.С.ЗИЛЬБЕРШТЕЙН:"... эта работа была исполнена в последние месяцы пребывания Шевченко в ссылке". И вслед за тем, после вывода предыдущего: "Не исключено, что сделал он ее для того, чтобы сохранить для самого себя зримое воспоминание о том страшном подневольном десятилетии".

Заявление по поводу того, что писал он ненавистную ему казарму не для чего иного, как для собственного "зримого воспоминания", в устах ученого-искусствоведа звучит противоестественно.

Если на то пошло, все его художественные работы, кроме тех, которые имели служебное назначение, да еще заказных, за деньги писанных портретов, выполнялись от души и для души, но спустя какое-то время, большее или меньшее, переходили к тем, кому дарил или продавал их автор.

У Шевченко не было необходимости в таком наглядном пособии для оживления памяти, которая навсегда вобрала, впитала в себя картины и пострашнее, переживания остроты необычайной, трагедию всего солдатского сословия, неизбывное горе миллионов и миллионов.

Не исключено? Исключаю решительно!

.... А теперь к вопросу о датах. У Конисского - первый год солдатчины (и, следовательно, Орская). У Зильберштейна - последние месяцы службы (а, значит, Новопетровское укрепление).

На каком основании происходит такой разнобой?

Искусствовед, вернувший нам всем подлинник сепии "Казарма", доверился полному собранию произведений Тараса Шевченко в десяти томах, выпущенному издательством Академии наук УССР в шестидесятые годы. В девятом томе этого издания (1964 г.) под номером 70-м картина помещена с указанием начальной и конечной дат исполнения: 1856 - VII1857. Воспроизведена она здесь с фотогравюры, распространенной Р.Паулюсоном в Вене стараниями тогдашнего владельца шевченковского оригинала Б.Г.Суханова-Подколзина. У А.Я.Конис-ского, А.П.Новицкого, Н.Г.Бурачека и других исследователей живописно-графического наследия Шевченко сомнений не было.

"Казарма в Орске", "Т.Г.Шевченко в казарме Орской крепости" - так, или примерно так, называли они эту сепию. Их преемники, в данному случае Г.П.Паламарчук и редактор тома Я.П.Затенацкий, в разумности доводов авторитетных толкователей усомнились. Что ж, наука застоя не терпит, она в непрестанных поисках, а где поиски, там и находки. "А.П.Новицкий, Н.Г.Бурачек и др. ошибочно датируют рисунок 1847 годом" - заявила исследовательница, напрочь отвергнув логику мыслей и доказательств своих предшественников.

Но чем мотивировала пересмотр объекта и времени рисования уже тогда достаточно опытная Глафира Петровна? Преамбула новой атрибуции была предельной краткой.

Во-первых, "внутренний вид казармы соответствует описанию казармы Новопетровского укрепления, сделанному Н.Ф.Савичевым: "Казарма как казарма, - длинное здание с низкими нарами по обеим сторонам, с маленькими, но частыми окнами почти под самым потолком, пол был земляной..." (газ. "Казачий вестник", Новочеркасск, 1884, N53-54)".

Во-вторых, "интерьер этого рисунка использован для интерьера сепии "Наказание колодкой", а коль так, то "исполнение обоих рисунков было одновременным".

И все? Других доводов, сколько их тут не ищи, не сыщешь. Двух приведенных отважившимся на пересмотр показалось достаточно, чтобы напрочь отвергнуть атрибуцию Конисского, Новицкого, Бура-чека и их сторонников, высказавшихся - и определенно, и доказательно - в пользу казармы ОРСКОЙ и ПЕРВОГО, а не ПОСЛЕДНЕГО, года шевченковской неволи. Отвергли они не только это.

4.

Обойденным оказалось недвусмысленное заявление владельца сепии Б.Г.Суханова-Подколзина. Обойденным довольно странным образом: начало одного из абзацев - о том, как работа Шевченко попала в их семью, привели, а продолжение опустили (хотя место на той же книжной полосе оставалось). Что за продолжение? Судите сами: "...Кроме действительно художественного достоинства (дивно передана... атмосфера казармы), этот рисунок особенно интересен тем, что, ПО СЛОВАМ САМОГО ХУДОЖНИКА (!), это была ПЕРВАЯ ЕГО ПОПЫТКА СНОВА ПРИНЯТЬСЯ ЗА РИСОВАНИЕ (!!) после долгого запрета прикасаться к перьям, карандашам и прочим письменным и рисовальным принадлежностям".

Нет в комментарии к публикации "Казармы" даже упоминания выразительнейшего автосвидетельства самого Шевченко в письме к Репниной, писанном в конце февраля 1848 года: "...Все спит, казармы освещены одной свечкой, около которой я один сижу и кончаю нескладное письмо мое, - не правда ли, картина во вкусе Рембрандта ("Сюжет, конечно, не совсем тот, расхождения велики, но ведь НЕ КАРТИНУ описывал поэт-художник, а вдруг (или не вдруг...) возникший первоначальный ее замысел, декларировал не законченную - и даже не начатую еще - работу, а то, какой явилась она в разбуженном воображении художника, задумавшего взяться за любимое свое дело и внезапно испытавшего прилив сомнений: "Неужели это чувство прекрасного утрачено навеки? а я так дорожил им! так лелеял его!"

Отвергнуть ТАКОЕ, отдав предпочтение мимолетному описанию Савичева, ОДНАЖДЫ заглянувшего в новопетровскую казарму на НЕДОЛГОЕ время?

Савичевские приметы, кстати, с "картинными" не совпадают: у автора воспоминаний - "пол был земляной", у художника пол явно деревянный, у первого - "маленькие, но частые окна почти под самым потолком", у второго - под потолком только белье, окна же на своем месте и не похоже, чтобы "частые".

А если бы совпали? Не услышал, к сожалению, комментатор трезвый голос бывалого казачьего хорунжего, во многие места выезжавшего: "Казарма как казарма..." Да, строились казармы по одним и тем же шаблонам военного ведомства, на один и тот же лад. Не самые коренные, существенные различия объяснялись местами дислокации

батальонов и рот; свои условия обитания были в периодически затапливавшейся Орской (в иные годы вода заливала казармы, ни один земляной пол такого разгула стихии не выдержал бы) и в безводном Новопетровском, числившемся прикаспийским, но удаленным от берега в пески и возвышенности Мангышлака (климат полуострова отличался от Орского существенно, сооружения возводили с учетом этого) И все-таки: "Казарма как казарма..." За индивидуальностью проектов не гнались.

Как, однако, вправе вы спросить, со сходством интерьеров в "Казарме" и "Наказании колодкой"?

Сходство полное. Но что из этого вытекает? Не больше того, что один и тот же интерьер запечатлен дважды. Сепией и тушью с бистром.

(Сепия - светлокоричневая прозрачная краска, изготавливавшаяся из так называемого чернильного мешка одноименного морского молю-ска. Бистр - прозрачная коричневая краска из древесной сажи, смешанная с растворимым в воде растительным клеем).

Сначала, как полагаю, была выполнена широкозахватная, хотя по размерам и небольшая, картина сепий. (Через неделю после рождения замысла "картины во вкусе Рембрандта" пришел бесценный подарок от Лизогуба - краски, кисти, карандаши, бумага и другие принадлежности художника; не воспользоваться этим богатством Шевченко уже не мог). "Наказание колодкой" стало продолжением и развитием той же темы, той самой идеи, но уже в иной технике, другим способом. Страдания собственные, СЕБЯ В КАЗАРМЕ автор перенес на второй план, выдвинув на первый своего сотоварища - сурово покаранного солдата. Главное внимание сосредоточено на нем. Не забыта, однако, и казарма в целом - ее второй, третий, четвертый планы, уголки ее дальние и боковые. Проработано здесь все еще полнее, еще выразительнее, чем в предыдущей.

Так отодвигает ли это "Казарму" к работам последнего года солдатчины?

Или, напротив, - говорит об обратном?

Обе работы, как подсказывает здравый смысл, - из казармы СОРОК ВОСЬМОГО. Даже если "Наказание колодкой" и отправилось из Орской в стадии замысла...

5.

"Казарма" была дорога ему до конца жизни. Но пусть об этом расскажут авторы воспоминаний - люди, Шевченко знавшие.

ПОЭТ Я.ПОЛОНСКИЙ:

- Лучший из рисунков Шевченко, который я видел (внутренность солдатской казармы: нары, печь, полати, развешанное белье и между группами солдат его собственная фигура), находится в альбоие Нат.Бор.Сухановой. Наталья Борисовна (харьковская помещица) была одной из почитательниц его музы, часто приглашала его к себе, угощала его ужином и шампанским и, несмотря на свой аристократизм, гордилась его знакомством; нередко покупала его рисунки для своих альбомов - и все-таки в конце концов с ним поссорилась.

- Шевченко почему-то стал просить ее дать ему на время вышеупомянутый рисунок, вероятно для того, чтобы снять с него копию, -просил лично, просил письменно, но г-жа Суханова решительно отказалась вынимать из альбома его рисунок. Боялась ли она, что Шевченко по рассеянности его не возвратит ей, или не хотела, чтобы с этого рисунка была сделана копия, - не знаю. Знаю только, что Шевченко был взбешен...

БОРИС СУХАНОВ-ПОДКОЛЗИН, СЫН ВЛАДЕЛИЦЫ РАБОТЫ:

- Прошло года два со дня поднесения рисунка, Тарас Григорьевич приходил в дом наш запросто, обедал, просиживал вечера и положительно считался своим, домашним, всеми любимым человеком. Крепко установившиеся, по-видимому, добрые отношения прервались

совершенно внезапно.

Однажды Шевченко попросил отдать ему некогда подаренный им рису ков, говоря, что он ему нужен для снятия с него фотографического снимка. При этом он так

конфузился и путался в словах, что матушка, не желая обидеть его прямым отказом и в то же время замечая по его необыкновенному смущению, что он не говорит правды, решилась прежде, чем исполнить его желание, спросить у профессора Пименова (общего их друга) объяснение задачи, покуда же она ограничилась уклончивым ответом.

Пименов решительно посоветовал матушке рисунка Шевченко не отдавать, так как, по его словам, Тарас Григорьевич часто высказывал сожаление по поводу легкомыслия, с которым расстался с ним... Матушка... известила поэта, что сама отвезет альбом к известному в то время фотографу Робильяру, который лучше всякого другого сделает снимок, причем обойдется с самим альбомом бережно...

По получении этого ответа между Тарасом Григорьевичем и моей матерью возникла переписка, с обоюдным обменом колкостями, после которых он перестал у нас бывать...

Переписка, к сожалению, не сохранилась. А она могла бы пролить определенный свет на истинные причины, по которым Шевченко хотел иметь именно эту свою работу у себя и просил ее, требовал столь настойчиво, что пошел даже на прекращение всех отношений с прежде приятным ему семейством.

Для чего же нужна была автору ЭТА картина, а не какая-то другая? Только ли для снятия фотографической копии?

Вспомним, что занимало тогда Шевченко-художника всего более. Овладение техникой штрихового офорта в сочетании с акватинтой... Все глубже всматривался он в произведения Рембрандта. Подтверждение тому - сохранившиеся рисунки пером с отдельных персонажей рембрандтовской гравюры "Смерть Марии", копии с трех его же офортов, наконец сам факт, что одной из двух работ, представленных Академии художеств для получения звания академика гравюры, стал офорт с картины гениального голландцв "Притча о работниках на винограднике".

"Казарма" была "картиной во вкусе Рембрандта". Такой представлял ее сам Шевченко, увлекавшийся- творчеством знаменитого мастера еще во времена своего учения. Не закономерно ли возникло желание воплотить в офорте не что другое из созданного им самим, а это, по-особому дорогое ему, произведение, во всей полноте передававшее глубину трагедии, которую довелось пережить совсем недавно?

Офорт, как и поэзия, открывал возможность ввести в мир своих переживаний, чувств не одного лишь обладателя картины, но множество разных людей - пусть увидят, ощутят, поймут горе солдатчины, тяжесть доли невольничьей, мрак и ужас существования не единиц, но миллионов.

Только теперь осознал он всю цену выстраданной им картины.

Но... помещице Сухановой понять это было не дано.

Сын понял - однако уже гораздо позже, когда вырос.

"История добычи куска туши, сооружение кисточки, самого рисунка втихомолку и украдкой - все это составляло ряд интереснейших эпизодов из жизни ссыльного поэта и придавало этой вещице особенную, если можно так выразиться, святую ценность..."

А все ж главная СВЯТАЯ ЦЕННОСТЬ сепии (мемуарист запамятовал и написал о туши) заключалась в ее полнейшей, бескомпромиссной ПРАВДЕ.

Правде, полагаю, хотел послужить Шевченко и не состоявшимся своим офортом.

Спасибо тем, кто вызволил шевченковский подлинник из долгого-предолгого небытия и вернул его соотечественникам поэта-художника.

Писал он ОРСКУЮ - и царскую! - казарму не для себя, а для памяти НАРОДНОЙ. И место нашим святыням тут, на нашей - НЕ ЧУЖОЙ земле...

ПОСЛЕСЛОВИЕ К "СВЯТОЙ ВОДЕ"

1.

...5-е. Относительно отобранных у тебя стихов... обязываешься показать... твоего ли сочинения, в каком году и месяце и где они тобою писались, при ком ты их писал или

объявлял...

...На 5-е... Стихи под названием СВЯТАЯ ВОДА - сочинение девицы Александры Псел, полученное мною при письме, в крепости Орской, 1847 года, на которое я не отвечал...

Следователь спрашивает, допрашиваемый дает показания.

Происходит это 1 июля 1850 года, в Орской крепости, куда Шевченко доставили снова. После Аральской экспедиции 1848-1849 годов... После трудных, тысячеверстных переходов... После Оренбурга осени сорок девятого - весны пятидесятого... Ему грозят беды и кары за нарушение царских запретов; подполковник Чигирь мучает который день своими дотошными "вопросными пунктами"; как и положено исполнительному служаке, он старается докопаться до всего. И среди того, что под особым подозрением, - "Свячена вода".

...у Шевченко находились стихи 23-е

малороссийские, под названием "Святая вода" 24-е

...Стихи малороссийские "Свяченая вода". Тоже переделанные с добавлением.

Все это из материалов следствия, которое развернется два года спустя. А сейчас, весною 1848-го, стихи еще НА ВОЛЕ и посторонних подозрительных взглядов НЕ ВЕДАЮТ.

Присланы ему, тешат его.

Его, Шевченко...

2.

Стихотворение такое:

Я бачила - святу воду
В р!чку виливали,
Щоб свячено! ногами
Люди не топтали.
А кохання в!рне, щире -
Як вода святая,
Бо вона гріхів багато
1з души змивае.
Оттим-то я сво1х думок,
Хоч я і убога,
Зроду-зв1ку не покину
Та людям пщ ноги.
У господа небесного
Ласки щле море,
То я його, як ту воду.
Биллю свое горе.

Сколько-нибудь "крамольных" мыслей в стихе не сыщешь. Их и нет: о простом, естественном, глубоко личном - просто, естественно, от себя, от души. Но это личное, которое передается от человека к человеку, это интимное, которое понятно не одному и не двоим -многим, очень многим. Тем и захватила его "Свячена вода". Вот как писать надо - искренне, честно, не мудрствуя лукаво. Вот музыка, поэзия родной речи. В Седневе, когда обдумывал предисловие к будущему "Кобзарю", не удержался от похвал стихотворению и заявил, что найти сейчас "чего-нибудь такого" в "пудовых журналах" затея не из реальных. Имени сочинительницы не назвал: "написано панночкою, та ще и хорошею, т!лько не скажу якою, бо воно ще молоде, боязливе".

Теперь, среди грязи, безысходности солдатской жизни, "Свячена вода" вспоминалась неожиданно-часто - влекли чистота, свежесть стиха, неподдельное волнение молодости.

И просил: перепишите, пришлите. "Она оросит мое увядающее сердце..." Немного выспренно - оттого, наверное, что обращался к Глафире Дунин-Борковской: был к ней

неравнодушен и не упустил возможности сказать о своем сердце, действительно судьбою измученном. "Пришлите, ежели имеете..."

Прислала сама Александра. Узнала о просьбах любимого поэта, загнанного за стихи его невесть куда и страдающего так тяжко, -написала на обороте письма Репниной и свое. Вместе оба и пришли, вдвойне Шевченко порадовав. Тут же, по всему судя, оказались и стихи.

3.

Отсутствие автографа не восполнить ничем.

В данном случае тем паче. Даже самый опытный криминалист самыми совершенными средствами не извлечет ИЗ НИЧЕГО вычеркнутые в тексте строки.

"Я уверена, много, многоуважаемый Тарас Григорьевич, Вы не найдете странным, что я пишу Вам, хотя в обществах, где мы встречались иногда, я ни разу не говорила с Вами. Отдаление делает меня отважнее; при том я имею тройное право быть вовсе не чужою..."

Отточия после "чужою" в оригинале не было. В первопубликации "Киевской старины" помечено, что здесь вычеркнуто две строки.

Две строки о "тройном праве" - как их восстановить, чем восполнить? О чем написала поначалу Александра Псел?

Допустим, что о родстве поэтическом... Но это всего-навсего единица. А под номером вторым? третьим? Право-то ТРОЙНОЕ...

Загадка и сам вычерк. Кто его сделал? Писавшая... Княжна Варвара... Пуритански строгая Репнина держала под контролем каждое свое слово, не позволяла прорваться малейшему проявлению не божественных, а обыкновенных человеческих чувств.

Этим чувствам и дала, видно, волю поэтическая душа Александры. Да только сразу же - под укоризненным взглядом Репниной? - смутилась и, не имея возможности скомкать лист (на обороте уже исписанный), тон объяснения сменила.

Объяснилась в своих чувствах СТИХАМИ, ему, Шевченко, тогда неизвестными. Только-только узнав о разгроме Кирилло-Мефодиев-ского товарищества, еще в 1847-м, написала она триптих "Три сльози д!вочГ, напечатанный лишь в 1860 году в сборнике "Хата". Были там и такие строки:

Разпитай же буйних в!тр!в
3 далекого краю,
Як наш Кобзар з важким ранцем
П1д ружжем гуляе...

Родилось, написалось к этому времени и стихотворение, посвященное Шевченко от начала до конца.

Молим тебе, Боже правди, Боже благостиш,
Не покидай сиротою у степу-пустин!
Брата нашого! Як батько, як рщная мати,
Озовись до його дуип, не дай унивати!
Збери, Боже, наш! сльози в темшсшьку хмару
І як серцю розбитому стане нудно, жарко,
Тод! нехай вони бризнуть, як дощик весною...
Зроби чудо - вони стануть святою водою,
Живущею, щлющою, - Всі рани загоггь,
Як в купел! викупае і душу нагомть.

Не о нем ли писала Репнина 19 марта: "Я надеюсь, что эти строки к празднику придут к Вам"? Вполне согласен с опубликовавшим их первым Н.В.Стороженко: "изгнанник должен был ощущать высокое нравственное удовлетворение при мысли, что его труд не пропал даром, что его прекрасные почитательницы выплакали свое горе по нем рифмованными слезами".

Что ж, и впрямь МОЛИЛИСЬ за него ВСЕ "яготинские анахорет-ки". Но

"рифмованные слезы" о Шевченко исторгала ОДНА из них -автор той самой "Свячено! води".

4.

"Протягиваю Вам руку, прошу Вас, добрый Тарас Григорьевич, считайте и меня старой знакомой. Дай нам Боже увидеться в свете его!.."

Моленья характера ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО:

- чтобы его "по крайней мере не исторгали из Эдема", а если это и случится - не дал Бог Шевченко "охладеть, умереть для высокого и прекрасного",

- чтобы не остыл в душе поэта "дар чистой поэзии" и на смену "торжественным гимнам" явилась "мерзость запустения" - хоть "когда-нибудь" явилась.

В пример ему ставят сестру "по Христу и по кресту" Татьяну -третью из сестер Псел, живших с Репниными: с детства болезненная, девушка умирала совсем молодой. "Пригвозженная к одру неописанными страданиями, для окружающих она находит и приветливое слово и улыбку..."

Шевченко всякий раз посылал ей приветы, переживал за нее искренне, но сам надеялся не на "благодать Христа-спасителя", которую, вслед за Лизогубом, Репниной, другими земляками и землячками, призывала сейчас "глубоко уважающая и преданная" Александра Псел, а на людей, хороших и разных людей, которые собирались в Орской в преддверии большого похода.

Не на молитвы этих славных женщин уповал он сейчас (и раньше). Не на советы Варвары Николаевны, вроде того, который в двуедином письме Репниной-Псел: "Когда Вам делается слишком грустно - вспоминайте об смерти. Когда б Вы знали, как эта мысль угнетает, за нею следует мысль о воскресении - и жизни нестареемой, безгрешной - вечной!"

Советы, разумеется, от доброты, от щедрости души. Но не о загробном мире его мысли - об этом, грешном, многотрудном. Александра понимает происходящее с ним и в нем лучше. Ее молитвы - пожелания реальные, жизненные, ПОСЮСТОРОННИЕ: не сдаваться, как ни тяжело живется, а творить. Это желание и его. Спасибо тебе, сестра по поэзии...

... Свое "спасибо" проговорил он про себя.

Письмом на письмо не ответил - о чем заявил и следователю подполковнику Чигирю.

5.

В Яготине 1843-го внимание Шевченко заполонила Глафира, дочь небогатого помещика из-под Полтавы, жившая, как и сестры ее, Александра и Татьяна, на попечении Репниных - тогда двадцатилетняя, привлекательная, непосредственная, а ко всему художница. Гость, еще тоже совсем молодой, почувствовал к ней особую симпатию. И даже нечто большее...

"Глафира, по-видимому, очаровала Шевченко; он еще не был влюблен, но мог влюбиться при первом удобном случае..."

"Глафира по-прежнему - его солнце, а она держится просто и с тактом..."

"Я, втайне и не сознавая того, чувствовала ревность из-за предпочтения, которое он оказывал Глафире..."

Все это наблюдения и признания Варвары Репниной - ее исповедь аббату Шарлю Эйнару, духовнику. Исповедь в чувствах своих, в женской ревности к поэту-художнику, о котором писала: "Запомните это имя, дорогой учитель, оно принадлежит к моему звездному небу".

Симпатии к Глафире не дано было развернуться в чувство более глубокое. Их пути разошлись, но пережитое помнилось и волновало. Узнав в сорок шестом, в Киеве, что от чахотки умирает молодой муж его знакомой Петр Дунин-Борковский (И с ним знакомство состоялось в Яготине), Шевченко пошел навестить безнадежного больного и, как писал М.Чалый, "своим состраданием к чужому он произвел глубокое впечатление на всех

окружающих умирающего..."

... Тогда, в Яготине, Глафира заслонила собою всех других. И Александру, на шесть лет ее старше. Встречались в те месяцы не раз, но тесного общения, тем более разговора по душам в том числе о поэзии, не произошло. Ее стихи, особенно "Свячену воду", оценил позже. А она была его ученицей, следовала ему - во всяком случае, старалась следовать.

Курьезный с годами случился факт. В мартовской 1885 года книге "Киевской старины"в статье Ф.И.Каминского было напечатано, как шевченковское, стихотворение "До сестри" ("Нам з тобою, моя сестро, не ходити в пар!..."). "Открытие" не встретило никаких возражений. Стих вошел в "Кобзари" разных лет, и только много позже установили: написано не Тарасом Шевченко, а Псел Александрой.

Вот такого послесловия потребовала от меня ее "Свячена вода".

И именно в этом месте книги. По хронологии и - смыслу...

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ... "БИБЛИОТЕКИ ШЕВЧЕНКО"

1.

Не вписывается эта кннига в представления о Шевченко - никак не вписывается... И зачем ему понадобились именно "Выбранные места из переписки с друзьями"? "Мертвые души" - дело другое, достойное и понятное, письма же гоголевские, которых настойчиво добивался, раз за разом выпрашивал, потребоваться такому человеку НЕ МОГЛИ: ни под одну рубрику не подходят. А если так, то и думать об этой книге нечего, вспоминать ее излишне. "Мертвые души" были, "Переписки с друзьями" не существовало. Решено и - точка!

... Раздумываю над статьей о Гоголе в "Шевченювському словнику" и диву даюсь: по энциклопедическим меркам она как-будто не мала, автор особо стеснен разрмерами не был, издание не для несмышленных и издательство академическое, а ведь вот и строчки для книги сей не нашлось. Для обыкновенного, мимолетного упоминания. Сочли КРАМОЛЬНЫМ? Увы, это так. Не отыскал ее имени ни в статье о русской литературе, ни в другой, где речь идет о круге чтения ("лектуре") Шевченко, ни в третьей... - нигде в солидных двух томах.

Книгу же он не только просил, но и ПОЛУЧИЛ. "Як будеш писать до не!, подякуй за книжку Гоголя", - просил Лизогуба в последнем письме из Орской.

ДО НЕІ - значит к Варваре Репниной. КНИЖКУ ГОГОЛЯ - "Выбранные места из переписки с друзьями".

Книга пришла в апреле - с письмом, на котором дата: 19 марта 1848 года.

Ни к чему, и недостойно, причесывать Шевченко на свой лад, свой вкус. Еще более неприлично подозревать в нем человека, который не способен разобраться в сути и докопаться до истины. Собственные выводы он не заимствовал, но вырабатывал. Вырабатывал в личном соприкосновении с жизнью и книгой - оценок, не им выношенных, пусть даже исходящих от людей уважаемых, ему было мало. " "... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть... И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, -является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их неумытыми рылами!.. И это не должно было привести меня в негодование?.."

Не самые тут гневные и злые слова Белинского из письма его к Гоголю. Тогда, в сорок восьмом, начало оно свою жизнь, свое хождение в списках, и дошел ли какой-то из них до Орской, пусть даже в отголосках дошел, неизвестно. Зато рецензию того же пера во второй книге прошлогоднего "Современника" пропустить Шевченко наверняка не мог;

она-то и возбудила в нем жгучий, обостренный интерес к этой книге, о которой рецензент писал как о вызывающей "грусть о том, что и человек с огромным талантом может падать так же, как и самый дюжинный человек".

Надо ли доказывать, что отношение Шевченко к крепостничеству, к розгам, плетям, шпицрутенам, к попранию элементарных прав народа не могло, под воздействием "Выбранных мест...", стать иным, чем сложилось чуть ли не от рождения?

Приходится ли сомневаться, что взгляды его, бывшего крепостного, никогда не терявшего связи с народом, теперь изгнанника-солдата, были созвучны тем, которые выразил Белинский?

Легче всего обойти, умолчать. Но не означает ли это попрания элементарной объективности, не поддающегося ни объяснению, ни оправданию? ЭТА книга была с ним в последние недели, или дни, перед выступлением. ЭТА книга сопутствовала ему в походе, а затем на Арале. В Орской он ее, конечно, просматривал. Читал же - наверняка - уже на новом месте. Так что и писать о ней подробнее более логично дальше - в аральской, а, может, и оренбургской частях повествования. Убрать, однако, том Гоголя из хроники орской было бы так же неоправданно, как... исключить его из статей в "Шевченк1вському словнику".

Биография умалчиваний не признает.

2.

"Выбранные места из переписки с друзьями" он просил у Репниной в том же письме, где назван и очередной том "Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских". Обе книги - в одном абзаце, та и другая - с названиями приблизительными.

Но если Гоголь под конец Орских дней до него дошел (пусть через полгода, а прибыл), то вторая из запрошенных книг так и осталась пожеланием, просьбой - не более.

И Репнина в этом нисколько не повинна. Так сложилась судьба манившего Шевченко издания.

"Чтения" стали выходить в сорок пятом. А уже в сорок седьмом томов их изданных насчитывалось ДВАДЦАТЬ ДВА. Организатором этого многотрудного предприятия стал Осип Максимович Бодянский, профессор славянской филологии в Московском университете, полтавчанин по рождению, знакомый с февраля 1844-го, когда Шевченко возвращался через "белокаменную" в Петербург после первой своей поездки на Украину. Знакомство совершенно очевидно способствовало развитию его интереса к истории славянских народов и особенно Чехии - Яну Гусу, Жижке и другим национальным героям. Они переписывались, снова встретились в 1845-м; все, что из под пера Бодянского выходило, им читалось внимательнейше, рождая творческие идеи, побуждая писать самому. Так было и с "Чтениями" - ни один из томов их мимо не прошел. Каждый прочел, из каждого извлек что-то полезное.

Что он ждал от двадцать третьего? Англичанина Флетчера или... нечто иное?

Но прежде про то, чем последний вопрос вызван.

... Этот выпуск сохранился в немногих экземплярах (по подсчетам известного книговеда и библиофила Д.В.Ульянинского - в двенадцати-пятнадцати, не более). Весь же тираж подвергся беспощадному уничтожению. И именно за перевод книги Джилза Флетчера "О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны)", первоначально изданной в Лондоне, еще в конце XVI века. Флетчер (1548-1611) был некоторое время послом Англии в России. Беспощадный его труд явился следствием личных наблюдений дипломата-литератора.

И вот через два с половиной столетия (!) после английской перво-публикации разразился скандал. Выпуск, уже покинувший стены типографии, разыскивали повсюду, отбирали у подписчиков, записки Флетчера вырезали и либо заменяли чем-то другим, либо пускали под нож. Председатель Общества, он же попечитель Московского

университета граф С.Г.Строганов оказался вынужден подать в отставку, профессора Бодянского уволили от всех должностей и принудили ехать служить в Казанский университет.

Такая-то история кроется в редчайшем полном экземпляре этого тома "Чтений", найденном и сохраненном замечательным советским библиофилом Николаем Павловичем Смирновым-Сокольским.

... Так значит Шевченко ждал Флетчера? Полагаю, что нет. И даже настаиваю на том, что об этой публикации он, скорее всего, не знал. Ждал всегда интересный (В ЦЕЛОМ ему интересный) труд О.М.Бодянского, а в нем - ну, конечно же, это так - статью Н.А.Маркевича "О козаках". Эта статья, как подчеркивал сам автор, "была не простым исследованием, но еще и современностью". Историк прямо и резко выступал в защиту роли казачества в судьбе Украины, против поношения его, слышавшегося со всех сторон. "Я выскалил зубы, - писал он, - против тех, кто напал на Украину, особенно же козаков. Иные, даже малороссияне, до того ожесточились, рассвирепели против козаков, что титуловали их беглецами, разбойниками, сбродом бродяг... поносили имена защитников православия против католицизма, освободителей народа от магнатов".

"Точка зрения Маркевича находит подкрепление и в советской историографии", - пишет автор новейшей монографии об историке Е.М.Косачевская, отмечая, что содержащиеся в статье высказывания "свидетельствуют о его (Маркевича) прогрессивной общественно-политической позиции, позволившей ему выдвинуть ряд новаторских и демократических положений". Шевченко эта позиция, эти положения были близки. Подтверждения тому - в стихах, в поэмах, среди которых и рожденные в Орской.

В Тарасе Шевченко жила историческая память народа. Осмелюсь добавить: И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Сказать так - выразить истину. А все-таки вернусь к началу и подчеркну: НАРОДА.

Чингиз Айтматов в романе своем "И дольше века длится день" создал притчу о манкурте - человеке, насильственно лишенном памяти и... переставшем быть человеком, превращенном в никчемного раба, изгоя рода людского.

О, судьи шевченковские больше всего мечтали превратить его в такого "манкурта". Ничего другого им и не требовалось: пусть живет, но без прошлого, а значит и без будущего, пусть ходит по земле горьким одиночкой, не помнящим родства, не способным на протест.

А он пуще всего берег в себе именно память. Не пекся о здоровье, память же хранил как бесценное. Не суетное в ней, не эгоистично-интимное, не касающееся его одного - ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ s НАРОДА, вверяющую себя не всем, но достойным. Тем и жил.

"История Малороссии" обогатила его основательными знаниями о прошлом Украины. Личное знакомство с Николаем Андреевичем Маркевичем, возможность встречаться, беседовать, спорить, чтение новых и новых работ историка, этнографа, фольклориста (а еще - поэта, переводчика, и еще - композитора, музыканта) питали ум, мысль, чувства Шевченко. И, конечно, поэзию.

Бандуристе, орле сизий!
Добре тоб! брате:
Маеш крила, маеш силу,
Е коли л1тати.
Тепер летиш в Украшу –
Тебе виглядають.
Полет1в би за тобою,
Та хто привггае...

Посвящено Маркевичу. Помечено датой: 1840, 9 мая. А разве не мог бы повторить это сейчас?

...Там могили з буйним вггром

В степу розмовляють,
Розмовляють сумуючи,
Отака іх мова:
"Було колись - минулося,
Не вернеться знову"...
Все помнил, многое знал.
Знать хотелось больше. Как можно больше!
Просил: "...если можно, ЧТЕНИЕ..., издаваемое БОДЯНСКИМ...
... Ждал НОВОЕ из-под пера Маркевича.

3.

Еще в декабре просил Андрея Ивановича Лизогуба:"... Если найдете в Одессе ШЕКСПИРА, перевод Кетчера, ... то пришлите ради распятого за нас..."

"... что смог, то и посылаю, а именно вот что: Шекспира, перевод Кетчера, 13 выпусков, только и есть напечатанного; я их в две книжки переплел, потому что так крепче будет..." (Лизогуб -Шевченко, 1848, 7 февраля).

"Я полагаю, что Вы уже получили мое четвертое письмо... и Шекспира..." (От Лизогуба, 23 февраля).

"И Шекспир, и бумага, и краски... все целехонько..." (Шевченко-Лизогубу, 7 марта). Благодарил от души!

Есть у В.Г.Белинского обширная статья "Русская литература в 1841 году". И есть в ней такие строки о том, что меня сейчас занимает:

... Теперь - о переводах. Можно сказать утвердительно, что у нас в настоящее время больше всего переводят Шекспира, хотя и нельзя сказать, чтоб его больше всего читали. Здесь первое место должно занимать смелое и благородное предприятие г.Кетчера - перевести прозою всего Шекспира. Г-н Кетчер напечатал пять пьес, другие последуют безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предприятия г.Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предприятие доказывает, что на Руси есть люди, которые читают не одни сказки и умеют понимать не одни "репертуарные" пьесы..."

"... У нас, - полемизировал со своими литературными современниками Белинский, - хотят читать только глазами, а не умом; чтение, требующее усилия мыслительной способности, почитается пустым, губящим золотое время занятием. У нас играют в поэзию, в литературу и науку, как в мячик..."

"... Удивительно ли после этого, что у нас всякий судит легко и важно о Шекспире, которого он не читал даже в переводах..."

Великого англичанина Шевченко читал, над произведениями его думал. "Король Лир" вдохновил, еще в 1843-м, на рисунки. Может, мечталось о будущих - по "Отелло" и "Гамлету", по комедии "Сон в летнюю ночь"? Пьесы упоминаю эти, потому что именно их называл он в повестях последующих лет. А ведь был еще и драматургом - САМ ДРАМАТУРГОМ. Увлекся в те же, 1841-1843 годы, когда один за другим появлялись переводы Кетчера. Написал "Назара Стодолю", начал "Никиту Гайдая", задумал "Невесту" и "Слепую красавицу". Тогда к этому поостыл, но драматург в нем жил, преклонение перед драматургией проявлялось в поэзии, и особенно в поэмах. Его - навсегда его-кровное...

Не мог не сознавать: переводы Кетчера не были верхом совершенства. Стремление к скрупулезной точности в передаче гениального лишало Шекспира истинной поэтичности, снижало накал страстей, который бушевал в оригинале. Но уж лучше не во всем поэтический буквализм, чем всякого рода подделки-переделки того, кого "другом натуры" величал Карамзин, рядом с Данте ставил Рылеев, провозглашал народным Пушкин, восхвалял Белинский. И давно оценил сам, читая первые выпуски... Теперь в его руках, в его собственности было тринадцать пьес бессмертного Уильяма. Достойного чтения хватит надолго!

Они будут с ним на Арале и в Оренбурге.

В Оренбурге их отберут у него при аресте. Потом милостиво вернут, и Шекспир отправится снова в Орскую, а дальше на Мангышлак. Там эти книги видел казачий офицер Никита Савичев: "Пока он брал кисет, табак..., я взял на полке одну из книг. Это были исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера".

С самим Николаем Христофоровичем Кетчером Шевченко познакомится и подружится в марте 1858-го в Москве. Тогда-то лично узнает он этого удивительного человека - искусного врача, увлеченного писателя-переводчика, неугомонного издателя, непременного участника общественно-политических кружков, друга Герцена, Белинского, Станкевича, Грановского, Щепкина, Тургенева... И снова захочется ему владеть кетчеровскими переводами Шекспира (те тринадцать выпусков оставил приятелям в Новопетровском). Но... "Кетчер подарил мне все издания своей компании, кроме своего перевода Шекспира, - он еще в типографии..." (запись в Дневнике). Тут слышатся явные нотки огорчения. В переводах Кетчера он не разочаровался.

Однако в собственности его их уже больше не будет. Сужу по "Описи книгам, принадлежавшим Т.Г.Шевченку", составленной после смерти владельца, в роковом шестьдесят первом...

Орская его "библиотека" Шекспира имела. Имела Гоголя. Библию. Что еще? Более, пожалуй, ничего...

"ПОДВИГ НАЗЫВАЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

1.

В те самые дни, когда в глухомани Орской крепости рядовой Шевченко печально праздновал свой тридцать четвертый день рождения, Петербург жил вестями из Парижа, захлестнутого яростной волной революции.

Первые известия о ней в столицу России пришли в пятницу на масленнице, иными словами 20 февраля. Великий князь Константин Николаевич, сын российского самодержца, исправно заносивший в свой дневник сообщения о праздничных весельях в придворном мире, резко сменил тему своих записей и стал вести совсем другую хронику - событий во Франции.

"Нас всех как бы громом поразило, у Нессельроде выпала бумага из рук, - писал он в субботу по прибытии вести об отречении Луи Филиппа от королевского престола. - Что же будет теперь, это один Бог знает, но для нас на горизонте видна одна кровь. Папа послал меня, чтобы прочитать эту депешу мама. Она тоже испугалась. Вот доказательство, что то, что не от Бога, то стоять не может, - Лудвиг Филипп взошел посредством революции на трон, обагренный кровию, держался на нем 18 лет, так что все чуть-чуть что не на коленях перед ним стояли и думали, что он силен и тверд; и вот 2 дней достаточно, и он опять ничто!.. Господи, храни твою Русь Святую, дабы она всегда оставалась тебе верною!"

Балы продолжались. В воскресенье изысканное общество веселилось у наследника российского престола Александра Николаевича. Но и тут не только танцевали, а и обсуждали новости политические. "Во время мазурки пришел папа с новыми депешами из Парижа. Во Франции Республика, королевская семья бежала неизвестно куда..." Повторение ужасное явлений конца прошлого века. Просто ушам не верится, волосы дыбом становятся! А что будет-то еще? Папа всегда говорил, что срок дает до первого марта. Еще первого марта нет, а уже все вверх дном стоит".

Именно к этому балу и относят осведомленные современники слова, якобы сказанные Николаем !:

- Седлайте коней, господа! Во Франции объявлена Республика!

Так он сказал, или выразился по другому, спорить на этот счет незачем. Ясно одно: официальный Петербург был взбудоражен до крайней степени. А потом и не только официальный. Известия распространялись с быстротою необычайной.

"Газеты наши, имевшие право говорить о политике, - писал в своих воспоминаниях В.Р.Зотов, журналист консервативного толка, - несколько дней не сообщали ничего о происшествиях в Париже. В Петербурге о них узнали, однако, раньше получения немецких газет". Но в это время даже на разговоры о революции был наложен запрет категорический. Когда Зотов в театре сказал хорошо знакомому ему полицмейстеру, соседу по креслам: "А каковы французы-то! Что они натворили!", тот мгновенно изменился в лице и почти шопотом сказал: "Прошу вас не говорить об этом ни слова ни мне, ни кому-либо из ваших знакомых, в которых вы не уверены, а тем более - лицам посторонним. Полиция имеет приказание сообщать в III отделение о тех, кто будет разговаривать о революции. Велено даже брать тех, кто будет рассказывать подробности".

Желающим узнать об этих днях в Петербурге возможно больше, могу порекомендовать содержательнейшую, широко документированную книгу А.С.Нифонтова "Россия в 1848 году" (Москва, Учпедгиз, 1949). Мне же пора вернуться к дням и делам Тараса Шевченко в Орской крепости.

Возвращаясь к ним, удивляюсь - не перестаю удивляться: да как же могло получиться, что на Орских страницах биографии Шевченко (в частности, последней из академических) уважаемые авторы не сочли нужным даже упомяну? о событиях, потрясших в то время Европу, Россию, мир?

Позже, на страницах аральских, биографы вспомнят строки из августовского, 1848 года, письма от М.Александрийского (попавшего в руки адресата уже осенью), и задумаются над тем, на какие-такие новости ("политические и вдобавок европейские, а не российские только") намекал этот Орский знакомый поэта. В связи с письмом появится упоминание "о революционных событиях в Австрии в марте 1848 г. и героическом восстании рабочих Парижа в июне". Но не больше того.

А что, собственно, можно было сказать больше?

2.

До Орской крепости, и даже Оренбурга, новости доходили, конечно, позже, чем до столиц.

Выезжая в конце февраля в Петербург, полковник Бларамберг - оберквартирмейстер корпуса, человек разносторонней образованности и большого опыта (в том числе дипломатического), - даже не подозревал, о чем ему доведется услышать, узнать неделю спустя. "Проезжая через Москву, я с удивлением узнал о парижских событиях 24 февраля..." Еще больше привелось ему узнать в кругах петербургских.

"Когда я явился к графу Бергу, он сказал мне, что сейчас не время заниматься показом его величеству съемок и что я должен набраться терпения, пока все не успокоится и политическое положение не прояснится.

Действительно, царило всеобщее возбуждение. Газеты, особенно иностранные, буквально расхватывались, и часто в кафе и ресторанах было трудно найти газету, так много находилось читателей. Первая неделя моего пребывания прошла среди всеобщего волнения..."

Но ко времени возвращения Бларамберга в Оренбург новостью услышанное уже не являлось. Возвратился он только к концу мая, когда походные колонны из Орской торили путь к Аралу и были далеко в степи.

Это к тому, что первоносителем новостей о французской революции, достигших Шевченко в Орской, Иван Федорович быть не мог.

Однако в те же февральские и первые мартовские дни, в одно время с именитым военным инженером и ученым, по этой же дороге, только в обратном направлении, следовали другие экипажи, с другими пассажирами, и направлялись они В ОРЕНБУРГ.

Спешил сюда Бутаков Алексей Иванович с двумя морскими офицерами и бывалыми матросами - им предстояло построить шхуну "Константин", чтобы два месяца спустя, разобрав ее по частям, перевезти на телегах к берегу Аральского моря.

Со свитой возвращался корпусной командир и военный губернатор Владимир

Афанасьевич Обручев. Выехал он несколькими днями позже Бутакова, и как раз тогда, когда Петербург - официальный и неофициальный - бурлил во-всю, переполняемый достоверными сведениями, а еще больше всякими слухами из Парижа.

Следовал в Оренбург председатель Пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский Михаил Васильевич, отправлявшийся в дальнюю дорогу тоже в разгар притока парижских новостей, каждая из которых волновала больше, нежели предыдущая. Он также ехал домой не один, сопровождали и его - чиновники этой Комиссии.

Совсем скоро - в марте! - кто-то из офицеров и чиновников оренбургских окажется по делам службы в Орской, и новости перестанут быть привилегией столицы, а затем военного центра края, достигнут ушей обитателей здешних, разойдутся по казармам, среди тех, кто не был к ним равнодушен.

Произойдет это не враз, но по тем временам достаточно скоро.

Слышаший да услышит...

3.

Каналы информации были различными.

ЖИВАЯ ПОЧТА действовала круглый год, прерываясь разве что на время зимних буранов, а еще уральских разливов.

Из батальона выбывали - кто-то умирал, кого-то переводили. Доставляли вместо них новичков. Заметно больше становилось конфирмованных - определенных на службу по мотивам политическим.

... В марте (или начале апреля) пригнали сюда Балтазара Колесин-ского.

Карьера письмоводителя Лидской дворянской опеки оборвалась в 1846-м. Небогатый дворянин двадцати восьми лет от роду, учившийся в Виленском благородном пансионе, а по окончании его успешно продвигавшийся по служебной лестнице, неожиданно для многих был арестован за связь с представителями заграничных революционных организаций, которые изо всех сил стремились привлечь население Виленской губернии к участию в познаньских и галицийских событиях. Колесинский проявил готовность бороться и в борьбу вступил.

Держали его в тюрьме долго.

"По конфирмации г. главнокомандующего действующею армией, высочайше утвержденною 12 февраля 1848 года, оказался виноватым в сообществе с лекарем Ренером и слушании злонамеренных наставлений против правительства, в покупке у него и чтении запрещенных сочинений, в знакомстве с приезжавшими из-за границы эмиссарами, в принятии одного из них у себя на квартире, изъявлении желания способствовать мятежу, если бы он вспыхнул в западных губерниях, -лишен чинов и дворянского достоинства".

Именно такой была формулировка приговора, вынесенного Коле-синскому без суда. Разобраться во всех перипетиях не считали нужным, жалоб-кассаций не принимали. Участь человека решалась одним росчерком пера. Сразу же по прибытии монаршьего подтверждения, ближе к концу февраля, он был отравлен в пятый линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса и на исходе марта - в первых числах апреля к месту назначения прибыл.

Прибыл со многими новостями. Революции уже охватили Австрию, Германию, Венгрию, Италию. Бурлила Польша. Усилились волнения в Галиции.

Колесинский знал многое и о многом.

Шевченко с ним свели Хипполит Завадский, Станислав Крулике-вич, их товарищи; связи с этими людьми, наиболее видными среди "орских поляков", он поддерживал от начала своей службы в крепости.

По-доброму сложились сразу и отношения с Балтазаром. Знакомство со временем перейдет в дружбу; продолжаться ей долго.

Сейчас ВИЗИТНОЙ КАРТОЧНОЙ Колесинскогобыли... революции в Западной Европе.

4.

В оренбургских батальонах украдкой читали "Катехизис для солдат". Завезли его сюда поляки. Составлен он был, как говорили, на немецком, с немецкого перевели на польский, а уже с польского - на русский. На немцев, правда, ссылаться могли и просто для отвода глаз. Мало ли что случится, попади эта бумага не в те руки...

Из поля зрения биографов Шевченко этот "катехизис" выпал, а документ не просто интересный, но и важный принципиально - так пусть в книгу войдет не в пересказе, а в оригинале, который некогда оказался в одном из дел, хранящихся ныне в ЦГАОР.

Оригинал сохраняет всю корявость тогдашнего перевода с польского, в нем как бы звучит подлинный голос читающего запретный диалог капрала и солдата (приведу его лишь с небольшими сокращениями),

Итак, капитан приказывает капралу спросить нижнего чина, знает ли он, после нескольких лет службы в роте, каковы его обязанности. И вот...

КАПРАЛ: Называется ли тот человеком, кто у другого служит рабом?

СОЛДАТ: Нет, это не человек, а скотина.

КАПРАЛ: Чем же тот есть, кто за скверную плату служит и свою волю и силы отдает под распоряжение другого, именующегося старшим, дабы пролить невинную кровь?

СОЛДАТ: Такого человека следует назвать Бестьею, Собакою, Гадиной, а еще хуже Скотиной...

КАПРАЛ: Что значит императорское величие?

СОЛДАТ: Это пугало суеверия, которым людей туманят и этим страшилищем людей в кучу сгоняют, как скотину обдирают... Император, король, князь есть человек, которого нашими миллионами, собранными из податей, надо содержать, чтобы он безнаказанно обижал, людей и на то еще ему надобно войска содержать и уплачивать, дабы каждого, кто хочет противиться его прихотям, потащить на виселицу.

КАПРАЛ: А что значат министры, генералы, старосты и другие чиновники?

СОЛДАТ: Это наемщики царские за наши деньги, которые ему способствуют бедной народ притеснять и немилосердно обдирать, сами как кабаны откармливаются тем, что с народа сдирают и еще за то велят себя называть отцами народа и страны.

КАПРАЛ: Что же значат кресты, звезды и блестки, которые некоторые из этих обдирателей носят на груди?

СОЛДАТ: Это значки за обиды-, причиненные ими самими, или присоветованные, в пагубу народа.

КАПРАЛ: Ты все хорошо понимаешь, любезный брат, дай руку, чтобы ее пожать сердечно; но ты еще должен сказать что значит солдат?

СОЛДАТ: Этого я еще хорошо не постигаю, надобно хорошенько обдумать. Мне кажется, что солдат естли он остается в своей земле, ибо по чужим землям ему незачем ходить, естли он наблюдает дабы между народом был мир и порядок, дабы законы, на кои все люди согласились, для всякого были святыми, естли он чужих врагов, кои хотят народ принуждать, завоевать и обижать, из своего отечества выгоняет. Тогда ему следуют почести от всего мира, который не может позабыть, что он своею жизнию жертвует в его защиту, и такому солдату следует честь в жизни и после смерти. - Естли же он по повелению начальства идет в чужие края обижать невинных, забирать их собственность или помогать обидчикам и мучителям собственного своего отечества обижать и обдирать [народ], то такой солдат есть разбойник, заслуживающий быть повешенным высоко на виселице.

КАПРАЛ: Ты прекрасно объяснил, мой сын; но скажи же мне еще, естли тебе скомандуют, дабы и ты шел обижать невинный чужой народ, или же помогал обдирать свой народ, что ты тогда должен делать?

СОЛДАТ:Каждый солдат тогда должен соединиться с народом и связать тех, кто ему дает такое постыдное приказание.

КАПРАЛ: А не связывает ли солдата присяга?

СОЛДАТ: Боже сохрани! Ибо присяга эта, принужденная присяга имеет то же значение, что уворованная вещь; а никакой человек на то не присягнет, что будет своих братьев грабить и резать и что будет разбойником.

КАПРАЛ: На чем же основана служба солдата?

СОЛДАТ: А вот на том, дабы естли народ из нужды и притеснений своих коронованных мучителей, не будучи в состоянии перенести терзаний, восстанет, то все

солдаты с оружием в руках должны соединиться с народом, и всех таких мучителей из краю выгнать, или переловить, дабы народ избавить от этих пиявиц...

КАПРАЛ: А как назвать такой похвальный подвиг, естли народ приобретает вольность, прогнав всех подобных мучителей?

СОЛДАТ: Этот подвиг называется революция.

КАПРАЛ: А не будет ли тогда никаких начальников и чиновников?

СОЛДАТ: Будут, ибо,без них не было бы порядку; но народ их сам изберет, из среды своей, всех самых честных, и для них, и для себя предпишет законы, которым все должны повиноваться, а естли окажется, что кто-либо из избранных будет неспособным, то народ изберет другого.

Тут капрал, обнявшись с солдатом, поцеловались сердечно и торжественно закричали: "Виват, да здравствуют такие чиновники! Да здравствует народный Совет и народная Гвардия!"

Читали и думали.

Наученные горьким опытом, каждый своим, соблюдали осторожность.

Казарма была населена густо, люди в ней собрались всякие, хватало и соглядатаев-фискалов - на гауптвахту да под шпицрутены не напрашивались.

И в захудалой, мало кому известной и нужной крепости о революционном зареве над Европой знали.

Конечно, не больше того, что доходило сюда через заезжих, в слухах, редких номерах газет и таких-вот листках, пересылке, понятное дело, не подлежавших.

5.

Революция во Франции понудила киевского гражданского губернатора Фундуклея вспомнить о Шевченко снова.

Все точки в отношении его произведений были, казалось, поставлены еще летом-осенью, ан нет - родился циркуляр новый, февральский. Адресовался он всем земским исправникам и городничим губернии, а гласил следующее: "В дополнение секретных циркулярных предписаний моих от 7 и 10 июля 1847 года и согласно разрешению г. генерал-губернатора даю вам знать, что запрещенные сочинения Шевченко, Кулиша и Костомарова, если у кого окажутся, следует отбирать, но без всяких розысков и обысков". Двенадцать исправников и городничих - в Черкассах, Чигирине, Умани, Бердиче-ве, Каневе и прочих уездных городах - получили губернаторское предписание почти в одночасье, восприняв его, как и следовало, в прямой связи с событиями на западе.

Шевченко - пусть даже действия его вроде бы ПРЕСЕКЛИ - продолжал в их глазах оставаться подстрекателем, и верным государственным слугам все казалось, что он, если и не причастен сам к беспорядкам в Париже, то украинских, российских крамольников против СВОИХ властей науськивает, а значит ждать от него можно многого.

Писал же полтора года спустя, в 1849-м, лубенский городничий Андреев Николаю I насчет того, что, когда "мятеж свирепствовал в Кракове и в Галиции", явился "в городе Лубны известный возмутитель академик Тарас Шевченко, который своими либеральными возгласами, сочиненными им, и оскорбительными эпиграммами противу особы вашего императорского величества, видимо, старался бросить пламенник мятежа и кровавых междоусобий и в Малороссии, подобно происходившим в западных губерниях, восстановить народ противу законной власти". Андреев вспоминал события трехлетней давности и продолжал исторгать злобу. Киевские коллеги городничего из Лубны

ЛОВИЛИ поэта на своей земле меньше года назад - совсем, вроде, недавно. Было ли когда духу его выветриться?..

...На Украине продолжали изымать из обращения его поэзию Шевченко. Выходит, боялись.

Стихи Шевченко были близко к эпицентру революционной бури. Николай Момбелли, один из самых деятельных петрашевцев, добрый его знакомый с сорок пятого, в своих заметках без названия и даты (написанных, скорее всего, весной-летом 1847-го) оставил нам такие, до сих пор не проясненные окончательно строки: "... Этот Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке в стихах воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге в большом числе экземпляров..."

О каком "воззвании" речь? Н.Ф.Бельчиков и Л.Ф.Хинкулов, комментируя приведенный факт (в сборнике "Т.Г.Шевченко в воспоминаниях современников", 1962 года издания), без каких-либо оговорок назвали стихотворение-поэму "І мертвим, і живим, і ненарожденным землякам мо!м в Украйш і не в Украйш мое дружнее послаше". Новейшие комментаторы ("Спогади про Тараса Шевченка", 1982) насчет "воззвания" суждений не высказывают, больше того косвенно его отметают, заявляя, что "такие слухи не имеют никакого документального подтверждения". Нет документа - значит ничего и не было, стало быть нечего про то и думать. Нафантазировал, дескать, Момбелли, напридумывал...

И фамилию придумал? И Лейпциг? Да с какой стати! Ведь известно, что "Кавказ", "Еретик" - поэмы революционные - за рубежом обращались. А они из того же цикла, что и произведение, названное в качестве ВОЗЗВАНИЯ: "І мертвым, і живим...", из того же альбома "Три лгга".

... Настане суд, заговорить
І Дншро, і гори!
І потече сторшами
Кров у сине море
Дггей ваших...! не буде
Кому помагати.
Одцураеться брат брата
І дитини мати.
І дим хмарою заступить ,
Сонце перед вами...

Таким представлялся ему суд народа над своими угнетателями.

Теперь суд шел в Западной Европе.

Когда ему быть в России?..

За границей он не был никогда.

О поездке в Европу, особенно в Италию, мечталось ему, как и всякому художнику. Не вышло.

Хотя нет, один раз границу все=таки пересек. Было это во время очередной поездки по заданию Археографической комиссии. Крестьянское восстание в австрийской части Галиции равнодушным оставить его не могло, а сведения о нем доходили туго. Объездил тогда многие города - Каменец-Подольск, Кременец, Дубно, Ковель. Задержался в Вишневце, что в пяти верстах от границы. В 1905-м старый житель Вишневце рассказывал своему собеседнику, интересовавшемуся пребыванием тут поэта, как однажды тот попросил проводить его на короткое время в село Подкамень, раскинувшееся по другую сторону границы, и просьбу крестьяне уважили.

Этот факт сообщил в своей статье известный ученый и литератор Василий Григорьевич Щурат, заслуги которого перед памятью о Шевченко огромны. Конечно, документального подтверждения события тут нет. Да и кто, спросим себя, документ такой

выдать мог? уж не пограничники ли по ту или сю сторону границы?

Устным сообщениям-свидетельствам мы вправе верить или не верить. В данном конкретном случае к зафиксированному ученым рассказу восьмидесятилетнего старика отношусь я с доверием безоговорочным. Основывается оно, мое доверие, на известных нам всем настроениях Шевченко того времени, и в частности, на отношении его к галицийским событиям 1846 года, обнаружившим перед революционерами, по словам Карла Маркса, реально существовавшие возможности соединить польское национально-освободительное движение с борьбой крестьянских масс против помещиков.

Теперь, в Орской, не было никаких кордонов, разделявших его, Шевченко, с повстанцами из Галиции и вольнолюбивыми сыновьями Польши. И была революция - во Франции, в Европе. Революция, не разъединявшая невольных солдат, но собиравшая их в кружок, в союз.

6.

Газеты бы... журналы...

То и другое Шевченко мог видеть в доме Александрийского на форштадте, или у кого-то из офицеров, получавших "Русского инвалида" - официоз военного министерства. Подписчиков на всю крепость было два-три и обчелся, газеты шли из столицы недели, многие номера не доходили вовсе, но хоть что-то из полученного почерпнуть удавалось - благодарил судьбу и за это. Именно "Русский инвалид" официально подтвердил изустные новости о революционном перевороте в Париже, о волнениях в Марселе и Амьене, о восстаниях в Лилле, Камбрэ и Велансьене, о начале волнений в Германии, о напряженном положении в Австрии и Пруссии... Прочесть об этом было не то что услышать. Слух мог оказаться и ложным. Поверить его сообщением печатным, пусть даже самым лаконичным, значило утвердиться в мысли: да, так все и есть - мир бурлит, жаждет обновления, и не только на словах.

На официальных для нижних чинов занятиях "словесностью" ни о чем таком не говорили. Солдату, по разумению начальства, знать обо всем этом не пристало. Объем "политического просвещения" рядовых батальона вполне укладывался в рамки стихотворения некоего майора Щипанского, напечатанного в том году в журнале "Чтение для солдат":

Пусть тревожатся народы,
Иноземные породы!
А мы песню запоем,
Не туживши ни о чем.
С нами добрый государь,
Православный белый царь!
Любит он своих сынов,
Неизменных храбрецов.
А ведь правдою служить,
Свою родину любить
Нас давно уж научил
Князь великий Михаил...
Ну, ребята! В супостата!
Друг за другом, как за брата!
Все долой с коней! В штыки!
Это дело вам с руки.
Грянем быстро на врагов,
Пусть помянут удальцов!
Не робей, не унывай -
С нами Бог и Николай!
Ура! Ура! Ура!

Эта "поэзия" была в духе царского манифеста 14 марта, дошедшего до Орской уже

в апреле.

Манифест гласил:

"После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей Богом вверенной России. Но да не будет так! По заветному примеру наших православных предков, призвав на помощь Бога всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего государя, что древний наш возглас: за веру, царя и отечество,-и ныне предукажет нам путь к победе, и тогда в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: "С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог!"

Троекратное "ура" под манифестом не стояло, однако иные горячие головы в крепости восприняли его как прямой приказ ВОЕВАТЬ СО СМУТЬЯНАМИ И МЯТЕЖНИКАМИ. Начали было даже поговаривать о скором походе не в степь, а на запад. Но, трезво рассудив, пришли к выводу: если какие батальоны и пошлют, то не их, пятый. НЕ ДОВЕРЯТ этого ни конфирмованным полякам, ни покаранным галицийским мужикам, ни прочим солдатам из политических, ни ему, Шевченко, отправленному сюда под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать. Пошлют их в степь, на Арал. Или не пошлют никуда - оставят сторожить эту никудышнюю, чертову крепость, эту, верно казахи прозвали, "яман-калу".

Не тогда ли рождались в нем и строки его стихов, которым зреть -и вызревать - не сразу: "Ще як були ми козаками..." ("Полякам"), "На ниву в жито уночГ ("СичГ), "Старенька сестро Аполлона..." (ЦарГ)?

Последнему быть целым циклом - Шевченко напишет его уже на Аральском море. Но замысел, думается, возник раньше, с первыми вестями о революциях. Отголоски этих вестей слышатся мне во всем этом поэтическом квинтете.

Бодай кати іх постинали,
Отих цар!в, кат!в людських.
Морока з ними, шоб ви знали,
Мов дурень ходиш кругом іх,
Не знаеш, на яку и ступити. ;
Так що ж мен! тепер робити
3 цими поганцями?..

"Бо де нема свято! вол!, Не буде там добра школи. Нащо ж себе таки дурить?" - вот вывод его, убеждение его, революционным светом высвеченные.

"Где воли нет для человека, Не будет там добра вовеки..."

Революции бушевали далеко и... в его мыслях.

ИСТОРИЯ С "ИСТОРИЕЙ"

1.

В дошедшей до нас их переписке эта книга всплыла на поверхность где-то в феврале. Именно тогда Федор Лазаревский попросил: "Если Вам не нужно уже "Отечественных записок" и "Русской истории" -будьте добры, пришлите, ибо "Отечественные записки" нужно переплетать, а "Русская история" нужна для маленького моего учащегося брата".

Несложная просьба повергла Шевченко в смущение. Ответное его письмо не

сохранилось, но есть ответ на ответ, этот вопрос более или менее проясняющий.

Читаем:

"Насмешили Вы меня, пусть Бог Вас простит, Тарас Григорьевич, своей писулькой, а солдату "Русская история" пригодится: не прочтет, так пропьет или продаст. Очень нехорошо Вы сделали, что написали в Москву выслать ее мне; что с воза упало, то пропало - значит такая ее судьба, а когда по Вашему письму пришлют мне "Историю" из Москвы, то уже хоть ругайте, хоть не ругайте, а я вышлю Вам, сколько будет стоить - деньги".

Книга, выходит, пропала - украл или замотал ее безымянный солдат, и Шевченко, переживая свою вину и не желая быть в должниках, отправил в московскую книжную лавку заказ на эту книгу с приложением стоимости ее и оплаты за пересылку. За то и выговаривал ему Лазаревский - почувствовал, как, должно быть, приятелю неловко за все случившееся.

Инцидент был исчерпан раньше, чем откликнулся московский книготорговец. Книга - та самая - нашлась в Орской, и Шевченко не замедлил переслать ее в Оренбург. Но подтверждения того, что получена, ждать пришлось долго: аккуратностью в переписке Федор отличался не всегда, мог на письма и не отвечать.

"Не рассердились ли вы на меня, неровен час? Или, упаси Матерь Божья, не забыли ли меня бесталанного, - ведь пишу, пишу вам, а вы хоть бы словечко; думал сперва, что письма мои не доходят до вас, так вот же купец, доставивший вам эту живучую Историю Устрялова, которая и в солдатских руках не погибла, побожился мне, что без задержки вам в собственные руки отдал, а из ваших рук (также собственных) хоть бы клочок бумаги, и того не получил..."

Под конец письма - о том же: "Напишите, Бога ради, получили ли вы Историю Устрялова, ведь она нашлась, и я послал вам через здешнего купца..."

Уже подпись поставил, а не угомонился: "Напишите, будьте добры, скоренько".

ШВИДЕНЬКО - потому что близился степной поход, подтверждения же насчет книги не было, тревожиться не переставал.

Только после упрека: "грех вам великий забывать хоть и лыком шитого, а все-таки земляка вашего", поставил Лазаревский последнюю точку в происшествии этом: книгу, действительно, получил, хотя и не без проволочек. (Виноват в них, по всему судя, был в немалой степени сам). Купец, через которого была передана "История", в собственные руки книгу не вручил: через кого-то пригласил получателя в лавочку, времени на хождение у того не оказалось, медлил, откладывал, а "тем временем он, или может уже и не он, через солдата прислал ее мне перед самым велик-днем".

"Самого купца я и в глаза не видел..." Но дело было не в купце - в книге. Некогда полученной, конечно читанной, потом утраченной, найденной и возвращенной...

Насчет того, как она была утрачена и каким образом нашлась, гадать особенно не приходится. Вопрос проясняет Михаил Лазаревский: "Солдаты - товарищи Шевченко - в отсутствие его украдут, бывало, из его шкафика книгу и заложат в кабаке. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, он уже знал, где она, и спрашивал товарищей только, в каком кабаке и за сколько книга заложена, откуда и выкупал ее сам". В этом случае хватился, наверное, не сразу, оттого и оказалось столько ЛИШНИХ тревог.

История возвращения книги в переписке освещена в деталях. Во многом курьезная, внешне занимательная, оставляет она осадок горький. Вновь и вновь думается о судьбе поэта-невольника, лишенного всего - в том числе и права на книгу.

... Но не стоит ли нам и не пора ли вникнуть в "что есть что" и "кто есть кто", а именно в "Историю Устрялова"?

В конце концов суть не в курьезе, а в книге.

2.

"УСТРЯЛОВ Николай Герасимович (4.V.1805-8.V1.1870) - русский дворянско-монархический историк, акад.Петерб. АН (с 1837). А.Герцен и Н.Добролюбов

критиковали произведения У. за низкий научный уровень и верноподданнические концепции. Из переписки Шевченко известно, что, находясь в Орской крепости, он читал учебник русской истории У. Свое отношение к его содержанию поэт не высказал.

Вот и все, что написано об Устрялове в "Шевченивському словнику". Никаких мнений по сему предмету не высказано в статье того же энциклопедического словаря под названием "Исторические взгляды Т.Г.Шевченко". Да что там в статье, если нет их даже в специальной книге Ю.Д.Марголиса, носящей такой же^аголовок. "Побывал в руках у Шевченко и официальный учебник русской истории Н.Г.Устряло-ва", - ничего более об этой книге тут не сказано. Гм, побывал... Надо же найти такую формулировку - книга вроде не обойдена, а каких-либо обязательств на себя не взято! И так во всех известных мне источниках...

Предупрежу сразу: новых, или дополнительных, сведений на сей счет не отыскал и я. Но относительно "побывал" - определения, подчеркивающего случайность или маловажность события, - мнение у меня иное. "Русскую историю" Шевченко попросил у Лазаревского не от нечего делать и не для того только, чтобы, бегло просмотрев, отложить в сторону, нет - для чтения, для собственного творчества. Историей интересовался всегда, занимала она его чуть ли не со времени, когда стал читать, а Устрялов был историком именитым, известным - вот и попросил на время ту книгу. Вернул ПО ПРОЧТЕНИИ (не сразу, но - ПРОЧТЯ). Не высказал мнения? Так мало ли о чем не написал он в письмах, дневнике, прозе! Не пришлось к слову - не написал. Ни о чем, кроме этого, данный факт не говорит, а, следовательно, возводить его в степень нет оснований. Равно как и отмахиваться от него с позиций той оценки Устрялова, которая сформировалась не сразу, в основном позднее, и тем паче нынешней, современной.

Выступаю не "за Устрялова", но ПРОТИВ УПРОЩЕНИЯ подхода к частному, однако существенному, вопросу о случайности или не случайности книги названного историка на фоне Орских месяцев Тараса Шевченко.

... А между прочим "Русскую историю" читал в 1853-м Лев Толстой и не преминул это отметить в декабрьских записях дневника того года. Шестнадцать лет спустя, в 1879-м, он же, в поисках сюжета для драмы, обратился к устряловской "Истории Петра Великого", и на нечто полезное труд историка его натолкнул.

И еще, тоже между прочим, - с Устряловым был знаком Пушкин. После одной из встреч, в марте 1834 года, Александр Сергеевич записал: "Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь". В библиотеке Пушкина сохранились изданные историком тома "Сказания современников о Дмитрии Самозванце" и "Сказания князя Курбского".

Не все так просто, как кажется.

3.

Происходил Н.Г.Устрялов из разночинцев, учился в Петербургском университете, а через несколько лет, по окончании курса наук, стал читать там лекции по всеобщей и русской историй. В течение тридцати шести лет (1834-1870) был он профессором этого крупнейшего университета. Кроме упомянутых томов, ставших на полку в библиотеке А.С.Пушкина, уже в самом начале своей научно-педагогической карьеры опубликовал Устрялов также серию дневников и мемуаров иностранцев - современников и участников событий начала XVII века в России.

В 1836 году многообещающий ученый обнародовал диссертацию "О системе прагматической русской истории". В ней он выступил с критикой исторической концепции Н.М.Карамзина. Воздавая должное официальному историографу, осыпая его имя пышными комплиментами, Устрялов упрекал автора "Истории государства Российского" в том, что он ведет "не нить событий, постепенно обнаружившихся в нашем отечестве, а ряд великих князей и царей". Историку, утверждал диссертант, надо ставить перед собою иные задачи, а именно: "какие были главные общие явления, как одно явление уступало место другому, как переходила Русь постепенно из известного

положения в другое, отличное". Свой принцип он сформулировал так: "История должна показывать постепенный переход государства из одного состо-яния в другое". Но тут же следовал и отход от только что. провозглашенного принципа. Автор заявлял, что переходы "из известного положения в другое" невозможны без действий "главных действователей", и они, обладающие властью, монархи, должны потому находиться на первом плане. Провозглашенный в заголовке прагматический подход развенчивался до основания.

В той же диссертации, содержавшей теоретические воззрения Уст-рялова на историю, проводилась и'такая идея в духе "официальной народности": сопоставление истории России с историей других стран, особенно Западной Европы, категорически невозможно, так как в России "развитие государственной и гражданской жизни совершалось по иным началам, под влиянием иных обстоятельств".

Книга вызвала нелестные отзывы в прогрессивных кругах Петербурга, в том числе и со стороны Пушкина, одобрившего открытое письмо на имя С.С.Уварова с критикой концепций Устрялова. Но "высшие сферы" были за него. Не случайно ведь после смерти Пушкина Николай I именно ему поручил писать историю Петра, что тот и осуществил - отнюдь не по-пушкински.

Однако многотомная "История царствования Петра Великого" была делом будущего: первые три тома вышли в 1858-м, в последующие годы появились еще два, а пятый света не увидел.

Справка из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: в 1837-1841 гг. в виде пособия к своим лекциям в Петербургском университете Устрялов издал "Русскую историю" в пяти томах, дополнением к которой в 1847 г. явилось "Историческое обозрение царствования императора Николая I", исправленное по рукописи автора самим царем; в то же время он написал и выпустил два кратких учебника для гимназий и реальных училищ, по которым, вплоть до шестидесятых годов, училось все российское юношество (других учебников по истории не было, только эти и допустило министерство народного просвещения в средние учебные заведения государства).

Об учебниках Устрялова А.И.Герцен говорил, что они были написаны "по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича". Вполне определенно оценена "Русская история" в труде "Очерки истории исторической науки в СССР" (томе первом, 1955), где прямо подчеркивается, что "первый печатный университетский курс лекций" представлял собою "изложение русской истории с позиций официальной историографии".

4.

Так какая книга была у Шевченко? Читалась им, потом исчезла, была отыскана, отослана, не сразу дошла, но в конце концов вернулась к владельцу?

"Нужна для маленького своего учащегося брата..." Только на этом основании и вывод сделан: у Шевченко был учебник для гимназий и реальных училищ.

Но почему не курс университетских лекций под названием "Русская история"?

Маленьких учащихся братьев в семье на то время было двое: Александр, 1834 года рождения, и Иван, 1836-го. Да, скорее всего имелся в виду Александр, которому шел четырнадцатый. Тогда уже определилась его склонность к истории, изучение которой действительно стало для него делом жизни. Пройдут годы и явятся на свет труды "Малороссийские посполитые крестьяне 1648-1783 гг.", "Очерки из быта Малороссии XVIII века", "Люди старой Малороссии" и многие другие, будут опубликованы содержательные, никогда не потеряющие своей ценности, статьи А.Лазаревского о Шевченко.

Вполне естественно, что, приобретая университетский курс "Русской истории" Н.Г.Устрялова, Федор, на четырнадцать лет старший, думал о развитии похвальных склонностей и углублении знаний будущего историка, а пока гимназиста.

Да ведь лекции в пяти книгах, в переписке же все вертится вокруг одной...

НЕ ВЕРТИТСЯ! Ни в одном случае, - ни у Лазаревского, ни у Шевченко - не говорится о том, что имеется в виду одна-единственная книга. Это я в начале главы определил "Русскую историю", или, как в других местах переписки, "Историю Устрялова", таким образом. Доверился, видно, версии об учебнике для гимназий... Впрочем, называем же мы КНИГОЙ "Войну и мир" или "Былое и думы", хотя подразумеваем НЕСКОЛЬКО томов?

Достаточно элементарный учебник для гимназий и реальных училищ заинтересовать не мог. К тому же он наверняка был с ним знаком. Другое дело - лекции университетского цикла, содержащие в себе материал обширный, особенно фактический.

"Устрялов, - читаю в статье энциклопедического словаря братьев Гранат, - был историком старого типа, понимал историю в смысле рассказа о событиях внутренней и внешней жизни государств и о жизни государей и выдающихся деятелей. Это отразилось на всех его сочинениях - пятитомной "Русской истории", выходившей в конце 30-х и начале 40-х гг. XIX в., "Историческом обозрении царствования императора Николая I", исправленной самим императором..." Но к чему перечислять до конца?

Если бы все-таки в одном из писем встретилось мне вполне определенное, в смысле единственности экземпляра, слово "книга", я отдал бы предпочтение не учебнику для средних учебных заведений и не одному из томов курса, а тому-добавлению, фактически шестому, посвященному Николаю I.

Он, этот том, вышел в 1847-м - в год, когда царь Николай упек его, Шевченко, в солдаты и лишил всех прав. Длинный перечень своих благодеяний России самодержец "украсил" еще одним подвигом.

5.

Не отозвался на УСТРЯЛОВА ни словом?

Да, если не принимать во внимание его поэзию. Но она-то и есть главное в Шевченко!

Н.А.Добролюбов, критикуя десятилетие спустя несостоятельность "Истории царствования Петра Великого", писал, что нет в ней "истинной истории, во всей обширности ее философского и прагматического значения". По Добролюбову, эта ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ могла быть воссоздана только при условии изображения, осмысления народной жизни, впротивовес установке на воспевание монархов.

Не монархов славит поэт в орских стихах и поэмах - народ.

Своя у него, Шевченко, история - борьба простых людей.

Горе их... мечты... действия...

На каждой странице раздумья о настоящем и - прошлом.

... Може, чаеш оновлення?
Не жди тй слави!
Тво! люде окрадеш,
А панам лукавим...
Нащо здалась козацькая
Великая слава?!
……..
А он старе Монастирище,
Колись козацькее село
Чи те воно тойд! було?..
Та все шшло ц [арям] на грище:
І Запорожжя, і село...
І монастир святий, скарбниця, -
Все, все несит! рознесли!..
……..
Упивались і чужо! Гсвое! кров!!..
А получшали?.. ба де то!

Ще пршими стали,
Без ножа і автодафе
Людей закували
Та и мордують... Ой, ой, пани,
Пани християне!..

Вот она, ЕГО История - не чета официальной, устряловской. ЕГО Обозрения царствований, так возвеличенных присяжным ученым мужем. Спасибо за то, что напомнил факты, имена, даты, что этим разбудил мысли, пусть совсем не созвучные... Скупые вести о революциях в Европе заставляли думать и о Российской империи - ее прошлом, настоящем, будущем...

"...ОБ Б... ЯЧУВ..."

1.

Немецкая писательница Ирмтрауд Моргнер высказалась так: "Ортодоксальной романной форме я предпочитаю романный ансамбль малой прозы... Мозаика - нечто большее, чем сумма камешков. В композиции целого они неожиданным образом контрастируют и взаимодействуют на глазах у зрителя".

Традиционный роман дорог мне и любим неизменно. Но у меня другая задача. Своя, собственная, требующая, на мой взгляд, иной, не "традиционной", композиции. Главный герой - один-единственный; он соединяет, скрепляет собою все, он двигатель сюжета и, собственно, сам "сюжет". Ради постижения ЕГО жизни, ЕГО настроений, страданий, мужества - все в этой книге. Персонажей в ней предвидится много. Некоторые связаны с Шевченко напрямик, иные стоят как бы в стороне, существуют "сами по себе". Не распадется ли повествование? Не разрушится ли его целостность?

Но в основе всего - Он, а это - пружина из надежнейших.

2.

К людям доверчивый и за доверчивость свою уже не однажды битый, он только сейчас убедился, как прав был Федор Лазаревский, когда в июльско-августовском еще письме, вместе с братом Василием писанным, предупреждал насчет этого самого Бархвица.

"а об Б... я чув не все добре - кат би його взяв, од його б подальше..."

Тогда совету не внял. Бархвиц казался олицетворением самого доброго. Даже заслонил собою горячо рекомендованного Лазаревскими Михаила Семеновича. Попросил было даже писать ему не через Александрийского, а по адресу милого сердцу подпоручика.

Хорошо, что просьбу во внимание не приняли. "Извините, что я ВОПРЕКИ ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ адресую посылку и письмо на имя нашего попечителя Александрийского, - он очень добрый и благородный человек, - а об Б... я чув..." Что ЧУВ - в словах последующих, уже цитированных: правда, глухо, намеком, но... выразительным. Деликатнейший Федор тогда написал еще: "Не сердьтесь, що ч я не в свое дшо М1шаюсь". Извинялся зря, спасибо ему за все доброе, и за это тоже. Увы, сразу не прислушался. Но так уж человек устроен: до всего норовит дойти сам.

Раскусить мнимого приятеля, понять его нутро помогла не только история с долгом - она закончится много позже, уже на Арале.

Раскрывался Бархвиц во всех своих ипостасях. И по мере этого становился все более неприятен. Жаль, что солдат не вправе залепить пощечину офицеру - даже если тот мерзавец...

3.

Что их свело и сблизило?

Об этом я уже писал, но вскользь, а тут обстоятельства из первостепенных.

Свело ПРОШЛОЕ Бархвица, которое тесно сплелось с двумя известными Шевченко, им почитаемыми именами - Шимона Конарского и Кузьмина-Караваева.

Конарский был личностью героической, истинным борцом за свободу польского народа, его независимость, его честь. Не однажды привелось этому мужественному человеку участвовать во главе отрядов в сражениях с правительственными войсками. Тогда, в 1830-1831 годах, силы, однако, оказались неравными. Пришлось отступить, уйти за границу. Но едва это произошло, как сразу же Конарский взялся за создание патриотических организаций "Молодая Польша" и "Содружество польского народа", за подготовку будущих боев во имя свержения тирании самодержавия, ради утверждения независимой Польской республики. С той же целью вернулся в Россию: разворачивать революционную деятельность в западных ее губерниях, создавать тайные общества и группы, налаживать контакты с демократическими слоями, с прогрессивными русскими офицерами и солдатами.

Он был вездесущ и неугомонен, польский патриот Щимон Конарский. Плоды его трудов власти ощущали все чаще. За нит установили слежку, а потом и погоню. Но только в мае 1838-го конспиратора-бунтаря удалось схватить.

Заточенный в тюрьму, день за днем подвергаемый допросам, моримый голодом, беспощадно избиваемый, постоянно в кандалах, он тем не менее ни от чего не отрекся и никого не выдал. Его сторонники, его товарищи продолжали действовать, распространяя свое влияние - и влияние Шимона - на новые и новые районы.

Не без их участия группа русских офицеров решила устроить побег Конарского и ряда его друзей. Возглавил группу подпоручик Новоин-германландского пехотного полка Аглай Николаевич Кузьмин-Караваев. Не исключено, что они, повстанец и офицер, были знакомы раньше. Совсем молодой, родом из мелкопоместных тверских дворян, знавший языки, в том числе польский, много читавший, Кузьмин-Караваев сам напросился нести караульную службу в Базилианском монастыре, превращенном тогда в застенок, и день за днем стал налаживать контакты с арестантами, готовя их освобождение. И оно могло осуществиться, не окажись среди заключенных труса. Трус этот, Оржешко, разрушил все планы. Смелый офицер предстал перед судом особой военной комиссии и, несмотря на отсутствие прямых улик, на то, что Кузьмин-Караваев никаких преступлений за собою не признавал, а Конарский от всего отпирался, был признан виновным "в измене долгу, чести, порядку службы и обязанностям караульного офицера" с беспощадным приговором: "четвертовать".

Приговор в исполнение не привели. Смертник никого не выдал, власти же не могли, не считали себя вправе отказаться от мысли о соучастниках. К тому же стало известно о брожениях в полку, взбудораженном готовящейся казнью ЛЮБИМОГО офицера, о "злонамеренных" связях с ним, уже в заключении, группы людей из того же полка, а также из лиц гражданских.

Новое следствие продолжалось более года. Несмотря на всю тяжесть собственного положения, находясь лицом к лицу со смертью, Кузьмин-Караваев меньше всего думал о себе. Ему по-прежнему не давала покоя мысль о побеге Конарского. И даже когда тот, в феврале 1839-го, был расстрелян, он продолжал - теперь руками единомышленников - готовить освобождение других политических заключенных, по делу Конарского арестованных. Находясь на гауптвахте, русский офицер стал одним из организаторов революционной пропаганды в Вильно. '

Среди тех, кто ему помогал, был и прапорщик Ревельского егерского полка Бархвиц. В ходе следствия обвиняемых разделили на шесть разрядов - по степени их активности, их вины. Бархвица следователи причислили к третьему разряду.

Из Центрального государственного исторического архива Литвы мне в свое время любезно прислали микрофильм со страницами давнего следственного дела. Стало возможным прочесть своими глазами важнейшие документы давнего (но не забытого историей) процесса.

Приговор, вынесенный в 1840 году, определил Кузьмину-Караваеву и его ближайшему соратнику - прапорщику де Люсине смертную казнь, других же обвиняемых

обрекал на тюрьму, каторгу, ссылку.

Конфирмация приговора состоялась... через два года. Расстрел "главным виновникам" был заменен вечной каторгой в Сибири, а каторжные работы другим - ссылкой на поселение в места отдаленные.

Бархвиц, который - как сказано в следственном деле - "несколько раз бывал у подсудимого Караваева на арсенальной гауптвахте и, в знак расположения своего, писал в альбом Караваева стихи", а "по арестовании прапорщика де Люсине, будучи в гошпитале... писал оттоль записку к караульному в арсенальной гауптвахте... о предостережении Караваева, чтобы уничтожил свои бумаги, кои могут обнаружить тайные его связи", был переведен в Отдельный Оренбургский корпус и вскоре стал прапорщиком 5-го линейного батальона в Орской крепости.

Прошлым Бархвица являлась причастность его к двуединому подвигу Конарского-Кузьмина-Караваева.

Тому подвигу, в котором Шевченко виделся прообраз единства народов в борьбе против тирании.

... Вот это и свело, и сдружило.

4.

Что "об Б..." - о Бархвице - слышал Лазаревский, мы не знаем.

"...чув не все добре... од його б подальше..."

О том, что с ним было, прапорщик рассказывал без утайки. Сначала вроде осторожно, с оглядкой, а потом и менее сдержанно, уже откровенно, с деталями, свидетельствовавшими о его геройском свободомыслии. Настораживающего хвастовства не чувствовалось -больше говорил о других, о себе же как бы мимолетно, невзначай, вскользь.

Упоминал: грозила ему сибирская каторга - третий разряд это действительно ВИНОВНЫЕ. Вспоминал тюрьму и допросы - долго сидел, спрашивали по всем правилам, С ПРИСТРАСТИЕМ. Каторгу заменили разжалованием В СОЛДАТЫ с отправкой в ДАЛЬНИЕ батальоны. Оставили в прапорщиках - ну, это просто ПОВЕЗЛО, удалось ПЕРЕХИТРИТЬ.

Все в рассказах было логично. Убедительность их подчеркивалась тем, что слышал о Конарском и Кузьмине-Караваеве, о всей этой истории от поляков в Орской, а еще раньше в Петербурге и на Украине. История известность получила. И вот живой ее участник - Бархвиц...

Шесть лет служил он тут - срок огромный. По всему судя, не сдался, не примирился. Вон как прежнему, до Мешкова, батальонному выдал! Не подчинился, сказывали, его приказу, который мог солдат угробить... Из Оренбурга приказали упечь Бархвица на гауптвахту, три недели ареста ему определили, но дело-то доброе, достойное он сделал - молодец, прапорщик, не уронил чести...

Ко всему тому не был он чужд и поэзии, а меж офицерами это такая редкость, что не наудивляешься. Самому Кузьмину-Караваеву - и где? в камере его! - стихи свои в альбом записывал... Не многие на подобное отважатся... не многие...

Однако постепенно стал узнавать о нем и другое.

Добрая крестьянская женщина Настасья Морозова, бывшая у него в прислугах, чем-то не угодила "барину", так он, за здорово живешь, кулаком ей в лицо.

Нет, не соврали люди - действительно, ударил.

"Провинился" перед ним мальчонка десятилетний - розгами собственноручно отделал. За парнишку девушка вступилась - крестьянка, из дворовых, - розгами и ее.

Да ты, брат, вроде тех извергов, которых досыта привелось насмотреться в крепостном своем детстве, в подневольной своей юности, которые били, секли его самого, его братьев и сестер по горькой доле...

С одной стороны благородство, а с другой - подлость? Двуликий Янус?

Теперь уже не спешил вступиться за Бархвица, когда слышал, что тот, мол,

оскорбил казака, или офицера, или кого еще. Смог истязать ребенка, бить женщину, устроить порку девушке - способен оскорбить всякого. Ручаться не станет - обстоятельства изменились.

Может говорили и раньше, да в уши не впускал, только вдруг услышал, что и В ТОЙ ИСТОРИИ был Бархвиц на высоте не до конца. Убоялся, мол, наказания, лебезить перед следователем стал, себя выгораживать, на других вину перекладывать - вот и понизили в разряде преступности, избавили от Сибири, наконец ПРОСТИЛИ. Конечно, Орская крепость не сахар, но других-то на каторгу упекли, всего, что дорого, лишили, а он из полыньи этой почти сухим вышел...

Верить такому не хотелось. Да разве поверил бы он еще совсем недавно в изуверство Бархвица против безответных крестьян, простых беззащитных людей?

"... чув не все добре - кат би його взяв..."

Глубинный смысл предупреждения доходил лишь сейчас.

5.

С возвращением долга офицер не спешил. Но теперь уже ссылался на совсем скорую перемену положения и связанные с этим надежды. Все в крепости знали, что прапорщик женится на Татьяне Мальхано-вой, дочери есаула, командовавшего четвертым казачьим полком, расположенным в Орской и окрестных местах.

Татьяна была невестой бойкой, а будущий тесть человеком не бедным. Бархвиц явно намекал на приданное, а еще на более доходную должность, обещанную ему влиятельным есаулом.

Действительно, как свидетельствовала потом Татьяна Бархвиц, он "по совершении... брачного союза в 1848 году имел намерение перейти в казачье войско для совместного служения со своим тестем..." Но, уточняла женщина, "имея в виду положение собственных его родителей, имеющих местопребыванием своим Царство Польское и приближающихся к преклонной старости, долженствующих когда-нибудь, по правилам природы, потребовать от него сыновней подпоры", Бархвиц "на этом основании в поданном по команде на высочайшее имя прошении ходатайствовал о перемещении его в казачью службу на таких правах, чтобы зачисление его в нее не было всегдашнее, а до неопределенного времени, пока семейственные обстоятельства его родителей будут иметь необходимость в его личном присутствии..."

В браке он преследовал, прежде всего, интерес своекорыстный, чего никак не скрывал, обещая скоро рассчитаться.

Рассчетливость прапорщика в святом деле женитьбы Шевченко претила. Отдаляло от Бархвица и это. Переоценка ценностей продолжалась

"... от него бы подальше..."

Прапорщик уже не пытался нашептывать ему о "кознях" и "недругах" - человек не глупый, перемену он чувствовал (правда, связывал ее, пожалуй, исключительно с неотданным долгом).

Поляков предупреждать о нем не требовалось - к своему "земляку" чрезмерного доверия они не питали, больше того, от такого доверия предупреждали его самого.

Но Бархвиц по-прежнему был в курсе всего, что вокруг происходило. Обо всем слышал, все знал. Его привечали у Левитских; особенно благоволила "пану Станиславу" говорливая генеральша - ревностная католичка. Католиков в крепости, тем паче среди ВОЛЬНЫХ, были считанные единицы, и встречи с ними ее радовали. А в этом ЧЕСТНОМ ДОМЕ не привыкли недоговаривать, ТАИТЬСЯ. В доверчивости своей Левитские были подстать Шевченко.

Но к чему, спросите, клонит автор? Что-то знает и... утаивает?

Знаю то, что произошло с Левитским вскоре. "Утаивать" не собираюсь - расскажу об этом в следующей главе.

А клоню я ... Темнить не стану, хотя прямых доказательств и не имею: приложил, считаю, к той истории руку и Бархвиц Станислав Августович, прапорщик 5-го линейного

батальона.

Шевченко поминал его даже годы и годы спустя:

"Искорени друзей, подобных... Бархвицу..."

Звучало это как заклинание.

ПРОЩЕНИЯ НЕ БЫЛО

1.

Мобилизует революция не только силы добра. Злые - ничуть не меньше.

Доносчик существовал и впрямь.

Вспомним еще раз предостережение Чернышева: "Будьте осторожны, милый мой Тарас, в отношении рисования... в Орской крепости есть какой-то арестант из сенатских чиновников, который имеет страсть писать доносы..."

Чернышев намекал на Зиньковского.

Подозрение не оправдалось.

Доносы же продолжались. Шли они в Оренбург, шли в Петербург -в инстанции самые высокие. Чем дальше целились, тем больнее ранили.

Могли и убить.

Именно так было в случае, открывшемся мне в одном из дел 1848 года. Склонился над ним, этим делом Центрального Государственного военно-исторического архива (ф.395, оп.154, д.421), лишь потому, что в описи и на обложке значилась "орская" фамилия: ЛЕВИТСКИЙ.

И погрузился я в переписку...

2.

"Милостивый государь!

(Так начиналась копия письма, отправленного 21 марта 1848-го - месяца и года революций в Европе).

Позвольте несчастной матери несчастного пострадавшего сына обратиться к Вам с просьбою облегчения участи нашей, сколько человеколюбие и благородные чувства позволят. Сын наш Апполон Гофмейстер сослан в крепость Орск к крепостным работам, не знаю, прибыл ли уже к Вам, а если нет, то вероятно скоро прибудет. Не откажите просьбам бедных родителей, позвольте ему уведомить нас о своем здоровье. Несколько слов его руки принесло бы большое облегчение в нашем тяжелом горе. Посылаю для него IS руб. серебром. Позвольте ему оные употребить на доставление себе выгод хотя в малой доле, к которым привык, тем более, что пробыв два года в заточении, вдруг выслан на невыгодную и в дурное время такую дальнюю дорогу, мог сильно пострадать здоровьем.

Надеюсь на милосердие божеское, оно внушит добрым людям сострадание к несчастным и Вы удостоите нас ответом и словами утешения, столь нужными для поддержки сил, истощенных продолжительным бедствием несчастных родителей...

Марья Гофмейстер".

Письмо из Брест-Литовска, Гродненской губернии, было обращено к безымянному для отправителей коменданту Орской крепости генерал-майору Гавриле Гавриловичу Л свитскому.

Прибыло оно сюда в двадцатых числах апреля.

В те же дни Левитский послал ответ. Не формальный, не бездушный - исполненный человеческого сочувствия.

Его в деле нет. Но о нем тут много.

Письмо подверглось нежданной-негаданной перлюстрации и стало едва ли не главной уликой против коменданта.

Донос последовал совсем скоро - если не в том же апреле, то уже при начале мая.

3.

ЛЕВИТСКИЙ - ОБРУЧЕВУ

"Милостивый государь Владимир Афанасьевич!

По поручению вашего высокопревосходительства господин генерал-майор Фрейман объявил мне, что государь император изволил приказать судить меня за то, что я отстранил от крепостных работ преступника Гофмейстера, на что я почтительнейше донести честь имею, что по доставлении. Гофмейстера в крепость Орскую он был столь слаб, что я на малое время освободил его от крепостных работ, а вскорости получил письмо от его матери, с коего копию при сем представить честь имею; и в сострадание матери, и как сам отец семейства почувствовал сожаление и, чтоб облегчить ее страдание, написал ей письмо, в коем упомянул, что сын ее будет уволен от крепостных работ и сим тоже хотел успокоить страждущую мать, без единого намерения выполнить в точности сие обещание, прибавив, чтоб полагались на волю всемогущего Бога и на милосердие нашего монарха. А как Гофмейстер не мог вскорости совершенно оправиться и более пришел в изнеможение, то был отправлен в лазарет оренбургского линейного батальона N 5 и там содержался в арестантской палате за строгим караулом и вместе с больными киргизами; [потом] просил, чтоб его выписали и, не придя еще в настоящие силы, не был посылай на работы, а теперь по выздоровлении ходит с прочими на крепостную работу. Вот моя исповедь и все мое преступление, произошедшее от доброты моего сердца.

Теперь, прибегая к ваигему высокопревосходительству как к особе в большой доверенности государя императора, полагаю всю мою надежду на близость души и доброту Вашего сердца защитить отца семейства, прослужившего в офицерском звании SO лет; во все время служения соего исполнял волю моего монарха в точности и не был замечен ни в каком отступлении по долгу службы и никак не ожидал постигшей меня участи. Будьте столько милостивы - защитите меня пред лицом всеавгустейшего монарха, и одно слово Ваше, в пользу мою сказанное, может избавить меня от несчастия. Пребываю к Вам с истинным моим почтением и неограниченною преданностию.

Вашею высокопревосходительства, милостивого государя, покорный слуга
Гаврила Левитский.

Июнь 13 дня 1848 г.
Крепость Орская".

Горькое, униженное письмо человека в беде... Никакой за собой вины он, старый солдат, не чувствует. Ничего предосудительного им не совершено - а за доброту души разве судят? Так меж строк и слышится: его оговорили, оклеветали. В письме ни малейшего лоска, никакого стремления к изяществу стиля, нет за ним черновика, все тут просто, как прост он сам. "Исповедь" проникновенно-искренняя, "защитите" звучит мольбою. Не раз был ранен, но в сражениях, на полях России и Европы. После этих ран поправлялся, воевал снова. Рана, нанесенная в Орской, в сорок восьмом, казалась (и оказалась) смертельной.

4.

ОБРУЧЕВ - ВОЕННОМУ МИНИСТРУ (РАПОРТ)

"Сделав всеподданнейшее донесение о смерти преданного военному суду состоявшего *по артиллерии генерал-майора Левитскшо, приключившейся ему 18-го числа сего месяца от нервной горячки,... имею честь присовокупить, что геннерал Левитский по высочайшему повелению, объявленному в предписании Вашем от 26-го мая настоящего года, за N 410-м, был предан военному суду за* противозаконные *снисхождения к ссыльным арестантам и даже самым злым государственным преступникам, свидетельством чего, как изъяснено в упомянутом предписании за N 410-м, служит явное послабление его сосланному в каторжную работу в Орскую крепость Апполону Гофмейстеру, который не употребляется ни в какие работы.*

Предположив учредить военный суд над генерал-майором Левитским в г.

Оренбурге под председательством командира 1-й бригады 23-й пехотной дивизии генер-май-ора Федяева, я 18-го числа июня месяца предписал генералу Левитскому: сдав занимаемую должность по управлению коменданта плац-майору крепости Орской, прибыть в Оренбург, а учреждаемой над ним комиссии военного суда донести мне, доволен ли подсудимый избранными судьями, для испрошения высочайшего утверждения в сих должностях избранных к оным лиц..."

Губернаторское предписание впавший в немилость комендант выполнил. Но, выехав из Орской больным и разбитым, в Оренбурге он не оправился, а, напротив, разболелся еще больше, болезни нанизывались одна на другую. Корпусной штаб-доктор подтвердил, что его пациент одержим желчной горячкой, воспалением печени и прочими опасными недугами.

Суд не состоялся- подсудимый умер.

"... Генерал-майор Левитский состоял на службе с J798 года, в продолжении 50-ти лет отправлял оную безукоризненно и в особенности бескорыстно, чему служит явным доказательством то, что при скромной жизни, после смерти его, семейство, состоявшее из жены и двух дочерей, асталось не только без состояния, но даже без всяких средств к пропитанию, и на совершение самого погребального обряда я нашелся в необходимости.сделать некоторое пособие из сумм, в распоряжении моем состоящих.

Предавая все вышеизложенное в особое благоуважение вашего сиятельства и принимая во внимание пятидесятилетнюю беспорочную службу генерал-майора Левит-ского, а также настоящее бедственное положение семейства его, я приемлю честь покорнейше просить представительства Вашего у всемилостивейшего государя императора о назначении жене и детям Левитского единовременного пособия, необходимого им для отъезда отсюда в С.-Петербург и... пожалования пенсии по чис^-.у лет беспорочной службы..."

Подпись: генерал от инфантерии Обручев

Дата: 24 августа 1848 года.
Исходящий: N1594.

Решение было достаточно скорым.

"На выдачу семейству генерал-майора Левитского пособия на проезд его из Оренбурга в С.-Петербург высочайшего соизволения не последовало..."

Пенсию вдове и дочерям назначили в установленном порядке. Однако от бедности она никак не избавляла, семейство оставалось в положении тяжелом. Теперь уже обращалось оно с просьбами о пособии не для выезда, но ради "дневного пропитания".

Просьбам не внимали по-прежнему: "Насчет единовременного пособия входить к государю императору не сочли возможным..."

Прощения не было и после смерти.

5.

Так закончилась жизнь Гаврилы Гавриловича Левитского, коменданта Орской крепости.

Закончилась уже за хронологическими рамками жительства и службы здесь Тараса Шевченко. Главные события разыгрались тогда, когда находился он в походе к Аральскому морю, а потом и на самом Арале.

Но главные ли? Может главными были не они?

Забежав на какое-то время вперед, вернемся в дни предыдущие -март или начало апреля, когда в крепость привезли Гофмейстера.

В "Алфавитном списке нижним чинам, отданным за политические преступления в военную службу и в арестантские роты" - документе 1856 года - было три основных вопроса и три главных сообщения.

-Имя, фамилия и в каком звании совершено преступление?

-Гофмейстер Апполон Павлов (из дворян Гродненской губернии)..

-Какое преступление?

-За принятие в свой дом заграничного эмиссара Рера и за участие в 1846 году в злоумышленных действиях его к произведению в Литве бунта был предан военному суду.

-Какому подвергался наказанию?

-По конфирмации генерал-фельдмаршала князя Варшавского от 21-го генваря 1848 года Гофмейстер' лишен всех прав состояния с переломлением над головою его через палача шпаги и сослан в каторжную работу в Орскую крепость.

Из сорок шестого года были Станислав Круликевич, Хипполит Завадский, Оттон Фишер - Орские знакомые, и уже приятели, Шевченко. Их "конфирмовал" все тот же "князь Варшавский" - наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал Паскевич. Приговоры его отличались "разнообразием": кому шпицрутены и батальоны, кому лишение званий и арестантские роты, кому тюремные замки и каторжные работы...

Из сорок шестого вели свою невольничью родословную Бронислав Залеский и Людвиг Турно, с которыми ему еще предстояло познакомиться и сдружиться. Бронислав чрез руки Паскевича прошел в тот же день, и по тому же делу, что и Гофмейстер, - 21 января 1848 года, за подготовку "в Литве бунта"...

Апполон (точнее - Апполинарий) Гофмейстер родился в 1825-м, в Брест-Литовске, в семье офицера русской армии (службу свою отец продолжал доныне, теперь уже в чине подполковника). Учился дворянский сын в Варшавской гимназии, а потом в Берлинском университете. Но университет не закончил - увлекла деятельность общественная, политическая. Вступив в конспиративный студенческий кружок, он проявил себя человеком дела, сторонником не речей, а действий, был оценен эмиссаром Яном Реромом и им же направлен в Литву - для подготовки к восстанию против произвола российского правительства. Тут его и схватили... Два года просидел в тюрьме. Однако этим не кончилось. Еще семь лет потом предстояло провести ему в арестантских ротах Орской и Оренбурга. Не угомонят Апполона и они. Вернувшись в родные места по амнистии (1857), он вскоре снова включится в борьбу. Во время польского национально-освободительного восстания 1863 года повстанцы поставят его на пост брест-литов-ского губернского общественного начальника. Восстание потерпит поражение, и это вновь приведет его в тюремные застенки, а оттуда в сибирские дали. Из Тобольска Гофмейстер возвратится только в 1873-м. Поселится в Кракове, продолжит деятельность на общественном поприще, проявит себя как литератор-публицист и ... умрет в бедности. Это случится в 1890-м, когда ему исполнится шестьдесят пять.

Сейчас, весной 1848-го, Апполону шел всего-навсего двадцать третий. Был он юн и горяч, но, как честно свидетельствовал Левитский, после всего перенесенного "не мог вскорости совершенно оправиться и... пришел в изнеможение".

Исключает ли это знакомство с ним Шевченко в Орской?

О том же, что были они знакомы, свидетельствовал сам... Гофмейстер. В письме к А.Гиллеру от 25 апреля 1882 года - много и много лет спустя - появились такие его строки: "Предлагали мне неоднократно писать воспоминания. Интересными они могли бы быть в части, касающейся моего пребывания в Орске, Оренбурге и Тобольске. Из Орских арестантских рот - характеристика правителей Николая I; из Оренбурга - Зыгмунт Сераковский, Бронислав Залеский, Шевченко, весь дух и устройство братской общины, дали бы много материалов для моих писаний".

Орск свел их ненадолго, зато Оренбург 1849-1850 годов изгнанников подружил - отсюда, наверное, и отнесение Шевченко к страницам ОРЕНБУРГСКИМ.

Но до Оренбурга была памятная обоим Орская. Ее они не забывали... И наверняка помнили Левитского, в их судьбах не чужого.

6.

Левитскому в вину ставили не только Гофмейстера.

"...был предан военному суду за противузаконные снисхождения К ССЫЛЬНЫМ АРЕСТАНТАМ и даже самым злым ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕСТУПНИКАМ..."

Обратите внимание: там и там во МНОЖЕСТВЕННОМ числе.

Гофмейстер лишь пример в подтверждение: "свидетельством чего..."

Доноса в деле нет. До следствия и суда обвиняемый не дожил. Что еще предъявили бы ему, готовя покарание, мы не знаем.

Но, думается, припомнили бы коменданту и Шевченко.

Данное ему разрешение жить не в казарме, а в наемной квартире... Освобождение на какое-то время от занятий на плацу... Дозволение посещать дома знакомых, и тем более встречи в комендантском семействе... Опять же переписку... присылку красок, кистей, бумаги... долгие разговоры с приезжими чиновниками и офицерами...

"... ЗА ПРОТИВУЗАКОННЫЕ СНИСХОЖДЕНИЯ..."

Левитский был добр и справедлив. "Человек старый и довольно добрый" - так у М.М.Лазаревского. За давностью лет он, мемуарист, запамятовал фамилию: имел в виду коменданта Левитского, а назвал Исаева/тогда уже "бывшего".

Истина восстанавливается только сейчас.

И лишь сейчас, уже зная то, что случилось с Гаврилой Гавриловичем Левитским, особенно остро понимаешь, чем рисковал он, стараясь хоть облегчить участь Шевченко.

В 1850-м, после ареста Шевченко в Оренбурге и следствия над ним на гауптвахте Орской крепости, за все "снисхождения" спросят с майора Мешкова. СТРОГОГО ВЫГОВОРА, объявленного командиром корпуса, покажется недостаточно; год спустя ему прикажут сдать батальон, а в ноябре 1851 года будет составлен еще и такой доклад "по военно-судной части":

"... По произведенному... исследованию признан виновным командовавший Оренбургским линейным батальоном N 5 майор Мешков, в допущении предосудительных послаблений к преступнику Шевченко, который, пользуясь этим, писал и рисовал в нарушение высочайшего повеления, запрещающего заниматься этим, и сверх того не сообщил в батальон N 4 последовавшей об нем высочайшей конфирмации при командировании его в Аральское укрепление.

Господин корпусной командир по докладу его высокопревосходительству об изложенном изволил приказать: употребленные подполковником Чигирем на проезд до крепости Орской и обратно для производства по сему предмету исследования прогонные деньги, в количестве 23 рубл. 67 копеек серебром, с узаконенными процентами, взыскать с майора Мешкова и пополнить комиссариатскую сумму".

Деньги взыскали полностью, что и было подтверждено документом, датированным 29-м декабря 1851 гоад.

... Но взыскание взысканию рознь.

Левитский за свои "противузаконные снисхождения" заплатил ЖИЗНЬЮ.

ПЕРЕД ПОХОДОМ

1.

"... пишите мне еще из Орской крепости, останетесь ли Вы на месте или потянетесь на Раим?.."

Письмо от Федора Лазаревского публикаторы относят к началу мая. Тогда оно, по всему судя, и было написано.

Написано наспех, в последнюю минуту: воспользовался нечаянной оказией и решил на всякий случай сказать "до свидания". Ну а заодно расширить круг знакомых Шевченко-свести его с человеком, который может быть не только приятен, но и полезен, если перемещение на аральские берега все же состоится.

С того письмо-записку и начал:

"На Раиме, где, конечно, я не предполагаю для Вас лишних удовольствий, я компаную для Вас товарищество... податель сего возник Иван Фаддеевич Петров; познакомьтесь с ним - хороший человяга..."

Точного дня выхода транспорта в степь Лазаревский не знал, как не знал

окончательно и того, включат ли в него Шевченко. Оттого-то на обороте листка надписал: "Тарасу Григорьевичу Шевченко. В Орске или Раиме".

Знакомство должно было состояться в любом случае.

Но что за прок виделся Федору Матвеевичу в ВОЗНИКЕ?

Да не "возником" (возчиком) ехал в дальний путь Петров, а ВОЗ-НЫМ!

"Возным" - от возиться, устраивать дела. Иначе говоря, судейским чином, каким и был асессор комиссии военного суда Уральского казачьего войска Петров Иван Фаддеевич.

Украинец Лазаревский, пересыпавший свои письма словами родной речи, применил его, как синоним юриста, и для Шевченко, конечно, это было вполне понятно.

Больше в переписке человек сей не встречается. Нет его и в воспоминаниях о поэте. Значит ли это, что они разминулись? Отнюдь не значит! Сохранилось - во всяком случае, дошло до первопубликации 1929 года (и, верится, найдется в оригинале) - письмо, о котором сейчас речь. И вот еще одно, пусть тоже косвенное, свидетельство знакомства: в письме А.И.Макшееву от 16 декабря 1848 года "Ивана Фаддеевиче" назвал Бутаков Алексей Иванович. Отозвался он о нем в высшей степени лестно, охарактеризовав как "политичного и тонко образованного человека".

Может, и отыщу впоследствии биографические данные о Петрове -на аральских страницах будут они уместны ничуть не меньше...

"Весь Ваш" - подписал майскую записку Ф.Лазаревский. Подписал, будто клятву выдохнул.

А никаких клятв и не требовалось: верность подтверждали дела.

2.

За последние две недели это было третье письмо от не слишком охочего до переписки земляка.

Предстоящий поход его пугал. За Шевченко ему было боязно.

"К чему Вам проситься « экспедицию, к чему Ваше отчаяние?" -спрашивал, и одновременно увещевал он, 20 апреля. Но тут же напутствовал: "да улучшится Ваша горькая доля, да пошлет Вам судьба лучшее общество, лучшего начальника". Где пошлет? Разумеется, в экспедиции.

22 апреля, выговаривая приятелю за его молчание в марте-апреле (цитированное письмо еще не дошло), Шевченко изливал свою печаль: "Ну ее, эту напасть ("цур йому, тому лиховГ), а то еще заплачен!, ведь иногда, ей-ей, доходит до этого, самому стыдно, да ничего не сделаю с проклятущей тоской". Насчет похода полной определенности у него пока не было ("Може доведеться поплентать на Ра4м...") МОЖЕТ приведется, а может и нет - ясности никакой. Однако планы строит, себя настраивает, нужное собирает (особенно книги - "я там здохну без книжек").

Несколько дней спустя, 27-го, Лазаревский, хоть и не отказывается от сомнений в реальности шевченковского похода, все же передает через него свои поклоны лекарю Белеву, чиновнику Субханкулову, поручику Почешеву ("и он потелепался на Раим"), а заодно, наделяя лестными характеристиками одних, упреждает насчет других: "На Раиме еще будет беспутная голова - прапорщик Беляковский; от него подальше".

Его заботы - о том, с кем быть Тарасу, кого держаться, а кого остерегаться. Об этом же и письмо-записка первых дней мая (или, не исключено, самого конца апреля).

Советует познакомиться с Беловым Василием Николаевичем -старшим лекарем Раимского лазарета ("Белев" - явная ошибка первопубликации), с Абдулкадыром Субханкуловым - толмачем Пограничной комиссии; по доброму напоминает об уже знакомом Шевченко по совместному переезду в Орскую Германе Павловиче Почешеве (в первопубликации письма он "Погешов"). И явно не хочет Лазаревский, чтобы по доброте своей душевной доверился он Белонов-скому Петру Федоровичу - хорунжему казачьего войска и тоже ассесору военного суда (как и Петров, но только по Оренбургскому).

"... останетесь ли Вы на месте или потянетесь на Раим?.." Ни Шевченко этого не

знал, ни кто другой - что в Орской, что в Оренбурге.

Распорядиться должен был командир корпуса.

Другие-прочие решения на себя не брали.

3.

Почему?

Разве не вправе службой рядового распорядиться непосредственный его командир?

Но рядовой - Шевченко, над наказанием которому думал сам государь император.

Не учтешь того или другого - воспримут как нарушение высочайших повелений и взыщут по всей строгости, не считаясь ни с какими былыми заслугами. Соглядатаев вокруг сколько угодно - донесут в Петербург и не отмоешься.

Кто-кто, а Обручев не мог уже не знать о разбирательстве, которое шло в столице по кляузе на коменданта Левитского. Возможность поступления такой же насчет послаблений Шевченко страшила даже его, всесильного вроде бы военного губернатора. Требовались осторожность и осторожность. Потому с окончательным решением и тянул. А ведь, кажется, все было так ясно! "Со всех заметных пунктов, по которым впоследствии можно будет определяться, приказать снимать виды с разных румбов, для чего взять из 5-го линейного батальона одного умеющего снимать виды рядового..." Под приказом из многих параграфов, в том числе этого, стояла собственноручная подпись Обручева. Единственным на весь батальон профессионалом-художником был Шевченко; и имел он в виду, конечно, его. Бутаков и Макшеев о данном им обещании Обручеву напоминали. Но - колебался. Как воспримут это "наверху"? Одобрят или осудят?

Решился только 8 мая. Дальше тянуть не приходилось. До выступления оставались считанные дни. Ну, что будет, то и будет! Приказ был не письменным, но официальным. Его засвидетельствовал бригадный командир генерал-майор Федяев. Из походного штаба 1-йбригады в тот же день вышло письмо, адресованное "командующему 5 батальоном господину майору Мешкову" - официально зарегистрированный документ под номером 1347-м. Письмо гласило:

"ПО ВОЛЕ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА господина корпусного командира (!) ПРОШУ ваше высокоблагородие рядового командуемого вами батальона Тараса Шевченку, включив в число двухсот человек, следующих с ротою командуемого вами батальона, отправить в линейный Оренбургский батальон N 4-й, в Раимское укрепление, куда он ПЕРЕВЕДЕН МНОЮ на службу, а потому из списков 5 батальона его исключить и затем вместо его оставить из числа нижних чинов 4-го батальона рядового Хайбуллу Зеликоева..."

Воля была изложена достаточно вразумительно, но, читая доку-мент(и не приказ, и не письмо...), ощущаешь в нем колебания собравшегося в Орской "генералитета": а правомерно ли все-таки решение? не грянет ли гром, не падут кары?

Однако о "рисовании" Шевченко не сказано тут ни слова; поход же через степи и пустыни, служба на глухом берегу отнюдь не послабление, напротив - даже усиление тягот его солдатской жизни. Уж к этому, последнему, не придраться никому!..

Хайбулла Зеликоев был отдан в солдаты за участие в крестьянском выступлении против "своих", кавказских, феодалов. "Ваш на баш" -политический за политического. Личный состав батальона не уменьшался, урона его БОЕВОЙ СИЛЕ не предвиделось.

"Список нижним чинам 4-го батальона, остающимся по болезни и не могущим следовать в степные укрепления, на место коих назначены из такового же батальона N 5-го" уместился на половинке страницы. Семерых от похода отставили - семерых назначили прямо перед выступлением. Шесть фамилий вновь определенных (Соснин Василий, Титов Иван, Дубинин Осип, Семенов Федор, Чашимов Андрей, Носков Андрей) обошлись без всяких пояснений. Против седьмой, дописанной в последний момент, пояснение потребовалось: "Тарас Шевченко - назначен и переведен в 4-й батальон по воле господина корпусного командира, а вместо его оставлен рядовой Зеликоев". Тут тоже подпись Федяева. Подписывал и загодя думал об ... оправдании перед теми, кто мог призвать к

ответу. Не потому ли это повторяющееся: "по воле господина корпусного командира"?

ИЗ РАПОРТА КОМАНДИРА БРИГАДЫ НАЧАЛЬНИКУ ДИВИЗИИ, УЖЕ ОТ 13 МАЯ: "По предписаниям за N 1456, 1542 и 1625 приведя все в исполнение, я имею честь донести вашему превосходительству, что в 4-й батальон окончательно отправлены все те самые люди, какие поименованы в списке... Что же касается до рядового Тараса Шевченко, то сей последний назначен с переводом из 5-го батальона в 4-й по воле его высокопревосходительства господина корпусного командира".

И это - Федяев, и снова - "по воле..."

Если что случится, НЕ ВИНОВАТ!

4.

Последнее письмо из Орской адресовалось А.ИЛизогубу. Писал его 9 мая, а начинал не просто общепринятым, бездумно-расхожим, но сейчас и глубоко-личным, по-особому близким, особого смысла полным: "Воистину воскрес!"

Воскресал не только многострадальный и многотерпеливый Иисус Христос, Воскресал он сам: для жизни, для действий, для творчества.

-Воистину воскрес! - исторгала из груди его тревожная радость, его заждавшаяся надежда.

"Спасибо тебе, щирый мой друже, и за бумагу, и за письмо твое, которое еще лучше бумаги. Бумага для меня теперь очень кстати, а письмо еще больше! тем именно, что мне теперь требовались молитва и щирое дружеское слово, а они-то как раз и пришли. Я теперь веселый иду на то никчемное море Аральское. Не знаю, вернусь ли только!.. А иду, ей-богу, веселый.

Спасибо тебе еще раз за писанку; дошла она до меня целехонькая, и в тот самый день пришло мне разрешение рисовать, а на другой день приказание в поход выступать. Беру с собою все твое художническое снаряжение; не знаю только, доведется ли рисовать!

Прости мне, ей-богу некогда и сухарь съесть, а не то чтоб письмо написать как следует. В [арваре] Н [иколаевне] напишу уже разве что из Раима. Как будешь писать ей, поблагодари за книжку Гоголя.

АДРЕС мой: в К [репость] Орскую. Его высокоблагородию Михаилу Семеновичу АЛЕКСАНДРИЙСКОМУ с передачею мне.

А этот человьяга будет посылать мне через коменданта. Не забывай меня, единый мой! Если не увидимся на сем свете, так уже наверняка встретимся на том. До свидания!"

Подписал: "Щирый твой Т.Шевченко".

Письмо было на украинском, воспроизвел его здесь по русски. И еще раз скажу о переводах Шевченковских писем, появившихся из-под пера его на родном языке. Переводы эти сугубо приблизительные. Более или менее полно передавая содержание оригинала, они не хранят в себе ни авторского стиля, ни авторской интонации.

Несколько раз на малой площади письма звучит у Шевченко слово ЩИРЫЙ. В переводе всюду оно заменено на ИСКРЕННИЙ. Зачем это? Иль ЩИРЫЙ, будь оставлено так, вводил бы кого-то в заблуждение? Даля Владимира Ивановичу в его время (оно же и время Шевченко) слово не смутило и не оттолкнуло. В "Толковом словаре живого ВЕЛИКОРУССКОГО языка" - посмотрите и убедитесь сами -ЩИРЫЙ выделен в самостоятельную и полноправную ячейку. И сколько значений, оттенков уловил в нем знаменитый лексикограф! "Истинный, сущий, истый, точный, подлинный, настоящий; прямой, откровенный, искренний, чистый, нехитростный, задушевный". Под руками же у современных интерпретаторов только один синоним и копошимся: ИСКРЕННИЙ... Да, истоки слова Даль помечает вполне определенно: "юж.зап.". Но для него очевидно: оно уже в русском обиходе, оно в переводе не нуждается. И приводит примеры, массу примеров: "Щирый друг. Щирая любовь. Щирое золото. Щирая правда. Щирый работник. Щирый дурень..."

"Никчемне море" с легкостью необыкновенной заменяют в русской версии письма

на "никудышнее", хотя даже в словаре современном, под редакцией Д.Н.Ушакова, НИКЧЕМНОСТЬ, НИКЧЕМНЫЙ зафиксированы как слова русского языка. Там же приводится цитата из М.Горького: "Человек ты, извини за выражение, совсем никудышный, никчемный..." Ну что за зуд нивелирования языка, приглаживания его под бедный собственный!

"Спасиб! То6і ще раз за ПИСАНКУ; дшшла ВОНА до мене ципсшька..." В переводе - ПИСЬМО, дошло - ОНО. И полное умерщвление слова, рожденного Шевченко. "ПИСАНКА... расписанное разными красками в узор пасхальное яйцо..." (Даль, т.З, с.113). Пасхальное яйцо Лизогуб, похоже, переслал и на самом деле; посылка с бумагой была объемной - умудрился вложить и писанку, доставив другу радость. Но для него, поэта, писанка в этом контексте много шире, чем яйцо в узорах. Писанка - и добрые, щедрые слова, и бумага, которой суждено вобрать в себя краски жизни, узоры мироздания...

"А на другой день ПРИКАЗАН1Е у поход..." Перевели - ПРИКАЗ. С переводом таким исчез живой голос командира роты или батальона, объявляющего рядовому именно ПРИКАЗАНИЕ. Русское слово среди украинского текста выделяется само собою. Как сохранить его своеобразие и в переводе? Не думать над этим нельзя - ни в художественном тексте, ни в письме.

Под конец появляется у Шевченко "ЧОЛОВ'ЯГА", а у переводчика - ... ЧЕЛОВЕЧЕК. Позвольте, за что и по какому праву унижен достойный, мыслящий, поэтом уважаемый Александрийский? ИНОЙ смысл вложил в слово автор - смысл ПРОТИВОПОЛОЖНЫЙ. Надо сказать, что это слово было у него в ходу. Составители "Словника мови Шевченка" отметили пятикратное употребление слова в письмах его разного времени. И всюду оно связано с человеком высоких достоинств: в одном случае - с "добрым человеком", в другом - с "дивным, чудным" Л.Жемчужниковым, в третьем... Впрочем, так во всех случаях. "Человечек" - явная фальсификация.

Письмо Шевченко к Лизогубу я привел здесь в собственном, тоже несовершенном, переводе. Не смог найти другого, хоть сколько-нибудь адекватного оригиналу. (Автограф, к сожалению, утерян; в изданиях вопроизводится по "Киевской старине"). Переводил и думал: над поэзией его склоняются многие талантливые поэты, а вот письма считается позволительным переводить каждому. Литература "второго сорта"? Полноте, и то, и другое - Шевченко!

5.

Слово чести, не собирался пускаться тут в исследования, в рассуждения филологические. Не выдержал, не утерпел... Возвращаюсь к фактической основе письма.

Подарок Лизогуба прибыл, по письму судя, 7 мая. В тот же день Шевченко узнал, что прикомандирование его к экспедиции Бутакова - вопрос решенный. 8 мая состоялось распоряжение генерал-майора Федяева об отправке на Арал, в Раимское укрепление. Ни слова об истинной цели назначения, тем паче о рисовании, написано в нем не было. Говорить об этом громко, да еще на бумаге, опасались: как бы кто не накатал жалобу, не разрушил достигнутое. Остерегался даже сам Обручев, которому, как представлялось, никого опасаться не приходилось.

Тогда откуда же это: "пришло мне разрешение рисовать"?

Такого разрешения не давал никто. Напомню: меньше месяца назад на ходатайстве о дозволении Шевченко ЗАНИМАТЬСЯ РИСОВАНИЕМ сиятельный Орлов начер.тал одно слово - "подождать".

Не дойти резолюция не могла. Выходит, Обручев и Федяев действовали самочинно. Исходя из пользы делу? Или из сочувствия к Шевченко?

Прежде всего, конечно, ДЕЛА РАДИ. Будет или не будет запечатлена многотрудная степная дорога, лягут или не лягут на бумагу виды степей и пустынь, строения возводимых укреплений, берега неизведанного Арала - это решалось СЕЙЧАС.

Думали и о собственном ПРЕСТИЖЕ. Увидят ли во дворце, в высших сферах власти все, что связано с походом, - от этого зависело многое, в том числе высочайшее

БЛАГОВОЛЕНИЕ или, не приведи господь, наоборот.

О СУДЬБЕ ШЕВЧЕНКО пеклась горстка доброжелателей, думавших о том, как дать ему возможность открыто заниматься своим художническим делом. Может, на Арале, вдали от высокого начальства и олицетворяемого им строжайшего надзора, осуществиться ПРАВУ ВЫСЛУГИ? хотя бы приоткрыться двери НА СВОБОДУ? Возможности решать доброжелатели не имели. Но они просили, напоминали, настаивали.

И Обручев в конце концов уступил.

"... сей последний назначен с переводом из 5-го батальона в 4-й по воле его высокопревосходительства..."

Ни слова - с какой целью.

Ни полслова - о строжайшем надзоре, а равно запрещении писать и рисовать.

Два года спустя это поставят в вину Мешкову. Козырять генеральскими именами он, в оправдание свое, не станет. Смиренно наклонит голову: ВИНОВАТ.

6.

Не все, увы, прояснить нам дано сквозь толщу преград и лет. И в большом, и в частностях - не все. Покаюсь в одном своем сомнительном выводе двадцатилетней давности; сделан он был не скоропалительно, после долгих раздумий, но, как вижу теперь, без учета ВСЕХ данных. Окончательной разгадки не получилось, загадка остается, и это надо признать. Иначе до истины не докопаться уже никогда.

Здесь же пишу об этом потому, что загадка прямо связана и с письмами Федора Лазаревского, и с личностью генерала Федяева, и с последними днями Шевченко перед большим походом.

В письме Лазаревского от 27 апреля можно прочесть и такое: "С Бессребренником скоро увидитесь, его посылают в Николаевское укрепление, так по дороге он заедет и в Вашу Орскую".

Николаевское укрепление находилось на новой пограничной линии, далеко за Орской крепостью, по пути к Троицку; было оно в сфере подчинения и контроля штаба Отдельного Оренбургского корпуса, а в некоторых аспектах - Оренбургской Пограничной комиссии. Инспекторские поездки туда совершались регулярно и обычно через Орскую. Но кто был тем "инспектором", о котором оповещал Лазаревский? "С Бессребренником скоро увидитесь..." Кого он так называл?

Меж тем о "Бессребреннике" речь и в письмах предыдущих.

"С Бессребренником я уже давно разошелся - больше одного месяца никак не вытерпел, - да так разошлись, что теперь и не видимся никогда..." (январь 1848).

"... с Бессребренником разошелся с лета и доселе не виделся" (март).

Шевченко об этом загадочном - для нас - человеке спрашивал, Лазаревский отвечал. Не все письма из Орской дошли. Не обо всем вопрошал и сообщал только в письмах. Но кто же он такой, человек с псевдонимом-характеристикой?

"Полагаем, имеет основания Л.Большаков, утверждая, что Бес-сребренник - это Л.Федяев", - сказано в академической биографии Т.Г.Шевченко 1984 года.

А я в своих же доводах усомнился. Просто совпадения отдельных характеристик для неопровержимости вывода мало.

"Бригадным командиром, - читаем в "Записках Н.Г.Залесова", -был тогда генерал-майор Логвин Иванович Федяев - человек неимоверной толщины, который в 30-ти градусный мороз ходил не иначе, как в одном сюртуке, и ежедневно, не исключая зимы, обливался в холодных сенях ледяной водой. Федяев был добряк, отличался даже в то известное своим казнокрадством время, безукоризненной честностью, но, как бригадный командир, не имел почти никакого значения по службе..."

К.И.Герн, вспоминая, какое впечатление на него произвела весть о том, что присланному в Оренбург Шевченко запрещено писать и рисовать, тут же говорит, что он отправился к "добрейшему бригадному генералу" Федяеву и тот выказал участие - написал письмо Мешкову...

Э.В.Нудатов, сослуживец Шевченко на Раиме, утверждает, что "генерал Федяев... привез Тарасу Григорьевичу набор красок"...

Что ж, эти и другие факты внимания заслуживают. Прямые и косвенные сведения о Федяеве, почерпнутые из воспоминаний, документов, писем, рассуждал я, позволяют прояснить одну из загадочных фигур шевченковской переписки - того, кого Лазаревский в письмах к приятелю настойчиво именует Бессребренником. По характеру упоминаний, представлялось мне, с этим человеком отданный в солдаты поэт связывал надежды на облегчение своей участи, а, стало быть, являлся тот личностью влиятельной. Да и сам факт упорного применения не всем понятного псевдонима свидетельствовал, на мой взгляд, о том же.

В пользу вывода о тождестве Бессребренника с Федяевым говорило, полагал, неопровержимое: а) сам псевдоним, скрывающий, во-первых, подлинное имя известного лица и выражающий, во-вторых, главное в данном человеке, б) засвидетельствованное сочувствие генерала поэту-изгнаннику, в) сопоставления сообщения, содержащегося в письме от 27 апреля 1848 года, с фактом инспекторской поездки примерно в то же время и по тому же маршруту командира первой бригады.

Вдруг обнаружившаяся реальность прояснения псевдонима радовала настолько, что ... застилала глаза на противоречия из существенных.

Хотя бы такое...

С Бессребренником, сообщал Федор Лазаревский, он "давно", "еще с лета", РАЗОШЕЛСЯ - терпения общаться хватило не более, чем на месяц; и разошлись так, что теперь даже не видятся... Воспринимается это не иначе как уведомление о ссоре. Но трудно предположить ссору (а равно тесное ПРИЯТЕЛЬСКОЕ общение до того) людей, столь не похожих, такого огромного различия и в положении, и в возрасте. Генерал-майор и ... губернский секретарь... Совсем молодой, двадцатисемилетний чиновник и ... человек, ставший офицером еще в 1812-м, задолго до рождения его предполагаемого приятеля... Как я не подумал об этом раньше? Или обошел, чтобы в желанной версии не разочароваться?

Нет, носителя выразительного псевдонима (не исключено и то, что в нем ирония) надо, в любом случае надо, искать среди людей, близких Лазаревскому по возрасту, по положению в обществе - чиновников не высшего ранга, офицеров не самых больших чинов. Постоянно живущих в Оренбурге, служащих там (разъезды по краю не в счет). И притом таких, которых Шевченко мог знать по недолгому своему пребыванию в этом городе.

Поручик Дударь? Врач Дмитрий Гене?.. В книге они уже упоминались. А может другой врач, тоже Пограничной комиссии, Майдель?! Лазаревский писал о нем в своих воспоминаниях, их знакомство меж собою сомнений не вызывает. Мог познакомиться с ним в июне сорок седьмого и Шевченко. Вспомним предложение о лазарете в Оренбурге... Современники отзывались о Майделе и как о БЕССРЕБРЕННИКЕ. Многообещающий молодой ученый, беззаветно преданный своему делу медик во время эпидемии холеры 1848 года "день и ночь разъезжал по больным, не отказывая в просьбе даже самого последнего бедняка и сплошь лечил Недостаточных людей на свой счет" (из тех же записок Залесова). Но его ли имели в виду участники переписки? Названных здесь или... не названных? До поры до времени "Бессребренник" продолжает оставаться загадкой.

Это, однако, явно не Федяев. В непреднамеренном своем заблуждении раскаиваюсь. И продолжаю думать, искать отгадку.

7.

"А этот человьяга будет посылать мне через коменданта..."

Все продумал, обо всем договорился. И с Александрийским, и с Левитским. Письма, посылаемые ему в Орскую, не затеряются - доходить все-таки станут.

Но уже июльское письмо от Андрея Лизогуба пошло в направлении аральских берегов отнюдь не тем путем, который был оговорен перед выступлением.

Комендант доживал последние недели на посту и последние месяцы вообще. Он умирал в Оренбурге, когда из Орской отправлялись в степь почтари-казахи, везя среди прочего в Раим письмо Александрийского с вложенным в него лизогубовским.

"Новостей много, очень много..." - писал Александрийский, имея в виду, конечно, не только "европейские" (сейчас почему-то замечают лишь это), но и события "в провинциальном местечке, где сплетни и, проявления самого мелочного эгоизма не дают никому покоя".

Теперь, в дни майские, обычно скучное, до отвращения унылое ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕСТЕЧКО жило на редкость бурной, наполненной жизнью.

В центре ее он не был - нижнему чину надлежало свое место знать. На глаза начальству не лез, на знакомства не напрашивался. Вел себя осмотрительно - служба научила осторожности. Тем более требовалась она нынче, когда от генералов, полковников и прочих "высокопоставленных лиц" в крепости стало тесно. Перемена в его судьбе - уже безусловно желанная - зависела от них. Так от греха подальше!

И все-таки знал, казалось, все - мимо не проходило ни что существенное. С кем надо встречался... с добрыми людьми прощался...

Наступило одиннадцатое мая.

... А на Украине слагали о нем думы. И разносили их меж людьми кобзари - хранители мудрости и песни народной.

Уродився Шевченко та вдався, Тшьки в нього дурний розум, Що в солдата записався -Гей! Записався, завдався!

Не сам же вгн записався, Записала його доля -Ой далеко на чужиш Та прка неволя.

Ой повезли та Шевченка

Крутими ярами-горами,

Залилася Украша Пркими сльозами.

ВДВ? ВЫБИРАЮ РЕАЛЬНОСТЬ!

1.

Какими все же были эти последние дни перед походом?

ВДВ!

Что-что? "Возможны двести вариантов..." Такое выражение я услышал от наших военных людей ц Афганистане. Слышал там и раз, и два, и три, но не здесь рассказывать о тех днях, хотя и присутствовал в них Шевченко. Придет к слову - расскажу.

А пока:

- ВДВ - "возможны двести вариантов".

Столько и мог бы предложить сейчас вам, мой читатель. Но к чему? Не гадания нужны, а сущая правда, откуда, из чего ее извлечь? Дневника он не вел, записной книжки, если и была, не осталось, о будущих биографиях и биографах не позаботился.

И все же отбрасываю "ВДВ" - отдаю предпочтение РЕАЛЬНОСТИ.

У А.И.Макшеева об этом всего семь строк.

"... Спокойная круглый год крепость и станица принимала во время отправления транспортов в степь необыкновенно оживленный вид. По улицам сновали казаки, башкиры, киргизы, пешие и конные, а около везде были обозы, лагери, табуны лошадей и прочее. Корпусный командир со свитою и служащие в Орске суетились с раннего утра до глубокой ночи".

Бларамберг наблюдал такую же кутерьму за год до того (на сей раз он находился в пути из Петербурга в Оренбург). Но май сорок восьмого мало в чем отличался от мая сорок седьмого - разве что учли некоторые явные промахи предыдущей кампании.

"...Крики верблюдов, которых понукали встать на колени, чтобы навьючить, сутолока киргизов, башкир, казаков, помогавших грузить, ржание лошадей, блеяние овец и мычание быков, которых гнали как убойный скот, наконец, выступление длинной вереницы верблюдов, связанных друг с другом по десять голов и погоняемых верховым

киргизом, неспешное движение башкирских телег, груженных бревнами , досками и т.д., сопровождаемое множеством лающих собак, - все это представляло собой оживленное и интересное зрелище..."

... Население Орской с ее окрестностями едва ли не утроилось.

2.

Утверждая "возможность двухсот вариантов" этих дней в жизни Шевченко, автор имеет в виду великое множество встреч, которые могли произойти у него с нахлынувшими сюда людьми.

Фантазии поддаются знакомства с рядовыми из таких же "штрафованных" как он сам. Посредниками в этом без сомнения являлись приятели- поляки, приятели-галичане; некоторые из них, соседей по казармам, товарищей по несчастью, тоже шли на Арал.

Можно называть невесть сколько фамилий действительных участников похода, пребывавших тогда в крепости и достоверно известных нам как добрые знакомые Шевченко. Но знакомства могли состояться и позже. Тот же Макшеев, например, засвидетельствовал, что познакомился с ним "на первом переходе". Выходит, уже в пути. В первый день его, а не до выступления.

Знакомство с Бутаковым - вот это реально. Не формально, а по сути Шевченко отдавали под его начало. Начальник описной экспедиции не мог отказаться от желания и потребности встретиться со СВОИМ художником. Что могло тому помешать?

Ну а коль Бутаков, то и Поспелов - ближайший его соратник по предстоящей описи Аральского моря. Они были нераздельны - и в Оренбурге, когда строили шхуну, и в Орской, еще и еще раз обдумывая все детали ее перевозки, а равно осуществления экспедиции вообще.

БУТАКОВ Алексей Иванович родился в 1816-м. Морскую службу начал на Балтике, где служил в течение десяти лет. В 1840-1842 годах принял участие в кругосветном плавании на транспортном судне "Або" по маршруту Кронштадт - Кейптаун - Петропавловск-на-Камчатке -мыс Горн - Кронштадт. Затем снова морская служба на Балтийском море. Но главным делом для него стало изучение Аральского моря, которому он посвятил пятнадцать лет своей жизни. "До 1848 года, -писал А.И.Бутаков, - Аральское море изображалось на картах только по рекогносцировкам, произведенным в некоторых местах, по поверхностным маршрутным съемкам на западном берегу и - главное - по собранным от киргизов расспросным сведениям". Сейчас лейтенанту Бутакову предстояло провести практически первое научное изучение неизведанного моря.

(Вот вехи его работ этих месяцев, которые должны войти в Летопись жизни Т.Г.Шевченко:

5 марта 1848 года - Бутаков приезжает в Оренбург.

Март-апрель - ведет постройку шхуны "Константин" - "длиною в пятьдесят футов, плоскодонной".

28 апреля - постройка шхуны заканчивается.

Апрель-май - разборка шхуны в Оренбурге и перевозка ее "на телегах через степь к Раиму".

Но пока телеги со шхуной, флотская команда и морские офицеры были в Орской).

ПОСПЕЛОВ Ксенофонт Егорович - прапорщик Корпуса флотских штурманов - родился в 1820 году. Совсем юным, еще подростком, начал ходить по Балтийскому морю. На разных кораблях ему довелось участвовать в съемках берегов, в десантных операциях, в описных походах." 18 февраля 1848 г., будучи откомандирован по высочайшему повелению к описи Аральского моря, - записано в его формулярном списке, - отправился из С.-Петербурга в Оренбург, где находился при постройке шхуны "Константин" до 29 апреля, после чего отправлен с разобранною шхуной в крепость Орскую, откуда выступил 11 мая с транспортом на Раим".

Тут о Бутакове и Поспелове только в самых общих чертах. Более близкое знакомство с ними у нас (как и у Шевченко) впереди.

3.

Экспедицию Бутакова опекал лично Обручев. Именно о такой думал он с того самого времени, когда получил назначение в этот край.

Уже на первом году пребывания в Оренбурге новый военный губернатор и командир корпуса, тогда еще генерал-лейтенант, составил "Проект об отправлении ученой экспедиции к Аральскому морю".

Целью экспедиции должны были стать изыскания и наблюдения, естественно-научного характера, определение географического положения Аральского моря, разведка его самого, а также устьев Кувана, Сыра и, если удастся, Аму, установление астрономического положения некоторых пунктов в степи, топографическая съемка и военное обозрение обширных местностей, наконец исследования "о действиях и способах" крепко донимавшего тогда Кенисары Касымова.

В состав экспедиции предлагалось включить: представителей ведомств народного просвещения - для физических наблюдений, изучения земного магнетизма, "всех трех царств природы", этнографии, археологии; министерства финансов - специалистов по горнозаводскому делу; морского министерства - искушенных в изучении моря и его берегов, организации мореплавания и составлении меркаторской карты; генерального штаба - астрономов, топографов, прочих военных специалистов. Отдельный Оренбургский корпус обеспечивал выделение начальника и всех прочих офицеров отряда, а равно нижних чинов и средств передвижения.

У Обручева был продуман план действий, предусматривавший концентрацию сил в двух пунктах - Оренбурге и Орской, выступление двумя колоннами с соединением в определенном, проектом обозначенном месте (урочище Уркач), совместное следование по окраине песков к морю, там снова раздвоение - на морскую и пешую части, выполнение каждой своего круга задач в течение месяца (на большее время не хватило бы продовольствия) и возвращение обратно с последующим роспуском отряда. Учел и количество участников похода - 633 человека, и число требуемых верблюдов - до 700, и затраты - свыше 20 тысяч рублей серебром или 68 тысяч ассигнациями.

Проект был датирован 27-м октября 1842 года. Если вспомнить, что смена высших начальников края произошла только к исходу мая, а в Оренбург Обручев прибыл в первых числах июля, то станет ясным, как дорог был ему этот план и сколько надежд он в него вложил.

Первой же поездкой Обручева стала инспекция старой и новой пограничных линий, укрепившая его в мысли: экспедиция - к морю и глубоко в степь - необходима.

Но не так скоро дело делается... Годы потребовались, прежде чем начались походы задуманного тогда масштаба. Первый, в сорок седьмом, возглавил сам командир корпуса. Шхуна, получившая имя "Николай", оказалась первым кораблем на этом, загадочном для всех, море.

Успехом, однако, плавание не увенчалось, и повинен в том был не только офицер одного из оренбургских батальонов поручик Мертваго, в прошлом лейтенант флота.

Основываясь на подлинных документах, в том числе "Записке" Мертваго, А.Романович писал полвека спустя в "Туркестанских новостях" следующее:

"Не его (Мертваго) вина, что оно (плавание) не увенчалось успехом: шхуна "Николай"... была плохим судном, плавание началось поздно, инструментов, необходимых для описи моря, не было и, наконец, сам начальник экспедиции, бывший, очевидно, хорошим морским офицером, не соответствовал назначению, так как гидрографические работы требуют специальной опытности и знаний, которых по роду прежней его службы во флоте, исключительно строевой, у него не было. Исполненный лучших намерений и столь ревностно помогавший Мертваго генерал В.А.Обручев также немало повредил успеху дела... своею торопливостью..."

Упомянутая "Записка" (Романовичу ее передала спустя долгие годы дочь покойного к тому времени П.Мертваго О.Рагозинская)) весьма любопытна. Приведенные

в ней примеры говорят о многом.

"... Когда я упомянул В.А.Обручеву о лавировке (судна - Л.Б.), он даже крайне был недоволен, услышав слово "лавировать":

-Зачем вам лавировать! Ветер так - вы идите тука^ ветер этак -идите сюда! Выдумали еще - лавировать'

Или такое: "Он, к удивлению моему, остался (прочтя отчет - Л.Б.) крайне недоволен, что в течение целого месяца не было пройдено и снято все Аральское море, и привел мне в пример, что Колодкин описал Каспийское море в три года; Аральское же, по его мнению, пустяки".

Обручев, начальник властный и умный, но в морском деле некомпетентный, ждал от давно задуманной им экспедиции результатов быстрых и максимальных; оттого и разочарован был, что план должным образом не осуществился, что за ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ (!) шхуна с именем САМОГО ИМПЕРАТОРАМ), пользовавшаяся его, Обручева, НЕПОСРЕДСТВЕННЫМИ (!) указания и советами, сделал а ничтожно мало и докладывать в Петербург оказалось не о чем.

Но тогда-то он и убедился, какое многотрудное дело им затеяно и сколько усилий надо приложить, чтобы осуществить опись Арала в полном объеме.

По его ходатайству в Оренбург были командированы настоящие специалисты: лейтенант Бутаков с морскими офицерами и бывалыми матросами. Обручев самолично следил за ходом работ по постройке второй шхуны, названной "Константин", потом за разборкой ее, за подготовкой к перевозке. Просьбы Бутакова по возможности удовлетворялись сполна. В том числе и тогда, когда возникали вопросы о прикомандировании к описной экспедичии людей, которые в корпусе были НА ОСОБОМ СЧЕТУ.

Рядового Шевченко пред очи генерала от инфантерии не требовали. Насчет него хлопотали другие. Он же наблюдал за Обручевым издалека, на глаза ему не попадаясь.

Тот "был крупного телосложения, имел живой характер; обладал желчным темпераментом, о чем свидетельствовали желтоватый цвет лица и легковозбудимая нервная система..." Это опять же Бларамберг. Могучую генеральскую фигуру в Орской видели от раннего утра и до позднего вечера, а зычный, сварливый его голос раздавался то тут, то там, не давая покоя ни офицерам, ни солдатам. "Горе было тому, кто не мог держать перед ним ответа или кем он был недоволен. Вспыльчивый и резкий, он иногда устраивал сцены, и его очень боялись. Вскоре, однако, все привыкли к его вспыльчивости и убедились, что у него очень доброе сердце и что он справедливый человек, который во всем защищал интересы короны, сурово преследовал и наказывал за взяточничество, вымогательства и халатность по службе. Его коньком были военные занятия..."

Это, разумеется, взгляд не солдата - человека в высоком чине и звании, к тому же к Обручеву близкого. Шевченко ощутить его "очень доброе сердце" на себе пока не смог.

4.

Первые отряды ушли из Орской за три дня до выступления основного "тележного" транспорта.

"Небольшой отряд ДЛЯ ЗАЛОЖЕНИЯ КАРАБУТАКСКОГО ФОРТА, под начальством генерального штаба штабс-капитана Герна, и отряд ДЛЯ СЪЕМКИ В ПЕСКАХ КАРАКУМОВ, состоявший под начальством корпуса топографов прапорщика Яковлева, из *1-ми* топографов, 160-ти оренбургских казаков, 50 казенных верблюдов, 15 подвод и нескольких штук порционного скота, выступили 8-го мая". (Макшеев).

В эту, далеко не первую свою, степную командировку Карл Иванович Герн убыл из Оренбурга 2 мая. Прибыл он в Орскую 4-го или 5-го. Стало быть, в крепости пробыть ему довелось дня три. Познакомились ли на сей раз? Говорю вполне определенно: познакомились. Трудно даже представить, что будущие друзья могли разминуться снова. Настолько трудно, что - как и во многих других случаях состоявшихся личных знакомств - спешу привести кратчайшую биографическую справку.

ГЕРН Карл Иванович - квартирмейстер 23-й пехотной дивизии -родилсяв 1816году.Из дворян Витебской губернии,лютеранин.В 1829 г. его приписали к армейской части кондуктором, в 1832 г. произвели в полевые инженер-прапорщики. С 1834 г. Герн состоял на действительной военной службе. Поручик Оренбургской инженерной команды (1835-1840), слушатель военной академии (1840-1842), он затем (в 1844-м) был назначен квартирмейстером дивизии со штабом в Оренбурге. С 1846 г. - штабс-капитан. За прошедшие годы службы отличился при выполнении ряда ответственных заданий (составлении карт, возведении укреплений и др.)

Что, однако, ПРОТИВ их знакомства в Орской? На первый взгляд, строки из "Близнецов" Устами героя повести, оказавшегося вместе с другими участниками похода в Карабутакском форте, Шевченко утверждает: "... и здесь-то я познакомился с ним, с единственным человеком во всем безлюдном Оренбургском крае".

В нашем нынешнем словесном обиходе "познакомился" это - чаще - ВПЕРВЫЕ ВСТРЕТИЛСЯ, был представлен или представился сам. Тогда же, по Далю, знакомство: означало "сношения или СБЛИЖЕНИЕ". А что если слова из "Близнецов" мы переведем на современный язык таким образом "... и здесь-то я СБЛИЗИЛСЯ..."?

Наконец ("и здесь-то"!) смогли они не просто рукопожатиями обменяться, но и раскрыть один другому душу. "Во всем БЕЗЛЮДНОМ Оренбургском крае..." Сейчас выделенное мною слово воспринимается не иначе как признак незаселенности, пустоты местности. Но в те времена, кроме такой трактовки слова, в ходу была и другая: "недостаток в путных людях, годных и способных, недостаток в хорошем обществе".

Как человека редких качеств - "единственного человека" - Шевченко Герна уже оценил, и произошло это ДО ВСТРЕЧИ в степном форте, а, значит, в Орской.

5.

"ТРАНСПОРТ УРАЛЬСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ, состоявший подвод из 500, под прикрытием двух сотен оренбургских казаков и двух орудий с прислугой и под начальством войскового старшины Иванова, выступил 10-гомая..." (Макшеев).

Провожая уходящих, Шевченко представлял в походе себя, ПРИМЕРЯЛСЯ ко всему, что есть и БУДЕТ. Настроение его было двойственным. Уйти из Орской хотелось, а все ж поход в неизвестность страшил.

Им, походом, дышало здесь все. И переполненные, непереносимо душные казармы. И каждая изба, тесная от постояльцев. И частые бивуаки... Ни в самой крепости, ни вокруг нее не было малейшего свободного местечка - люди, телеги, лошади, верблюды, тюки, мешки, пушки, и сколько всего, живого и неживого, какое разногласие и разноцветие - как ни старайся, враз не охватишь...

Александрийского он заставал неизменно озабоченным. И тоже походом. Хлопот хватало и ему, человеку не военному.

Вот один из РАПОРТОВ тех дней, составленного по всем правилам ВОЕННОГО порядка.

"На предписание вашего высокопревосходительства за N 300-м имею честь почтительнейше донести, что вследствие словесного приказания Вашего от 5 сего мая (Обручев был уже в Орской! - Л.Б.) о доставлении посыльных киргиз для отрядов и команд, выступающих на-днях в степь, я того ж 3 числа отнесся к ближайшему дистаночному начальнику Байтулову и управляющему Джеголбайлинским родом султану Темирову, NN 225 и. 226, о немедленном наряде и препровождении сюда посыльных; на эпюБайтулов отозвался, что по распоряжению начальства при собранных с его дистанции верблюдах находится один только вожак и что других он дать более не может. Темиров же сего числа уведомил меня (N 279), что с его ведомства назначены для того шесть человек, которые прибудут в крепость Орскую с верблюдами к 15 числу сего мая месяца.

Докладывая об этом вашему высокопревосходительству, имею честь дополнить, что других средств (минуя ордынского начальства) для приискания посыльных, сам по.

себе, я не имею никаких, тем более, что ни от кого распоряжений и сведений о наряде с орды людей, верблюдов и других к походу принадлежностей не получал до сего времени.

Попечитель АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ.

Май, 7 дня, 1848 года,
креп.Орская".

И в этот день, и в последующие Шевченко мог видеть Михаила Семеновича в огорчении и расстройстве. Не дай Бог ввести Обручева в гнев. Во гневе был он прямо-таки беспощадным.

Пришла в голову мысль: а ведь этот незаурядный поход был - как говорим мы сейчас - поистине интернациональным. Русские, казахи, башкиры... украинцы, поляки, татары... Одно солнце их жгло, из одной копани воду пили, одни тяготы преодолевали, одними путями и к общей цели двигались.

До интернационализма им было дальше, чем до Раима. Но братолюбие, братовщина, братство рождались и на дорогах таких походов. Не вдруг рождались, не гладко, порою очень даже болезненно. Да разве легкий путь всегда лучший?

6.

Свидетельствовал Макшеев:

"ТЕЛЕЖНЫЙ ТРАНСПОРТ, состоявший из 1500 башкирских одноконных подвод, под прикрытием роты пехоты, двух сотен оренбургских казаков и двух орудий с прислугою, выступил 11-го мая. При нем следовал генерал-майор Шрейбер, ъ также лейтенант Бутаков с флотскою командою и со шхуною "Константин", построенною в Оренбурге и разложенною по частям на подводы, с тем, чтобы, по собрании ее в Раиме, начать опись Аральского моря..."

На выходе из крепости и первых верстах пути Шевченко был в пехотной роте прикрытия.

Но о походе - в главах последующих.

Сейчас же хочу сказать, почему не выходом из Орской книгу заканчиваю, отчего не отделяю их, главы, которые дальше, от всего, что вами уже прочитано.

Отделить нельзя - этот поход, эти недели были прямым, неотъемлемым продолжением солдатских будней в крепости между Уралом и Орью, составной частью первого года его солдатчины, той же службой, но в условиях еще более экстремальных.

Подчеркиваю - ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ, хотя в иных трудах и проскальзывает: Шевченко, мол, получил облегчение.

НАДЕЖДУ НА ОБЛЕГЧЕНИЕ - это так. А пока ему предстояли суровые испытания, выдержать которые было тяжко даже привычным ко всему старослужащим - людям закаленным.

Итак, рядовой Шевченко выходил из Орской крепости в роте пехоты.

Послаблений по службе не происходило и не предвиделось.

Кого-кого, а генерала Обручева никто упрекнуть не мог, что, отправляя солдата Шевченко в поход далекий и опасный, дарит ему облегчение.

Походу сопутствовал риск. Каждая верста грозила непредсказуемым.

Часть четвертая:

ЗАРЕВО НАД СТЕПЬЮ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1.

Напутственное молебствие творил отец Петр - орский священник Петр Михайлович Тимашев. Шла эта служба не в церкви на горе, но по всем правилам религиозного действа.

Смиренно, покорно и усердно просил он господа Бога об успехе похода, о здравии и благополучии его участников. Особые здравицы, возглашались в честь государя императора и всей августейшей фамилии, его высокопревосходительства генерала и кавалера Обручева, других господ генералов, стоявших перед ним торжественно и чинно.

Священник благословлял именем господним, осенял крестом - все шло как идти долженствовало, не длинно, однако и без не приличествующей моменту спешки.

Молебен проходил на вольном просторе, сразу за Орью - тихой обычно речкой, бушевавшей только раз в году, весною, в разлив, а теперь уже спокойной, умиротворенной. Веяло от нее прохладой, свежестью - благословляла в путь-дорогу и она.

Осеняли себя крестным знамением Обручев, Федяев, Левитский, молилось оренбургское и орское офицерство - те, кто уходил, и те, что провожали, клали поклоны солдаты и казаки. Не православные, иноверцы стояли чинно. Мусульман накануне напутствовал мулла. Католики и лютеране молились про себя. Язычники вызывали в памяти собственных идолов и выпрашивали доброго расположения у них.

Стоял в строю молящихся и Шевченко.

Поднимал глаза к небу. Крестился. Клал поклоны...

За что он молился?

Ой гляну я, подивлюся
На той степ, на поле;
Чи не дасть Бог милосердии
Хоч на старшгь воль..

Молился за то, чтобы дойти и вернуться. Не в Орскую - на свободу. На землю отцов и дедов.

... Там би я спочив хоч мало,
Молившися Богу,
Там би я ... Та шкода и гадки,
Не буде шчого...

Думалось, конечно, не о покое.

О перемене жизни - для ДЕЙСТВИЯ.

МАКШЕЕВ: "Отслужили напутственный молебен и транспорт тронулся..."

ШЕВЧЕНКО: "...слушал за Орью напутственный молебен, а через полчаса огромной темной массою транспорт двинулся в степь, подымая серые облака пыли".

... Молебствие было тоже ПОХОДНЫМ.

2.

Обручев провожал основной транспорт версты три и потом как заметил тот же Макшеев, "став со свитою на возвышенности, пропустил его мимо себя и простился со всеми".

Эта возвышенность с давних пор имеет имя: Гора Полковник. В честь кого - не доискивался. В Орске (да только ли в Орске?) знают: здесь главное место добычи знаменитой Орской яшмы, которая и в московском метро, и в петербургском эрмитаже, и в ушах, на груди красавиц. Пишу эти строки и думаю: вот сейчас в карьере под горою вырубают яшмовые монолиты для ... Шевченко. Да-да, их ждут в Киеве, где нужны они для экспозиции главного шевченковского музея мира, тех его залов, где ждет посетителей рассказ о времени Тарасовой солдатчины.

Яшма сопутствовала каждому дню в Орской. Яшма провожала в степь неоглядную.

ШЕВЧЕНКО: "Спустя еще полчаса, из-за Ори начали возвращаться в крепость провожавшие транспорт..."

Участвовало в походе великое множество людей. И рассказывали о нем если не все, то многие. Наверняка рассказывали ...

Но никто рассказы те не фиксировал. Отзвучали и - ушли в небытие. Как и поныне чаще всего бывает с рассказами простых смертных. Тогда тем паче. Кто стал бы записывать воспоминания уральского казака, башкирина-проводника, верблюдовожатого-казаха, нижнего чина из роты сопровождения, матроса при пароходе, на котором ему плавать, предварительно собрав? Или даже офицера, даже чиновника - не высокопоставленных, не блистательных, а самых обыкновенных, ТРУЖЕНИКОВ?

Много лет спустя, чуть не через полвека, спохватились: может кто запомнил тот поход лично? может, вспомнит былой служивый, как вел себя в нем Шевченко?

"Скажу, что помню, только мало у меня на памяти осталось..." -записывал журналист А.И.Матов рассказ уже престарелого тогда жителя Орска Агапия Федоровича Канфера.

- Помню, собрались мы в Сырдарьинский поход; попал в команду и Шевченко, - рассказывал Канфер на склоне лет. - К учебной солдатской амуниции он был не привычен, а о походной говорить нечего; ведь он у нас маленько-то льготами пользовался. Двинулись в поход. День был жаркий, безветренный; солнце пекло немилосердно; даже киргизы ехали без верхнего халата. Только переправились мы через Орь и вступили в зеленую еще в то время степь, как Шевченко вдруг пал в строю; крепок был, а нет - сморила его духота. Подбежали офицеры, доктор, а ротный командир сначала было прикрикнул, да видит, что дело-то неладно, - пожалел. Положили его в походную повозку и двинулись дальше. Скоро он поправился и мало-помалу привык...

Эпизод показался "выигрышным" - рассказ бывшего фельдфебеля стали использовать всякий раз. когда речь заходила о походе к Аральскому морю. Меж тем, достоверность "воспоминаний" опровергается уже тем, что службу в пятом линейном батальоне Канфер начал не раньше 1853-1854 годов, а следовательно служить вместе с Шевченко там не мог. В степных походах старый служака участвовал, притом, вероятно, не раз. Но не в том, который занимает нас. Следовательно, запись Матова содержит не личные воспоминания рассказчика, а, в лучшем случае, то, что слышал он от других, - МОГ слышать. Однако и ПРИДУМАТЬ мог запросто. Как писал уже прежде, на крохотной площади этой записи не вызывает доверия и прочее. Явно неправдоподобны, напомню, утверждения о картинах Шевченко, которые он малевал "углем или мелом" на стенах, и "стихах хохлацких", которыми "все заборы испачкал", о том, что "больно хорошо" жил в Новопетровском.

... В походе участвовали многие, но услышать их нам не дано.

Из достоверных печатных источников дошли два: записки образованнейшего офицера-ученого, впоследствии и генерала, и профессора, Алексея Ивановича Макшеева и не видного лекаря Саватия Никифо-ровича Сокиры.

Имя первого из них включено в солидные энциклопедии, второго -известно тоже, но в качестве героя повести, во многом документальной.

Раньше о Макшееве. Для начального с ним знакомства сообщить надо хотя бы самые общие сведения. Это ведь существенно: кем и каким вступал он в тот степной поход? почему оказался рядом с Шевченко и снискал его расположение?

Итак - родился в 1822-м, а значит, было ему тогда двадцать шесть, на восемь лет меньше, чем поэту-солдату. Двадцатилетним закончил Макшеев Новгородский кадетский корпус и получил производство в прапорщики лейб-гвардии. Два года спустя началось его ученье в Академии Генерального штаба. Офицером, уже подпоручиком с блестящими перспективами, службе столичной, на виду у начальства, он предпочел отдаленные места на востоке. Его прикомандировали к Отдельному Оренбургскому корпусу, слывшему тогда одним из наиболее трудных и опасных военных формирований. Прибыл сюда *в*

декабре сорок седьмого. Вослед ему, в январе 1848-го, пришел приказ о присвоении чина поручика и, одновременно, о переводе в ведомство Генштаба с чином уже следующим - штабе- капитана.

Была в биографии спутника Шевченко по степному походу и еще одна строка, до поры до времени неизвестная никому. Учась в Петербурге, Макшеев сблизился с некоторыми участниками кружка петрашевцев. Его имя вскоре будет довольно часто упоминаться в материалах следствия. Особой вины офицера установить не удастся, и к ответственности его не привлекут. Просто возьмут "на заметку".

А теперь о Сокире.

Савватий Никифорович Сокира был подкидышем, усыновленным и выпестованным бездетными немолодыми супругами на одном из хуторов Украины. Его с братом-близнецом растили в достатке, любили всей душой и учили чему положено, мечтая об одном - чтобы вышли они в люди, достойные и уважаемые. Из Савватия, в отличие от Зоей-мы, ЧЕЛОВЕК получился. Не преуспевший в карьере, не снискавший званий-богатств - лекарь с чином двенадцатого класса, назначенный по окончании Университета св. Владимира на службу в Оренбургский госпиталь, а оттуда командированный в Орскую крепость и далее, в многотрудный поход на Арал.

Его, Сокиры, заметки о походе - составная часть повести "Близнецы".

Сам этот "мемуарист", однако, - в отличие от Макшеева Алексея Ивановича, - не реальный персонаж с именем, отчеством и фамилией, которого, при желании и старании, можно отыскать в подлинных списках участников похода, но герой художественного произведения. На многих страницах "Близнецов" его устами говорит, размышляет, повествует автор, Шевченко.

Значит ли это, что они идентичны? Нет.

В персонаже, от которого исходит в повести "Оренбургская Муха", Шевченко если не раскрывает, то декларирует ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Сокира умеет и видеть, и чувствовать, а все же, оговаривает писатель, не'дано ему ни рисовать карандашом, ни живописать кистью. Поход, дает он понять, описывает не записной литератор - просто лекарь, делающий это исключительно ради отца с матерью и земляков своих. Подразумевается, что ОТ СЕБЯ автор повести написал бы по другому, много выразительнее, ярче, но ни в "Близнецах", ни в прозе вообще, в том числе эпистолярной, сделать это случая не явилось.

Записи Макшеева и страницы "Мухи" перекликаются. Больше того, очевидно взаимодополнение.

Не Алексея ли Ивановича представлял себе Шевченко, когда писал от имени Сокиры такое: "Я ехал с передовыми уральскими козаками впереди транспорта за полверсты..."? У Макшеева читаем: "Я ехал с вожаками киргизами впереди..." Сокира, следуя так, "вполне мог предаваться своей тихой грусти и созерцанию окружающей природы". Что касается Макшеева, то он о своем пребывании в авангарде сообщает, вспоминая другое: здесь его догнал адъютант Обручева, прискакавший за ним по поручению шефа, "вспомнившего, что он не простился со мною".

...Шло первое утро похода.

3.

ШЕВЧЕНКО: "Первый переход (с непривычки, может быть), я ничего не мог видеть и слышать, кроме облака пыли, телег, башкирцев, верблюдов и полуобнаженных верблюдовожатых киргизов".

(Начало похода его ОГЛУШИЛО. Отсюда, как полагаю, и строки, предшествующие тем, что приведены выше. Во-первых: неточность в дате - 12-е вместо 11-го. Во-вторых: преувеличение количества телег и верблюдов в этом транспорте; их в строках "Близнецов" оказалось чуть не вдвое больше, чем на самом деле. Но автор был вправе соединить транспорт ТЕЛЕЖНЫЙ и транскорт ВЕРБЛЮЖИЙ, выступивший попозже и некоторое время спустя предшественников своих догнавший).

МАКШЕЕВ: "Первое впечатление, которое произвела на меня киргизская степь, было в высшей степени грустное. Солнце ярко палило необозримую равнину, покрытую желтым, уже высохшим ковылем. Пыль от повозок широкою полосою закрывала часть горизонта. Кру-. гом все было тихо и только скрип от телег мерно и уныло нарушал эту мертвую тишину. Казаки и башкиры повесили носы. Солдаты затянули было песню, да скоро умолкли. Даже лошади, как будто предчувствуя, что им предстоит дальний и трудный путь, лениво и вяло тащили свои возы. Только киргизы, наши вожаки и посыльные, беспечно и весело ехали впереди, глазея по сторонам, как будто находя особенную красоту в этой безграничной пустыне".

(Макшеев к походу был готов в большей степени; к тому же "вести подробный путевой журнал по дням и, сверх того, составить описание пройденного пространства" ему вменили в обязанность. Не то, что Шевченко, права писать лишенному и пока не осмотревшемуся. Впрочем, и позже "... он ...никогда ничего не писал". Кто-кто, а Макшеев видел его в походе постоянно).

На первом переходе - стало быть, того же, 11 мая, их знакомство и состоялось.

МАКШЕЕВ:"... я познакомился с Т.Г.Шевченко, который, служа рядовым в Оренбургском линейном N 5 батальоне, был командирован, по просьбе лейтенанта Бутакова, в описную экспедицию Аральского моря для снятия береговых видов".

Познакомился в смысле ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛСЯ? Или в ином -СОШЕЛСЯ? Так или иначе, но встреча на степной дороге ни для того, ни для другого неожиданностью не была. Иначе не произошло бы сразу то, что случилось в этот самый день: "Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище, на время похода, в своей джуламейки, и он принял мое предложение".

Джуламейка (отказахского"жолымуй" -дорожныйдом) получили в Орской все офицеры; Шевченко же он, Макшеев, предложил свой "дом" первым. Собственно, не только "уй", но и разное прочее. Неискушенный в походной обстановке поэт-солдат целиком и полностью уповал на интендантов - казенную порцию сухарей, крупы, мяса, водки, положенный приварок, какую-нибудь амуницию, в общем целиком и полностью предавал себя попечению отцов-командиров. Макшеев, в отличие от него, при всей своей молодости, о ЖИТЕЙСКОМ не забыл: "по непривычке к солдатской пище, мне все-таки пришлось запастись на полгода (на такой срок следовал - Л.Б.) значительным количеством провизии, именно пшеничными сухарями и мукою, коровьим маслом, закупоренным в бутылки, чаем, сахаром, вином, сигарами и проч." Кроме продовольствия, а также белья, одежды, обуви, взял с собою "походную посуду, походную мебель, то есть складную кровать с тюфяком, стол и стул", всевозможные мелочи, в быту необходимые. "Лошади офицерам давались казенные, взамен подъемных денег, на которые Обручев был скуп..." Макшеевская телега была нагружена в полной мере, так что хозяин ее имел основания посочувствовать "паре несчастных лошадей, обреченных в течение всего похода ежедневно и бессменно тащить свой груз".

Но в НАХЛЕБНИКИ к Макшееву Шевченко не набивался и идти НЕ СОБИРАЛСЯ. Благом была уже сама джуламейка. Достоинства ее он оценил на первом же привале, в тот же день и ту же ночь. "Я не знаю ничего удобнее для похода джуламейки, _ пел ей дифирамбы тогдашний владелец походного их "дома". _ Она отлично защищает как от палящего зноя, так и от холода и дождя, может быть открыта для вентиляции с любого бока и сверху, ставится и убирается необыкновенно скоро, никак не более как в пять минут". Шевченко убедился в этом сразу. "Одно неудобство, что она несколько тяжела: верблюд везет не более двух, а подвода не более трех джуламеек..." Тяжесть относительная, да к тому же ставили свой'"дом" не они одни: бывалым человеком выказал себя с самого начала макшеевский денщик - расторопный и проворный в любой работе...

4.

Первейшей обязанностью Алексея Ивановича в походе было то, что сам он

охарактеризовал словами общими, передавая "словесный приказ" корпусного командира, данный ему перед самым выступлением из Орской: "состоять при командире 2-й бригады 23-й пехотной дивизии генерал-майоре Шрейбере, назначенном для начальствования над отрядами и транспортами в степи и для инспектирования укреплений". Это значило, что Макшееву поспевать надлежало везде и всюду - особенно если помнить еще и о поручениях изначальных: "подробный путевой журнал", раньше уже упоминавшийся, как равно и "описание пройденного пространства", должны были в себя включать многое и "в особенности: а/ главнейшие предметы местности, заслуживающие внимания в военном отношении, именно: пути, реки, озера, болота, колодцы, горы, пески, пастбищные и луговые места и прочее, и б/ сведения о киргизских родах и аулах, также и о соседних азиатских владениях, в той мере, в какой представится случай таковые собрать". Еще одним делом, которое с него не снималось, было поручение "избрать между Уральским и Раимским укреплениями промежуточный пункт для устройства форта, подобного Карабутакскому". Но это, последнее, относилось ко второму этапу похода; все же прочее поглощало внимание с самого его начала и должно было накапливаться каждый день и час. Не скупился на поручения своему ближайшему помощнику - молодому и, как сразу убедился, толковому генштабисту - генерал Шрейбер.

Знали его тут не многие: вторая бригада, которой он командовал, дислоцировалась в Екатеринбурге и на тяготевших к нему территориях, решала задачи свои, во многом отличные от первой, взаимодействие их было эпизодическим; в этом походе, как и в прошлогоднем$_г$ участвовали батальоны бригады N 1 - четвертый и пятый, над которыми начальствовал Федяев. Поначалу, правда, роль его в предстоявшей кампании характеризовалась по другому: приказом от 29 февраля 1848 года он командировался "в киргизскую степь для подробного осмотра укреплений Оренбургского края и инспектирования гарнизонов, в оных находящихся". Но уже в апреле, по прибытии Шрейбера в Орскую, Обручев свой приказ изменил, поручив ему не только инспектирование, а и командование. Походом в целом ...всем этим огромным предприятием...

Что ж, ни опыта, ни решительности Шрейберу занимать не приходилось.

Было ему тогда пятьдесят два года.

Происходил "Иван Петрович сын Шрейбер" из дворян Казанской губерний. Не богатых дворян - "за отцом его состоит Казанской губернии дворовых десять душ". Своими имениями не обзавелся.

Так в "формулярном списке", оформленном именно в этом, сорок восьмом. (ЦГВИА, ф.16192, оп.1, д.103).

С юности пошел он по военной части. В марте 1812-го, восемнадцатилетним, выпустили его из 1-го кадетского корпуса прапорщиком.

И покатилась служба. Уже в декабре того же года подпоручик, в 1815-м - поручик, в 1818-м - штабс-капитан, через год - капитан, еще через два - майор, потом через три - подполковник, в тридцатом -полковник, в тридцать восьмом - генерал-майор.

Начинал взводным, командовал ротой, батальоном, полком, а уже десять лет как начальствовать стал над второй бригадой 23-й пехотной дивизии и осел в местах здешних, на все предыдущие непохожих.

Вынужденно осел - заставили раны.

О, жизнь его была бурной! В достопамятном 1812-м получил он боевое свое крещение в войне против Наполеона. Сражался под Смоленском, на Бородинском поле, близ селения Чириково, у деревни Вороново. Помнились бои за Тарутино, за Малый Ярославец. Отступал и - наступал. Прошел через Польшу и Пруссию, навсегда запомнил Лейпциг, где получил тяжелое ранение в ногу (предыдущие раны не мог и счесть), победителем входил во Францию.

В тридцатые годы воевать пришлось на земле польской - тоже долго и упорно. Егерские полки под его началом - что Витебский, что Эст-ляндский и Костромской -

выделялись особой удалью, а их командир - кроме всего прочего - еще и личной храбростью. Все досрочные чины получал он не иначе, как "за отличия по службе".

На мундире теснились ордена и медали. Святая Анна двух степеней, Станислав, Владимир, Георгий... серебряные медали в память 1812 года и за взятие Парижа... знаки отличия за военные достоинства и за безупречную службу в течение новых и новых десятилетий...

Она, эта служба, продолжалась. За все ее долгие годы Шрейбер только однажды побывал в "домовом отпуску" - случилось то пятнадцать лет назад, в 1833-м. А так - куда пошлют и что прикажут.

Вся жизнь его была в службе. В свое время так и не женился; жил холостяком, всего себя отдавал делу. Насчет увлечений формулярные списки молчат. Хотя иногда к чему-то да подводят. Вот и здесь, в графе, характеризующей степень образованности генерала, читаем: "Российский, французский и немецкий языки, арифметику, геометрию, тригонометрию полевую и долговременную, фортификацию, артиллерию, физику, сетуацию, географию, статистику знает и рисовать умеет".

Непривычная нашему уху "сетуация" это, по Далю, СИТУАЦИОННАЯ СЪЕМКА - "не один только обмер и очерк земель, а показание на чертеже, условными знаками, гор, долин, оврагов, болот, пашен, лесов, по роду их".

Ну а последние два слова в записи? "Рисовать умеет" - такое в формуляре встретишь редко, а уж если встретишь, то значит это одно: в рисовании человек преуспел, не просто любитель, но и знаток, умелец.

РИСОВАТЬ УМЕЕТ...

Выделяю и подчеркиваю - в данном случае это для меня важно по-особому.

Разумеется, в связи с Шевченко!

... Имею основания полагать, что встреча их произошла уже в первый день похода.

5.

Вероятно и с Бутаковым, к которому, собственно, прикомандировывался, с Поспеловым... Но так ли нужно гадать, с кем и в какой день впервые встретился он на походном маршруте?

Впечатлений было много. Слов для описания первого перехода у "Сокиры" не нашлось. Крохотный абзац противоречив уже в самой своей основе. "Первый переход (с непривычки, может быть) я ничего не мог видеть и слышать, кроме облака пыли, телег, башкирцев, верблюдов..." И вдруг, сразу вослед этому, неожиданное продолжение-окончание: "Словом, первый переход пройден был быстро и незаметно".

Почему - БЫСТРО? За счет чего - НЕЗАМЕТНО? По началу-то ожидалось другое...

"Быстро и незаметно" - по причине множества встреч. Их разнообразие ход жизни ускорило.

МАРШРУТ ИЗ КРЕПОСТИ ОРСКОЙ... Первый переход - Орская крепость - река Мендыбай. Число верст - 23. Примечание: От Орской крепости транспортная дорога идет верст 80 вдоль левого берега реки Ори. Переправы через Мендыбай и другие подобные речки производятся вброд и представляют нередко неудобства по крутости спусков и вязкости грунта.

(Из справочной книжки "Расписание Отдельного Оренбургского корпуса", напечатанной в типографии корпусного штаба).

МАКШЕЕВ: "Вечером, когда транспорт остановился на ночлег, люди занялись уборкою лошадей и приготовлениями к отдыху. Жара уже спала и стало темнеть. Явились огни. Около котелков, в которых варилась незатейливая походная пища, образовались мало помалу группы отдыхающих после утомительного первого перехода, и отовсюду послышались бойкие речи русские, татарские и на языке, которым говорят русские с татарами и понимают друг друга. Среди общего оживления особенно резко выдавались вблизи, в солдатском лагере, веселые остроты и смех и вдали тихая песнь башкира, сопровождаемая звуками чебезги. Потом все смолкло, все успокоилось и тишина

нарушалась только фырканьем и ржанием лошадей, да мерными окликами часовых вокруг лагеря. А небо было чисто и ясно, воздух легок и освежителен после удушливого дня, и на душе никаких забот и тревог, незаметно подъедающих жизнь в городе. Ночь сгладила тяжелое впечатление дня, я стал привыкать к степи и мало по малу полюбил ее".

Джуламейка Макшеева стояла у самой речки, в небольшом офицерском лагере. Вокруг бушевала жизнь - разноголосая, многозвучная.

Но назавтра предстоял совсем ранний, предрассветный подъем и переход не менее трудный.

Отбой! Спать!

Шевченко, похоже, этого сигнала уже не слышал.

Судя по скудости "Сокириного" описания первого дня, сон сморил его враз.

"ОГНЕННАЯ КАРТИНА"

1.

Шевченко в записках Макшеева упоминается не часто. Но для меня - совершенно объективно - это первейшие воспоминания о Шевченко. А о том его походе действительно незаменимые. Что бы мы без них делали?

Макшеев дополняет, детализирует, уточняет Сокиру.

В Сокире прорывается Макшеев. И в нем же - Шевченко.

Если можно так сказать: Шевченко в первом приближении.

Еще глубже он и полнее - в сочетании этих двух испочников, в соединении их с акварелью того дня - прекрасным всплеском его таланта художника.

С рассветом начался путь ко второму привалу, обозначенному в расписании так : "Залив р.Ори и озеро".

За весь день предстояло пройти еше 22 версты неподалеку от Ори -левого притока Урала, берущего начало на северных отрогах Мугоджарских гор.

2.

Итак, ненарочитый диалог двух рассказчиков - Макшеева от себя, Шевченко - от Сокиры.

МАКШЕЕВ: "Со следующего дня походная жизнь приняла однообразную форму. Транспорт выступал с ночлега в 6 часов утра, двигался со скоростью от 3 до 4 верст в час, имея на половине пути часовой привал, и оканчивал переход за полдень..."

ШЕВЧЕНКО: "На другой день мы тронулись с восходом солнца... Утро было тихое, светлое, прекрасное. Я ехал с передовыми уральскими козаками впереди транспорта за полверсты и вполне мог предаваться своей тихой грусти и созерцанию окружающей меня природы..."

(Впереди транспорта ехал не только Сокира. Зная постоянное,так сказать служебное, место в походе Макшеева - место "впередсмотрящего", запросто можно представить РЯДОМ С НИМ, хотя бы в этот день, Шевченко; ночевали в одной джуламейке - вместе оказались и в голове колонны).

МАКШЕЕВ: "Черепашье движение, при однообразной обстановке степной природы и совершенном отсутствии по пути человеческого жилья киргизских аулов, откочевавших далеко в сторону от русских отрядов, и еще во время жары против солнца, сплошь обливавшего ярким светом равнинную поверхность, от которой некуда отвести усталые глаза, было томительно и физически и нравственно..."

ШЕВЧЕНКО: "Это была ровная, без малейшей со всех сторон возвышенности, степь. И, как белой скатертью, ковылем покрытая необозримая степь. Чудная, но вместе и грустная картина! Ни кусточка, ни балки, совершенно ничего, кроме ковыля, да и тот стоит, не пошевелится, как окаменелый; ни шелесту кузнечика, ни чиликанья птички, ни даже ящерица не сверкнет перед тобой своим пестреньким грациозным хребтом - все, кроме ковыла, умерщвлено. Немо все и бездыханно, только сзади тебя глухо стонет какое-то исполинское чудовище - это двигающийся транспорт..."

МАКШЕЕВ: "Но наступал наконец момент приближения к ночле-гу..."

ШЕВЧЕНКО: "Солнце подымалось выше и выше..."

(Они как бы поменялись местами. Накануне, в первый день похода, Шевченко "ничего не мог видеть и слышать", зато теперь, 12-го, он видел и слышал много больше, чем его спутник, призванный писать подробнейший походный журнал. В нем воскрес, зажил, заговорил ХУДОЖНИК - и не "присяжный" художник экспедиции, нет - совершенно свободный, а потому видящий не только глазами, но и сердцем).

МАКШЕЕВ: "... некуда отвести усталые глаза..."

ШЕВЧЕНКО: "Немо все и бездыханно..."

Но тут же он встрепенулся: "степь как будто начала вздрагивать, шевелиться".

Степной мираж!

"...Еще несколько минут - и на горизонте показалися белые серебристые волны, и степь превратилася в океан-море. А боковые аванпосты начали расти, расти и мгновенно превратилися в корабли под парусами. Очарование длилось недолго. Через полчаса степь приняла опять свой безотрадный, монотонный вид..."

Фантазия художника непредсказуема: "... только боковые козаки попарно двигалися, как два огромные темные дерева".

Движущиеся "деревья"?

Как и мираж, это, верно, на бумагу не положишь. Но поймешь ли степь, в нее не вглядываясь, все подвергая контролю разума, не позволяя себе удивляться?

Теперь его воображение заполонила... белая тучка.

Первым рисунком - нежданно-негаданно - обернулась она.

3.

ШЕВЧЕНКО: "Из-за горизонта начала показываться белая тучка. Я ужасно обрадовался этому явлению: все-таки разнообразие. Начинаю любоваться ею, а она, лукавая, вдруг расплывается в воздухе, то снова вдруг покажется из-за горизонта.

-Вишь ты, собаки, что выдумали! - проговорил один козак.

-А что такое, Дий Степаныч? - спросил у него другой.

-Рази ослеп, не видишь? Степь горит!

-И всамделе горит. Вишь собаки!

Я стал внимательно всматриваться в горизонт и, действительно, вместо тучки увидел белые клубы дыма, быстро исчезающие в раскаленном воздухе. К полдню пахнул навстречу нам тихий ветерок, и я почувствовал уже легкий запах дыма..."

Заметил - к полудню. Движение транспорта заканчивалось, по свидетельству Макшеева, "за полдень". Желанный привал был уже недалеко, а пожар обнаруживал себя лишь запахом, и то едва ощутимым. Это уже становилось привычным, уступая место впечатлениям иным (например, от реки и залива, пахнувших навстречу свежим ветерком). Но огонь все-таки манил.

МАКШЕЕВ: "На другой день после нашего выступления мы видели вдали ПАЛ, то-есть огонь, пущенный киргизами по степи, чтобы сжечь старый ко'выл и дать возможность беспрепятственно расти свежему..."

Он фиксирует ФАКТ. Шевченко передает СОСТОЯНИЕ.

У Макшеева деловая ИНФОРМАЦИЯ, у Шевченко - процесс узнавания, ВОСПРИЯТИЯ/ А он, этот процесс, требует ПОСТЕПЕННОСТИ. Ею художник не поступается.

ШЕВЧЕНКО: "Вскоре открылася серебряная лента Ори, и далеко выдавшийся к нам навстречу залив освежил воздух. И я вздохнул свободнее. (Никакие впечатления, при всем их обилии, при всей необычности, от усталости не избавляют! - Л.Б.) И пока транспорт раскидывался своим исполинским каре вокруг залива, я уже купался в нем. (Единственное, пожалуй, преимущество того, кто впередм... -Л.Б.) Пожар был еще все впереди нас, и мы могли видеть только один дым, а пламя еще не показывалось из-за горизонта..."

Показалось оно уже в сумраке надвигавшейся ночи.

МАКШЕЕВ: "... и долго любовались, как отдельные сначала огоньки постепенно сливались в непрерывные нити, сопровождаемые сильным заревом..."

ШЕВЧЕНКО: "Из-за темной горизонтальной, чуть-чуть кое=где изогнутой линии начали показываться красные струи и язычки. В транспорте все затихло, как бы ожидая чего-то необыкновенного. И, действительно, невиданная картина представилася моим изумленным очам. Все пространство, виденное мною днем, как бы расширилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях. Чудная, неописанная картина!.."

МАКШЕЕВ: "По желанию генерала Шрейбера Шевченко нарисовал акварелью эту импровизированную иллюминацию и подарил ему свой рисунок".

ШЕВЧЕНКО: "Я всю ночь просидел под своею джеломейкою..."

До этого места он, Шевченко, ничуть не жалел, что собственные свои впечатления отдал персонажу повести, Сокире. Но им же самим, увы, лекарь Сокира был "приговорен" к лишению художественного дара. Да, обстоятельство не из простых!

Просидел ночь напролет под джеломейкою... Любовался "огненною картиною"... Вспоминал назидания "почтенного художника", котоый Сокире говаривал: "Учися, учися рисовать, эта наука никакой науке не помешает"...

"Прекрасное искусство" его герою дано не было. Не то что ему самому. Но и сам, художник-профессионал, он испытывал робость перед могущественной красотой и силой того, что предстало сейчас перед глазами, будоража и потрясая в нем все.

А тут еще... "Вблизи транспорта, на темной, едва погнутой линии и на огненном фоне, показался длинный ряд движущихся верблюжьих силуэтов... Верблюды двигались один за другим по косогору и исчезали в красноватом мраке, точно китайские тени. На одном из них, между горбов, сидел обнаженный киргиз..."

Еще один художественный искус. Еще один привлекательный сюжет. Тут же он додумывает: "...сидел обнаженный киргиз и импровизировал свою однотонную, как степь его, песню..."

Вот теперь и впрямь: "Картина была полная".

Сокира изнемог от впечатлений: тут же, под Джеломейкою, и уснул.

Шевченко свалился от впечатлений И РАБОТЫ. Но и ночью, во сне, не прекращалось в мозгу его буйство воображения: "Во сне повто-рилася та же огненная картина с прибавлением "Содома и Гоморры" Мартена..."

Вспомнилась одна из картин Джона Мартина, английского живописца и графика, - картина, навеянная Библией. Нечто возвышенное, библейское виделось ему в том, что открыл прошедший день - второй в походе.

Только второй...

4.

"По желанию генерала Шрейбера..."

Не знать о том, что Шевченко запрещено - ВЫСОЧАЙШЕ ЗАПРЕЩЕНО - РИСОВАТЬ Иван Петрович НЕ МОГ.

Переговоры о включении поэта-художника в состав участников похода велись уже в бытность его в Орской, где он, командир второй бригады, находился две, а то и три недели перед выступлением.

Не говоря уже о том, что июньский, прошлого года, приказ-по корпусу непременно попал во "входящие" штаба вверенной ему бригады и в свое время был им просмотрен. Просмотрен и - ЗАМЕЧЕН: по одному хотя бы тому, что речь шла о художнике, а художники его всегда привлекали.

Теперь самый высокий здешний распорядитель выразил пожелание, чтобы Шевченко не прошел мимо удивительной феерии огня, и он, разумеется, противиться не стал, больше того просьбу воспринял как приказ: не таиться! работать!

Повторять не пришлось. В течение дня, и особенно под вечер, занялся поисками

композиции, рисовал карандашные эскизы, а потом принялся и за акварель.

Совсем небольшая по своим размерам (21,4 х 29,6), она стала удивительным по многосюжетности и многокрасочности своей ПОЛОТНОМ. Не зарисовкой частного, но картиной большой, наполненной жизнью степи.

Шрейдеру акварель и подарил.

У него она хранилась.

От генерала начался ее путь, завершившийся, в конце концов, возвращением этой прекрасной работы ... к Шевченко.

Если совсем точно, то в Дом Шевченко - Главный музей великого Тараса, на киевском бульваре его имени.

Подлинность рисунка удостоверена многожды:

- авторской подписью и датой: "Т.Шевченко 1848",

- надписью в верхнем углу альбомного листа, на который рисунок был наклеен: "Оригинальный рисунок Шевченки, подаренный г-м Шрейбером",

- наконец, словами, написанными тушью в нижнем углу того же листа из альбома: "Вид степного пожара в киргизской степи во время следования транспортов в Укрепления близ Аральского моря. 12-го мая 1848 года в ведении г-м Ш... на заливе р.Ори".

В акварели - двенадцатое мая.

Но 12-го ли она закончена?

Изумляющая своей завершенностью, точнейшей проработкой всех планов, фигур, деталей и особенно игры огня, работа требовала и времени, и условий.

Ночи у джеломейки на берегу залива для выполнения ее в полном объеме было явно мало.

Меж тем подарок хотелось вручить и в лучшем виде, и поскорее. Доделать мог уже на следующем привале, но не позднее первой дневки - 15-го.

Подарок Тараса Шевченко генерал хранил долго и бережно.

5.

ШЕВЧЕНКО: "...Проговорил один козак... спросил у него другой... импровизировал свою однотонную, как степь его, песню..."

МАКШЕЕВ: "...завязывались оживленные разговоры с лицами самыми разнохарактерными по своему развитию, начиная от образованного доктора до наивного башкира..."

Общались не только меж собою и со Шрейбером.

Походный транспорт лишь издалека сравним быть мог с "китайскими тенями", внутри же его бурлила жизнь, сотканная из бесконечного множества характеров, дел, голосов.

Где-то дальше, на следующих страницахего "Мухи", возникнет под пером Сокиры "вожак". В жизни Шевченко он был уже с первого дня.

Спасибо Макшееву - назвал его имя, сказал о нем более подробно. "...Почтеннный старик Агау знал топографию степи до мельчайших подробностей, как свои пять пальцев. Хотя он не говорил по-русски, но мало помалу мы выучились понимать друг друга. В первое же время переводчиком между нами был один из посыльных, Алмакуров..."

Алмакуров русский язык знал. И о нем вспоминал потом Макшеев, характеризуя этого человека довольно обстоятельно и даже с биографией: "В молодости Алмакуров был лихим джигитом, молодцом, и любил заниматься барантою, угоном чужого скота. Однажды он вздумал побарантовать у нас на линии, но был схвачен и отдан в солдаты. Таким образом он неожиданно совершил путешествие в Архангельск, Петербург и Финляндию; по прослужении уже 25 лет в Вильманстран-дском пехотном полку получил знак отличия беспорочной службы и унтер-офицерское звание, вышел в отставку, вернулся на родину, женился и сделался снова кочующим киргизом, но больше не ходил на баранту".

Язык киргизов (казахов), язык башкир и других, не русских, участников похода

принято было называть ТАТАРСКИМ. В ходу был еще "смешанный", в котором, при минимуме слов, главную роль играли жесты; в любом случае друг друга понимали. Но хотелось понимать полнее, а потому лучшими собеседниками были те, которые русский постигли.Больше ли, меньше, но на нем изъяснялись.

Насыр Алмакуров даже в политические рассуждения пускался. Шли они от ТРЕВОГИ ОЖИДАНИЯ: с момента выступления из Орской всяк час ждали встречи с хивинцами, нападения злонамеренных отрядов.

Те же "китайские тени" могли оказаться вооруженными врагами, а то же, невидимое пока пламя, - обернуться огнем отнюдь не мирным...

- А что наш царь не возьмет Хиву и не усмирит хана? - говорил доморощенный политик, и говорил совершенно искренне. - Что хан? Дрянь! Взял бы его да посадил на тот устров, где издох Пунапарта, да и дело с концом. Так нет. А отчего? Оттого, что урус хитер, все делает тихо, зато хорошо, не то что наш брат башкур, или кыргиз. Вот кыргиз гулял себе на воле и никого не знал. Урус дал ему красный кафтан и кыргиз доволен и рад, а получил кафтан» так работай. Урус и запряг его на пристяжку, а там запряжет и в корень, а там и нагайка будет. Так было и с нашим братом башкуром!..

Любой, не русский, язык тут считали татарским. Любого, не русского, называли либо киргизом, либо башкиром. Вот и Алмакуров, в разных источниках, то киргиз, то башкирин. Нашему восприятию его это, однако, не помеха.

Не мешало такое обстоятельство и Шевченко. В Алмакурове он оценил его ум, его мысль. Их волновало во многом общее: судьбы людские. И впрямь - как сложатся они для вольных пока степняков? куда повернут?

С Макшеевым в походе был добрый, преданный Марковей - новгородский крестьянин, из отцовского поместья. Опекал Алексея Ивановича с заботливостью хорошей няньки. "Он сделал со мною все без исключения походы по степи, удивлял всех наших спутников своим проворством и умением применяться без суеты к какой бы то ни было обстановке, - писал о нем в далеком будущем Макшеев. - Все алчущие, жаждущие и страждущие обращались к нему, так как у него всегда находились и лишний кусок чего-нибудь, и посудина-другая с водою..." Именно таким в глазах Шевченко был - всегда был! - его собрат крестьянин. Разговаривая с Марковеем, он вспоминал родню в Кириловке и в Моринцах, крепостных на Украине и в России - людей широкого сердца и бесконечного трудолюбия. В нем, этом славном новгородском мужике, жила открытая для добра душа простого русского человека, готового помочь всякому, кто в помощи нуждается. Уже на второй день похода видел Шевченко, как потчевал Марковей чаем истомленных казахов. Без просьб и лишнних слов потчевал - от щедрости душевной, от сочувствия искреннего...

Рассматривая чудесную акварель "Пожар в степи" и зарисовки, сделанные двенадцатого мая (днем и ночью), читая страницы этого дня в "Близнецах", ну и, разумеется, воспоминания А.И.Макшеева, мы вправе отнести их к первейшим изобразительным, литературным источникам и для характеристики вполне определенных мест Оренбуржья, в данном случае - районе за нынешним поселком Уртия.

..."Во сне повторилася та же огненная картина..." Было это ЗДЕСЬ.

НА ЧЕРНОЙ РАВНИНЕ

1.

"Меня разбудил вестовой. Транспорт готов был двинуться. Я успел еще кое-как выпить стакан чаю, пока убирали мою джеломейку, сел на коня и поехал с передовыми козаками..."

Рука не поднялась поставить впереди этих строк имя автора: Шевченко. Не его будил вестовой и не ему принадлежала джеломейка. Не для него старались с чаем и подводили коня.

Рассказ шел от Сокиры - человека чиновного, лекаря.

Еще определеннее - от Макшеева, место которого по-прежнему было впереди

транспорта.

Что же касается Шевченко, то он ...

МАКШЕЕВ: "Весь поход Шевченко сделал пешком, отдельно от роты, в штатском плохеньком пальто, так как в степи ни от кого, и от него в особенности, не требовалось соблюдения формы..."

Относительно формы сказать стоит особо.

В той же своей книге Макшеев не преминул заметить, что после похода 1847 года, которым начальствовал сам Обручев, он "на основании личного опыта" составил подробнейшие правила для степных походов последующих лет. "Несмотря на свою известную требовательность относительно соблюдения формы, он установил, чтобы солдаты, в обычные летние жары, были в походе в одних рубашках, имея только в руках ружья и через плечо сумы с патронами, и чтобы ранцы и шинели возились на свободных подводах или артиллерийских лафетах. Кроме того, он предоставил солдатам идти свободно, не соблюдая строго строя. Все это так облегчило пехоту, что она легко делала в жару переходы иногда в 30 и 35 верст, даже без привалов. С другой стороны, вследствие одностороннего понимания казенного интереса, генерал Обручев крайне скупо снаряжал транспорты и требовал несоразмерного с силами отряда и с действительною потребностью наряда войск в аванпосты и во внутренние караулы, для сохранения казенного имущества. Правила его страдали многими недостатками, неблагоприятно отзывавшимися на успешности похода, но начальники не смели их изменять. Вследствие этого, в 1848 году, раимский транспорт, состоявший более чем из 1500 одноконных подвод и 3600 верблюдов, под прикрытием роты пехоты, 2 сотен казаков и 2 орудий, с трудом дотащился до Сырдарьи".

"Штатское плохонькое пальто" - обручевскими правилами не предусмотренное - Шевченко, уходя из джуламейки, прихватывал с собою и как защиту от недолгой утренней прохлады, и как верное предупреждение солнечных ожогов к полудню.

МАКШЕЕВ: "... Он был весел и по-видимому очень доволен раздольем степи и переменою своего положения. Походная обстановка его нисколько не тяготила..."

2.

До следующего - третьего- привала было шестнадцать верст. В примерном расписании движения он значился так: "Река Орь и овраги".

ШЕВЧЕНКО: "Мы долго ехали по обгорелой степи, и теперь-то, глядя на эти черные бесконечные равнины, я убедился, что не во сне, а я вчера видел настоящий пожар. К полудню мы подошли опять к берегам Ори и расположилися на ночлег".

Вот и все о 13-м.

И того нет у Макшеева.

Жизнь походная становилась привычной. Вопреки "несчастливому" числу - никаких происшествий, даже самомалейших. Огонь расцветил степь в необычные свои краски, чуть не всю дорогу она источала гарь.Но вчерашнее огромное пожарище на альбомный лист не просилось - оно пока было мертвым; "свежему ковылю не враз на волю пробиться"- думалось ему, отмеряя шаг за шагом.

Хоть бы где деревцо какое... озерцо... колодезь...

Орь видна не была, но иногда себя обнаруживала струйкой свежести сквозь заслон пекла.

Такие просторы и - безводье! Столько земли и - безлюдье!

Подъехал Алексей Иванович - проведать. -Жарко?

- Жарко.

- При Перовском пробовали ходить зимою.

- Ну, зимой жары нет...

Рассмеялись. И тут Макшеев рассказал целую историю.

... Оказывается, недостаток пресной воды в степях и особенно пустынях был причиною господствовавшего мнения, будто большие отряды могут двигаться по ним

только зимою, когда снег заменяет воду. Но опыт показал, что в эту пору года глубокие снега, затрудняющие движение и отымающие возможность подножного корма, сильные морозы, при недостатке укрытий, топлива и горячей пищи, жестокие бураны, или снежные метели, гибельны для людей, лошадей и верблюдов. Поэтому после печально известной зимней экспедиции Перовского, войска стали посылать в маловодные степи только летом. Правда, в это время года жары в песках едва выносимы, воздух почти никогда не освежается дождями и грозами, воды в колодцах мало и большею частью она дурного качества, травы также мало, да и та быстро выгорает. И все же эти неблагоприятные условия стало возможным хоть как-то ослабить. Вот так, тяжким опытом, пришли в крае к майским степным походам. Быть им и впредь.

"Походная обстановка его нисколько не тяготила..." Да, он шел не в строю. Но ведь сам Обручев дозволил солдатам идти СВОБОДНО. "Отдельно от роты..." Дистанция была символической -ни он роту, ни она его из виду не теряла. Другое дело - ночь. Солдаты спали на голой земле (только во второе губернаторство Перовского станут выдавать рядовым кошмы для ночлега). Джуламейка Макшее-ва от этого избавляла - у него был свой ДОМ, а чувство дома, пусть даже такого, оценить по-настоящему мог только БЕЗДОМНЫЙ.

Идти отдельно не значило уединяться. Нелюдимым Шевченко не был. Ни в "вольной" своей жизни, ни в Орской, ни сейчас. Занимало его все, интересовали все.

В траспорте, на телегах, ехали и женщины - солдатские жены. Ехали к мужьям своим, служившим в Раимском укреплении и, по мысли военного губернатора, долженствовавшим оставаться тут на жительстве, заводить хозяйство, УКОРЕНЯТЬСЯ. А какое хозяйство без хозяйки? И Обручев, наведя все потребные справки, выписал солдаток с мест их жительства, чтобы за казенный счет переправить к мужьям в далеком, необжитом, только еще строившемся степном укреплении.

Сколько добирались они до Оренбурга... до Орской... Какие мытарства претерпели, как мерзли, голодали, болели... Не все, кто выехал со своих мест, доехали до исходной крепости, но теперь уж каждая надеялась на встречу с мужем. Иные не виделись годы и годы, как эта-вот, с большим животом, готовая родить, и, наверное, родящая еще в походе. Мужа забрали в солдаты девять лет назад, ребенок в чреве ее был прижит НЕЗАКОННО, но едва заслышала о возможности отправиться к СУЖЕНОМУ, решилась на переезд сразу, долго не раздумывая. Что будет, то будет...

Солдаты казались ему мучениками. А эти женщины на тряской, пыльной дороге, под палящим солнцем, без крыши над головой? Женщины, отважившиеся на такой путь ради мужей-невольников, не представляя даже, не задумываясь, что их ждет? Были и где-то живут святые героини-декабристки. Ну а они, крестьянские бабы, простые мужички, не тот ли самый подвиг совершают, не те же, и даже большие, муки принимают? Ведут их любовь, милосердие, верность... ВЕРНОСТЬ, пусть и не безгрешны иные, не соблюли чести. Но как ее блюсти, если уходит молодость, уходит жизнь, а служба мужей тянется и тянется бесконечно?

...Смотрел на горемычных солдаток и ...'ныло сердце. Такое оно, горе. Такая она, жизнь.

Насыр Алмакуров поминал "Пунапарту", Хиву, тамошнего коварного хана и царя "урусов", который все-таки своего добьется и врагов перехитрит.

О политике рассуждал не он один. Разговоры на эти темы заводили и другие. В связи с их походом, которому пресечь надлежало и козни иноземцев, особенно англичан, против России. В связи с событиями европейскими, вызывавшими у кого тревогу, а у кого и надежду... Последних - НАДЕЯВШИХСЯ - было много. Жаждали перемен, которые должны были всколыхнуть Россию, открыть перед нею новые горизонты - свободы и цивилизации.

Рассказывали, как перепугала революция во Франции царя, его родню, их приближенных. Передавали, что государыня императрица, вернувшись с прогулки по

улицам Петербурга, с удивлением повторя-ла:"Кланяются! кланяются!"-считала, как видно, что после свержения Людовика-Филиппа и в российской столице перестанут снимать шляпы перед особами императорской фамилии... Анекдот? Да нет же -истина. Как и то, что Николай пообещал выставить против "взбунтовавшейся" Европы 300-тысячное войско и этою силой подавить всех тех, кто восстал против "законной" власти. Еще не выставил, но вроде собирается. Боится только своей собственной, российской революции, которая вполне возможна. Раньше, чем тушить революционный пожар в иных странах, следовало предпринять особые меры для предотвращения его в самой России.

В Западной Европе революция бушевала. После Франции она охватила Австрию, Германию, Италию, другие страны. Феодальные режимы падали, утверждались порядки новые. Российская монархия оказывалась лицом к лицу со всем взбудораженным, вздыбившимся европейским континентом. Как поведет себя Россия? Что произойдет после обнародования Манифеста 14 марта? Собственно, ПРОИСХОДИТ,а что - им, в этих глухих местах, неведомо. Ясно одно: положение напряжено до пред ела, ждать можно всего.

Пока довольствовались сведениями отрывочными. Какие-то привезли из Петербурга - еще в начале марта - Бутаков с Поспеловым. Что-то узнал в Оренбурге Макшеев. Некоторой информацией располагал и делился Шрейбер. Говорили обо всем этом не громко, вполголоса, иногда намеками, но не говорить - а тем паче не думать -были не в силах. Там, далеко, разворачивались события, которые могли повернуть и перевернуть многое. Кто-кто, а Шевченко на это надеялся.

Газетную карикатуру того года он еще не видел. Карикатуру, остроумно и символически изображавшую политическое положение в Европе... Франция на ней представала бутылкой шампанского - извержение его подняло в воздух корону, трон, короля с принцами, министров. Германия выглядела флягой с черным пивом, в пене которого - и вместе с пеной - барахтались герцоги, гроссгерцоги, короли. А Россия стояла сосудом с пенником - крепко затянутая бечевкой да еще припечатанная казенной печатью с орлом.

Вылетит ли эта пробка? Сорвет ли царского орла?

И что думают, чем встревожены (или обрадованы) люди там, на большой земле?

4.

У Шевченко и Макшеева оказался общий знакомый.

Этого человека - Момбелли - Шевченко еще в 1844-1845 годах не раз встречал на вечерах у Евгения Павловича Гребенки.

Встречи в Петербурге запомнились и Момбелли. Он даже воспоминания о них оставил. Воспоминания, которые дорогими строками вошли в мемуарную литературу о Шевченко.

...Его записки легли на бумагу еще в 1847-м, когда по столице поползли слухи об аресте членов Кирилло-Мефодиевского товарищества.

"В настоящее время в Петербурге все шепчутся и говорят по секрету, с видом таинственности, об открытом и схваченном правительством обществе..." - писал Момбелли весной, отмечая, что "говорят чрезвычайно различно" и "невозможно отгадать, чей рассказ справедливее", но все рассказы сходятся в одном:"несколько человек -умных, истинно благородных, образованных и ученых - привезли в Петербург в тайные темницы, ни для кого не доступные". Среди этих людей - на первом для него плане - Шевченко. Талант в живописи, еще более - в литературе...

А вот и впечатления от их встреч:

"Года два тому назад я встречал Шевченко у Гребенки. Шевченко всегда высказывал сильную привязанность к своей родине - Малороссии... Все малороссийское его веселило и приводило в восторг. Мотив или песня малороссийская вызывали слезу из глаз патриота".

Момбелли набрасывает живой портрет поэта-жудожника.Он рассуждает о планах

кирилло-мефодиевцев, о намерениях Шевченко, о различных слухах на сей счет.

"Приверженцы деспотизма, то-есть настоящего (существующего -Л.Б.) порядка в России, и все проникнутые страхом - так называемые осторожные, или, иначе, благоразумные, - величают замысел этот глупым безрассудством, бессмысленным малодушием". Но безрассудны ли планы "малороссийских патриотов" на деле? Автор записок так не считает. "С восстанием... Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие..."

...Шевченко находился в каземате III отделения. Томительные допросы, полная неопределенность были спутниками его дней.

А Момбелли в эти же дни о нем писал:

"...Малороссия считала его в числе своих любимых поэтов, которых так немного..."

"...Я малороссийского языка знаю слишком мало, а поэтому судить не могу; малороссияне же говорят, что Шевченко - истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением..."

Да, это снова Момбелли. Тогда уже петрашевец. Как и Макшеев, к нему и другим в кружке близкий.

"Военный суд находит подсудимого поручика Момбелли виновным в том, что он, приглашая к себе с сентября 1846 г., один раз в неделю, своих знакомых и сослуживцев, под предлогом желания сообщить им свои литературные сочинения и переводы, читал, между прочим, возмутительные и в высшей степени дерзкие рассуждения против правительства и в особенности против священной особы вашего императорского величества. В некоторых из этих рассуждений Момбелли делал даже воззвания к восстанию и к уничтожению императорского достоинства. Впоследствии, именно в феврале месяце 1847 года, прекратив бывшие у него, Момбелли вечера, принял участие в собраниях подсудимого Петрашевского и продолжал высказывать преступные мысли, выражая, как сам показывает, сочувствие республиканскому правлению..."

...А потому военный суд приговорил его, Момбелли, за произнесение дерзких слов против священной особы вашего императорского величества, за злоумышление к уничтожению императорского достоинства, за распространение сочинений против правительства и за покушение составить тайное общество с целью преобразовать гражданский быт в России, - лишить... всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием".

Он уже стоял в ожидании казни на площади, когда расстрел был заменен каторгой. Под строгим конвоем осужденных увезли в дали дальние...

Но это - и суд, и казнь, и каторга - в мае сорок восьмого у Момбелли еще впереди. Кружок М.В.Буташевича-Петрашевского живет, действует. И лучше других знает, как идет развитие революций в Европе, что предпринимают российские власти, чего хотят, к чему стремятся прогрессивные силы России.

Даже самые осведомленные люди в походе к Аралу обо всем этом могут только догадываться: от эпицентра и главных мест развертывающихся событий их отделяют ТЫСЯЧИ верст...

5.

И снова берег Ори, и еще одна остановка с ночевьем у самой речки, на ее левобережье.

МАКШЕЕВ: "Ночи в степи были иногда свежи, а между тем нижние чины не имели никакого прикрытия, кроме шинели, которая служила им и постелью и одеялом, а джуламейки давались только офицерам".

Лежа в макшеевской джуламейке, Шевченко вспоминал эпизоды своей жизни.

- Он много рассказывал о своих мелких невзгодах, но о крупных политических никогда не говорил ни слова, - передавал впоследствии уже поживший-постаревший Макшеев. - Особенно свеж у меня в памяти следующий рассказ Шевченко о школе, в

которой он учился: "По субботам, перед роспуском по домам, всех нас, и правых и виноватых, секли, причитывая четвертую заповедь. Обязанность эту исполнял КОНСУЛ, то-есть старший в классе. Я никуда не ходил в отпуск, но когда был сделан консулом, то зажил отлично, все мне приносили из дому гостинцы, чтобы не больно сек, и скоро я обратился в страшного взяточника. Кто приносил мне довольно, тому давал не более двух-трех легких розог, в течение которых успевал причитывать скороговоркою обычную заповедь, но кто не приносил ничего или мало, над тем с чувством и расстановкой читал: "помни...день...субботний..." и так далее. В своей краткой автобиографии, помещенной в "Кобзаре", Шевченко не упоминает о своем консульстве, и потому очень может быть, что рассказ его о субботниках, характеризующий вообще прежние малороссийские школы, был применен им к себе ради красного словца. Зато едва ли подлежит сомнению другой его рассказ о начале его солдатской жизни. "Когда меня привезли в Оренбург, то представили корпусному, дивизионному и бригадному начальникам и затем в Орской крепости - батальонному и ротному командирам. По мере понижения ступеней военной иерархии, со мною обращались все грубее и грубее..."

Впрочем, этот рассказ приведен раньше, в одной из "орских" глав книги. Помните, он о том, как Шевченко, купив "очень много водки и весьма мало закуски", напоил своего ротного и еще нескольких офицеров, снискав себе тем самым их "расположение"?

Таких эпизодов, конечно, было больше, но Алексей Иванович по молодости своих лет на заметку все не взял, а в старости уже не вспомнил.

ШЕВЧЕНКО: "...мы подошли к берегам Ори и расположился на ночлег..."

Адрес ночлега: земли теперешнего оренбургского села Соколовки. Тринадцатое мая заканчивалось тут.

ВЕРСТЫ И ПЕРЕХОДЫ

1.

ШЕВЧЕНКО: "Следующий переход мы шли в виду Ори, и степь казалась разнообразнее: кой-где выдавались косогоры, местами даже белели обрывы берегов Ори, кой-где показывался камыш и даже кусты саксаула. Переправившись на другой берег Ори, транспорт опять раскинул свое гигантское каре".

Четвертый день - четвертый переход. Из осуществленных - труднейший. Чем? Переправой!.

МАКШЕЕВ: "14 мая транспорту нужно было переправиться через реку Орь, и так как вода была высока, то' генерал поручил мне с лейтенантом Бутаковым навести плавучий мост. Дело было нелегкое..."

Весенняя вода еще не спала. Рассчитывали: спадет. На этом и планы строили. Да вышло не так, как ожидали.

Мой старший друг писатель Борис Бурлак оставил такие строчки: "Есть реки молоденькие - душа нараспашку. Именно такой Урал. Весной он нашумит, затопит окрестные луга и дубовые рощи, разгорячится в ближайшем заезде от голубых Уральских гор и до синя моря, ничего не пожалеет, лишь бы поразить бесшабашной удалью, а к июню приутомится, войдет в свои берега".

Подстать "батюшке" и "дочка" его по имени Орь. Раз в году разбушуется, а потом сама кротость. Учтем различия стиля нового и стиля старого - поймем: вода могла и должна была сойти. Но - уходить не поторопилась, задав людям много лишней работы, которая вроде бы и не предвиделась.

МАКШЕЕВ: "...Дело было нелегкое, так как, употребляя на возведение моста бревна и канаты, следовавшие в укрепления, мы не имели права их рассекать..."

Особых, специальных материалов для временного моста припасено не было. То, что имелось, предназначалось для иных надобностей. Все рассчитали, отмерили -ничего лишнего, ровно столько, сколько ждали в попутных и конечном укреплениях: Уральском, Карабутакском, Раимском

Ни рубить и пилить, ни резать - укладывать и скреплять так, чтобы потом, пропустив через мост всю громаду транспорта с людьми, груженными телегами, верблюдами с поклажей, скотом порционным и всякой всячиной, тотчас разобрать и уложить как было, везти дальше, в полной сохранности.

Тут требовался, прежде всего, ум инженерный. Генерал Шрейбер, в фортификации искушенный, знал, кому дело такое поручить. Бутакову с его флотской командой (и месяцу не прошло, как построили и разобрали они в Оренбурге шхуну для Аральского моря, а стало быть строительному делу не чужие). Макшееву - ближайшему своему помощнику, академию Генштаба прошедшему, следовательно в известной мере инженеру; он людей знает, подберет кого надо, организует.

МАКШЕЕВ: "Тем не менее (несмотря на условие - материалы "не рассекать" - Л.Б.), в несколько часов мост был готов и по нем беспрепятственно были проведены войска, орудия и подводы...

В эти часы, после тяжелого - длиною в восемнадцать верст - перехода, на берегах реки, возле нее и в самой воде, работали СОТНИ людей. И те, кого назначили... и другие, которым можно было ничего не делать...

Работали изо всех сил, валились оземь и снова лезли в воду - покуда сделали.

Не один час переправлялись на другой берег.

Полторы тысячи подвод...

Орудия с прислугой...

Две сотни казаков...

Рота пехоты...

Последними переходили по мосту оба Алексея Ивановича - Макше-ев и Бутаков.

Переходили для того, чтобы все начинать сызнова - только теперь уже не сборку, а разборку.

Шевченко встречал их на правом берегу, у походного лагеря, который на тот час развернули полностью. Повсюду лежали люди, многие спали - беспробудно, тяжело. Намаялись!

ШЕВЧЕНКО: "...транспорт опять раскинул свое гигантское каре".

МАКШЕЕВ: "После переправы транспорту была дана первая дневка в степи".

Дневка, по Далю, - "суточный роздых". На этом же месте лагерь оставался и пятнадцатого. От рассвета и до рассвета.

2.

"Дневка транспорта в киргизской степи (работа Шевченко)"'.

Такая надпись есть на альбомном листке, под наклеенной на нем акварелью небольшого размера (13,8 х22,8). Написано рукою Ольги Николаевны Бутаковой, жены и спутницы А.И.Бутакова в последующих походах, одаренной художницы.

На обороте еще одна надпись - другим почерком и уже не чернилом, а карандашом: "Из альбома А.И.Бутакова. С.Глазенап".

Сергей Павлович Глазенап, известный астроном, в последние годы жизни почетный член Академии наук СССР, был мужем приемной дочери Бутаковых и, таким образом, членом их семьи.

Современные публикаторы акварели отнесли ее к маю-июню 1848 года, не сделав даже попытки датировать более определенно и точно -не в месяцах, сомнений не вызывающих, а В ЧИСЛАХ.

Вот почему предлагаю уточнение: 15 мая.

Дневка после переправы как нельзя лучше способствовала работе художественной.

На рисунке, в чем-то незаконченном, "репортажном", мне видятся широко разлившаяся Орь, уголок притихшего, но бодрствующего.ла-геря, притомившиеся люди, делами своими занятые, но больше отдыхающие. Вдали косогоры, увиденные Шевченко именно здесь ("кой-где выдавались косогоры"), ближе к воде - темнеющие полосы (не камыша ли, упоминаемого там же?)

Еще одно наблюдение, тоже в пользу пятнадцатого.

Художник охотно рисовал экзотичных для него верблюдов. Тут их нет. Не попали в поле зрения? Дело не в этом. Вспомним, что писал Макшеев: "ВЕРБЛЮЖИЙ ТРАНСПОРТ, состоявший из 3000 верблюдов при 565 киргизах, под прикрытием полуторы сотни уральских казаков и одного орудия, выступив позже тележного, догнал последний 25-го мая на реке Иргизе".

Будь рекою на дальнем плане Иргиз, были бы на картинке верблюды.

От этого же дня остались и зарисовки карандашные.Не вызывает сомнений близость к акварели набросков под номерами 86, 95 в восьмом томе академического десятитомника (1963). А верблюды на листах 64, 70, 72 и ряде других могли появиться за Иргизом. Или в ... Орской (как пришлось мне уже писать в соответствующем месте книги).

Так или иначе, но день - ЭТУ ДНЕВКУ - увенчала новая шевченковская акварель. И подарил ее автор не кому другому, а Бутакову Алексею Ивановичу, к которому не мог не испытывать благодарности за предоставленную ему возможность рисовать. Включение Шевченко в экспедицию, ставшее во многом результатом усилий Бутакова, являло собой несомненный подвиг образованного и гуманного морского офицера, сочувственно относившегося к передовым общественным движениям своего времени.

3.

Четвертый переход, закончившийся 14-го переправой через Орь, вспоминался во время дневки многими.

Был он с неожиданностями. Позже о них стали предупреждать заблаговременно, например в печатном "Расписании Отдельного Оренбургского корпуса", предназначавшемся сугубо для пользования служебного и имевшего строгий гриф "секретно".

"На половине этого перехода, - сказано тут, - встречается переправа вброд через речку Мамыт, а перед переправой через Орь весьма крутой спуск с горы в долину реки, которая имеет саженей 6-ть в ширину и более аршина в глубину и требует по большей части наводки моста".

Брод через Мамыт... спуск телег с горы (той самой, что на акварели)... наконец, мост и переправа через Орь, оказавшуюся на ту пору много шире и глубже, чем ожидалось, - в общем, вспоминать было что.

И было о чем тревожиться: что их ждет дальше?

Тревожиться, но... продолжения пути желать.

Шевченко, во всяком случае, в походную жизнь уже втянулся.

МАКШЕЕВ: "Северная часть дороги в первые годы направлялась .сначала по левому берегу Ори, потом после переправы через эту реку, пересекала притоки реки Иргиза, затем шла вдоль последней, по правую и по левую сторону ее ..."

Но до Иргиза переходов было много, и притоков большой реки преодолеть предстояло изрядно.

ШЕВЧЕНКО: "По обыкновению транспорт снялся с восходом солнца, только [я] не по обыкновению остался в арьергарде. Орь осталася вправо, степь принимала по-прежнему свой однообразный скучный

вид".

Почему Сокира перешел из авангарда в арьергард? Объяснения этому в повести нет. "Не по обыкновению..." Но ведь причина была -тем более, что речь о своем перемещении завел сам.

Согласно "Правилам для непременного и точного руководства при отрядах, выступающих нынешнею весною в Киргизскую степь", составленным и подписанным генералом от инфантерии Обручевым, надлежало: "Пехоте следовать в голове отряда, между повозочными колоннами, имея в средине артиллерию; а казакам строиться, в таком же порядке, в хвосте колонны". И далее: "Авангарду и арьергарду отделяться на одну

версту от колонны; в таком же расстоянии находиться передовым, задним и боковым патрулям".

Перемещение героя "Близнецов" (как, скорее всего, и самого автора) было вызвано не чем иным, как интересом к кому-то из казаков -одному, определенному, или группе. Может, к тому же "Дню Степановичу", упомянутому в рассказе о втором переходе. Казаки, как мог убедиться Шевченко, являлись людьми бывалыми, знающими, лихими. Не зря наряжали их и в патрули, и в арьергард? Тем и другим требовался глаз да глаз. Арьергарду же следовало всегда быть готовым принять бой, чтобы задержать неприятеля.

Такова логика раздумий над вопросом простым и - не простым ...

Шестнадцатого прошли двадцать две версты и достигли речки Та-етыбутак. В ней весенняя вода уже спала; убедились - моста не понадобится. Переправятся вброд - до рассвета лошади отдохнут, подкормятся, наиболее дотошные пробовали дно: не увязнут ли телеги? Увязнут так вытолкнут, а то и вынесут - людей много, да каких еще крепких.

Тут, у этой речки, Шевченко лишний раз убедился: казак в степи как дома. Сам он корил себя за то, что ничего не делает. Иной раз альбом свой доставал, какие-то наброски появлялись, но больше смотрел. И в однообразии степи было немало привлекательного, отгонявшего скуку.

Читать не тянуло, записывать тоже.

МАКШЕЕВ: "Единственная книга, которую Тарас Григорьевич имел с собою, была славянская Библия; впрочем он читал ее мало и никогда ничего не писал".

Кроме Библии, он имел и другие книги - те же гоголевские "Выбранные места из переписки с друзьями". Макшеев их не видел. Значит не доставал и впрямь.

Занимало Шевченко иное. Слишком много необычного было вок-руг.

4.

Таетыбутак оказался речкой покладистой. Пропустила через себя без сопротивления. Никто не увяз, ничто не опрокинулось - пошли

дальше.

Но почему я не привожу тут ни свидетельство Макшеева, ни рассказ Шевченко? Да потому только, что оба они в своих описаниях заторопились к ... "святому дереву". Особенно Шевченко. После приведенных чуть раньше его слов об Ори, которая "осталась вправо", и степи, имевшей "скучный вид", вдруг "люди начали отделяться от транспорта", торопясь к "зеленой гостье пустыни".

Спешить же было незачем. До "джангыс-агача" оставалось... три с половиной перехода, больше семидесяти пяти верст!

Семнадцатого шли к месту, которое у Макшеева обозначено как "Лощина с весеннею водою", а в "Расписании Отдельного Оренбургского корпуса" - "Лощина со снежною водою".

К лощине - мимо лощин. Упомянутое расписание эту особенность участка подчеркивает. Природные водопои в условиях жаркой степи были важнее важного.

"На этом переходе, - читаем тут, - встречаются лощины со снежною водою в 12 верстах от ночлега (т.е. от Таетыбутака - Л. Б.), потом, пройдя еще верст 5-ть и, наконец, еще версты 3".Но, как сокрушались составители, "вода в этих лощинах не всегда остается до осени".

В середине мая ее было достаточно, и жажда транспорту не грозила, несмотря ни на какие температуры.

Вода прибавляла свежести, двадцативерстное расстояние одолевали полегче.

Такие же лощины трижды встречались и восемнадцатого, на переходе к речке Ащесай, ее верховью. Они, правда, были тут лишь на первой половине маршрута. Остановку - обычную, на час - делали близ третьей из этих лощин. До Ащесая дошли к разгару солнцепека.

Девятнадцатого двигались к речке Уймула, по иному Курпе. Те же двадцать две версты и тот же томительно-медленный ритм. Жизнь будто остановилась. Никаких

происшествий, даже малейших. Никто транспорту не угрожал, ничто его ходу не препятствовало. Вроде и хорошо это, но., скучно до крайности.

Ближе к привалу увидели озеро Билкопа. Небольшое, тихое, оно, казалось, соскучилось по нечастым тут людям. Можно ли было пройти мимо, не воздав ему должное? С согласия Шрейбера остановились искупаться. Ненадолго...

5.

И только двадцатого мая произошла та встреча с одиноким деревом.

Не за Орью произошла - много дальше, неподалеку от Карабутака.

Но о ней попозже, как говорится - в свое время. Будет знаменитое дерево. Будет форт и задушевная беседа с его строителем Герном. Будут акварель "Джангыс-агач" и стихотворение-поэма "У Бога за дверми лежала сокира..." - произведения глубокого философского смысла.

Однако спросим себя:

-Что, в дни предыдущие, стихи к нему не приходили?

-Поэзия, которая была его жизнью и его мукой, от него отступилась и на тех переходах поэту не сопутствовала?

Поверить в такое не могу.

Датирование поэзии Шевченко этих лет в значительной своей части условно и приблизительно. В большинстве случаев мы не знаем (и не узнаем), а можем (и сможем) только гадать, в какой момент и под каким воздействием родились известные нам стихи и поэмы, что непосредственно появление их вызвало. Можно согласиться с Ивакиным Юрием Алексеевичем в том, что "для выяснения творческой эволюции Шевченко не имеет существенного значения, написано то или другое его стихотворение в 1848 или в 1850 г., в Оренбурге или в Новопетровском укреплении: психологическая и общественная атмосфера шевченковского творчества лет ссылки в целом была одинаковой, и, возможно, потому мотивы его поэзии тоже оставались стабильными".

Чем больше об этом думаю, тем глубже убеждаюсь: Ивакин прав. И все же... и все же... Хочется невозможного; конкретной "привязки" поэтических строк.

Сонце заходить, гори чоршють.
Пташечка тихне, поле НiМie,
Рад1ють люде, що одпочинуть,
А я дивлюся... і серцем лину
В темний садочок на Украшу...

Помета под стихотворением сделана НЕ АВТОРОМ. "Вторая половина 1847, Орская крепость..." Но разве не могло это возникнуть в походе на той же, скажем, первой дневке, когда он рисовал свою акварель с чернеющими горами вокруг? "Датируется ориентировочно" - признаются составители. А мы принимаем на веру каждую пометку в квадратных скобках.

Ой гляну я, подивлюся
На той степ, на поле;
Чи не дасть Бог милосердии
Хоч на старклъ вол!...

Тут уже "первая половина 1848". И тоже "Орская..." Однако первая половина 1848 года это и май-июнь походные, а в томе поэзии поход упоминается только однажды - в связи со с тихотворением, навеянным встречей со "святым деревом".

... Ну так что все-таки открывает автор, отвечая на им же поставленные вопросы насчет того, сопутствовала ли Шевченко муза? Открытия не произойдет. Скажу только: - Поэт всегда поэт...

"КАРАКУЛ" БЬЕТ ТРЕВОГУ

1.

Но прежде чем двинуться дальше - а мы подошли к двадцатому, вернемся на три

дня назад, в семнадцатое.

Семнадцатого мая, после первой дневки, транспорт был на пятом своем переходе, вдоль лощин с полой водой.

Шел спокойно. Даже скучно-спокойно. Не настораживало ничто.

... Знали бы Шрейбер, офицеры и прочие, какая тревога поселилась в тот день в Обручеве и его ближайшем окружении, какая кутерьма завязывалась вокруг похода.

А если бы знали?..

Орскую крепость командир корпуса оставил не раньше, чем проводил в путь, вслед за тележным, и транспорт верблюжий, равного которому в краю не видели - и не было никогда. Три тысячи верблюдов! За пятьсот верблюдовожатых! Полторы сотни уральских казаков!

"Кроме главного верблюжьего транспорта, - писал Макшеев, - направлено было несколько позже из Илецкой Защиты в Раим еще 600 верблюдов, под прикрытием сотни уральских казаков".

НЕСКОЛЬКО ПОЗЖЕ - это четырнадцатого и шестнадцатого, в два приема.

Беспокойный Обручев оставался на линии.

Слишком много трудов и надежд вложил он в организацию экспедиции такого размаха и значения, чтобы оставить ее, не убедившись, что расписанный им выход всех транспортов состоялся.

Но едва успел вернуться в Оренбург, как пришла весть тревожная.

2.

Семь строк каллиграфической арабской вязи являли собою депешу из самых важных. Доставили ее сверхспешно и не медля перевели на русский.

В депеше было весьма серьезное.

Агент правителя средней части орды Джантюрина, подписавшийся "Каракул", свидетельствуя свое нижайшее почтение патрону, уведомлял того, что на речке Темир, в урочище Каракамыс, скрываются пять тысяч хивинцев и тысяча киргизов.

Араслан Джантюрин, человек многоопытный и в военном деле искушенный, имевший чин войскового старшины, то-бишь полковника, воспринял сообщение своего доверенного агента как предупреждение об опасности и тотчас, не мешкая, отправил его с нарочным, Исиром Бикбулатовым, к самому Владимиру Афанасьевичу - пусть судит и решает сам.

Обручеву не нужно было даже смотреть на карту. Где Темир и Каракамыс он представлял отлично. Чем может обернуться такое скопление неприятеля для отрядов, отправленных в степь, генерал видел яснее ясного.

"Каракул" бил тревогу.

И закрутилась, завертелась канцелярская машина.

Семнадцатого мая - в один только день - из походного кабинета Оренбургского военного губернатора и командира Отдельного корпуса одна за другой вышли 12 (!) директив по одному и тому же вопросу. Директивы были обстоятельными и совершенно конкретными, с четкой программой действий многих людей разного звания и положения, в различных местах губернии.

В подшивке бумаг Оренбургского архива (ф.6, оп.10, д.6057/г) первой из директив оказалось предписание начальнику транспортной команды подполковнику Маркову.

"По полученным из степи сведениям, что хивинцы прибыли на верховье реки Эмбы с намерением напасть на наши транспорты, следующие в степные укрепления, признав нужным усилить вверенный Вам транспорт двухсотенным казачьим отрядом, состоящим при султане-правителе средней части орды, я с сим предписал начальнику оного тотчас выступить с вверенным ему отрядом по пути следования Вашего транспорта для соединения с оным, следуя форсированным маршем. О чем извещая Ваше высокоблагородие, предписываю по получении сего остановиться там, где Вас застанет это предписание, и ожидать прибытие двухсотенного отряда и... вместе с тем принять все

меры осторожности от внезапного нападения хивинцев или других хищников".

3.

С СИМ ПРЕДПИСАЛ...

Предписал казачьему начальнику не только средней, но и западной части орды, в данном случае есаулу Толстову:

- выступить с двухсотенным отрядом, оставив на месте, при ставке султана-правителя, лишь двадцать пять казаков с одним урядником,

- достигнуть Григорьевского форпоста, что в 25 верстах от крепости Илецкой Защиты, за четыре дня.

- иметь с собою всех верблюдов, нанятых для отряда на случай движения его в степь, и к тому нужное количество верблюдовожатых, посыльных и вожаков, хорошо знающих местность по верховьям Илека, Ори, Эмбы и Темира.

Обручев вникает во все: и в то, где получать провиант, и в другое -как его везти. Он требует немедленного сообщения о часе доставки предписания, о моменте выхода из места постоянного расположения и предупреждает: в означенный форпост прибудет сам - "для личного осмотра отряда и для дальнейшего направления его в степь".

Об Этом - во всяком случае, главном - должен знать султан-правитель. Его степенству Тяукину предлагалось передать есаулу Толстову верблюды со снаряжением и вожатыми.

Аналогичное обращенному к Толстову, ушло письмо на имя начальника двухсотенного казачьего отряда при султане-правителе средней части орды (звания-фамилии его в черновике не находим, но, наверное, их не трудно было вставить при перебеливании распоряжения).

Начало посланий почти одинаково. Но уже в первых формулировках встречается нечто новое. Из депеши, к которой я перешел, выписываю такие строки: "Признав нужным усилить выступивший 14 числа сего месяца из крепости Илецкой Защиты верблюжий транспорт, имеющий незначительное прикрытие, предписываю вашему благородию с получением сего тотчас выступить с вверенным Вам отрядом по пути означенного транспорта и следовать форсированным маршем, делая в сутки не менее 50 верст, взяв от султана-правителя нужное число вожаков и посыльных; соединясь же с транспортом и поступив в команду начальника оного подполковника Маркова, имеете оставаться на том месте, где его настигнете, и ожидать дальнейшего приказания, которое последует с прибытием туда особых войск".

Корпусной командир наставлял: "...Здесь должны быть приняты все меры осторожности от внезапного нападения и угона лошадей и верблюдов хивинцами и другими хищническими шайками, для чего как вверенный Вам отряд, так и самый транспорт должны быть обставлены повозками, куда на ночь и загонять их, днем же пасти вне вагенбурга, вблизи отряда, стременными..."

Султану-правителю Джантюрину писал он о том же - и опять по своему. Обручев пытался заранее предусмотреть все, охватить началь-ственным взглядом каждое из событий, которые МОГЛИ СЛУЧИТЬСЯ на широчайшем степном пространстве.

4.

Еще одним из его распоряжений было: выслать навстречу обнаруженному "скопищу" часть второго Оренбургского линейного батальона, поставив во главе объединенного отряда подполковника Чигиря, батальонного начальника. "В составе сего отряда, - формулировал он свой приказ в письменном предписании командиру 23-й дивизии генерал-лейтенанту Толмачеву, - должны находиться одна рота пехоты, два орудия и 350 казаков, состоящих в двухсотенных отрядах при султанах-правителях средней и западной частей орды, назначив сборный пункт в станице Григорьевской". 17 мая Обручев писал: "Поспешая сообщить при этом вашему превосходительству, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, откомандировать одну, по усмотрению Вашему, роту из находящихся в Оренбурге баталионов в числе 200 человек рядовых, с

нужным числом офицеров и унтер-офицеров, с тем, чтобы эта рота прибыла в Григорьевский форпост 21-го числа, имея с собою 20 дней сухарного провианта с причитающимся количеством круп; боевых же патронов иметь на каждого человека по 60-ти". Да что там патронов! Не забыл даже "36 ведр спирту" и "II голов рогатого скота" (коих надлежало получить в Илецкой Защите). Выступление отряда определялось четкой датой: 19-е мая.

Командующему артиллерией генерал-майору Фрейману Обручев приказывал: "немедленно назначить в состав помянутого отряда один горный единорог из оренбургского арсенала и один трехфунтовый единорог из крепости Илецкая Защита, каждый с одним комплектом зарядов и нужною прислугою при одном офицере".

Наказному атаману Оренбургского казачьего вбйска предписывалось "сделать распоряжение" о сформировании на линии "в трех пунктах, а именно в станице Григорьевской, станице Верхнеозерной и станице Губерлинской резерва из 150 казаков в каждом, полной готовности кордонной стражи, всех маяков и всех станичных жителей.

Корпусному штаб-доктору генерал диктовал: в отряд Чигиря прикомандировать "одного медика и одного фельдшера", вот тут едва ли не впервые, оговорен примерный срок операции: два месяца.

Коменданту Илецкой Защиты...

Снова Маркову... Еще наказному атаману..

Все это датировано семнадцатым мая. Одним днем!

Экспедиция замышлялась - и выступила - как мирная. Такой и были ее цели. Но в любой час можно было ждать нападения, баталий.

5.

Поутру восемнадцатого, когда основной, тележный транспорт двигался к верховью р. Ащесай, Обручев писал и отправлял рапорты. Один из них был обращен к государственному канцлеру графу К.В.Нессельроде.

Он гласил:

"Из предшествовавшей переписки ваше сиятельство изволите быть известны о тех сведениях, какие по временам были получаемы из степи насчет неприязненных против нас приготовлений хивинцев, и между прочим о том, что хивинский владелец послал будто бы к западным берегам Аральского моря до 12 тыс. войска под начальством своего куш-бегия, долженствовавшего взять еще 6 тыс. киргизов от мятежного бия Исета Кутебарова, с целию разбить наше Уральское укрепление и не допустить русских к Раиму.

Из полученных ныне известий чрез находящихся в степи двух купеческих приказчиков и султана-правителя средней части орды видно, что хивинские шайки в числе 5 тыс. человек с киргизами до 1000 чел. (вероятно из приверженцев Кутебарова) появились уже в верховьях р.Темира на урочище Каракамыс. Посему, дабы обеспечить с одной стороны спокойствие степи, а с другой обезопасить следование нашего транспорта с продовольственными припасами в степные укрепления, выступившего из кр. Илецкой Защиты 14 ч[исла] сего месяца, я, - руководствуясь высочайшим повелением, сообщенным мне в предписании г. военного министра от 30 марта сего года, дабы при появлении в нашей степи неблагонамеренных шаек азиатцев в значительном числе, действовать против них вооруженною рукою, -распорядился о сформировании против них в трех местах по линии резервов из 500 человек каждый близ крепости Илецкой Защиты и Орской и в промежутке между Оренбургом и Орскою крепостью в станице Верхнеозерной. Сверх того высылается мною в степь отряд под командою подполковника Чигиря, сформированный из двухсотенных казачьих отрядов, состоящих при султанах-правителях западной и средней части орды, одной роты пехоты и двух орудий, который 23 ч [исла] сего месяца выступит на верховье Илека, откуда будет действовать смотря по надобности и соображаясь с направлением хищнических скопищ. При этом отряде будет находиться и султан-правитель средней части орды, сколько для предупреждения всяких недоразумений в действии отряда, могущего иногда ошибочно принять мирных киргизов

за принадлежащих к мятежнической шайке Кутебарова и скопищам хивинским, как уже были тому прежде примеры, столько же и для успокоения вообще его присутствием киргизских аулов, расположенных по пути следования отряда, почти всегда неосновательно тревожащихся при всяком движении наших войск в степи.

Доводя об этом до Вашего, милостивый государь, сведения, покорнейше прошу принять уверение..."

Несколько строк, формулирующих отношение к высокопоставленному сановнику, и - подпись. В деле ее нет - подшит опять же черновик.

Писалось это, понятное дело, не для "уверений". Нессельроде ведал внешней политикой государства, назревал вооруженный конфликт с иноземными силами, и ведомство канцлера должно было, во-первых, о том знать и, во-вторых,само принять меры к побуждению воинственной стороны к соблюдению достигнутых соглашений.

Составление приказов, занявшее весь предыдущий день, дало Обручеву возможность подойти к рапорту с "дипломатической" осмотрительностью. В то же время, отрабатывая его, он еще более предметно уяснил диспозицию собственных сил, особенно отряда Чигиря, предусмотрев не только день его выступления из Оренбурга, а и дату выхода на исходный степной рубеж.

6.

Чигирь... Марков... Фрейман... Люди из губернаторских документов за 17-е мая, они еще не вошли, но войдут в биографию Тараса Шевченко, который пока нисколько не подозревает, какая кутерьма поднялась вокруг их похода - одновременно на Арал и на ... ВОЙНУ.

Обручев меж тем продолжал размышлять над инструкцией подполковнику Чигирю.

Листы дела испещрены его карандашными пометками, поправками, а поля - пространными вставками, которые не так просто и разобрать: почерк у генерала четкостью не отличался.

Сначала шла в инструкции часть историческая. Хива, напоминал он, ВСЕГДА проявляла враждебные к России намерения и действия. "Несмотря на заключенный только еще в 1842 году с владетелем ее дружественный договор, хивинские шайки почти ежегодно прорывались в пределы нашей степи для грабежа, вредных внушений подвластным нам ордынцам или для сбора с них зякята..." Особенно обострились отношения с устройством новых укреплений - на Мангышлаке и Раимского. Набеги, особенно на Раим, были частыми ("в короткое время три раза"). Теперь же действия неприятеля приобретали угрожающий характер и прямая опасность подстерегала транспорты, выступившие из Орской крепости и Илецкой Защиты "10, 11, 14 и 16 числа сего месяца".

Корпусной командир ставил задачи военные: куда следовать, с какой скоростью, где останавливаться, как добывать сведения о противнике, каким образом относиться к жителям мирным и, напротив, настроенным агрессивно. "Район ваших действий должен простираться на юг до р.Сагиза, бывшего Эмбенского укрепления, и р.Иргиза до горы Мана-аулья, находящейся в 70 верстах от Уральского укрепления. Но если представится возможность к совершенному поражению шаек, то можете действие переносить и далее..."

При всем том он предупреждал об ответственности за каждую трату и необходимости фиксирования любой израсходованной суммы в специальной "шнуровой книге".

Любой? Чигирю выделялось пятьсот рублей серебром. Казна отряда была не слишком богатой.

А по степи скакали гонцы.

К султанам-правителям мчали казак Григорий Межов и ротмистр Габбе, адъютант командира корпуса; они же везли предписания начальникам двухсотенных отрядов.

Есаул Толстое отозвался жалобой на султана Тяукина: не выделил тот сразу ни

верблюдов, ни вожатых.

Тяукин это опроверг как напраслину. Но - трения были, не отвертишься. Двухсотенный отряд, при нем состоящий, назначенного места достиг с опозданием.

Каждое донесение о движении отрядов и транспортов ждали в канцелярии военного губернатора с нетерпением и тревогой.

БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРА

1.

Книга вышла много позже смерти ее автора, корректуру он не держал, ошибка наборщика осталась незамеченной, и вот уже какой десяток лет точатся вокруг нее споры. Спорят люди вроде бы компетентные, ученые, но отчего-то, складывается впечатление, не заинтересованные в том, чтобы туман был рассеян. Рассеян раз и навсегда.

Увы, не рассеивается. И это несмотря на то, что прямое исправление технической ошибки можно найти на той самой странице книги. Даже искать особенно не нужно - все на виду.

МАКШЕЕВ: "26-го мая, не доходя несколько верст до Карабутака, мы увидели влево от транспортной дороги ДЖАНГЫС-АГАЧ, одно дерево, и поскакали к нему. Это единственное на всем пути от Орска до Раима дерево было осокор, толщиною у корня сажени в две в обхвате и вышиною сажен в пять. На нем было гнездо ТАЛЬГИ, птицы из породы орлов. Киргизы считали это дерево священным, АУЛИЕ, и украшали его разными тряпками, не менее священно было оно и для русских странствователей в летние жары по степи, ярко освещенной палящими лучами солнца и не имеющей нигде вершка тени, где бы зрение могло отдохнуть. Мало кто из верховых проезжал по дороге, не завернув к ДЖАНГЫС-АГАЧУ и не отдохнув под его тенью ..."

Не 26, а 20-го! И ни к чему глубокомысленные рассуждения вро-де:"Запись А.Макшеева нужно понимать так: 26 мая он зафиксировал событие, которое произошло раньше, за несколько верст до Карабутака". Не искусство жонглировать датами, извлеченными невесть откуда, если автором прямо говорится, что НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, 21-го, участники экспедиции были на торжественной закладке Кара-бутакского форта, а 26-го находились в нескольких переходах отсюда и испытали потрясение совсем иного рода.

Сам Макшеев, несмотря на промах корректуры, - и против произвола в соответствующем месте Летописи жизни и творчества Т.Г.Шевченко, и против неубедительных колебаний по сему поводу авторов академической биографии 80-х годов.

2.

Транспорт следовал к реке Карабутак.

От ночлега на Уймуле (или Курпе) до этого, следующего, было двадцать верст.

В примечании к маршруту - документу совершенно официальному - можно прочесть лишь одно: "На половине этого перехода встречается единственное на всей дороге дерево Джангыс-агач".

(Заметим, и у Макшеева, и в брошюре, отпечатанной в типографии штаба Отдельного Оренбургского корпуса, название дается с прописной буквы - как имя собственное, вполне живого существа).

"Маршрутные листы" подтверждают: дерево на пути транспорта явилось взорам всех именно 20 мая.

Но пора дать слово Сокире, то-бишь Шевченко.

"... В половине перехода (точность абсолютная, никакой приблизительности! - Л.Б.) я заметил: люди начали отделяться от транспорта, кто на коне, а кто пешком. И все в одном направлении. Я спросил о причине у ехавшего около меня башкирского тюря, и они сказал мне, указывая нагайкою на темную точку: "Мана аулья агач" (здесь святое дерево).

Это слово меня изумило. Как? В этой мертвой пустыне дерево? И уж, конечно, коли оно существует, так должно быть святое. За толпою любопытных и я пустил своего воронка. Действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную [толпу], с удивлением и даже (так мне казалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешано набожными киргизами разноцветных материй, ленточки, пасма крашеных лошадиных волос, и самая богатая жертва - это шкура дикой кошки, крепко привязанн-ная к ветке. Глядя на все это, я почувствовал уважение к дикарям за их невинные жертвоприношения. Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как бы не веря виденному мною чуду. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головою. А я, в забытьи, как бы живому существу, проговорил: "Прощай" - и тихо поехал за скрывшимся в пути транспортом..."

Чудо-дерево поразило воображение рассказчика, взволновало его. Но Шевченко помнит: собственные впечатления "отданы" им не поэту и не художнику - ЛЕКАРЮ Сокире. Ни о каких ТВОРЧЕСКИХ планах, связанных с увиденным в степи, речи, следовательно, быть не может. Иное дело, если бы писал "от себя": ХУДОЖНИК Шевченко поведал о том, что "последний отъехал от дерева" потому, что хотелось набросать это диво на бумаге, ПОЭТ Шевченко - оттого, что "в забытьи" возник в его голове план стихотворения или поэмы, а может быть, пришли и первые ее строки.

Так или иначе, а воображение Шевченко в работу включилось. Питательной средой для него стало все, услышанное ранее о казахской степи и казахах, все, что он увидел своими глазами и узнал от спутников в походе, все звуки этой бесконечной пустыни и все песни, исходившие от проводников, - песни непонятные, непривычные, но чем-то задевавшие за живое, будоражившие душу. Теперь все это как бы соединилось в облике и образе одинокого дерева, поразившего его еще глубже, чем феерический степной пожар второго дня и второй ночи перехода.

Но то уже перелилось в акварель, а это...

3.

Из множества впечатлений тех недель есть только одно, запечатленное и в рисунке, и в поэзии, и в прозе, а именно встреча со "святым деревом".

Началом творческого освоения сюжета стал, как можно предположить, беглый эскиз, сделанный непосредственно у "великана пустыни". Зарисовка утрачена, воспроизведения ее неизвестны. Самостоятельного значения она, пожалуй, не имела, и ей заранее была определена роль заготовки к акварели. Охотно написал бы акварель здесь, сразу, но отставать от транспорта ни возможности, ни права не имел. Через два с половиной или три часа привал, за ним дневка - тогда и допишет.

Транспорт, по Макшееву, "двигался со скоростью от 3 до 4 верст в час". Часовой привал на половине перехода был, вероятнее всего, неподалеку от знаменитого дерева. За этот ЧАС Шевченко мог и разглядеть его, и набросать главное, и услышать легенды о чуде природы, обретшем вдруг свою, пусть и сказочную, историю, свою малодостоверную, но величественную биографию.

Версты после привала у дерева, "черепашье движение при однообразной обстановке" не мешали думать. Напротив, к раздумьям подталкивали. Раздумьям и - поэзии. Именно тут заговорила она в нем. Заговорила по иному, чем прежде. По иному и об ином.

В эти невольничьи свои месяцы Шевченко не однажды обращается к мотивам чужбины. Тяжкая солдатская доля не может не вызвать у него стихотворных откликов, не отозваться выстраданной строкой. Личное горе приводит в его поэзию и образы, горю сопутствующие: степи без конца и края, солнца, которое на чужбине не греет, гор, так не похожих на виденные, "киргизов убогих", которых впервые узнал только здесь. Но, читая, отчетливо видишь: он пишет О СЕБЕ, передает СВОИ ЧУВСТВА, рассматривает ЛИЧНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ в новой обстановке, сама же обстановка является для него пусть

приблизившимся, но фоном. Детали, их проработка его не заботят; они ему не нужны.

"Джангыс-агач" дал толчок всему тому, что в Шевченко, оказывается, жило еще со времени приезда в этот далекий, глухой край. Необходимо было прочувствовать всю трагедию "глиняной" пустыни, весь трагизм и всю несправедливость ее бесплодия, а, значит, пожить тут более или менее продолжительное время, чтобы ощутить, понять, осознать горечь и величие мечты казаха - мечты, отличной от той, которую лелеял, скажем, бедняк на Украине.

У Бога за дверми лежала сокира...

Но украл казах у Бога топор, отправился рубить дрова, и вот, в наказание ему и другим -

... Як вырветься сокира з рук -
Шшла по л!су косовиця,
Аж страх, аж жаль було дивиться.
Дуби і всяк! дерева
Великолтн, мов трава,
В покоси стелеться, а з яру
Встае пожар, і диму хмара
Святее сонце покрива.
І стала тьма, і од Уралу
Та до Тингиза, до Аралу
Кишла в озерах вода...

Перед глазами Шевченко стояла брюлловская "Гибель Помпеи" -так жгуче-горько передавал он беду людскую, несказанные страдания всего живого.

Продолжалась степная Помпея семь лет.

... С1мл1т
Сокира божа л!с стинала,
І пожарище не вгасало
І мер за димом божий свгг...

(Публикуя стихотворение, "мер" превращают обычно в "мерк"; рискую это не делать - "божий свет" может не только меркнуть, по и ВЫМИРАТЬ).

... На восьме лгго у недшо,
Неначе ляля в лыш бшй,
Святее сонечно зшшло.
Пустиня циганом чорнша:
Де город був або село –
І головня уже не тлша,
І попш вщюм рознесло,
Билини навпъ не осталось;
Тшько одним = одно хиталось
Зелене дерево в степу...

Как чернеет "цыганом" пустыня, он видел во время этого же похода. Видел и степной пожар - сумел даже взять на карандаш, а затем передать в акварели. Впечатления оживали. Только воспроизводил в представлении своем, как полыхало все, когда было чему полыхать -не только ковылю, а и лесам, городам, селам.

И вот теперь... ...
Одним-едине при долин!
В степу край дороги
Стопъ дерево високе,
Покинуте Богом.
Покинуте сокирою,
Огнем непалиме,
Шепочеться з долиною

О давши годит...

Только не обходят стороной люди, не обходят "кайзаки" ДЕРЕВА СВЯТОГО, поклоняются ему, жертвы приносят и молятся об одном:

... Щоб парости розпустило
У іх бздшм кра!.

Молитва-мечта, молитва-надежда!

4.

"Поэмой надежды" назвал это произведение Василь Щурат; видел он, однако, ее основой легенду, "вышедшую из творческой комбинации поэта" и впитавшую в себя многое, глубоко его волновавшее, - в том числе, и прежде всего, разгром Кирилло-Мефодневского братства, надежду на возрождение их дела.

Позднее получила распространение версия Абдильды Тажибаева; это он в своем выступлении на юбилейном Шевченковском пленуме Союза писателей СССР в 1939 г. связал стихотворение Шевченко с одним из событий истории казахского народа: восстанием Исатая и Махамбета (оно вспыхнуло в 1830 г. и продолжалось восемь лет - до 1838 года, когда было подавлено войсками царя). "Хотя у нас не осталось документа о том, что Шевченко знал о восстании Исатая и Махамбета, - говорил тогда А.Тажибаев, - мы не сделаем ошибки, предположив, что это событие было ему известно. Он не мог не знать об этом восстании, потому что в его подавлении принимал участие Орский пограничный отряд, в котором позднее находился Шевченко, и солдаты, участники этой карательной экспедиции, не могли не рассказать ему о ней.

Углубляя мысль казахского писателя, Е.П.Кирилюк заявил, что в образах стихотворения Шевченко отобразил национально-освободительное движение казахов, их жестокое подавление, и в то же время непобедимую, вечно живую силу народа.

Но и предположение В.Щурата относительно Кирилло-Мефодиец-ского братства, и заявление о связи произведения с восстанием в степях, тем более каким-то одним, определенным восстанием, настораживают и вызывают возражения.

Шевченко мог уже многое слышать о национально-освободитель^ ных выступлениях казахского народа, о восстаниях, которые периодически прокатывались по степям. Однако убедительных оснований связывать "У Бога за дверми лежала сокира" с такими событиями в степях у нас нет. Гораздо вероятнее трактовка Ю.Ивакина, который, опираясь на мнения ряда других исследователей (в частности, М.Мочульского), считал, что "нет оснований усматривать в нем аллегорию, а не просто поэтическую фантазию автора, взволнованного встречей с одиноким "аулья-агач" в тысячеверстной унылой пустыне.

Другое дело, что в основе всякой фантазии, в том числе и поэтической, лежат реальные в главном мотивы и обстоятельства. Но почему, в таком случае, не сказать, что в основе фантазии Шевченко были события всей новейшей истории, современником и участником которых он являлся: от революционных бурь в Западной Европе, не прекращавшихся выступлений поляков (некоторые из них оказались тут же, в Орской крепости) до восстаний на родной ему Украине и волнений в местах совсем близких - степях Казахстана? И "святое дерево" - символ стойкости, символ неодолимой силы ВЕЧНОГО?

Такой вывод, конечно, ни в коей мере не умаляет значения стихотворения-поэмы как первого, и наиболее значительного, поэтического произведения Шевченко о казахах, их жизни, их надеждах. Напротив, это значение только поднимает, возвышая экзотику частного до уровня общечеловеческого.

5.

Но вернемся в двадцатое мая, четверг, его полдень.

Над чем раздумывает Шевченко, идя чуть в стороне от медленно двигающегося транспорта?

Слово за словом, строка за строкой проговаривает он рождающееся в мозгу, в душе

его стихотворение. То возвращается к началу, то уходит в конец, и ищет, ищет как бы выразить свою мысль, свое чувство поточнее, пообразнее.

... А КАЙЗАК на хирю
Та на тяжке лихо
Любенько та тихо
І вкрав ту сокиру.
Та и потяг по дрова
В зелену д1бррву..

Доставая из кармана листок и карандаш, он щоглядьрается. Сам генерал Шрейбер попросил его нарисовать в красках степлой пожар - значит, рисовать дозволяется. Кто узнает, рисует он сейчас иди записывает...

... Мов степ до Бога заговорить,
Верблюд заплаче, і кайзак
Понурить голову,і гляне
На creni на КАРАБУТАК.
СИНГИЧ-АГАЧ кайзак вспом'яне,
Тихенько спуститься з гори
І згине в глиняшй пустшп...

СИНГИЧ-АГАЧ... - вот как восприняло его ухо впервые услышанное незнакомое слово. Позднее он узнает: правильнее -ДЖАНГЫС-АГАЧ. Но в стихотворении его не поправит: как услышал у дерева, как написалось по горячим следам, сразу, так и останется.

И это "сынгыч-агач" для меня лишнее (или не лишнее?) подтверждение ПЕРВИЧНОСТИ стихотворения перед акварелью.

Акварель стала как бы иллюстрацией к нему.

Еще одно наблюдение над стихом.

В ряде его мест Шевченко, переписывая набело, дает сноски, поясняющие географические названия или содержащие перевод иноязычных слов.

Арал - "Аральское море".

Карабутак - "Небольшая речка".

Сингич-агач - "Одно дерево".

Но по мере того, как названия, термины, незнакомая речь осваиваются им самим, по мере постижения музыки еще недавно чужеродных звуков, он вводит их в свою поэзию (и прозу) на равных со словом украинским, словом русским, и пояснение, перевод оказываются ненужными, излишними, мешающими войти в доверительные отношения с читателем.

И еще одно.

Русским стихом он владел. Вспомним "Слепую", вспомним "Тризну". В походе, на солдатчине украинского читателя, украинского слушателя у него не было, или почти не было. А есть ли поэт, которому безразлично, услышат его, поймут? Но мыслил и творил он сейчас на своем родном, украинском. Вопреки всему - на родном. О судьбе казахов плакал и пел кобзарь Украины... О непалимом дереве степей -несломленный сын Днепра...

(Не написал бы это "еще", не прочтя СЕГОДНЯ статью Василя Быкова, где оказались и такие строки: "Недавно в культурной жизни нашей республики случилось ЧП, чрезвычайное происшествие: один из лучших наших поэтов, неутомимый борец за перестройку, народный поэт республики... далее имя рек.., принародно распрощался с родным языком, перестал на нем писать по той причине, что древний белорусский язык теряет сферу своего употребления, становится "языком для узкого круга". Что это, если не безмерное несчастье нации?.." Читать такое ГОРЬКО - ничего другого не скажешь. Но НЕСЧАСТЬЕ сопутствовало нации ТОГДА, во времена Шевченко и его белорусских побратимов. А все же не отрекся Кобзарь от своей кобзы, не изменил ей, не пустился в расчеты, какими будут его "тиражи").

Святое дерево это и символ верности Поэта языку Матери, языку Народа...

6.

К "небольшой речке" Карабутак он подошел с эскизом дерева и эскизом стихотворения.

ШЕВЧЕНКО: "Мы остановились на речке Карабутаке, вблизи воздвигавшегося в то время форта. Здесь у нас была дневка..."

"Остановились" 20-го мая. Это и есть день рождения акварели. Тогда же под рисунком своим художник вывел точное название, точную транскрипцию услышанного в пути словосочетания: " Д жанъ-гысъ-агачъ".

Дерево на акварели не полностью соответствует позднейшему описанию его в литературе. На ветках дерева мы не видим ни гнезда тальги, замеченного Макшеевым, ни "шкуры дикой кошки" и прочих "невинных жертвоприношений", как у Шевченко в "Близнецах".

Кроме одинокого дерева среди всхолмленного простора, тут только немногие его побеги, меж которыми уже укоренившееся низкорослое деревцо с густыми ветвями. А еще лощинка с водою. И казах на коне - тоже один меж всего этого безбрежья. Фигурка крохотная, но кто ее не заметит? О нем, хозяине степей, думает художник, вглядываясь в дерево... вдали...

Тут, на карабутакской стоянке, рисовал он акварель и - додумывал стихотворение "У Бога за дверми лежала сокира", которое со временем перепишет во вторую свою рукописную книжечку - уже "аральскую". Оно войдет в нее под номером 2-м, но если учесть, что первое ("А нумо знову в!ршувать") выполняет в значительной степени функцию вступления, то его роль возрастает еще более, оно поднимается на уровень ПРОГРАММНОГО.

Под 71-й поэтической строкой по-праву должно значиться: "20 мая 1848 г., район Карабутака - 1848, Арал". Точная дата окончания не может быть названа даже предположительно. Так ли, однако, она нужна? Куда важнее день (и обстоятельства) рождения замысла -рождения, а не переписывания, пусть даже с основательной доработкой, этого нового его детища, в поэзии Шевченко принципиально важного...

Двадцатое стало для него днем особенно плодотворного творчества.

ДНЕВКА В КАРАБУТАКЕ

1.

МАКШЕЕВ: "Вид Джангыс-агача сохранился в альбоме киргизской степи, изданном Залеским в Париже".

Действительно, необыкновенное это дерево впервые предстало перед глазами просвещенных европейцев в офорте работы Бронислава Залеского (альбом "La vie des steppes Kirghizes" вышел во французской столице в 1865-м).

Друг, а в искусстве и ученик Шевченко, он продолжил и завершил дело, начатое своим учителем. Благодаря им священное дерево сохранилось не только в художественном или научном описании, но и в изображениях.

Само же оно оказалось отнюдь не вечным. С горечью писал Макше-ев о том, что "какому-то пьяному казачьему офицеру вздумалось, для своей потехи, срубить и сжечь дерево".

- И этот варварский поступок остался безнаказанным, как будто это не уголовное и не самое гнусное преступление, - констатировал он печальный факт.

Можно представить себе, сколько огорчения доставило бы это Тарасу Шевченко, узнай он *о* надругательстве невежды над деревом-легендой...

Почти четверть века назад - тогда как раз шло освоение целинных земель Казахстана - прошел я этой дорогой Шевченко. Путеводителем мне служили описания, зарисовки, акварели поэта-художника. С особым интересом искал его СВЯТОЕ ДЕРЕВО.

Не знаю как долго пришлось бы мне ломать голову над этой своей задачей, если бы

не встретил старую казашку.

Русского языка она не знала, я же из казахских успел освоить не более десятка. А не помогут ли в трудном этом разговоре названия и обороты, некогда записанные вдохновителем моего похода?

- Мана аулья агач? (Тут святое дерево?)

- Джангыс-агач? (Одинокое дерево?) Быстро исчерпав запас слов, добавил:

- Шевченко!

Женщина усмехнулась. Обернувшись, она указала на ту сторону, откуда я к ней шел. Мы спустились к ложбине.

- Джангыс-агач, - проговорила казашка, остановившись на небольшом пригорке, и кивнула головой: тут.

Здесь, выходит, стояло воспетое Шевченко дерево. Что с ним случилось? Умерло под бременем лет?

Книги Макшеева я к тому времени еше не читал.

Почтенная хозяйка что-то объясняла, но слова ее мне были непонятны. Почувствовав это, она умолкла, задумалась и, наконец, произнесла забытое:

- Моло... молния...

Дерево погибло во ремя грозы. Скоро, когда мы подошли к дому Хадиши Галиевой и у нас появился переводчик - ее сын Шиган, я смог убедиться в том, что догадка о гибели дерева от молнии оказалась верной.

Тогда, к сожалению, не расспросил, а теперь-вот думаю: АГАЧЕМ, сраженным уже в наше время молнией, был один из тех маленьких колков, которые художник не преминул зарисовать, запечатлевая на бумаге степное чудо. После гибели "старшего" он пошел в рост, с годами заменил его и долго-долго радовал людей своей зеленой кроной.

Поклонялись ли дереву в наше время?

Поклонялись его красоте и щедрости, а еще - воздавая честь Шевченко.

Так и звали: шевченковским.

Но теперь дерево в степи не редкосты Видел ли гость парк в Кара бутаке? Чудесный!

Молния людскому суду не подсудна. Другое дело - сумасбродный казачий офицер, срубивший и спаливший дерево, которое вдохновило Тараса. Безымянный, он в наших глазах Герострат степей, и нет ему от людей прощения. Тем паче, что от него пошли на шевченковских дорогах Геростраты всякие-разные и живут иные из них поныне, не дорожа ничем.

2.

Карабутак, о парке которого я услышал от Галиевых, находился, как не без удивления узнал от моих же знакомцев, далеченько от их дома и даже от форта, до основания разрушенного временем. Районному городку простора требовалось больше, чем промежуточному военному укреплению; в степи мест удобных хватает - выбрали получше.

Но моя остановка, моя дневка - как и шевченковская - была именно "на речке Карабутаке, вблизи воздвигавшегося в то время форта". Адрес - из "Близнецов".

Встреча с Карлом Ивановичем Герном произошла двадцатого - в день прибытия транспорта. Следующему дню отдавать ее не годится, хотя и двадцать первого были они - долго - вместе.

Увы, сам Герн в своем письме к М.МЛазаревскому о Шевченко эти дни, как и некоторые иные страницы их приятельских, дружеских взаимоотношений, обошел,

"Пытка эта (солдатчина Шевченко в Орской - Л.Б.) продолжалась до весны 1848 года, в которую доброму Алексею Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса к команде, назначенной для плавания по Аральскому морю.

Пробывши в экспедиции этой без малого три года (два, если считать и "прикомандирование" к Бутакову в Оренбурге - Л.Б.), Тарас привез с собою множество

эскизов, снятых им во время пути степью и во время плавания по морю, частью карандашом, частью же слегка тронутых эквarельными красками, где понадобилось выразить особенности степного колорита..."

Вот и все здесь, у Герна, что косвенно может быть отнесено *к* их встречам в Карабутаке. ЛИЧНОЕ в этих строках не проглядывает, БИОГРАФИЧЕСКОЕ /которое тогда было внове/ сообщается лишь в самых общих чертах.

Ни одной подробности, ни малейшей детали - досадно...

Однако можно ли усомниться, что едва стал транспорт лагерем на речке Карабутак, как поспешил сюда штабс-капитан Герн?

Поспешил с докладом генерал-майору Шрейберу - не столько начальнику всего этого отряда, сколько высокому инспектору степных укреплений. /Помните: "был прикомандирован в киргизскую степь для подробного осмотра укреплений Оренбургского края и инспектирования гарнизонов, в оных находящихся"?/

Доложил. А потом к ПРОСТО ЗНАКОМЫМ, которых тут оказалось немало. Среди них был и Шевченко. Они познакомились и расстались в Орской.

Шевченко рисовал "святое дерево".

Деревья в степи были СТРАСТЬЮ Герна.

Художник, как видится, имел возможность поверить свои впечатления знаниями Карла Ивановича?

Может быть, уже в этот день или вечер.

Штабс-капитан много думал над озеленением степей, занимался этим специально. Не случайно, что вскоре именно ему было поручено заведывание училищем земледелия и лесоводства, что он, Герн, стал инициатором первых практических дел, суть которых раскрывается перед нами на страницах архивного дела "Об отправлении в Раимское и Уральское укрепления для сажения кольев разных древесных скорорастущих пород и древесных семян" /ГАОО, ф.6, оп. 15, д.1235/.

Озеленение степного края увлекло русских офицеров несмотря на то, что судьба первых зеленых новоселов оказалась трудной. Вот одно из характерных донесений, содержащихся в этом деле: "...Черенья разных пород, в количестве 503 штук, доставлены сюда в половине апреля, алютому к посадке их приступлено было уже в начале мая, значит во время довольно сильных жаров, чрез что, несмотря на усиленную поливку, производимую с помощью чигирей, более 100 деревьев не принялись, остальные же довольно скоро начали пускать отростки, но от сильных жаров и ветров, бывших в июле и августе месяцах, некоторые из них, еще не совершенно укоренившиеся, засохли и, по рассмотрении нынешнею осенью, осталось годных к употреблению не более 250-ти штук, преимущественно из породы, черного тополя и вербы, которые более других пород годны к дальнейшей перевозке и посадке". Отправка саженцев шла и в последующие годы. Этим по-прежнему руководил К.И.Герн.

Теперь, на Карабутаке, он занимался другим - возведением форта. Но от будущего степных пространств представлялось неотделимым и это, и то...

Расстались, чтобы встретиться завтра.

3.

БЛАРАМБЕРГ:"По дороге генерал выбрал еще одно место, у реки Карабутак, на полпути между Уральским укреплением и Орском, чтобы в следующем (1848-м) году построить здесь небольшой форт для отдыха войск и телег, следующих через степь..."

"Генерал" - Обручев; "выбрал" - в сорок седьмом, возвращаясь из Раима.

Форт строился уже... несколько дней: "небольшой отряд ДЛЯ ЗАЛОЖЕНИЯ КАРАБУТАКСКОГО ФОРТА", которым командовал Герн, выступил из Орской 8-го мая и мог достичь этого места не более пяти дней назад.

К чему я клоню? К тому, что акварели, публикуемые под названием "Форт Карабутак", представляли собою не столько изображение с натуры, изображение действительно виденного, сколько воспроизведение замысла, так сказать "архитектурный

прогноз".

Увиденное на самом деле - в карандашном рисунке, карандашной зарисовке того дня; это как бы проект будущей акварели, составленный не без участия главного строителя форта.

Справа сверху карандашом Шевченко написал "Кара-бутак", в левом нижнем углу - для памяти? - "красный и жолтый". Последнее -не рукою художника. В момент зарисовки жто-то стоял (или сидел) рядом; он и обратил внимание на выгодность ЭТИХ тонов в ЭТОМ месте. Художник, похоже, советом не воспользовался - решение нашел иное, собственное. Зато другое во внимание принял. На карандашном рисунке легким, едва видимым, очертанием намечена сторожевая башня, указаны места расположения еще некоторых знаков и сооружений, пока не существующих. Их мог знать только осведомленный строитель-архитектор. Герн? Кто же, если не он?

К 20-21 мая, сообщал в своем июньском письме начальнику морского штаба адмиралу Меншикову А.И.Бутаков, "уже были выведены стены нового форта". ТОЛЬКО СТЕНЫ, как и видим на рисунке того Дня. Законченный вид - "акварельный" - Карабутак обретет уже к осени. "Издали форт походил на рыцарский замок", - передавал свои впечатления от увиденного во время возвращения из Раима Макшеев; он же писал: "В одном углу вала поставлено орудие, а в другом устроена сторожевая башня. Внутри форта сделаны казармы из привозного с линии леса".

Сам Шевченко видел вполне отстроенный и обустроенный Карабу-так еще через год 'после Макшеева, когда вместе с экспедицией Бутакова следовал той же дорогой в Орскую, а затем в Оренбург.

Обе известные акварели могли быть выполнены на Арале; мог их художник закончить и в Оренбурге, в 1849-1850 годах. Но в определении конечной даты создания не надо идти от дня окончания отчета Бутакова о ходе и результатах его экспедиции (15.1.1850). ЭТО в отчет не вошло. Акварель "Форт Карабутак" была поднесена "автору форта" В.А.Обручеву, а уж потом, много позже, попала в музеи - сначала Русский в Петербурге, затем Шевченковский на Украине.

Рисунки это документ.

Тем более важный, когда других свидетельств пребывания Шевченко в Карабутаке до обидного мало.

... Но тогда использовать надо все, что есть.

4.

ШЕВЧЕНКО: "... И как с нами следовал священник, то на другой день был пет молебен и освящено место для форта. Меня, в числе других, пригласил строитель форта разделить его походный обед в кибитке, и здесь-то я познакомился с ним, с единственным человеком во всем безлюдном Оренбургском крае. После долгой, самой задушевной беседы мы с ним расстались уже ночью. На дорогу подарил он мне бутылку астрогону и пару лимонов, драгоценный дар в такой пустыне, какова Каракумы, где я и оценил эту драгоценность по достоинству".

МАКШЕЕВ: "Утром 21-го мая, после молебствия, совершенного священником, следовавшим в Раим, в присутствии генерала Шрейбе-ра и других лиц из транспорта, который имел в этот день дневку, был заложен на реке Карабутаке форт на 50 человек гарнизона. По окончании закладки, строитель форта генерального штаба штабс-капитан Герн пригласил нас к себе на обед. Мы пропировали до позднего вечера и когда возвращались в лагерь, то, по незнанию отзыва, чуть не были подстрелены слишком уж исполнительными башкирами, занимавшими аванпосты..."

Молебен был пет поутру. И во славу Вознесения Господнего, и в честь Владимирской иконы божьей матери - празднества в память о спасении Москвы от нашествия крымского хана Махмет Гирея в 1521 году, и в процветание новозаводимого форта, быть которому здесь многие лета..

Отец Захарий, рукоположенный высшим своим начальством в священники

Воскресенской военно-походной церкви Раимского укрепления, был в ударе от того, что ему внимали, с ним вместе молились именитые люди, средь коих даже генерал. Он щедро и истово кропил только что возведенные стены форта, его будущие постройки, его каменистую землю. Он благословлял на верную службу государю-батюшке и господу-богу офицеров, унтеров, нижних чинов. Голос священника, сдавалось, прокатывался над всей степью.

Потом солдаты и казаки, башкиры и казахи получили по случаю такого события двойную винную порцию, а уважаемые участники похода во главе с Шрейбером были приглашены Герном на обед. За столом, сколоченным из досок, доставленных еще из Орской, сидели Бутаков, Макшеев, Поспелов, офицеры корпуса и казачьего войска, а из "прочих", пожалуй, только Шевченко. Пригласил его хозяин не как рядового, конечно, - как художника Петербургской Академии. Впрочем, Шевченко знали все и всех знал он.

Пили, возглашали тосты, закусывали. Говорили о разном; иной раз спорили, но не зло, по-приятельски;кто рассказывал анекдоты, кто заводил песни. Через два-три часа стали расходиться: у каждого был свой предлог, было свое дело. И получилось так, что к вечеру из всего транспорта остались Макшеев с Бутаковым и Шевченко. О чем только не говорили они в кибитке у Герна!

Давнишний уже степняк-оренбуржец, исходивший край вдоль и поперек, бывший и в Каракумах, и на Арале, и на полуострове Мангышлак, Карл Иванович откровенно рассказывал обо всей, что знал (а знал, казалось, все). Бутаков, в отличие от всех, был единственным, кто совершил кругосветное путешествие, видел всякие страны, познал северные и южные широты. Макшеев говорил о Петербурге, о людях, которых знал, о новостях, вывезенных оттуда или сообщенных в письмах. Шевченко - о художниках и писателях, о Днепре и Киеве, об Украине. Может быть, читал свои стихи. МОЖЕТ БЫТЬ...

"После долгой, самой задушевной беседы мы с ним расстались уже ночью..."

Он чувствовал, что обрел близкого человека. И радовало всего более именно это.

А ночной эпизод с башкирцами, которые взяли их на прицел как не знавших отзыва на пароль, вспоминался как анекдот. Хотя, разумеется, мог закончиться печально.

5.

Смертельно разобиделись на форт и его строителя Семихатовы -Захарий Михайлович и его супруга Елена Тихоновна, поп и попадья.

МАКШЕЕВ: "На другой день священник, обиженный, что его не пригласили на обед, и успевший уже, по собственному его выражению, наполниться духом, то-есть спиртом, обратился в сторону форта и, торжественно подняв руки кверху, произнес: "да не будет благословения божия над фортом сим!" Возглас этот сопровождался нескончаемыми причитаниями попадьи, любившей еще больше мужа наполнить себя духом. Это был один из многих скандалов, которыми отличалась согласная чета в походе и потом на Раиме.

Начиналось 22-е мая.

Позади было 185 верст нелегкого, утомительного пути.

Считалось, что пройдена половина дороги до Уральского укрепления, меж тем как до него оставалось двести верст, даже чуть больше.

Но Обручев, выбирая место для промежуточного форта, упирал на это -"полпути". Так и укоренилось.

...Двигались к речке Ащесай; называли ее иные и Ащебутаком...

МОЖЕТ БУДЕТ "САНТО-ФРАНЦИСКО"...

1.

Ащесай, или Ащебутак, шевченковский Сокира даже не припомнил. В своей "Мухе" он написал: "От Карабутака до Иргиза перешли мы еще две небольшие речки: Яман-кайраклы и Якши-кайраклы". А было их три, и первой среди трех вышеназванная.

До Ащесая было семнадцать верст, оттуда до Яман-кайраклы еще пятнадцать. Этот, сдвоенный после дневки, переход выпал на 22-е. Дался день тяжко: еще бы, две переправы вброд, и каждая с трудом, с риском.

23-го шли - и дошли - к устью реки Якши-кайраклы. От ЯМАНА до ЯКШИ транспорт тянулся двадцать верст как-то особенно долго.

ШЕВЧЕНКО: "Физиономия степи одна и та же безотрадная, с тою только разницею, что кой-где на плоских возвышенностях чернеют, как маяки, киргизские, из камней или просто из камышу и глины сложенные, мазанки, как их называют уральские козаки. Да еще замечательно, что все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско. Почем знать..."

Степь была вроде одна и та же, а двигались по разному. Солнце то отпускало, то припекало, причем так, что, казалось, вот-вот все живое прикончит. Невесть откуда набегала гнусь, досаждая всем и вся, изматывая и людей, и лошадей. Это в машине двадцать верст пустяк сущий, а подводами и пешком, под солнцем, без всякого укрытия, без воды? Зря речку в здешних местах не обидят и если уж окрестили "яманом", то, выходит, пить ее водицу радость невелика - потребляй только в самой крайности, не то карачун, капут. Так и плелись - непоенные, несытые, усталые. Что люди, что лошади. Глаза бы ни на что не глядели!

А он и смотрел, и видел, и памятью своею впитывал.

Именно тут приметил "на плоских возвышенностях" - как маяки чернеющие - МАЗАНКИ.

Не привелось мне в этот раз заглянуть в Киеве, в Отделе рукописей Института литературы, в автограф повести "Близнецы" и я не знаю, не уверен, есть на соответствующей странице его это самое "мазанки" или там все-таки "мазарки". IV

Внимание Шевченко привлекли "из камышу и глины сложенные МОГИЛЫ" (в первичных вариантах так), а их уральские козаки мазанками называть не могли. МАЗАРКИ (по Далю)... "татарское и инородческое кладбище; древнее или покинутое кладбище или место, где оно было, по преданию". МАЗАНКА, в той же трактовке, "изба, хата из мелкого леса или камыша, с обмазкою глиной, иногда с навозом и сечкой". ОСОБЕННО УПОТРЕБЛЯЕТСЯ В ЮЖНОЙ РУСИ, -заметил лексикограф, сам родом луганский. Мазанка была для поэта и понятием, и словом известным. Имея в виду его, не стал бы ссылаться на "консультантов" из казаков. НЕЗНАКОМОЕ слово удивило и запомнилось. Но бывают в черновике и ОПИСКИ; а единственный дошедший до нас автограф повести - ЧЕРНОВОЙ.

Ну а наблюдение-прогноз? Насчет кварца и золота? "Нового Санто-Франциско"?

Об американском городе на холмистом полуострове к югу от пролива Золотые Ворота, соединяющего залив Сан-Франциско с Тихим океаном, в это время писали много и часто. Переживал он поистине бурный рост, богател не по дням, а по часам и связано то было, в огромной мере, с охватившей там всех золотой лихорадкой.

Ji надолго задумался о будущем городе в этой необЪзримой пустынной степи, о нетронутых богатствах земли и гор ...

... Насчет золота прогноз его подтвердился - нашли. Двадцать с лишним лет спустя на картах появился будущий областной центр Актюбинск. Это, конечно, не Сан-Франциско, но недра области уже не таят, а дают, помимо золота, нефть и уголь, никель и кобальт, медь и бокситы. Живая таблица Менделеева! В 1967 году стал городом разросшийся поселок горняков Хромтау. Разведки богатств продолжаются: рудная слава края растет.

А в ушах по-прежнему звучит вопрос - ЕГО вопрос: - Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота?

2.

Вопрос не пустячный какой и не риторический - ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ.

Геологом на Аральское море следовал в транспорте генерала Шрей-бера и под прямым началом лейтенанта Бутакова Томаш Вернер.

Это был еще один его новый знакомый. Первым рукопожатием обменялись в Орской, сошлись в походе.

Томаш (или Фома, как представился сам) попал в Оренбург еще четыре года назад. Попал, конечно, не по доброй воле и не по собственному согласию.

Доставили его сюда в 1844-м за то, что будучи еще учеником гимназии в Варшаве, Томаш "читал сам и раздавал читать другим запрещенные книги для возбуждения против правительства, доказывал возможность восстания и искал знакомства с ремесленниками, чтобы наклонить их к участию в мятеже при первом возможном случае". Обнаружив это, власти сначала подвергли его, тогда еще студента, наказанию розгами, а затем и отправили рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

Науки, особенно естественные, влекли Вернера всегда. Во время солдатской службы он еще более пристрастился к книгам по геологии, старался ближе быть к приезжавшим в Оренбург геологам. И вот успех: по ходатайству Бутакова его прикомандировали к Аральской экспедиции.

"Я поручил одному из своих подчиненных, унтер-офицеру Вернеру (этот чин он получит по возвращении в Оренбург, в 1849-м - Л.Б.), собирать... образцы горных пород, измерять толщу пдастов, наклонность их и направление; он же собирал растения с корнями и цветом, по инструкции, сообщенной мне покойным адмиралом Ф.Ф.Беллинсгаузеном". Так очерчивал круг обязанностей Томаша Вернера его непосредственный начальник; сказано это в его статье "Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря, в 1848 г.", увидевшей свет в "Вестнике Императорского Русского Географического Общества на 1853 год".

В другом месте, уже в "Дневных записках плавания по Аральскому морю", он отмечал: "Тотчас же после обеда команды, я послал на берег вооруженную партию с рядовым Вернером (бывшим студентом Варшавского технологического института, взятым мною собственно для этих исследований), чтобы рыть ямы... Пройдя около 5 верст..., рядовой Вернер нашел пласт угля, толщиною в 1 фут и прекрасного качества".

Но это все впереди. И настоящая, крепкая дружба во дни аральские, а потом в Оренбурге, и взаимное влечение, взаимный интерес друг к другу, когда жизнь их разлучила. Оба они на рисунке Алексея Чернышева, известном под названием "Шевченко среди польских ссыльных". Всматриваясь в него, как не думать о том, что близкое знакомство со многими поляками произошло при его, Томаша-Фомы, посредничестве?

Да, всему этому быть. А пока оба они в походе, и в громком предположении Шевченко мне слышится энергичное подтверждение Вернера, его полное согласие с товарищем по несчастью и - по экспедиции.

3.

Но следуем дальше - путь продолжается.

ШЕВЧЕНКО: "Пройдя усеянное кварцем пространство, мы перешли вброд реку Иргиз и пошли по левому, плоскому ее берегу- Вдали, на самом горизонте, синела гора, увенчанная могилами батырей и киргизских аулья, называемая МАНА АУЛЬЯ, т.е. здесь святой..."

О, рассказчик заторопился. Чем дальше, тем больше дорога, похоже, становилась для него тягостнее, хотя, если прослеживать ее шаг за шагом, несла с собою перемены. "От устья Якши=кайраклы транспортная дорога идет до самого Уральского укрепления вдоль реки Иргиз, сначала по правую его сторону, а потом по левую", - сказано в официальном описании маршрута.

Иргиз - река видная. Начало свое она берет на восточных склонах Мугоджарских гор, протяженность ее - почти 600 километров, впадает в Тургай. Летом в низовьях пересыхает, разбиваясь на плесы с солоноватой водой - это еще одна подробность, уже из современной энциклопедии. Но энциклопедии скупы, даже "аскетичны", реки же всегда

щедры, и особенно в степи, среди пустыни, где вода - богатство главнейшее, где она - сама жизнь.

С Иргизом участники похода встретились 23-го, при впадении в него Якши-кайраклы.

24-го- шли вдоль правого его берега и после двадцати трех верст раскинули лагерь.

25-го транспорт продвинулся еще на двадцать четыре версты. Половину этого марша он двигался по правобережью, а примерно на середине пути перебрался на девую сторону. Перебираться было тяжело: "берега реки и грунт дна весьма песчаны". Задержались тут не на один час, но к вечеру до места ночлега все же доползли.

Абзац из "Близнецов" вместил в себе - много позже! - верст пятьдесят, а то и шестьдесят пути, без малого три больших перехода. Третьим - 26-го - был тот, конечная цель которого определялась остановкой "Рукав Иргиза против горы Мана-аулие".

ШЕВЧЕНКО:"... т.е. здесь святой..."

Собственно-названия ему было мало - доискивался, докапывался ЗНАЧЕНИЯ слов.

Что за ними - такими загадочными и в таинственности своей мудрыми названиями незнакомого, но уже не чужого и тем паче чуждого языка казахов?

Допытывался у Алмакурова, тот расспрашивал Агау, других здешних мудрецов - так и узнавал.

Мана аулие, или аулья, на рисунке Шевченко нет. Но есть зарисовка словесная, и даже цветная:"СИНЕЛА гора, увенчанная могилами батырей и киргизских аулья..."

Жаль, что не осталось такой акварели.

... Почти все сколько-нибудь примечательные места этой дороги Шевченко занес в свою записную книжку, которая до нас не дошла, но, безусловно, *была.* Иначе как объяснить документально точное описание дороги из Орска до Раима в его повести "Близнецы", написанной через семь лет, с воспроизведением многочисленных географических названий, в то время нигде не записанных, известных лишь местному кочевому населению? Только позже, через три-четыре десятилетия, начали появляться в прессе эти названия и характеристики...

Так считает А.И.Костенко, автор книги "За морями, за горами" (1984).

Так полагал и я, утверждая то же самое в книге 1981 года.

Теперь свое же утверждение беру под сомнение. Могу сказать определеннее: снимаю, или отрицаю.

Названия Шевченко записывал, это безусловно. ИНОГДА записывал: "Джан-гыс-агач" на акварели, "Ак-кудук" на рисунке и т.д.. Такие надписи (или подписи) встречаются довольно часто: точностью воссоздания местных названий художник дорожил. Но "записной книжки", как у Костенко, или "захалявного дневника", как у меня, он все-таки

НЕ ВЕЛ.

Нужны ли ему были собственные записи названий пройденных мест для того, чтобы стали реальностью и обрели полную географическую точность эти страницы письма лекаря Сокиры, еще при начале посулившего своим хуторянам: "А когда возвращусь из Раима, тогда, даст Бог, опишу вам все, мною виденное, с возможными подробностями"?

Смею утверждать, что не нужны.

Впечатления оставались в его памяти, названия же - мудреные, чаще всего не запоминаемые - были уже тогда (а не "через три-четыре десятилетия") в достаточно полном и точном ПЕЧАТНОМ виде.

Уже ссылался на небольшую книжку со справочными материалами служебного пользования. Вот точное наименование "моего" экземпляра: "Расписание Отдельного Оренбургского корпуса. Исправленное по 15-е июня 1852 г. Печатано в Типографии штаба корпуса" (ЦГВИА, ф.201, оп.1, д.10). Такие "расписания" выходили и раньше, и позже; они рассылались по всем комендантским управлениям, батальонам, гарнизонам и пр., и пр. Приводимые мною сведения (названия, версты, особенности пути) почерпнуты

оттуда. Но если я могу почерпнуть их спустя век и плюс еще не одно десятилетие, то Шевченко и подавно мог иметь все это при первой же необходимости, практически в любое время.

Каждое название, приведенное в "Близнецах", есть в этом маленьком, но емком, справочнике. Гриф - "секретно"? Но экземпляры не нумерованы и не под расписку, с возвратом, выдавались. Если же вспомним, что "Близнецы" писались в Новопетровском, что был там Ираклий Усков, даривший Шевченко своей дружбой, своей помощью, то сомнения в доступности этого подручного источника отпадают вовсе.

МАКШЕЕВ: "26-го мая генерал Шрейбер не имел обычных дневных рапортов из первых двух эшелонов и только НА ДРУГОЙ ДЕНЬ, ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ НАШЕГО ТРАНСПОРТА ОТ МАНА АУЛИЕ К ДУСТАНОВОЙ МОГИЛЕ, получил донесение от войскового старшины Иванова..."

Выделил то, что занимает меня сейчас: маршрут день за днем и, конечно, "Привязка" к нему определенных мест "письма Сокиры".

Донесение Иванова (речь о нем и многом неожиданном - впереди) было вручено Шрейберу в пути - начале его, середине, конце ли неизвестно и не так важно.

Шевченко, как и герой повести, не подозревал ничего тревожного, выходившего за рамки ставшего привычным перехода.

"Оставив гору в правой руке, мы остановились на берегу Иргиза вблизи могилы батыря ДУСТАНА. Этот грубо из глины слепленный памятник напоминает общей формою саркофаги древних греков..."

К 27-му мая относится и несколько строк последующих. Но они уже для будущей главы.

Что касается главной достопримечательности местности, а именно могилы Дустана, то ее он сначала взял на карандаш, зарисовал эскизно, а потом воплотил и в акварель.

Под эскизом, в левом углу, сохранилась помета: ДУСТАНЪ. Под акварелью была и чернильная подпись, тоже собственноручная: ДУС-ТАНОВА МОГИЛА. (Листки с надписями-названиями оказались еще в конце прошлого века отрезанными и сейчас сберегаются отдельно, в фондах Государственного музея Т.Г.Шевченко в Киеве, где хранятся и сами работы). В альбоме 1846-1850 годов на обороте давней зарисовки крестьянской одежды он же записал: ДУСТАН РОДА ЧУМЕНЕЙСКОГО БЛАГО. Запись, пожалуй, не законченная и в чем-то неясная, относится к эскизу и акварели, названным выше.

Памятник он рисовал издалека. Подъехать ближе не позволяло многое. И, главное, то, что случилось накануне...

НЕТ В СТЕПИ МИРА

1.

Не слишком ли спокойно разворачивалось до сих пор мое повествование?

Полмесяца пути и ни одной стычки? "Каракул" бил тревогу напрасно? Обручев горячился зря, и шаги, предпринятые им семнадцатого, в последующие дни мая, являлись не более чем "перестраховкой"?

Вопросы, вопросы... Не затрагивал их до поры до времени потому, что пишу я о Шевченко и, поелику удается, смотрю на происходящее его глазами, а его-то, как представляется, тревоги начальников или не касались, или касались незначительно.

Хотя нет, не ощущать тревоги он не мог: душою чуткой, поэтичной все воспринималось сходу...

2.

Командир корпуса рапортовал военному министру.

"... Транспорты наши, отправленные в степные укрепления, следуют равным образом благополучно, не встречая никаких затруднений и препятствий и 25-го мая

находились уже в трех и четырех маршах от Уральского укрепления; больных и умерших нет, промежуточный пост между крепостью Орской и укреплением Уральским возводится успешно вместе с жилыми помещениями".

"Промежуточный пост" это, конечно, Карабутак.

"... Донесения от начальников укреплений... показывают, что там и в районах укреплений равномерно все благополучно; о хивинцах и других подобных скопищах никаких слухов нет..."

В степи, однако, спокойствия не было. Неприятель надежд своих не оставлял, и из Оренбурга шли распоряжения за распоряжениями.Смысл их сводился к одному: быть в готовности, соблюдать осторожность. Целая переписка завязалась с комендантом Новопетровского укрепления подполковником Маевским: там произошли кровопролитные столкновения с напавшими на мирных казахов неблагонамеренными шайками. Нападавши&были отогнаны и рассеяны. Большие опасения вызывало положение близ Раима. Из разнородных сведений, добытых начальником Раимского укрепления подполковником Матвеевым и сообщенных по инстанции, было ясно одно: мира в степи'пока нет. Опасаясь новых нападений на транспорт, он сформировал отряд для отправки навстречу Шрейберу и его колонне, но генерал-майор от такой помощи отказался, уведомив, что "надеется с транспортом достигнуть сюда" и без помощи извне.

Рапорты из отрядов и транспортов, вышедших в разные дни из Орской, шли с гонцами и к Обручеву, и к Шрейберу.

... Едва снялся со своего места на Карабутаке основной, тяжелый транспорт, как достиг той же речки верблюжий, под начальствованием войскового старшины Филатова.

- Прибыл благополучно, - доносил Филатов с нарочными.

-Убыли из воинских чинов и киргизов нет, - уточнял он.

Потери выразились в одном верблюде, которого в пути пришлось прирезать "по ненадежности к дальнейшему следованию".

Но главным, о чем сообщал начальник транспорта, являлось услышанное от кочевников Чиклинского рода о том, что хивинцы действительно прибыли ("будто бы" - вставлял осторожности ради) на верховье реки Эмбы, в урочище Каракамыш и вместе с ними находится ("для совещания") Исет Кутебаров. О замыслах злоумышленников кочевникам не было известно ничего, однако они предполагают, что неприятель "будет стараться сделать какой-либо вред в Каракуме, около копаней Тереклы и залива Аральского моря Акджулпаса, по дурной там местности", но до Уральского укрепления "едва он решится на какой-либо подвиг".

-Тем не менее,- успокаивал войсковой старшина, - об осторожности он не забывает: всюду установлены наблюдательные посты, всюду -строгий порядок...

Действия Исета Кутебарова настораживали особенно.

В Оренбурге читали его послания султанам-правителям: доверия они не вызывали.

Такое, например, обращение к Араслану Джантюрину.

"Владетелю мира, царю времени, Искандеру веков, руднику учености и правосудия подобно Нуширвану, султану Араслану изъявляем расположение с тем, что мы здесь живы, здоровы, чего и Вам желаем. Дай Бог личного свидания. Аминь... О, Господь обоих миров!"

За цветистым началом шло сообщение о том, что из Хорезма выступило большое войско (из семи тысяч человек), что оно держит путь на Каракугу, Кутебаров же от своего участия в этом походе отказался и его соратники, вместе с ним самим (печать - личная), "готовы к услугам".

Верить? Не верить? Принять услуги? Отказаться от них?

Слухи были и в пользу того, чтобы НЕ ВЕРИТЬ.

А все-таки доносили в самые верха, для доклада государю императору. Какими будут повеления свыше?

Подполковник Чигирь в очередном рапорте Обручеву доносил, что располагает

сведениями о том, будто бы "из собравшегося на Айрюке хивинского скопища отдельная шайка, в числе 1500 человек, двинулась 23 мая на Каракугу", оставив все свои тяжести неподалеку от Айркжа, на Ямантау. Чигирь надумал захватить добро хивинцев, а заодно и их самих, во всяком случае пресечь противнику всякий путь обратно. За такие действия Обручев выражал ему одобрение и благодарность. Что касается намерения войти в контакты с Кутебаровым, то генерал предупреждал: на обещания его полагаться не приходится ("ибо он неоднократно доказывал своими поступками одну лживость").

- Только в случае совершенной уверенности можно принять его предложение навести отряд на хивинцев.

"Вы не связываетесь в своих движениях, но..." За этим "но" - целая программа действий, направленных *к* тому, чтобы поставить неприятеля в самое трудное положение и, в конце концов, победить.

Только на первый взгляд эпизоды кажутся разрозненными.

Нет, все они из одного и того же архивного дела, вам частично знакомого.

Об одних местах, одних днях...

Знает или не знает обо всем этом Шевченко, события разворачиваются в той же степи, где сейчас в походе он, и его касаются. Да, касаются ПРЯМО.

3.

ШЕВЧЕНКО: "Мы остановились на том самом месте, где вчера на предшествовавший нам транспорт напала шайка хивинцев, и несколько человек захватили с собою, а несколько оставили убитыми. И здесь я в первый раз видел обезглавленные и обезображенные трупы, валяющиеся в степи, как какая-нибудь падаль. Начальник транспорта приказал зарыть их, а священник отпел панихиду по убиенных..."

Впереди шли те, которые выступили из Орской десятого. Это был транспорт, отправленный в Уральское укрепление: пятьсот подвод, две сотни оренбургских казаков, два орудия с прислугой. Начальствовал тут над всеми войсковой старшина Иванов.

Транспорту Иванова предшествовал отряд под командою прапорщика корпуса топографов Яковлева: топографическая партия из семи человек, сто шестьдесят оренбургских казаков, полсотни верблюдов с вожаками и полтора десятка подвод с необходимыми припасами.

От главного транспорта были они в немногих верстах. Достаточно сказать, что отряд Яковлева выступил из Карабутака только за сутки до того, как снялся отсюда транспорт генерала Шрейбера. Иванов со своим хозяйством тронулся оттуда же почти одновременно.

Так что произошло дальше?

Для ответа на вопрос прибегну к документам того самого архивного дела N 6057/г "О посылке в киргизскую степь отряда для обеспечения спокойствия".

Документ первый.

"... Мая 31 дня в 10 часов утра из крепости Орской попечитель прилинейных киргизов Александрийский отправил Обручеву рапорт с показаниями Нурлубая Кадырова, который был вожаком при съемочном отряде под командою прапорщика Яковлева. В упомянутый день, поутру ("в 9 часов утра") он прискакал из степи с сообщением чрезвычайной важности.

ПОКАЗАНИЯ НУРЛУБАЯ КАДЫРОВА

Пять дней тому назад, как прибыл я с отрядом под командою господина Яковлева, на местечко между озером Яманкум и речкой Тимир, где и показались не далее версты от отряда в числе примерно 1000 человек вооруженные всадники (хивинцы и киргизы, как мог заметить я по одежде их), которые кругом отряда старались пускать палы; при этом господин Яковлев тотчас послал в отряд войскового старшины Иванова, находившийся позади нас верстах в десяти, вожака Турсумбая Аманова - дать знать об этой встрече, а меня с киргизом Чикибаем Айдербековым (о дву конь обоих) командировал в укрепление Уральское просить помощи у майора Лобанова. Прибыв к вечеру того же дня в

укрепление, я объяснил господину Лобанову положение нашего отряда и требование господина Яковлева, но г. Лобанов отозвался , что выслать к отряду пособие он не может, по недостатку людей в укреплении. С этим ответом я в тот же вечер выехал из укрепления с намерением пробраться опять в отряд, из которого был послан; по приближении к тому месту (около полуночи), где встретилась наша команда с хищниками, я заметил, что оно окружено со всех сторон конными людьми, беспрестанно разъезжающими, почему, избегая встречи с ними, направился в крепость Орскую. И потому не знаю, что случилось с командою г.Яковлева и в каком она теперь положении; товарищ же мой Чикибай по усталости своих лошадей не мог успеть со мною и остался один около горы Караша, за два дни пути от крепости Орской. Что показал по сущей справедливости и чистой совести, в том Нурлубай Кадыров тамгу приложил таковую".

(Тамга: две пересекающиеся неровные черты - нечто подобное кре-сту. "Показание отбирал попечитель прилинейных киргиз Александрийский". Подпись его - собственноручная).

Мог ли Александрийский в этот момент не встревожиться судьбой своих знакомых в походе, и среди них - конечно - Шевченко?

В тот же день, когда дошло до него показание Нурлубая Кадырова, получил Обручев с нарочным казаком из Орской, от ее коменданта генерал-майора артиллерии Л свитского, "конверты", доставленные ему из степи от генерал-майора Шрейбера и штабс-капитана Герна. Не теряя времени, он послал гонца к Чигирю.

Сведения Чигиря о том, что хивинцы двинулись на Каракугу с целью вредить транспортам, подтверждались. Из донесения Шрейбера и приложенного к нему рапорта отрядного начальника войскового старшины Иванова стало известно, что "26-го мая при р.Иргизе близ могилы Дустана, в двух маршах от Уральского укрепления, толпа хивинцев, около 1500 человек, напала на партию казаков из отряда г.Иванова, расставлявших ведеты, и окружила их; по получении же об этом сигналов войсковой старшина Иванов тотчас пустился с командою из 110-ти казаков при трех обер-офицерах, пяти урядниках и одном орудии в погоню за хищниками, которые бросились за Иргиз как только заметили тревогу в отряде". Действия разворачивались стремительно: "Около часа пополудни верстах в шести от места привала отряда помянутая команда встретилась с хивинцами и, сделав по ним один выстрел дальнею картечью, бросилась на них в атаку, обратила их в бегство и преследовала по пятам верст на сорок до восьми часов вечера, после чего команда возвратилась в лагерь, где г.Иванов нашел записку корпуса топографов прапорщика Яковлева, следовавшего впереди со съемочною партией и извещавшего, что 26-го же мая около 600 хивинцев нападали и на него, Яковлева, с 11-ти часов пополуночи до 4-х часов пополудни, но были постоянно отражаемы с успехом".

Потери? Со стороны неприятеля большие: убитых более пятидесяти человек, пленных - четыре, захвачено тридцать восемь аргамаков и двадцать шесть верблюдов. "С нашей же стороны убитых и раненых хотя и не было, но при первоначальном нападении на ведеты хивинцами увлечены один урядник, шесть казаков и работник купца Путолова".

Обручев предупреждал Чигиря: нападал лишь один отряд хивинцев, другой находится в горах киргизской степи и надо быть настороже. Одновременно ПРОСИЛ: если представится возможность, "употребить все меры", чтобы выручить подавших в руки противника русских людей.

Нурлубай Кадыров, первым доставивший весть о нападении, находился в Орской крепости под стражей. Военный губернатор повелел его освободить.

4.

Наиболее полный (и, по всему судя, достоверный) отчет о происшедшем содержался в рапорте прапорщика Яковлева, обращенном к начальству непосредственному - оберквартирмейстеру корпуса полковнику Генштаба Бларамбергу.

"... Съемочный отряд 21 -го числа выступил с реки Карабутак и при благополучном следовании 25 мая расположился лагерем на р.Иргизе близ могилы Дустана.

26-го числа в девять часов утра отряд двинулся с места ночлега у могилы Дустана и следовал долиною р.Иргиза. В десять часов получены были донесения от передовых и боковых патрулей, что показались три толпы вооруженных людей от 25 до 30 человек каждая. Вследствие чего мною были приняты меры: тяжести сдвинуты в густую колонну и окружены со всех сторон казаками, войсковому старшине Иванову, находившемуся в шести верстах, послано было известие с предостережением.

Поручив отряд зауряд-хорунжему Жарикову, я с 35 казаками произвел рекогносцировку для открытия намерения этих скопищ. При нашем приближении и в особенности после переправы генерального штаба поручика Коведяева и моей с четырьмя казаками и одним киргизом за р.Иргиз скопища эти врассыпную начали удаляться к горам Темир-Астау.

Не видя никаких неприязненных действий, я приказал киргизу переговорить с передовыми, но они бросились на него с пиками, и в это самое время с гор начали спускаться массы всадников. Я старался как можно ближе подойти к передовым, чтобы сообразно с обстоятельствами мирно или вооруженною рукой открыть их намерение. При сем большая часть моего конвоя была скрыта за обрывистым берегом р.Иргиз, - но они с бранью и угрозою быстро удалились.

А между тем главные их толпы уже выступили на равнину. Вожак-киргиз донес, что это хивинцы. Я понял, что они старались только завлечь нас далее и потому при этом известии снова переправился на левую сторону реки для приготовления к обороне; между тем обоз в это время подвигался по дороге и находился в полуверсте от р.Иргиз. Сразу за нами в разных местах начал переправляться неприятель в числе свыше 600 человек, явно обнаруживая намерение атаковать отряд.

Я приказал тяжести примкнуть к реке. Движение это произведено было в косвенном порядке. Фас, обращенный к неприятелю, прикрывался сотнею казаков, построенных лавою. На месте отряд расположился так: верблюды были положены посередине между телегами и берегом, люди спешены и тремя цепями окружали обоз. Две передовые назначались для обороны, третья тушить пал; четвертая часть /оставалась/ в виде резерва при лошадях и телегах. На переднем и правом фасах командовали генерального штаба поручик Коведяев и я, на заднем зау ряд-хорунжий Жариков, и четверо топографов находились для непосредственного наблюдения за действием. Во время этих распоряжений хивинцы постепенно усиливались вновь прибывавшими толпами и впоследствии оказалось, по показанию пленных, взятых войсковым старшиной Ивановым, что число атаковавших простиралось свыше 2000 человек.

В 11.часов пущенный ими пал против передового фаса быстро начал распространяться по степи. Ветер благоприятствовал намерению неприятеля и нес огонь и дым прямо в лицо людям; а в то же время все скопище с криком и бранью произвело стремительную атаку на отряд. Я приказал сзади каре зажечь траву, чтобы очистить свободное и безопасное пространство для отряда, а людям третьей цепи с ведрами и с мочеными кошмами тушить на переднем и правом фасах огонь, что было произведено быстро и успешно.

Прикрываемые дымом хивинцы подскакали на ближний выстрел, но встреченные сильною пальбою принуждены были отступить, едва захватывая убитых и раненых. Таким же образом отражены были и шесть других атак. Дело все продолжалось 5 часов 10 минут. В промежутках между атаками неприятель постоянно тревожил отряд наездами легких партий. Пули и стрелы этих наездников не принесли никакого вреда людям.

После шести атак в 4 часа заметно было между ними сильное движение, многие из всадников поскакали назад, другие собирались партиями в разных местах. Предположив, что они хотят возобновить атаки, я приказал казакам быть готовыми; но вскоре остальное скопище бросилось быстро назад по берегу и к переправе. Тогда генерального штаба поручик Коведяев и я с тридцатью конными казаками бросились за ними, но неприятель уже бежал врассыпную к горам.

При этом посланы были два киргиза к войсковому старшине Иванову с уведомлением, что хивинцы отражены. На дороге я встретил киргиза, посланного еще при появлении хищников к войсковому старшине Иванову; по его словам, Иванов отправился с отрядом при одном орудии в погоню за хищниками. Хотя в течении всего времени я не получал из транспорта никаких сведений и не знал, какое направление примет этот отряд, однако послал вслед за неприятелем зауряд-хорунжего Жарикова при топографе Алексееве с 50 казаками. Тогда был 6-й час пополудни. По возвращении своем в 12 часов ночи зауряд-хорунжий Жариков донес, что, преследуя неприятеля, он не встречался с отрядом войскового старшины Иванова, а неприятель отдельными партиями бежал быстро. Преследуя неутомимо хищни-ков-на пространстве 25-ти верст, убито им было 10 человек; некоторые из убитых увезены, другие остались на месте;отбито 9 аргамаков, 2 Ружья, 6 седел и разные мелкие вещи.

Ночь прошла без тревоги. 27 числа рано утром замечены были отдельные партии, разъезжавшие по правой стороне р.Иргиз. Почему генерального штаба поручик Коведяев и я с 25-ю казаками сделали рекогносцировку к горам на пространстве 13 верст, и под прикрытием поиска поручено было зауряд-хорунжему Жарикову перевести главный отряд в пески Джаманкум к озеркам, в четырех верстах от места ночлега, на котором уничтожен был весь корм пущенным во время стычки палом. Неприятель скрылся и во время моего движения не показывался. Встреченные тела хивинцев и одного казака погребены. По бумаге, найденной на груди обезглавленного казака, оказалось, что он урядник Рогожников из отряда войскового старшины Иванова. В этой бумаге находится собственных его денег 13 р. 30 коп. серебром, которые, по возвращении моем на линию, представлены будут в полковое правление. День проведен благополучно.

Доводя до сведения вашего высокоблагородия..."

Яковлев особо отмечал "усердие и мужество" Жарикова и всех казаков своего отряда. Он сообщал именной список и ходатайствовал о наградах.

5.

Зауряд-хорунжий - Василий Жариков.

Урядники: Иван Харитонов, Николай Бахтинов, Казимир Новицкий, Иван Шаламенцов, Гаврила Нагаев, Иван Плотников, Андрей Замошников, Рахметулла Асанов.

Казаки: Лев Вязмитинов, Егор Болохов... всего в списке значилось 22 фамилии.

Вот кто заслонил собою транспорт генерал-майора Шрейбера, Аральскую экспедицию лейтенанта Бутакова и, конечно, Тараса Шевченко, ничего, как и другие, о том бое не ведавшего.

Рапорт Яковлева - в выписках и изложениях - путешествовал по высоким столичным инстанциям, делая случившееся в степи известным все большему кругу лиц. Снова и снова переписывались наградные листы на поручика Коведяева, прапорщика Яковлева и зауряд-хорунжего Жарикова. Служба первых протекала с самого начала беспорочно, а вот Жарикова... Бывал он и под следствием, и под арестом, буйный его нрав сказывался то в одном, то в другом, а все же "мужество, доказанное против хивинцев" было налицо и обойти его государевым благоволением Обручев не считал возможным. Для него он испрашивал годовое жалование, для Коведяева с Яковлевым - ордена. Но настроен корпусной командир был отнюдь не благодушно. Обращаясь к Шрейберу, как главному в степном походе, он писал: "Дошло до сведения моего, что хивинцы напали на отряд войскового старшины Иванова совершенно врасплох, что во время следования отряда, равно и на месте привалов и ночлегов, патрули и посты не соблюдали должной осторожности... Я прошу Вас, милостивый государь, произвести строжайшее исследование, каким образом казаки попались в плен, что отнюдь не могло бы последовать, если б в точности соблюдались правила..." СТРОЖАЙШЕЕ СЛЕДСТВИЕ! - подчеркивал он в карандашной приписке.

А штабс-капитан Макшеев - по молодости своих лет - не скрывал ни разочарования, ни досады: "Надежда на встречу с хивинцами вскоре оправдалась, но, к

сожалению, не для всех. Из четырех эшелонов, состоявших под начальством генерал-майора Шрейбера, только первым двум, то-есть съемочному отряду прапорщика Яковлева и уральскому транспорту войскового старшины Иванова, удалось подраться с хивинцами, а Раимские транспорты - повозочный и верблюжий узнали о неприятеле, когда уже он бежал восвояси".

Питал, выходит, такую надежду и сам. Тешил себя ею. Жаждал сразиться.

Рядового Шевченко лавры солдатские не прельщали.

ТРАНСПОРТ ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

1.

ШЕВЧЕНКО: "Еще переход - и мы в Уральском укреплении" Не один переход-полных три...

Только третий подводил к степному военному поселению на высоком левом берегу Иргиза.

28-го прошли вдоль Иргиза двадцать четыре версты.

29-го - еще двадцать пять.

30-го марш был покороче - в четырнадцать верст, зато с долгой и тяжелой переправой; растянулась она не на час.

Задолго до стоянки близ могилы Дустана транспорт вступил в пески Яманкумов, по ним двигались и добрую половину пути следующего Дня, но, слава господу, выбрались на привычную твердую землю. До Укрепления песков уже не было.

- Еще будут, и не такие! - сулили, покачивая головами, бывалые, все изведавшие люди. - Каракумы не Яманкумы...

2.

Но больше всего на этих переходах говорили и думали о нападении хивинцев. Оно могло и повториться. Поручится ли кто, что не дожидаются неприятельские шайки своего времени? что не готовятся выскочить из-за укрытий и броситься на.транспорт? Поначалу попадались и следы пала, и вещественные подтверждения недавнего сражения, потом степь приобрела свой обычный, мирный вид, однако успокаиваться не приходилось - мира тут не было.

И в пути, и вечером в джуламейке то и дело возвращался к случившемуся Макшеев.

Рассказывал о двадцать седьмом, когда в начале пути к Дустановой могиле генерал Шрейбер получил донесение от войскового старшины Иванова.

- Но такое бестолковое, безграмотное, что из него нельзя было ничего понять, кроме что Иванов имел дело с хивинцами и потерял девять казаков и несколько крестьян-рыбаков, следовавших при транспорте, - излагал ход событий штабс-капитан. - Чтобы разъяснить дело, Шрейбер, взяв с собою меня и человек 15 казаков, поскакал в уральский транспорт, но и там мы ничего не разъяснили: Иванов также бестолково рассказывал, как и писал. Тем не менее Шрейбер, приказав переписать донесение, исправленное грамматически, поторопился его отправить в Оренбург, не дождавшись рапорта от прапорщика Яковлева, который был получен только на третий день. Согласовать оба показания оказалось невозможным без расследования...

Шевченко интересовали все подробности, слушал и расспрашивал Макшеева жадно.

Впрочем, многое узнавал и от других: невесть как, но вполне достоверные детали переставали быть тайной, получали хождение в их транспорте.

Хвалили Яковлева Якова Петровича; опытный степняк, он, хоть и младший офицерский чин, да еще не строевой, а топограф, выказал себя истинным командиром-стратегом. Вон как умно неприятелю ответил: те пустили по ветру, с севера, пал на съемочный отряд, чтобы уничтожить его огнем, он же отозвался тем, что стал тушить их пал, а сам пустил свой, в южную сторону, и все планы хивинцев разрушил. О храбрости

Яковлева и его отряда рассказывали легенды. Как же -тысячу, а то и две, верховых на себя приняли и не спасовали, не убоялись!

Об Иванове, напротив, говорили не иначе как с иронией, с насмешкой. Пусть войсковой старшина, по иному полковник, а уважения к нему в разговорах не было.

МАКШЕЕВ:

- Войсковой старшина Иванов, получа известие от Яковлева о появлении неприятельских партий, сначала этому не поверил и когда увидел впереди пал, то сказал: "врут они, собачьи дети, просто кабана палят, не надуют". Съемочный отряд во время движения охотился перед тем на кабанов. Вскоре, однако, взяв с собою 14 казаков, Иванов пустился вперед для личного удостоверения в полученном известии, и когда приблизился к съемочному отряду, неожиданно был окружен массою неприятеля. Каким образом казаки могли быть окружены в степи неожиданно? Вопрос этот можно объяснить только тем, что большинство их, начиная с начальника, были пьяны. Говорят, что, окруженный неприятелем, Иванов приказал казакам спешиться, но они его не послушали. Тогда он схватил пику у одного из убитых уже казаков и, обороняясь ею, успел, без шашки и эполет, ускакать назад с 5-ю казаками; остальные 9 остались в руках неприятеля. Опасаясь ответственности за напрасную потерю людей, Иванов, в рапорте своем умолчав о своевременном получении известия от Яковлева и о распоряжениях своих вследствие этого известия, донес, что толпа хивинцев, выехав из оврага, напала на партию казаков, расставлявших ведеты, и захватила, таким образом, 9 человек; но несправедливость этого показания вскоре обнаружилась. Обезглавленные тела нескольких погибших казаков были нами найдены близ того места, где стоял съемочный отряд во время дела. Хивинцы преследовали Иванова, но не посмели напасть на его транспорт, устроенный в каре, а бросились в сторону к реке Иргизу, где захватили 5 работников компании рыбного промысла на Аральском море, беспечно ловивших рыбу в версте от транспорта и не знавших о близости неприятеля. Из них 3 человека погибли, а 2 спаслись потом из плена. Прискакав в транспорт, Иванов собрал легкий отряд, перешел с ним за реку Иргиз и погнался за бежавшим туда неприятелем. Отряд состоял из 84-х казаков и одной 6-фунтовой пушки, а в рапорте был показан в 115 казаков при 3-х офицерах, желавших, не участвуя в деле, получить за него награды. Иванов преследовал неприятеля до самого заката солнца и вернулся в лагерь на другой день утром, часа в 4 или 5. Во время преследования с нашей стороны потерь не было, а хивинцев было положено на месте, по показанию Иванова, около 50-ти человек; кроме того, взято в плен 4 человека и отбито у неприятеля 38 аргамаков и 26 верблюдов.

Позже Иванова предадут следствию. Его обвинят в том, что он:

- во-первых, получив известие от Яковлева, не дал немедленно знать о том генералу Шрейберу и тем самым "лишил главный отряд возможности принять участие в деле и окончательно поразить хивинцев",

- во-вторых, позволил неожиданно окружить себя и сразу потерять девять казаков,

- в-третьих, не предупредил чинов своего транспорта облизости врага, чем вызвал еще большие потери,

- в-четвертых, отправил ложное донесение.

"Все это, - выражал Макшеев мнение начальства в походе, а затем и в Оренбурге,- произошло от излишней привязанности к горячительным напиткам, совершенной безграмотности и неразвитости Иванова, ставивших его в полную зависимость от офицеров". Но, с другой стороны, нельзя было не воздать "справедливости его личной храбрости и лихому преследованию хивинцев".

Желанной награды войсковой старшина не получит. А все же более серьезному взысканию его не подвергнут.

3.

Подробности 26-го мая Шевченко интересовали хотя бы потому, что сам он - понимал это отчетливо - избежал боя только чудом. Если бы Иванов во время сообщил об

опасности Шрейберу, к месту нападения были бы брошены и солдатско-казачьи силы главного транспорта, а значит вполне мог попасть в пекло боя и он, рядовой уже не пятого, но еще и не четвертого батальона. Рассказы о степной баталии волновали и по этой, сугубо личной, причине.

Особенно тянуло Шевченко к самым что ни есть ПРОСТЫМ участникам разыгравшихся событий. Как тут не благодарить Макшеева, записавшего рассказ одного из них - не солдата и не казака, уральского, а потом и аральского рыбака.

"... Мы ловили рыбу, так в версте от колонны, вдруг, вижу я, на нас несутся всадники. Братцы! худо! - закричал я и не успел вымолвить этих слов, как нас схватили и потащили на арканах. Проволочив версты с три, меня представили к ихнему набольшему, Тот что-то сказал, меня посадили на лошадь и везли верст пять к тому месту, где стояли их верблюды, доставшиеся после, вместе с погонщиками, в руки Иванова. Меня снова ссадили с лошади и волочили на аркане верст тридцать. Дорогой я заметил, что недалеко от меня бежит, также на аркане, один из моих товарищей. Я не боялся смерти и молил только Бога, чтобы отсекли голову, не мучая перед этим. При каждом движении всадника я думал, что настала уже моя последняя минута. Вдруг слышу пушечный выстрел! Маленько бы повернее и картечь положила бы многих, но, к несчастью, накого не задела. Однако хивинцы смешались, напрасно их старики суетились и кричали, никто их не слушал и все скакали без оглядки. Слышу: топот коней близок. Наши, подумал я, дернул аркан, он опустился и я упал на землю. Смотрю - точно наши. Впереди всех летит Иванов и за ним два-три казака, а остальные, сердечные, еле тянутся. Увидав меня, Иванов остановился, прогово-рил:"Ба! кажись наш! Поймай любого аргамака из отбитых и жди моего возвращения" и снова понесся вперед. Он дрался лихо как простой казак, с пикой в руке вносился в ряды неприятельские и много тел положил на месте. Если бы хивинцам вздумалось обернуться назад, они увидели бы, что бегут от трех или четырех храбрецов и верно устыдились бы своей трусости. Не успели наши отъехать, ко мне бежит аргамак. Вы не верите? Правда, оно похоже на сказку, а было так. Когда он поравнялся со мною, я закричал "пррр..у", и он остановился, как вкопанный. Я сел на него и хотел было попридержать, как аргамак мой понесся во всю прыть. У меня не хватило сил удерживать его, я опустил поводья и он пошел шагом. Тут я встретился с моим товарищем, едущим тоже на аргамаке. Мы поехали вперед и скоро достигли какого-то озера, слезли с лошадей, напились воды, отдохнули маленько и, не дождавшись Иванова, который верно вернулся другим путем, решились ехать назад, но едва могли сесть на лошадей, так разболелись наши пятки, а до тех пор мы не чувствовали боли. Рана, полученная мною в этот день, скоро зажила и я остался на Косарале, а товарищ мой должен был вернуться на родину, потому что раны мешали заниматься рыболовством".

Встречи с участниками этих событий продолжались и в походе, и в укреплении на Иргизе, и на Аральском море. Добрые отношения поддерживал Шевченко с рыбаками, которых день тот не обошел бедою. Некоторые зарисовки, сделанные на Арале, могли быть сделаны либо на стоянке рыболовов, либо на палубе их шхуны.

4.

Поход знакомил и сближал людей из экспедиции Бутакова.

Марш позволял поближе приглядеться друг к другу, узнать кто чего стоит, увидеть человека если не в деле, то в условиях, близких к тем, которым быть достаточно долго.

Артемий Аникеевич, прапорщик корпуса топографов Акишев, ориентировался в любой местности, будто провел здесь всю жизнь, не меньше. В лихости он не уступал молодым казакам, в рассудительности - мудрым старикам, вроде Агау. Страха в нем не замечалось. Едва узнал о нападении на съемочный отряд Яковлева, ноги в стремена и мчал бы, пока не врубился в конный строй хивинцев. Аж зубами скрипел, представляя себе, каково там товарищам. Надежный человек... (Таким он выкажет себя и на Арале. О мужестве Акишева - и самого Бутакова, автора этих заметок, - расскажет потом бутаковская запись: "Ночью, приготовив шлюпку со всеми предосторожностями тайны и

военными, и выбрав гребцрв, умевших хорошо плавать (оба мы также умели плавать), и мы потихоньку направились к берегу. Приблизясь настолько, что шлюпка не могла дальше идти, мы с прап. Акишевым разделись и таким образом с футштоком перешли поперек через все устья, готовые пуститься вплавь, если б глубина которого-нибудь из них оказалась слишком велика... Мы возвратились из этой поездки за час до рассвета, незамеченные никем..." С особой заинтересованностью заглядывал Акишев в альбом Шевченко, где изредка появлялись новые зарисовки местности. Сам он вроде не рисовал - во всяком случае в том не признавался, глаз же имел верный, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ. На Арале они вместе побывают не на одном из тамошних островов, и это засвидетельствуют рисунки, которые увековечат острова Барса-кельмес, Николая и другие...

С Истоминым познакомил Бутаков: "Главный врач всея аральского флота!" Александр Александрович был фельдшером, и в экспедицию его причислили именно в этом качестве. Но "адмирал Арала" смотрел далеко. Ему по душе пришлись и хозяйственность Истомина, и любопытство его до морского дела, и даже охотничья страсть. Когда отправятся в плавание, он не только лечить будет, причем не одних "своих", а и всех в округе, но возьмет на себя также заведование хозяйством на шхуне, постоянные записи показаний лота и лока, а во время стоянок еще и обеспечение экипажа мясной свежатиной. Шевченко при знакомстве от медицинской помощи отказался, зато, как-то сразу поверив в знания и душу "лейб-медика", свел его к той солдатке на сносях, которая вот-вот должна была разродиться. Навещали родильницу и дальше. "С прибытком в Раим придем!" - кивал головою Истомин. Не сразу можно было понять, говорил он об этом одобрительно или неопределенно. Понятное дело, неопределенность рождали обстоятельства: ехала жена к мужу, которого девять лет не видела, а везла... то-то и дело... Сочувствовали и ей, и мужу...

Среди флотской команды были, в основном, балтийцы - их привез с собою Бутаков. Бывалые, ТЕРТЫЕ люди... Один оказался даже тезкой: Тарас Фунин. "На всю степь нас два Тараса - русский и украинец..." Шутку оценили. Иван Петренко да Никита Даниленко родились и росли в наддднепровских селах. Разговаривали не иначе как на СВОЕМ языке. Это доставляло радость.

...Перекидывались словами с Томашем Вернером, иной раз и на польском... На стоянках подходил Михаила Чемерда - отделили, оторвали его от другей-галичан, скучал по ним, а еще больше по родине... Михаила был бы непрочь попасть в флотилию - и Тарас человек свой, и начальник не кат какой, а с душой. Ноу Бутакова комплект оказался полным. Даже сверх того - Шевченко с Вернером.

ШЕВЧЕНКО: "Верст за пятнадцать мы увидели на возвышенности кучку чего-то неопределенного, и на спрос наш у вожака, что это такое, он нам светил: "Иргиз-кала".

Может и не пятнадцать, а десять или, скажем, восемь верст было теперь до Уральского укрепления - остановки так сказать этапной, но "кучка неопределенного" разочаровала явно.

- Никогда не забуду того грустного впечатления, какое произвел на меня вид этого укрепления...

Его слова. И впечатления - его.

УРАЛЬСКОЕ, ИЛИ ИРГИЗ-КАЛА

1.

Впечатления были разноречивыми.

МАКШЕЕВ:"30 мая транспорт прибыл в Уральское укрепление и расположился лагерем в нескольких верстах от него. Укрепление было построено редутом, которого каждый бок имеет 55 сажен длины и состоит из бруствера со рвом обыкновенной полевой профили; внутри все строения, жилые и холостые, сложены из сырого кирпича и покрыты камышом. Это первое оседлое жилье, после трехнедельного похода, произвело на всех чрезвычайно приятное впечатление..."

ШЕВЧЕНКО: "Мы подошли на такое расстояние, что можно было ясно различать предметы. Представьте себе на сером фоне кучку серых мазанок с камышовыми кровлями, обнесенную земляным валом. Это было первое мною виденное степное укрепление, поразившее меня так неприятно своею грустною наружностью. И, действительно, оно издали больше похоже на загоны или кошары, чем на жилище людей".

Офицер-генштабист мерял мерками военной науки и войсковой практики.

"Лекарь Сокира" смотрел на укрепление глазами человечности.

Художник Шевченко во взгляде на Уральское был ближе к Макше-еву, чем к Сокире.

Вглядимся в первую же, эскизную его зарисовку карандашом, с едва видимой вверху справа надписью ЙРГИЗ. Уже она - подчеркиваю, первая - дает достаточное представление о разумно, целесообразно устроенном поселении. И о том, что на возвышенности, и о прочем - вокруг да около... Акварель - и подавно. "Неприятного" ощущения изображенное в красках не вызывает.

Потому что рисовал с желанием потрафить Обручеву, собственностью которого акварель стала на многие годы? Ну к чему такая напраслина на художника? "Грусть" рассказчика, ОЖИДАВШЕГО УВИДЕТЬ БОЛЬШЕЕ, не противоречит объективному воплощению на бумаге того, что увидел НА САМОМ ДЕЛЕ. Выходит, не покривил душою ни там, ни сям.

Как и Анатоль Костенко, автор упоминавшейся мною книги, я за то, чтобы под акварельным и карандашным рисунками зкэчилось: "Уральское укрепление". Так во всех случаях именовал его сам Шевченко. "Иргиз-кала" бытовала в речи казахов, затруднявшихся выговаривать мудреное для них словосочетание русских. Никакой уничижительной, отрицательной оценки это имя не несло. Иргиз -река, кала - город. Иргиз-город! Учитывая, что на первоначальной зарисовке есть его надпись "Иргиз", не грех давать в публикации и название двойное. Скажем, так: "Уральское укрепление (Иргиз-кала)".

А даты... Даты всегда и всюду нужны подлинные. В данном случае: 30 мая (день прихода транспорта в укрепление) - 1 июня (день перед отправкой дальше). И не придумывать "эмпирических" конечных чисел - они из области ничем не подтверждаемых предположений.

2.

Уральскому укреплению не исполнилось еще и трех лет.

Закладывал его Иван Федорович Бларамберг; не без гордости говорил о нем - "мое творение".

Воспоминания Бларамберга об июне и последующих месяцах 1845-го интересны и для нас, стремящихся полнее представить поход сорок восьмого, а в нем - прежде всего - Шевченко.

Разумеется, у крупного военного чина, к тому же видного специалиста в области топографии, картографии и инженерного дела, и у рядового солдата, пусть учившегося в столичной Академии художеств и уже известного поэтическими своими произведениями, взгляды на одно и то же могли различаться - даже коренным образом.

БЛАРАМБЕРГ:

"...Я взял направление на юг и юго-восток, вверх по Ори, а оттуда, оставив справа Мугоджарские горы, вниз по Иргизу. Каждое утро караван выступал с рассветом, до 11 часов проходил 25-30 верст и останавливался на привал на берегу речки или озера. Располагались большим квадратом, три стороны которого составляли башкирские телеги. Так мы оставались до следующего утра. Люди и особенно упряжные лошади отдыхали. В самом лагере было ежедневно много работы: то необходимо было отремонтировать колесо или ось, благо среди солдат и казаков были кузнецы, столяры, плотники, слесари и другие ремесленники, то накосить травы лошадям; некоторые ловили большими сетями рыбу, другие занимались стиркой или охотой на диких уток и прочую дичь - короче,

ежедневно в лагере было очень оживленно, как и во время переходов по необозримой степи... Люди были всегда бодры и веселы, потому что русский солдат - лучший в мире. Если он видит, что начальник хорошо с ним обращается; если его обеспечивают всем, что полагается ему по праву, т.е. он ежедневно получает хороший мясной суп (щи), кашу, хлеб или бисквит и т.д. и три раза в неделю стакан водки; если он к тому же видит, что его мучения не напрасны, то он пойдет за своим начальником в огонь и воду... После четырнадцатидневного марша без дневок я прибыл в район нижнего течения реки Иргиз, где мне было поручено выбрать наиболее выгодную точку для основания Уральского укрепления".

Дальнейшие события разворачивались так. Оставив колонну отдыхать на реке, Бларамберг с сорока казаками, офицерами, двумя топографами и легкой пушкой отправился изучать окрестности. Его внимание привлек холм Жар-молла, господствовавший над местностью на высоком правом берегу Иргиза. Более подходящего места, сколько ни искали, найти ни могла.

"... Течение Иргиза здесь медленное, но он не подвержен неожиданным разливам. Разливается река только весной, когда тают снега; правый берег очень высокий и обрывистый, в то время как с левой стороны простирается необозримая степь. Холм Жар-молла полого спускается к югу, так что со всех сторон отличный обзор. Почва - глина и песок вперемешку с солью. На берегах больших озер, расположенных неподалеку от холма, я обнаружил много камыша, который можно использовать как топливо... Здесь было практически все необходимое для основания форта и поселения..."

Три дня спустя пиками отметили на местности размеры нового укрепления, тут же очертили будущие стены, бастионы, помещения. Все расчеты проводились тотчас, без малейших промедлений. "Священник отслужил полевую службу и окропил святой водой войска и линии границ укрепления. После этого люди с лопатами и кирками встали по 120 человек вдоль четырех сторон форта и обоих размеченных бастионов и по сигналу барабана приступили к земляным работам. Они копали, словно кроты, отпуская солдатские шутки, и к полудню ров был готов как по глубине, так и по ширине..." Споро шли все прочие работы. За четыре-пять недель форт был вчерне построен. "Здания с дверьми и окнами, конюшни, крытые камышом, говорили удивленным кочевникам, что здесь брошено зерно цивилизации, которое должно принести новую жизнь в эту глухую и пустынную местность..." Ко времени официального его открытия, а именно 30 августа того же 1845 года, укрепление имело и казармы, и лазарет, и кухню...в общем, все, что требовалось для несения службы и для жизни.

История Уральского укрепления была короткой, но насыщенной предельно.

3.

Близ укрепления, вокруг него собрались в этот день, 30-го, все походные колонны и отряды, выступившие в мае из Орской.

Генерал Шрейбер, регулярно докладывавший с дороги о движении подначальных ему сил, отправлял новых гонцов - с рапортом военному губернатору Обручеву.

Рапорт был без всяких эмоций - деловым, и только деловым.

"...Все отряды, выступившие из Орской крепости в Уральское и Раимское укрепления, 30-го мая в Уральское прибыли благополучно; в продолжении пути от Дустановой могилы со стороны хивинцев не было никаких нападений, они прогнаты далеко и несравненно с большим уроном, чем показано войсковым старшиною Ивановым. При сем имею честь представить на благоусмотрение подробное донесение корпуса топографов прапорщика Яковлева о действии его против хивинцев, о чем уже было кратко упомянуто в донесении войскового старшины Иванова, а потому я не счел нужным до прихода в Уральское укрепление отправлять с нарочным это донесение..."

Донесение Яковлева нам знакомо, нами читано. Написанное Ивановым - то самое "бестолковое и безграмотное" - мы знаем в пересказе. Теперь оба автора и все живые участники боя были в Уральском и лагере возле него, доступные расспросам.

"... Пленных четырех человек, лошадей и часть верблюдов, отнятых у хищников, я предписал начальнику укрепления майору Лобанову принять в свое ведение..."

Лошади и верблюды не отличались от своих, в собственном транспорте. А вот пленные интерес вызывали. Зачинщиков баталии хотелось посмотреть каждому.

"... Транспорт, следующий в Раимское укрепление, я разделяю на три отряда, которые выступают эшелонами 2-го июня; о численности их я буду иметь честь представить... строевую записку.

Первый отряд следует в ведении войскового старшины Филатова, второй подполковника Ваулина и третий - в ведении сотника Падуро-ва..."

Дальнейшая диспозиция сил была обдумана еще в пути. Теперь она обретала силу приказа.

"... 3-я рота линейного N 5-го батальона, отправленная из Орской крепости до Уральского укрепления, следует также в Раимское укрепление, потому что майор Лобанов донес мне рапортом, что нижние чины, находящиеся в Уральском укреплении, до сих пор не получали годовых вещей и потому совершенно обносились обувью, так что не могут следовать в Раим..."

Его, Шевченко, рота следовала туда же, куда и он. Предвидели бы это заранее - не причисляли его самого в четвертый батальон, оставили, как и был, в пятом. Но степной поход это всегда неожиданности... Поговаривали - негромко, правда, - что дело вовсе не в обувке"уральцев", а в ожидаемых среди песков Каракумов хивинцах. Да, это могло быть - могло вполне. Начальство думало о том серьезно.

"... Оренбургские казаки, следовавшие до Уральского укрепления в транспорте войскового старшины Иванова, также идут в Раим для усиления конвоя при транспорте..."

Тут было сказано прямо. Однажды, или уже не однажды, в боях испытанным представлялась возможность отличиться снова.

"... При чем донести честь имею, что истраченные патроны съемочным отрядом, во время нападения хивинцев, равно и казакам, находящимся в отряде Иванова, я приказал пополнить из склада Уральского укрепления..."

Обойдя в рапорте Шрейбера всякое другое, с моей точки зрения второстепенное, не мог я обойти вопрос о патронах. И в самом деле: бережливый, даже скупой, Обручев против последних слов написал на полях: "вытребовать ведомости о числе выпущенных зарядов и патронов". Бой боем, а казенное добро счет любит...

Для генерала и старших офицеров - что армейских, что казачьих -Уральское укрепление превратилось на эти три дня в ВОЕННУЮ СТАВКУ, разрабатывавшую стратегию и тактику предстоящих операций.

Операцией был даже поход без всякого боя, просто через пески и вообще места гиблые. Но кто мог исключить возможность столкновения, причем с силами превосходящими?

К тому готовились.

Не забывал Шрейбер и обязанности инспекционные: Обручев относился к ним в высшей степени требовательно. Подробный отчет был впереди, пока давал оценки попутные. В том же донесении, к примеру, писал: "Больных сдано в Уральский лазарет 9 человек, в том числе пленный раненый хивинец; БОЛЬНЫЕ СОДЕРЖАТСЯ ОЧЕНЬ ХОРОШО И В ЛАЗАРЕТЕ ЧИСТОТА СОБЛЮДАЕТСЯ".

4.

С теми самыми гонцами, которые увезли пакет, адресованный Обручеву, ушло, скорее всего, и единственное письмо Макшеева родным ему людям, посланное с пути следования. Любящий сын и брат подавал о себе весточку родителям, Ивану Александровичу и Вере Васильевне, брату Александру, сестрам Надежде и Любови.Жив, мол, их Алексей, все у него в порядке...

Письмо дошло, больше того - не затерялось и позже; нашел я его в небольшом фонде 201 (А.И.Макшеева), что хранится в ЦГВИА - архиве мирового значения (дело 2-е).

Не все в письмах Алексея Ивановича удалось мне разобрать, кое-что повреждено, но это читается и поддается воспроизведению.

Дата на листке - 31 мая 1848 года, место писания - "около Уральского укрепления".

Итак -

"Пользуюсь каждым случаем, чтобы писать к вам, но, увы, не рассчитываю скоро получить от вас известия. Вот уже три недели как я в степи, и все идет хорошо: вполне здоров, недостатков ни в чем не чувствовал и находил еще развлечение в беседе с добрыми людьми и в самой новости такого путешествия. Я бы много хотел сообщить интересного о здешнем крае, но в степи весьма неудобно писать, поэтому отлагаю до возвращения в Оренбург в конце сентября; а теперь пишу только для того, чтобы вы обо мне не беспокоились.

Сегодня у нас дневка, завтра выступаем далее. Дальнейший поход будет несколько более затруднительным для лошадей по причине песка, недостаточности корма и воды на пространстве 300 верст до Раима, откуда я буду еще писать к вам, хоть несколько строчек.

Здесь нет почт постоянных и по мере надобности посылают казенные пакеты с киргизами, поэтому оказию предвидеть нельзя..."

Вот и все, кроме поклонов, пожеланий и поцелуев.

Письмо писалось если не на глазах у Шевченко, то, во всяком случае, не в тайне от него. С помощью Макшеевв мог бы отослать с той же оказией и свое. Наверняка ждут от него известий Лазаревские, Лизогуб, Репнина. С выходом из Орской они отодвинулись далеко-далеко, будто растворились, рассеялись в ином, ирреальном, несуществующем мире. Но вы уж, добрые люди, извините, - писать не стану. Все так неопределенно, так смутно. Сетовать? Не на что. Хвалиться? Нечем...

А и впрямь: что бы он написал, явись ему такое желание?

Да то же самое, что и Макшеев.

Слава Богу, здоров. "Недостатков" не больше, чем у других. Хороших людей хватает. Ново - все. И его пугают Каракумы. И ему в тягость усложняющаяся переписка. Еще бы - для почтальонов каждая поездка это риск. (Бларамберг писал: "Обычно ездили два почтальона, вооруженные карабином и пикой. Их провиант состоял из мешочка с сухарями, крупы (или проса) и курута (сухого овечьего сыра),., на месте они получали свое ежедневное довольствие крупой и бараниной. Так как киргиз великолепно ориентируется на местности и имеет острый глаз, он уже издалека чувствует опасность и выбирает такую тропу, чтобы обезопасить себя от нападения..."). Как бы опасность ни чувствовали - и нападали на них, и убивали, и грабили. А расстояния какие! Только отсюда в один конец пять-шесть суток. А из Раима? Тем паче с далекого аральского берега?

Так лучше уж и не писать, и не бередить душу ожиданием...

Оттого своей возможностью сейчас не воспользовался. Да простят его Бог и люди - друзья добрые!

Его "письмами" были его рисунки.

5.

Не хочу СОЧИНЯТЬ - ищу и пишу БЫЛЬ. Ради нее, ради этого "выспрашиваю" свидетелей. Но как их мало - тех, кто не только тут побывал, а и впечатления свои записал...

Вспоминал Уральское тот же Иван Федорович Бларамберг; к ранее сделанному его представлению добавлю, что он, вместе с женою, Еленой Павловной, портрет которой впоследствии нарисует Шевченко, вырастят и воспитают двух известных в свое время представителей русской культуры композитора П.И.Бларамберга и писательницу Е.И.Бларамберг, печатавшуюся под псевдонимом "Е.Ардов".

"Я часто засиживался до полуночи перед своей кибиткой, любуясь прекрасной лунною ночью, - рассказывал первый строитель укрепления. - Передо мною простиралась необозримая степь, освещенная магическим светом полной луны. В торжественной

тишине ночи, нарушавшейся иногда возгласами караула или фырканьем лошадей, было что-то призрачное, а далекие песчаные холмы, очерчивавшие горизонт, возвышались над степью, как белые привидения-великаны. Сколько пастушьих племен, о которых почти не упоминает история, кочевало в этой безлесной степи! По этой степи мчались на быстроногих конях монголы, чтобы ринуться в Восточную Европу и предать там все огню и мечу. Позже здесь прошли с семьями и скотом тысячи калмыков, двигавшиеся от берегов Волги в Китай; более половины их погибло в пути из-за стычек с врагами, от голода, жажды, холода и бедствий. Лишь в XIX веке европейская цивилизация проникла в эту степь. Баранта и распри между киргизских племен, кочевавших между рекой Уралом, Каспийским и Аральским морями и Сырдарьей, стали гораздо реже. Русское правительство делало все возможное, что, упорядочить отношения между кочевыми ордами..."

Это - Бларамберг. Инженер и - поэзия. Поэзия истории... Сколько же такой пбэзии несли еще год назад неведомые ему места поэту и художнику Шевченко!

Дымкой загадочности, ореолом своеобразной романтики повито в уходящем свете дня Уральское укрепление на его небольшой, во всех деталях проработанной акварели - речь о ней шла в начале главы. На переднем плане, тоже в задумчивости, казах; картинка малолюдна, но населена; своя жизнь в кибитках и на реке.

Рисовано С НАТУРЫ - от первого мазка и до последнего. Никаких отдаленных "конечных" дат (тут тоже указано невесть чем приглянувшееся составителям восьмого тома 15-е января 1850 года). Походное рождалось В ПОХОДЕ - от замысла и ДО ВОПЛОЩЕНИЯ. Будь-то в карандаше, будь-то в акварели. Тут же и подавно - в его распоряжении было ТРИ дня и ТРИ ночи...

...Рисунки - как письма.

МНОГО БОЛЬШЕ, чем письма.

6.

Тридцатое мая было воскресеньем.

БЛАРАМБЕРГ: "По воскресеньям после богослужения и обеда проводились разные игры, чтобы у солдат и казаков было о чем поговорить. При этом я устанавливал небольшие денежные премии, чтобы придать игре больший интерес. Настроение людей поднимал и стакан водки, специально выдававшийся по этому случаю..."

Лагерь жил своей, отдельной от укрепления, жизнью. Но и в укреплении за воскресеньем шли понедельник, вторник... - БУДНИ.

БЛАРАМБЕРГ: "Каждый вечер, в 9 часов, играли вечернюю зарю, давали пароль и закрывали вход в форт и выход за его пределы. Затем на оба бастиона и вокруг зданий с внешней стороны форта выставляли караул. В общем, принимались все меры предосторожности, чтобы обеспечить жизнь и благополучие гарнизона..."

В лагере правила действовали иные, составленные самим Обручевым и обязательные для всех:

- "по пробитии зори, часовым, начиная с главного караула, давать сигналы, причем каждому посту принимать его от соседнего, с левой руки, без всякого промежутка времени, таким образом, чтобы голос, не умолкая, обходил всю цепь и снова доходил до часового у главного караула";

- "орудия на ночь заряжать картечью, приспособленною таким образом, чтобы поутру можно было разрядить орудие посредством веревки; часовым же иметь самые исправные ружья, заряжая их также на ночь";

- "когда отряд приходит на ночлег, то подводы сдвигать, устанавливая их таким образом, чтобы оглобли нижестоящих повозок ложились на кузова вышестоящих",

и так далее, и тому подобное - предусматривалось все. Оставалось только выполнять.

Май заканчивался, а июнь начинался возле укрепления на берегу Иргиза. Второй его июнь в неволе...

Итог этих "пограничных" дней подвел Макшеев:

"Трехдневный отдых около укрепления видимо освежил всех, и по ночам, при ясном небе и серебристом свете луны, в лагере долго раздавались то протяжные, то веселые звуки русской хоровой песни".

ПОД ЗВЕЗДАМИ ДЖАЛОВЛЫ

1.

На всю многодневную южную часть похода - от Уральского укрепления до Раимского - в последней по времени выхода академической биографии Тараса Шевченко отведено три небольших абзаца.

Обойдена она как "творчески непродуктивная"? Но где начинается и где заканчивается творчество? Чем и как измеришь глубину чувств, остроту впечатлений, которым суждено перелиться в образы, вызвать творческий взрыв?

Да, было ему не до рисования - хотя и рисовал; кое-что (не все, конечно) дошло. Да, после "У Бога за дверми лежала сокира" поэтических строк не родилось, точнее на бумагу не выплеснулось. Таких, о которых мы могли бы сказать: это определенно из похода, это из тех, и только тех, недель.

Но ведь именно на "южные" три сотни верст, на "южные" четырнадцать переходов приходятся едва ли не высшие испытания сил Шевченко за весь тяжелейший первый год солдатчины. В любой час любого дня мог он пасть под беспощадным, сжигающим солнцем, от иссушающей жажды или вонючей, гнилой воды, от нескончаемых песков, в которых вязли ноги, да так, что не оторвешь их, не вытащишь.

Макшеев заметил, что "походная обстановка его (Шевченко - Л.Б.) нисколько не тяготила; но когда, после продолжительного похода, мы приходили в укрепление..., Тарас Григорьевич шутливо обращался к моему человеку со словами: "дай, братец, квасу со льдом, ты знаешь, что я не так воспитан, чтобы пить голую воду" Но... УКРЕПЛЕНИЕ на всем пути было ОДНО - Уральское, если с Карабутаком, то два, здесь же, перед лицом пустыни, оказывался бессильным даже предприимчивый, заботливый крестьянин Марковей.

Без воды, под огненным солнцем, по раскаленным пескам... Все это запомнится, все в свой час проявится, ничто не испарится, но надо выдержать, выстоять, вышагать.

Первые переходы после укрепления Уральского были еще не каракумскими, а только их преддверием.

2.

От Уральского укрепления двинулись тремя эшелонами. Оба транспорта - тележный и верблюжий, все отряды, роты, сотни сошлись на Иргизе не только для отдыха, но и ради переформирования перед последним броском.

БРОСОК, конечно, слово тут не совсем подходящее. В нем, помимо всего прочего, высокий темп, динамичность, СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ. А какой "стремительности" можно было ожидать от тяжело груженных лошадей и верблюдов? И все же БРОСОК: видна конечная цель, достижение ее можно рассчитать во всем, в том числе во времени.

Каждый эшелон, отправившийся к Раиму, состоял из пятисот повозок и тысячи верблюдов. Прикрытие было усилено за счет тех повозок, которые отправлялись в Уральское, но там, по причинам непредвиденным, не остались. Таким образом, прикрытие получилось большим, чем ожидалось: рота пехоты, пять с половиной сотен казаков и четыре орудия.

Бутакова с командою отправили в первом эшелоне - им командовал войсковой старшина Филатов.

Генерал Шрейбер следовал при втором, который вел подполковник Ваулин.

Третий - сотника Падурова - шел за ними...

Все, казалось, было предусмотрено. Полновластный автор диспозиции похода, в том числе и на этом, завершающем участке (имею в виду Обручева) , мог, получив из

Уральского рапорт Шрейбера, быть вполне доволен осуществлением своего плана и в главном, и в деталях.

Но эшелоны стали давать сбои уже в первые дни после того, как протрубили поход.

И опять слово Макшееву; некоторое время погодя начнет он ратовать за изменение инструкций штаба Отдельного Оренбургского корпуса и три года спустя, уже при новом командире, В.А.Перовском, своего добьется.

- Тележный транспорт был снаряжен в Орске крайне скупо из одноконных подвод, поднимавших по 20 пудов грузов. До Уральского укрепления грунт дороги был большею частью твердый, недостатка в воде и подножном корму не было и жары стояли еще не сильные, потому транспорт дошел благополучно. В это время можно было даже наблюдать, чтобы во время движения он не растягивался и если неисправность в какой-либо подводе останавливала все следующие за нею, то ее отдергивали в сторону и по исправлении снова вводили в линию. Верблюжий транспорт дошел до Уральского укрепления также благополучно, потому что следовал отдельно от тележного...

И йот тут, на пространстве особенно сложном:

- Здесь верблюды были соединены с повозками в три совершенно одинаковых эшелона. Мера эта оказалась крайне непрактичною. Желание согласовать ход верблюдов, делающих обыкновенно от 4-х до 5-ти верст в час, с ходом измученных лошадей, еле тянувших свои возы, вредило верблюдам. Кроме того, каждый эшелон был так велик, что для него недоставало воды в кудуках. Кудуки в состоянии напоить до 1000 голов скота, а в эшелоне их было до 2000. От этого, конечно, еще более терпели несчастные лошади...

Сказывалось и такое, отмечал Макшеев:

- Начальство, заботясь более всего о буквальном исполнении инструкции корпусного командира, в которой на первом плане было поставлено сохранение целости и безопасности транспорта, совершенно забывало о сбереженнии сил войск и наряжало на службу даже более третьей части всего числа людей. Люди, не имея отдыха, утомлялись и, конечно, не могли отправлять самую караульную службу должным образом. А между тем ее можно было значительно облегчить уменьшением несоразмерно большего числа постов - как внутри ва-генбурга, при повозках и верблюжьих вьюках, для охранения казенного имущества, так и вне его, для обеспечения транспортов от ^нечаянного нападения...

Чем дальше отходили от Уральского, том больше чувствовалась обременительность похода эшелонами. Но инструкция обязывала и -"быть по сему". Небольшие изменения вносили - на радикальные не отваживались.

... Ничего доброго южная часть не сулила с самого начала.

3.

Первый из этих четырнадцати переходов заканчивался у озера Джалангач, в двадцати верстах от Уральского укрепления.

Следующий - у озера Китайкуль (от предыдущего его отделяло шестнадцать верст).

На третий день пути добрались до речки Джаловлы. Тридцать шесть верст, проделанные с небольшой передышкой посреди перехода, измучили и лошадей, и людей; изнемогли даже выносливые верблюды.

У Джаловлы была объявлена дневка.

ШЕВЧЕНКО: "Пройдя Уральское укрепление, мы два раза останавливались на озерах, а третий ночлег и дневку провели на речке Джаловлы. За этой гнилой речкой начинаются страшные Каракумы (черные пески). День был тихий и жаркий. Целый день у нас только и разговору было, что про Каракумы. Бывалые в Каракумах рассказывали ужасы, а мы, разумеется, как не бывалые, слушали и ужасались...

Но и до "черных песков" увидеть, услышать, вытерпеть, пришлось немало.

Впервые видел БАЙГУШЕЙ.

БЛАРАМБЕРГ: "Бедняки-киргизы, называемые байгуши, не имеют ни овец, ни

крупного рогатого скота; они занимаются земледелием и выращивают просо и ячмень. Их земледельческие орудия - кирки и лопаты - очень примитивны. Искусственное орошение полей, разделенных на небольшие квадраты, - весьма трудоемкий процесс. Маленькие канавы, прорезающие поля, необходимо заполнить водой, которую байгуши носят в кожаных бурдюках из близлежащих рек или озер. Это очень изнурительная и тяжелая работа..."

Не тут ли, у Джалангача, Китайкуля или Джаловлы, возникла у Шевченко тема байгушей? Тема, которую он, художник, будет решать все годы солдатчины, уделяя особое внимание, выражая особое сочувствие байгушам-детям?

"Твои киргизята прекрасны! Ты олицетворяешь идеи" - так откликнется на одну из его работ этого ряда Зыгмунт Сераковский.

Идеи сочувствия и солидарности... Идеи братства...

Иной раз видны были аулы, попадали в поле зрения кочевники-казахи. До чего же тяжко в этих местах жить! как трудно достается необходимое!

"Расписание" предупреждало: "На этом ночлеге подножный корм весьма скуден. Значилось такое против имени озера: Джалангач. Но не значилось другого, не менее существенного: вода в нем оказалась "сильно солоновата" Пить ее было противно. Другой, однако, не предвиделось.

Озеро Китайкуль уже к этому времени оказалось высохшим болотом. Добравшись до него, не остановились, а "должны были направляться в сторону, Тополанкулю, где вода была переполнена крупными инфузориями" (свидетельство Макшеева). Не могли же еще день оставаться без мало-мальски сносного водопоя.

Речку Джаловлы сам Шевченко поименовал "гнилой". В жаркое лето она основательно пересыхала. Только-только начался июнь, а местами в ней воды уже не было...

И бесконечная скудость корма: "Степь .безотрадно гола и только местами встречаются на солонцеватых равнинах сухой ковыль да полынь..." Как умудряются они, трудолюбивые казахи, кормить тут свой скот, поддерживать его и свое существование?!

4.

Восторженный Павел Иванович Небольсин, писатель в то время небезызвестный, описывал походы "высоким штилем", вполне соответствовавшим задаче как можно более превознести "любимца счастья" и "неутомимого вождя" Обручева.

В диалоге Автора с его собеседником Меценатиным упоминается и экспедиция Бутакова.

"- Где достал лодку г.Бутаков?

- Она была у него на шкуне...

- На шкуне?.. Да шкуну-то откуда он привез?

- Из Оренбурга.

- Как из Оренбурга? Какая же река из Оренбурга течет в Аральское море?

- Никакой: он привез ее сухопутьем, киргизскою степью, на верблюдах! В Оренбурге ее разобрали; на устье Сырдарьи снова сложили.

- Вы надо мною шутите!..."

Мы знаем, что Автор у Небольсина в этом случае отнюдь не шутил

- именно так и было. Сейчас вереница телег с разобранной на части шхуной "Константин" и всем, что морской экспедиции требовалось, Двигалась в первом эшелоне. Тут же шли, иногда ехали, те, с кем Шевченко предстояло разделить тяготы и новизну предстоящих месяцев, а может даже лет.

Куда и на какое время он идет, представлялось слабо. Но чем ближе знакомился с, будущими сотоварищами по Аралу, тем бодрее становилось настроение.

В последние дни особенно много говорили с прапорщиком Поспеловым Ксенофонтом Егоровичем.

Был он, как значится в найденном мною формулярном списке (ЦГАВМФ, ф.406,

оп.3, д.353), "из обер-офицерских детей, сын штурмана 9-го класса, российской нации, православного исповедания, холост". Ни у родителей, ни у него самого "недвижимого имения" -родового ли, благоприобретенного - не было. Из двадцати семи прожитых лет уже шестнадцать было отдано морю. Да-да, с одиннадцати годков, когда, по обыкновению того времени, отец-моряк приписал его к первому штурманскому полуэкипажу. А уже в двенадцать стал ходить на судах Балтики.

Фрегат "Нева" - корабль "Император Александр I" - шхуна "Дождь"

- тендер "Лебедь" - лоцсудно "Тритон" - потом другие: "Отважность", "Метеор", "Кастор", "Россия", "Екатерина"... На разных судах привелось ему участвовать в съемках берегов, десантных операциях, описных походах. Аттестовался похвально: в поведении и должности хорош... весьма хорош... усерден... очень хорош... И так из года в год. Ни разу не подвергался штрафам, за все время не пользовался отпусками - служил С УДОВОЛЬСТВИЕМ. Шевченко сидел в петербургском каземате, потом переправлялся в Оренбург, оттуда в Орскую крепость, служил в этой клятой "Яман-кале", а Поспелов в те месяцы ходил в отряде под начальством капитана первого ранга Рей-неке 2-го из Кронштадта в Свеаборг и обратно, в Кронштадт.

У Шевченко и Поспелова оказались общие знакомые. Тарас знал кое-кого из моряков - лично знал или понаслышке; Ксенофонту были известны некоторые художники, даже картины их помнил. Вспоминали людей. Вспоминали петербургское. Заглядывали вперед.

В Аральскую экспедицию Поспелова позвал Бутаков. Описные работы штурману были знакомы по Балтике: доводилось снимать берега Лугского залива, остров Сескаре и мыс Кургало в Финском... Но то, конечно, ни в какое сравнение не шло с предстоявшим на Арале, где описать предстояло ВСЕ МОРЕ - неизведанное, неисхоженное, таинственное.

Об этом море рассказывал что знал. Знал мало, но много больше спутника и, волею судьбы, неожиданного сотоварища.

Беседы, естественнно, были не только профессиональными. И не столько "морскими", сколько вполне сухопутными, даже житейскими. Чего они не касались!...

Однако мы там не были, в разговорах тех не участвовали, а гадать всегда рискованно. Напомню лишь об одном: дружба, родившаяся в дороге, продолжалась годы и не омрачило ее ничто. "Тарас, Левицкий, Поспелов и я зажили, что называется-^ душа в душу: ни у кого из нас не было своего, все было общее", - вспоминал Федор Лазаревский совместно прожитые дни, уже оренбургские. Эта дружба, после ареста Шевченко весной 1850 года, была поставлена Поспелову в вину; его призвали к ответу, как одного из виновников послаблений в отношении опального поэта-художника. Тем не менее связывавшие их нити сердечной приязни не оборвались.

... А начиналось все в походе.

5.

Продолжаю вести календарь.

2-е июня - переход к Джалангачу. 3-е - до Китайкуля (точнее Тополанкуля). 4-е - к Джаловлы. 5-е - дневка на этой речке.

"Бывалые в Каракумах рассказывали ужасы, а мы... слушали и ужасались..."

До песков было рукой подать; они страшили и тех, кто в пустыне бывал, и всех других, которым предстояло первое с нею знакомство.

Альбом Шевченко открывал лишь для того, чтобы сделать самые беглые, эскизные зарисовки - "почеркушки", как иной раз говорят художники. Особенно присматривался к верблюдам, их гордой стати, к спокойным, уверенно державшимся, степным казахам, готовым, кажется, ко всему. Иной раз на страничке еще на Украине заведенного альбома уже оказывалась зарисовка, сделанная-там, на родине. Но свободное место оставалось, и он заполнял его чем-то здешним.

Настроения, желания хватало не больше чем на карандашные наброски. За кисточки даже не брался - не тянуло...

Под конец дневки узнал: солдатка, едущая к мужу своему, в Раим, разрешилась сыном. На душе потеплело, враз слетела заскорузлая суровость - будто своего сына дождался.

Началась новая человеческая жизнь... И где? Перед страшной пустыней! Каково там будет новорожденному "исходнику"? Как встретит его с матерью солдат, много лет не видевший своей жены?

Вспомнилось собственное, еще в ТОЙ жизни написанное:

Рости, роста, моя пташко,
Мш маковий цвгге,
Розвивайся, поки твое
Серце не розбите...

Вспомнились горемычная Катерина и ее несчастный Ивась:

... Катерина, серце мое !
Лишенько з тобою!
Де ти в свт подшешся
3 малим сиротою?..

Он еще много стихов об этом напишет - о доле матери, о горемыке-сироте, о судьбе своих братьев и сестер, обойденных, обделенных счастьем. И не раз, возможно, припомнится ему рождение крестьянского, солдатского сына на возу в походе - на берегу Джаловлы, в преддверии Каракумов.

Сейчас же вытащил из торбы своей лимон - один из двух, подаренных в Карабутаке Герном, - и понес женщине. Да еще Марковей дал немного сахара - какой-никакой, а подарок полезный...

ПЛАКАЛИ ВЕРБЛЮДЫ...

1.

Как различны бывают взгляды на один и тот же предмет!

"Все земли пред тобой убоги, о пустыня!" Это сказал современник Шейченко поэт и полководец Востока Сеитназар Сейди. Ему Каракумы были дороги как родина.

"Так что же такое Каракумы? - размышляют наши современники из ученого мира туркмен Аширгельды Арнагельдыев и россиянин Владимир Костюковский. - Безбрежные пространства, покрытые заросшими песчаными грядами, - это Каракумы. Гладкие такыры, изрезанные эрозией скалистые обнажения - это тоже Каракумы. Журчащие водами арыков, утопающие в зелени садов оазисы также располагаются на территории Каракумов".

Но даже привязанные к этим просторам в 360 тысяч квадратных километров не могут обойти молчанием то печальное обстоятельство, что солончаковые пустыни Каракумов не без оснований рассматриваются человеком как бросовые земли, что для земледелия они не пригодны, для животноводства неблагодарны, для промышленной добычи соли невыгодны. И вообще доставляют слишком много хлопот-их тут не оберешься, опасности подстерегают на каждом шагу.

Это сейчас, когда всюду самая разнообразная техника.

А тогда?

2.

Вспоминал свою экспедицию 40-х годов И.Ф.Бларамберг, и те самые места, к которым подошли эшелоны июня 1848-го.

- ,,, Мы продолжили наш путь по песчаной равнине, песчаным холмам и высохшим соленым озерам (солончакам), - передавал Иван Федорович свои впечатления от ТОГО июня, тоже ИЮНЯ. - Пустыня эта носит название Каракум (Черные пески). Солончаки представляют собой большие равнины с соленой кристаллической коркой ослепительно-белого цвета и без малейшей растительности. Некоторые солончаки сухие, и их почва настолько тверда, что подковы лошадей не оставляют на ней следов; в других - вязкая

глинистая почва, смешанная с солью, и по ней нельзя пройти пешком, не говоря уже о том, чтобы проехать верхом на лошади и с нагруженными верблюдами...

ШЕВЧЕНКО: "Задолго до рассвета (6 июня - Л.Б.) начали вьючить плачущих верблюдов и мазать телеги. Начальник транспорта [торопил], чтобы как можно раньше сняться и до жаров пройти переход..."

"Плачущих верблюдов..." О настроении людей не стал и писать. Уж если горько этим многотерпеливым уроженцам и хозяевам здешних мест!..

Пустыня свой характер выказала сразу.

Жара набросилась на едущих и идущих раньше обычного. Ну а затем, уж совершенно внезапно...

ШЕВЧЕНКО: "... представьте наше удивление: когда мы вошли в песчаные бугры, солнышко уже было довольно высоко, а ожидаемого жару и знаку не было. И чем выше солнце поднималось, нордовый ветер свистел и делалось холоднее, так что к полдню мы ПРИНУЖДЕНЫ БЫЛИ ВООРУЖИТЬСЯ ШИНЕЛЯМИ..."

От жары до холода оказалось рукой подать - не то что до места. Есть тому объяснение научное: равнина, в которой располагаются Каракумы, горами защищена с юга и юго-востока, со всех же остальных сторон ветры без препятствий вторгаются сюда и гуляют по поверхности "сколько душе угодно".

Учеными выяснено: ветры северных румбов весной и летом достигают тут скоростей наибольших. Но не меньшие скорости обретают на просторе и сильные горячие ветры - гармсили, несущие с собою жару, сухость и пыль.

Шли к копаням Терекли. От Джаловлы до этого места было тридцать две версты.

... Копани... Слово и знакомое, и таинственное... Спросим его тогдашнее значение у Владимира Ивановича Даля. "КОПАНЬ... яма, вырытая для скопления дождевой воды... неглубокий, ямный колодезь, без сруба; деревня, исподволь при КОПАНЯХ поселившаяся, нередко также называется КОПАНЯМИ". Бывалые люди к месту этому стремились. Хотя стремились бы и к любой другой стоянке - лишь бы остановиться, испить воды, лечь где попало и как попало.

Добрели до места только к вечеру - измученные вконец.

БЛАРАМБЕРГ: "...Расположились у колодцев Черекли (у него так - Л.Б.), которых насчитывалось 15. Вокруг них росла трава. В этот день во время марша пал первый верблюд..."

Оказались ли такие потери в эшелонах Шрейбера - не знаю.

Знаю одно: переход в Терекли-Черекли был не самым тяжелым на каракумских верстах.

Впереди было труднее.

"Деревня, исподволь при копанях поселившаяся" стояла поодаль. Не деревня, разумеется, - аул.

Не с неба брал свои впечатления лекарь Сокира, "описывая (цитирую "Близнецы") быт кочующих полунагих киргиз, сравнивая их с библейскими евреями, а АКСАКАЛОВ их - с патриархом Авраамом".

Видел таких и тут.

3.

ШЕВЧЕНКО: "Трое суток мы не снимали шинелей, и над рассказчиками про ужасы Каракумов начали было уже подтрунивать, как вдруг ветер начал быстро стихать и к полудню совершенно стих. До колодцев оставалось еще верст десять, и эти десять верст показались мне десятью десять. Жара была нестерпимая..."

Разберемся в маршруте и - в датах.

Есть в "расписании" такое примечание: с копаней Терекли до озера Камышлыбаш (больше 180 верст!) транспортная дорога тянется по окраинам песков Каракумов.

БЛАРАМБЕРГ (о следующем после Терекли переходе): "... мы смогли пройти только 16 верст, так как дорога вела по глубокому песку, по ложбине, поросшей

камышом".

До копаней Джулюс (у Бларамберга - Уссулюс) верст было семнадцать. Но они дались усилиями изматывающими.

МАКШЕЕВ:"... Вследствие сыпучих песков, сильного недостатка в воде и подножном корме утомление лошадей дошло до крайности. Подводы растягивались во время движения на 10, 15 и даже на 20 верст, порядка не было никакого, люди падали, в телеги подпрягали казачьих лошадей..."

Так прошло 7-е. Собственно, проходило. А закончилось у долгожданных колодцев.

О, водопой в пустыне требовал еще большей распорядительности, чем движение!

Колоритно описал его тот же Бларамберг, проложивший этот путь еще в 1841-м:

"У каждого колодца до прихода колонны я выставил охрану, чтобы люди, обезумевшие от жажды, не устроили свалку. Потом напоили из корыт лошадей и убойный скот; животные с ржанием и ревом теснились у колодцев, и их пришлось останавливать силой, пока все они не напились. Для казаков и солдат это была тяжелая работа..."

Не заканчивалась она и с окончанием водопоя.

Те же солдаты, те же казаки права на отдых не обретали и теперь. Их наряжали в караулы.

МАКШЕЕВ: "... Верблюды, укладываемые на ночь на одном из фасов вегенбурга, около своих вьюков, не требовали особенно бдительного наблюдения. Что же касается до караулов при конских табунах, то ослабить их действительно не представлялось возможности, потому что угон лошадей в степи - вещь не трудная, при темноте южных ночей и при склонности киргиэ к подобным предприятиям, и потому еще, что в песках подножного корма слишком недостаточно, чтобы можно было загонять табуны на ночь внутрь вагенбурга, как это делалось до Уральского укрепления". Не полон был отдых и для тех, кто мог спать, так как в караулы не попал. "Ночи в степи иногда были свежи, а между тем нижние чины не имели никакого прикрытия, кроме шинели, которая служила им и постелью и одеялом, а джуламейки давались только офицерам".

Эти ночи досаждали'еще больше, чем дни. Холод проникал и в джуламейку.

4.

8-го июня ПОЛЗЛИ, и после восемнадцати верст ДОПОЛЗЛИ до Каракудука.

Переводится это название и просто, и выразительно: "черный колодец". А смысл один: КОЛОДЕЦ, ВОКРУГ КОТОРОГО НЕТ КОРМА. Голодное, в общем, место - ничем не разживешься. 9-го, уйдя от этих колодцев, отправились к Дургурлюксору. Ближе останавливаться было негде - ни воды попить, ни лошадей, верблюдов, прочий скот напоить, попасти его на воле (взятого корма разве хватит?)

Полдня шли в шинелях; но внезапно - так же внезапно, как начался, - северный ветер, будто по команде, присмирел, замер и на людей, на все живое обрушилась жара.

ШЕВЧЕНКО: "Жара была нестерпимая".

Последнюю треть тридцативерстного перехода она сделала истинным адом. "... Эти десять верст показались мне десятью десять..." Гармсили брали реванш над нордом и торжествовали победу.

МАКШЕЕВ: "Положение войск было немногим лучше, чем упряжного и вьючного скота. Переход оканчивался только к вечеру и потому люди, находясь в походе значительную и самую неблагоприятную для этого часть дня, томились от медленного и неправильного движения, с непрерывными остановками для поджидания подвод и оказания им помощи, от пыли, которая в песках покрывала лицо толстым слоем наподобие маски, наконец от нестерпимой жары и жажды".

Вода мнилась и снилась. Она была главным предметом мечтаний всех и каждого. Ни о чем так не думалось, как о ней.

ШЕВЧЕНКО: "Никогда в жизни я не чувствовал такой страшной жажды и никогда в жизни я не пил такой гнусной воды, как сегодня. Отряд, посылаемый вперед для расчистки колодцев, почему-то не нашел их, и мы пришли на гнилую солено-горько-

кислую воду. А вдобавок ее в рот нельзя [взять] не процедивши: она пенилась вшами и микроскопическими пиявками. Тут-то я вспомнил подарок моего карабутацкого друга и, благодаря его догадливости, я с помощью лимона выпил стакан чая. Ничем так быстро не утолишь жажды, как горячим чаем вприкуску. Тот только почувствует всю цену сему китайскому продукту, кому пришлось хоть раз пройти эту киргизскую Сахару".

Один лимон он подарил солдатке, родившей сына, другой разрезал сейчас, когда на ночном привале явилась возможность заварить на костре выстраданный мечтою его походный чай.

5.

Так что, он просто шел? не рисовал? не сочинял?

Создается впечатление, что биографы иной раз за Шевченко... извиняются: бездельничал, мол, ничего не делал, будто не гений вовсе - обыкновенный солдат. И стараются его "оправдать", "обелить", прибегая к обобщениям, не всегда вытекающим из реальных условий походных дней.

"Но и в этих тяжких условиях Шевченко не забывал о рисовании. Не проходило и дня, чтобы рука не держала карандаша, а в альбоме или просто на клочке бумаги не появлялся эскиз или этюд какого-то предмета, вида. Да и можно ли удержаться настоящему творцу, чтобы не зафиксировать, когда встречается что-то новое, доселе невиданное, волнующее..." (А.Костенко).

Нарисовал он меньше, чем нам хотелось бы (и, наверное, хотелось ему). "Вообще же, кроме упоминавшихся акварельных рисунков, -пишет тот же автор, - он исполнил в пути до Раима еще более двадцати пяти известных нам этюдов и набросков, а всего свыше тридцати рисунков, которые в целом воссоздают как природу, так и историю этого пустынного края". Арифметика тут с существенными натяжками, еще большие - в решении-выводе.

Слишком уж громко, безапелляционно сказано: "в целом воссоздают как природу, так и историю". ОТДЕЛЬНЫЕ детали природы... ОТДЕЛЬНЫЕ моменты походной жизни... ОТДЕЛЬНЫЕ черты этнографии... самая МАЛОСТЬ истории, угадываемой в рисунках Дустановой могилы и "Джангыс-агача"... Были дни, и, наверное, не единичные, когда за карандаш он не брался - пусть даже все вокруг было впервые виденным, экзотически-удивительным. Художник - не фотоавтомат, для работы ему нужны и силы физические, силы нравственные, а не только, не исключительно талант, навык, техника.

Тем не менее удивляешься: работал - и наработал интересное. То, что со временем проявится во многих его творениях, возвысивших Шевченко до народом данного звания: ПЕРВОГО ХУДОЖНИКА КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ. Первого и по времени, и по уровню мастерства...

И эта дорога была его творческой мастерской. Но в ней, МАСТЕРСКОЙ НА ХОДУ, он лишь искал, лишь вырабатывал свой подход к новой теме и новому материалу. Когда словянин берется за изучение английского, французского, немецкого - языков не близких, не знакомых, - он сначала постигает азы, разговорная же речь, умение воплощать свои мысли в иноязычных звуках приходят далеко несразу, после большого труда и усилий отнюдь не мгновенных.

В "мастерской" своей Шевченко работал "до седьмого пота". Изнывал от солнца и жажды, задыхался от всепроникающего раскаленного песка, валился с ног, но шел, смотрел, схватывал, обдумывал, и все полнее представлял себе "эту киргизскую Сахару" - определение его, ни у кого не заимствованное, им рожденное...

10-го июня двигались к КУЛЬКУДУКУ.

"ВИЖУ МОРЕ!"

1.

Допекали не только бесконечные пески под палящим солнцем, постоянная

нехватка воды и отсутствие день деньской, от утра и дотемна, какой-либо тени, даже ее подобия.

Эшелоны продвигались медленно и тяжело; люди, лошади, верблюды выбивались из сил; настроение участников похода заметно падало.

А ко всему тревоги ВНЕШНЕГО ХАРАКТЕРА. Рядовых в них не посвящали, но Шевченко был В КУРСЕ. Через Макшеева, который приносил самые последние известия... через Бутакова и Поспелова.

Тревоги по случаю возможного нападения НЕ УТИХАЛИ.

9 июня генерал-майор Шрейбер отправил очередной рапорт командиру корпуса Обручеву.

"... При сем имею честь почтительнейше донести, что 8 июня поздно вечером получено мною от начальника Раимского укрепления подполковника Матвеева донесение, заключающее в себе, что 4 и 5 сего июня получены им были разноречащие сведения, что посланный хивинским ханом султан Буре Таукин с 200-ми киргизцев, прибыв на Куван-дарью, не дозволяет кочующим там киргизам переходить по их желанию на правый берег Сырдарьи, как это ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемых при сем показаний. 6-го же июня состоящий при укреплении султан Алтынгазы Нурумов донес, что несколько человек из шайки султана переправились через Сырдарью возле укреплений Джанкала, ночью на 5-е число угнали у киргизов, кочующих на урочище Арыкбалык лошадей и будто бы султан Буре со всею шайкою хочет переправиться через Сырдарью, дабы потравить и истоптать посевы киргизские на Акгерике и угнать лошадей у кочующих на Тальбуруте киргизцев. Почему подполковник Матвеев, имея отряд, приготовленный для преследования хищников, в составе 120 казаков, при горном единороге с нужным числом прислуги и прикрытием из 25 человек пехоты, командировал с этим отрядом подполковника Михайлова по направлению к Акгери-ку, предписав ему защищать оба пункта, расположив отряд на высотах Тальбурута, в 20 верстах от укрепления; в то же время посредством киргизцев открыть сообщение с транспортом, следующим в Раимское укрепление..."

Никакого отношения к походу действия, о которых доносил Матвеев, вроде бы не имели. Но любая вылазка недругов могла обернуться ударом по походным эшелонам, и к нему следовало быть готовыми, чтобы нападение, если оно случится, врасплох не застало.

Доносил Обручеву и сам Матвеев. "По последним сведениям, полученным здесь 12 сего июня, - писал он, - хивинцы не только не имеют намерения перейти в настоящее время на правый берег Сыра, но уже приняли меры против внезапного вторжения наших войск, которые будто бы пойдут в Хиву, как о том распространился там слух..."

Кому-то выгодно было и науськивание преданных султанов против российских владений, российских подданных, и распространение ложных слухов о якобы захватнических целях очередного похода оренбургского военного губернатора. То и другое несло в себе опасность, обостряло напряжение. Всякая весть звала к сугубой осмотрительности. Иван Петрович Шрейбер, многолетний командир бригады, человек с боевым прошлым, этим качеством обладал.

В следующем рапорте подполковник уведомлял: "Генерал-майор Шрейбер, наконец, от 12 июня пишет, что надеется с транспортами достигнуть сюда без моей помощи..."

Это "наконец" говорит о многом. Скоропалительным решение не было...

"Транспорты сюда будут: первый - 17-го, второй - 18-го, третий -19-го сего июня".

До завершения марша дней оставалось вроде бы немного, но легче от этого они не становились. Тяжесть похода не только не спадала, но, напротив, нарастала.

2.

Кулькудук в позднейшем "расписании" аттестовали как "лучший ночлег в песках Каракумов по достаточному количеству воды и подножного корма".

Под этим документом значилась подпись обер-квартирмейстера корпуса

полковника Бларамберга. Сталя ее, он, пожалуй, вспомнил, как добравшись сюда жарким днем 1841-го, обнаружил только два колодца и приказал выкопать еще пять, а потом и еще столько же. С того пошло.

МАКШЕЕВ:"... На половине перехода давался привал на один час, но так как он приходился обыкновенно в самую жаркую пору дня и на безводном месте, то, отымая только время от ночлега, не освежал, а еще более утомлял людей. Самый ночлег приносил им мало отдыха. За остановкой огромного и разнокалиберного транспорта начинались трудные хлопоты о водопое, особенно при расположении его далеко от кудуков, заботы о лошадях и верблюдах и прочее; а на ночь значительная часть людей выходила в караулы..."

Тут кудуков было достаточно, и воды в них хватало, и корма какие-никакие, а водились.

Объявили дневку. На всю пятницу - одиннадцатое июня. Правда, ночь после дневки предстояла почти бессонная: по случаю мучительной жары выступление переносилось на два часа пополуночи.

При свете луны, а потом и занимающегося солнца идти было полегче. И людям легче, и лошадям с верблюдами, избавленным в ночном переходе от злейшего своего врага - овода.

ШЕВЧЕНКО:

"С восходом солнца открылася перед нами огромная бледнорозовая равнина. Это - высохшее озеро, дно которого покрылося тонким слоем белой, как рафинад, соли. Такие равнины и прежде встречались в Каракумах между песчаными буграми, но не так обширны, как эта, и не были освещены восходящим солнцем. Я долго не мог отвести глаз от этой гигантской белой скатерти, слегка подернутой розовой тенью.

Один из козаков заметил, что я пристально смотрю на белую равнину, сказал: "Не смотрите, ваше благородие, ослепнете". Действительно, я почувствовал легонькое дрожание света и, зажмуривши глаза, пустился догонять вожака, далеко выехавшего вперед. Так и перебежал всю ослепляющую равнину. На противоположной стороне с высокого бугра я любовался невиданною мною картиной, будучи сам атомом этой громадной картины. Через всю белую равнину черной полосою растянулся наш траннспорт, то-есть половина его, а другая половина, как хвост черной змеи, извивалася через песчаные бугры. Чудная, страшная картина! Блестящий белый фон картины 'опять начал действовать на мое зрение, и я скрылся в песчаных буграх..."

Там, где говорит Шевченко, должно умолкнуть и мне, и другим.

Тут картина, представшая его глазам. Диптих? триптих?

Тут состояние художника, озаренного и ослепленного чудом.

Да, он "атом этой громадной картины", он как бы изнутри нее, он пронизан поразительным, невиданным ее светом.

Как передать все, что перед ним, на бумаге? в красках, а тем более карандашом?

"Ничего, кроме серого тумана, не видели" по приходе к месту ночлега не только те, которые явились к Сокире "за медицинским пособием", но и... собственные глаза автора. "На глазах не было никакого знака их слепоты, и я им на другой день закрыл глаза волосяными черными сетками. Тем дело и кончилось". ("Близнецы").

Но прежде, чем по чьему-то участливому совету прибег к черной сетке сам, Шевченко и это место, и эшелон в пустыне эскизно зарисовал.

Высохшее соляное озеро тут не слепит, все и впрямь в сером тумане, но ... придет время, напишет увиденное красками, передаст в цвете и образах.

Не написал?

Во всяком случае, такой картины мы не знаем.

Может, спасовал перед слепящим белым., может, верх взял другой какой замысел...

Отметим для памяти, все это явилось ему утром 12-го. День рождения художественной идеи.

3.

- Алтыкудук...

Переводилось название совсем просто: Шесть колодцев.

БЛАРАМБЕРГ (голос из 1841-го): "Здесь мы обнаружили хорошую воду. Однако травы не было, и лошадям пришлось дать овса. На западе мы увидели холмы Мергенчинк, которые образуют северный берег Аральского моря. Море было видно из нашего лагеря".

ШЕВЧЕНКО: "Еще переход, и мы видели на горизонте, к югу, едва заметную синюю горизонтальную линию. То было Аральское море. Унылый транспорт мгновенно оживился. Как бы почувствовал свежесть в воздухе, отрадное дуновение моря".

Итак, Арал он впервые узрел - пусть издалека, но не обманчиво -13-го июня. На ходу ли, на месте, но мог уже сказать: "Вижу море!"

Однако вернемся к "Шести колодцам" и... казахским топонимам. Конечно, в связи с Шевченко.

Для него, Шевченко, народные названия рек, гор, копаней, предметов, местностей были одним из средств узнавания края во всей его неповторимости. Они - им же собственноручно записанные - на пейзажных и жанровых рисунках, в альбомных набросках. Они - в стихотворении "У Бога за дверми лежала сокира" и в письмах Сокиры на страницах "Близнецов"; будет это продолжаться и потом - на Аральском море, в Оренбурге, в Новопетровском. Иначе поэт-художник уже не сможет: только совокупность всего открывала путь к познанию нового.

Не все названия у Шевченко совпадают с официально включенными в словари топонимов Казахстана. Он записывал их со слов местного участника похода, транскрибировал без последующей проверки-перепроверки и, по всему судя, больше всего интересовался ЗНАЧЕНИЕМ впервые услышанных названий, их СМЫСЛОМ.

Чуть дальше появится в записках лекаря Сокиры САРЫЧЕГА-НАК. Сары - один из казахских родов; шиганак (шыгынак) - а не "чеганак", как написал он, - коса, губа, бухта. Ее и ждали.

Пока же лучше были видны холмы Мергена. Название переводилось весьма определенно: "хорошо видимый, просматриваемый". По другому: "умный, ловкий, прозорливый".

ШЕВЧЕНКО: "Бугры начали сглаживаться, начали показываться довольно широкие равнины. Вправо от дороги мы уже третий день видим синюю гору, и она, кажется, как будто от нас уходит..."

Мергенчинк вроде дразнил: "видит око да зуб неймет".

Когда уж конец дороге?!

4.

И опять побудка среди ночи, и снова пески под луной.

Ночным переходом спасались от убийственной жары дня. В Алты-кудуке она подскочила к сорока, даже перемахнула за эту отметку. Дышать было нечем, только с вечером пришла относительная прохлада.

Шли к Акджулпасу. До него восемнадцать верст, но где-то посреди пути поджидало море, совсем близко подходили берега и Сарычегана-ка, и Аджулпаса - двух северных заливов Арала. Может даже искупаться удастся, сбросить с себя многослойный, во все поры въевшийся, тяжелый песок пустыни.

Но прежде - о лошадях. Напоить их можно только из кудуков. Посланные в разведку выяснили, что в предполагаемом месте остановки с водою плохо. Придется копать...

Пусть опять расскажет предшественник, оказавшийся в такой же ситуации и в этом самом месте.

БЛАРАМБЕРГ:

"Я спросил проводников, нет ли поблизости колодцев. Мне ответили, что один имеется в полуверсте справа от нашего лагеря в дюнах, но он очень глубокий и к тому же

засыпан. Я тут же взял с собой 20 казаков с лопатами и ведрами и полез по песчаным холмам в долину. Вокруг высились песчаные дюны. Обширная долина была сплошь покрыта волнообразными песчаными барханами, образовавшимися под воздействием ветра. Кругом никакой растительности, не видно и колодца. И тут я еще раз имел случай удивиться необычайному знанию местности нашими киргизскими проводниками. Один из них прошел в долине около 40 шагов, внимательно осмотрелся вокруг; затем сделал еще пару шагов вправо, снова осмотрелся; наконец, сделал еще несколько шагов, опять осмотрелся и затем указал на землю своим коротким кнутом (камча), произнеся только одно слово: "Здесь!" Я крикнул казакам: "Теперь за работу, ребята!" Люди сразу начали рыть. На глубине одного аршина появился влажный, потом мокрый песок, а еще через аршин - сам колодец. Его стенки были выложены ветками саксаула, чтобы предохранить от обвала. В одно мгновение мои бравые удальцы очистили колодец от мокрого песка, и вскоре его заполнила свежая вода. Я тотчас дал колонне знак, что вода есть, и мне ответили громким "ура!" Я приказал людям идти к колодцу по отделениям, чтобы утолить сильную жажду, после чего напоили лошадей и убойный скот; что касается верблюдов, то эти животные могли терпеть жажду два дня и более.

С такой остановкой, понятное дело, скоро к месту ночлега не доберешься. Но ТУТ питьевой воды не было, и это знали ЗАРАНЕЕ.

"Тут" - это где?

Рассматриваю рисунок, в верхней части которого рукой Шевченко старательно, неторопливо выведено: АК-ДЖУЛЪ-ПАСЪ.

В первом слоге буквенная поправка: первоначально записал Т, но сразу же переправил на К.

Кто-то стоит за спиною, или рядом; от него слышит художник незнакомое название, за ним его записывает.

Под карандашом - очертания "залива в заливе", с давней могилой на самой высокой точке.

Комментарий к этому рисунку, сугубо эскизному, беглому, приводит, ссылаясь на "Дневные записки плавания А.И.Бутакова по Аральскому морю в 1848-1849 гг.", один-единственный факт: шхуна "Константин", на которой плавал Шевченко, была в районе залива Сарычеганак в июле-августе сорок девятого. Отсюда и составительская дата под зарисовкой: VII, IX 1849.

Что и говорить, дата произвольная и ... сомнительная. Принять ее как достоверную, или хотя бы вероятную, можно лишь при одном условии: полного забвения июня сорок восьмого.

Эшелон, в котором пребывал Шевченко, останавливался близ Ак-джулпаса 13 июня 1848 года.

Этого дня и эскиз. Достаточно ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ... Художник описной экспедиции приступал к исполнению новых своих обязанностей.

5.

Из четырнадцатого июня - два карандашных рисунка на одном листе альбома: набросок и - относительно законченный.

Лагерь неподалеку от залива...

Несколько планов: лошади и верблюды - телеги - джуламейка -люди. Разные люди, разные типы, разные занятия. Под джуламейкой на переднем плане, похоже, он сам: смотрит в даль и рисует.

В левом углу, внизу, надпись его рукою: АК-КУДУКЪ.

Аккудук, как разъясняют специалисты в области казахской топонимии, это колодезь с льющейся через край водой.

Ирония? Надежда? В "расписании", на которое не раз ссылаюсь, об этом месте сказано более трезво: "Воды в этих копанях весьма недостаточно для большого отряда".

"Этих" - следовательно, Аккудука и Сапака; последнее название происходило от

этнонима, хранившего память об одном из древних родов или племен, обитавших тут.

До Аккудука от Акджулпаса было всего одиннадцать верст, и так как снимались с места среди ночи, добрались сюда уже утром.

Опять пришлось копать колодцы, снова главной заботой стала вода.

Над проблемой воды день за днем раздумывал штабс-капитан Мак-шеев.

"На этот предмет, - писал он, - не было обращено должного внимания и не назначалось даже ни особых передовых команд для очищения кудуков, ни караулов для соблюдения порядка при водопое. Вследствие этого войска, утомленные следованием с транспортами, сами должны были терять несколько часов времени на очистку копаней и при беспорядочности водопоя не все могли иметь сколько-нибудь сносную воду, а многие лошади, не говоря уже о верблюдах, оставались и вовсе без воды. В довершение всего отдых был не полон, даже для людей, не занятых службою".

Конечно, по ходу эшелонов пробелы губернаторской инструкции в какой-то мере устранялись, но - осторожно, с оглядкой: приказ есть приказ.

МАКШЕЕВ: "Внимательно наблюдая во время похода за всем, что касалось движения, бивуачного расположения, обеспечения и сбережения всех составных частей транспорта и его прикрытия, я пришел к убеждению в несостоятельности многих правил, предписанных по этим предметам инструкциею; но, как молодой офицер, совершавший в первый раз степной поход, не имел возможности не только посягнуть на нарушение их, но даже заявить о своем убеждении корпусному командиру, написавшему инструкцию на основании личного опыта. Поэтому при генерале Обручеве я ограничился только тем, что высказал некоторые из своих мыслей в одной представленной ему работе; а в 1851 году, когда при изменившейся обстановке я отправился вторично в поход, то попытался привести их в исполнение. Опыт увенчался полным успехом и новый корпусной командир, генерал-адъютант Перовский, приказал принять к руководству все мои соображения как о походном движении, так и о снаряжении транспортов и отрядов в степь..."

Пятнадцать верст до Сапака были пройдены 15 июня ночью, в рассветные часы и уже по утренней жаре, которая в последние дни достигала, казалось, своего пика.

ШЕВЧЕНКО: "Еще один день следовали по берегам гнилых соленых озер того же залива и вышли опять на равнину, покрытую кустарниками саксаула..."

Блаженство купания в Сарычеганаке показалось сказкой - сладкой, но... сказкой. Нет, двигаться можно было только ночью!

ШЕВЧЕНКО:"... следующий переход, до озера Камышлыбаша (залив Сырдарьи), мы проходили ночью, потому что не было возможности пройти днем. Жару было в тени 40, а в раскаленном песке в продолжении 5 минут яйцо пеклося всмятку..."

БЛАРАМБЕРГ: "Песчаная почва была раскалена настолько, что жгла сквозь подошвы сапог, а бедные люди должны были часами стоять на самом солнцепеке, чтобы доставать из колодцев воду и наполнять ею деревянные корыта для скота..."

Камышлыбаш в рисунке его не остался.

В названии слышится знакомое: камыш. Начало камыша?

Бларамберг, рассказывая о своем походе, вспоминал это название только в связи с тем, что "люди были измучены и истощены".

Ничего не сказал об этой, последней перед Раимом, стоянке и лекарь Сокира. Хотя...

Сопоставим два свидетельства.

МАКШЕЕВ: "На Камышлыбаше мы в первый раз встретили киргизские аулы. Это были жилища АГЕНЧЕЙ, земледельцев, обнищалых вконец от варварских набегов хивинцев. В грязных кибитках из камыша, заменявшего кошму (войлок), не видно было никакого имущества. Мужчины и женщины еле были прикрыты какими-то лохмотьями, а дети, даже старше двенадцати лет, ходили голыми. Ни у кого не было ни лошади, ни коровы, ни барана, а только у немногих осталось по козе. В таком бедственном положении

находились в 1848 году все киргизы, занимавшиеся земледелием в окрестностях Раима".

ШЕВЧЕНКО (уже за пределами сокириной "Мухи"): "Первые листки свои из степи он еще кое-как разнообразил, например, описывая быт кочующих полунагих киргиз, сравнивая их с библейскими евреями, а АКСАКАЛОВ их - с патриархом Авраамом..." И дальше: "А от скорпионов и тарантулов расстилают на земляном полу хижины войлок, которого они, по сказаниям киргиз, страшно боятся, потому что от войлока пахнет бараном, а баран, как известно, лакомится ими..."

Не заметить аул он не мог.

Если что без внимания и оставил, так это то, о чем предупреждало "расписание", а именно: "вода в озере гнилая, а корм состоит из сухого и малопитательного камыша".

Шестнадцатое - Камышлыбаш.

А семнадцатое - уже Раим. "Последний переход мы прошли ночью. С восходом солнца мы близко уже подошли к Раимскому укреплению. Вид со степи на укрепление грустнее еще, нежели на Калу-Иргиз... Навстречу нам вышел почти весь гарнизон. Бледные, безотрадные, точно у арестантов лица..."

МАКШЕЕВ: "Подъезжая к Раиму, мы встретили много солдат, шедших небольшими группами встречать своих жен, выписанных Обручевым с мест их жительства и следовавших с нашим транспортом. Один из солдат спросил меня, нет ли в транспорте его жены, с которой он не виделся девять лет. Я был смущен его вопросом, потому что несколько дней тому назад она родила в походе; но после минутного колебания, решился сказать ему правду. Почтенный служивый вовсе этому не огорчился и, как рассказывали потом, встретил жену и ребенка нежно и ласково, но когда угостил себя с радости водкою, то побил родильницу за неверность, а на другой день опять был к ней добр и нежен".

Из семнадцатого июня 1848 года сегодня, ровно сто сорок лет спустя, даже, по удивительному какому-то совпадению, день в день, слышится мне голос Тараса Шевченко:

- Итак, я на Раиме.

Между двумя широкими озерами высовывается высокий мыс, на котором построено укрепление, называется Раим, от АБЫ, воздвигнутой здесь сто лет над прахом батыря РАИМА, остатки которой вошли в черту укрепления.

Подробнейшее описание моего теперешнего местопребывания... в следующем листке...

Но в этой книге - не Шевченко, но о Шевченко писанной - "следующего листка" нет.

Книгу о "сей безотрадной пустыне" предстоит еще написать.

Напишу, надеюсь.

1988
Оренбург-Орск-Москва-Киев-Оренбург

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю
Часть первая: Дорога вела в неизвестность
Приговор надежд не оставлял
И там степи, и тут степи
"На осьмые сутки"
Дни оренбургские
Загадка одной революции
Земляки из Островной
Впереди была Орская

Часть вторая: Рядовой N 191

Поют ли здесь песни?
Яман-кала и генерал Исаев
!!! или Ошибка длиною в век
Первый гость
Думы мои, думы мои
Преступление и наказание Владимира Зиньковского
"Это был настоящий благородный человек!"
Исповедь
О храме на горе и двух альбомах
"Не забывайте бесталанного Т.Шевченка"
Жизнь и легенда
Д'Андре и другие
Автопортрет из декабря

Часть третья: Крепость Орская, 1848

За строками списка
Искать, всегда искать
За словом - дело 228
Лазаревский Василий или Петербург в феврале...
Николай I клянется честью
Дневник пяти дней
Рождение заветной сепии
Послесловие к "Святой воде"
Выбранные места из... "библиотеки Шевченко"
"Подвиг называется революция"
История с "Историей"
"...Об Б... я чув"
Прощения не было
Перед походом
ВДВ? Выбираю реальность

Часть четвертая: Зарево над степью

День первый
"Огненная картина"
На черной равнине
Версты и переходы
"Каракул" бьет тревогу
Биография шедевра
Дневка в Карабутаке
Может будет "Санто-Франсиско"
Нет в степи мира
Транспорт продолжает путь
Уральское, или Иргиз-Кала
Под звездами Джаловлы
Плакали верблюды
"Вижу море!"

Содежание:

СЕРИЯ
УЧРЕЖДЕНА
В ОЗНАМЕНОВАНИЕ
250-ЛЕТИЯ
ОРЕНБУРГА
ЕВРАЗИЙСКОЙ
ТОРГОВО-
ПРОМЫШЛЕННОЙ
КОМПАНИЕЙ
„КОРА"
(ПРЕЗИДЕНТ
Р.К.СУЛЕЙМАНОВ)

Леонид Наумович Большаков родился 1 января 1924 года на Черниговщине. С военной осени 1941-го живет и работает в Оренбуржье. Автор книг о Т.Шевченко, Л.Толстом, декабристах и др. Книги изданы на русском, украинском, польском, греческом, армянском и иных языках. Лауреат Украинской Республиканской премии им. П.Тычины "Чувство семьи единой". Заслуженный деятель культуры Украины (1992).